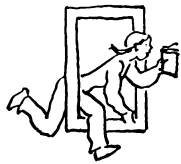
Я
ЛЕТАЮ
ВО СНЕ

5 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»



Москва
«Детская литература»
1991

Я ЛЕТАЮ ВО СНЕ

Повести

ББК 84. Р7
Я 11

Составитель *Н. Соломко*

Художник *Э. Насибулин*

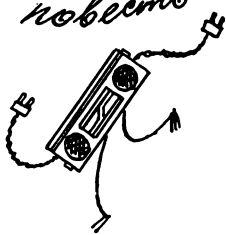
Я $\frac{4803010201-335}{М101\ (03)-91}$ Без объявл.
ISBN 5-08-001578-0

© Н. Соломко. Состав. 1991
© Э. Насибулин. Оформление. Иллюстрации. 1991

А. Тюрин
А. Щеголев

КЛЕТКА ДЛЯ БУЙНЫХ

Фантастическая повесть



1 ...рано утром в назначенный час три фигуры в синих костюмах встретились возле школы. Точнее — у мусорного бака в школьном дворе. Фигуры выглядели мрачными, сосредоточенными, готовыми решительно действовать.

— Слушайте план,— жестко сказал главный.— Вы,— он ткнул пальцем,— вдвоем ждете за углом. Устройте засаду. Я,— он ударил себя в грудь и поперхнулся,— я караулю гада у входа. Вмажу ему портфелем и бегу сюда. Гад, конечно, рванет за мной. Здесь мы его и выключим. Усекли?

— Когда прибежит, обязательно выключим,— энергично отрапортовал второй.

Третий брякнул невпопад:

— А у меня сегодня день рождения. Саня, магнитофон-то дашь? Обещал ведь?

Операция началась.

С отсутствующим видом мститель в синем прогуливался неподалеку от дверей школы. Мимо тек одноцветный поток школьников разной длины и разной успеваемости. Иногда к мстителю подходили одноклассники и задавали глупые вопросы. Приходилось уклончиво отвечать. Он терпеливо ждал. И наконец дождался.

Душман появился, разумеется, впритык. Мститель в синем сделал резкий выдох, поднял воротник пиджака и мужественно пошел на сближение. Он зашел врагу в хвост, некоторое время крался след в след, прикидывая, куда ударить, и в наиболее подходящий момент опустил портфель на голову негодяя. Затем побежал — как и было задумано.

— Ничего себе заявочка,— сказал Душман удивленно.

Но бежать вдогонку не стал. Он просто швырнул мешок со сменной обувью. Мешок летел красиво, а конечной точкой его полета оказался загривок обидчика. Тот охнул, вильнул, но на ногах удержался: Перед тем как нырнуть за угол, обернулся и

увидел, что Душман спокойно подобрал мешок и пошел учиться.

— Он испугался! — крикнул запыхавшийся мститель друзьям.— Бежим за ним в школу!

В школе вышла обидная накладка — дежурные по вестибюлю задержали Алекса, самого преданного из соратников. Они заподозрили, что тот не переодел уличную обувь. Мститель понял, что надеяться на друга уже нельзя: его промурыжат до второго звонка. План рушился напрочь. Но сдаваться не в правилах настоящих мстителей. Рядом продолжал сопеть верный товарищ Петя Жаров, и можно было продолжать борьбу.

Они настигли Душмана в конце коридора и атаковали его с ходу. Дальше должна была восторжествовать справедливость, но Душман разозлился. Он оттолкнул Петю Жарова, тот покорно упал и больше не поднимался. Мститель принял боевую стойку и нанес сокрушительный удар,— впрочем, не попал. После чего оказался на полу с разбитым носом.

— Ты сам этого хотел, щенок,— сказал Душман и сделал грязный след на спине поверженного врага — несменной обувью.

Когда же он удалился, мститель встал на четвереньки и простонал:

— Барабан, ты живой?

Жаров неторопливо поднялся и стал отряхиваться.

— Я копил силы,— объяснил он.— Жалко, не успел схватить гада за ногу.— Он старался не смотреть на товарища. А когда все-таки взглянул, то испугался: — Токарь, из тебя кровь... И с глазом что-то...

Действительно, вид у человека, названного Токарем, был ужасен: нос расквашен, глаз заплыл. Настоящие боевые ранения.

— Беги скорей к докторше,— взмолился Жаров.

Далеко бежать было не надо. Медпункт находился на первом этаже в этом же крыле здания. Как раз и медсестра шла на работу. Петя закричал:

— Сюда, сюда! Сашка ранен!

— Тихо, дурак,— зашипел мститель, но было поздно.

Его привели в медпункт, кинули на топчан, запихали в нос ватку с какой-то гадостью, положили на синяк пузырь со льдом. Женщина в белом дружелюбно сказала:

— Ну что, доигрался, герой? Кто это тебя отделал?

Он промолчал. Он мучительно осознавал свое поражение. Часы не вернул, Душману не отомстил, сам вообще в медпункте лежит... Медсестра вышла из процедурной в соседнюю комнату, сказав:

— Полежи спокойно, я пока журнал заполню.

Выяснив фамилию пострадавшего, она углубилась в канце-

лярскую работу. А пострадавший беспокойно ворочался на жестком ложе, не находя места от позора, и думал...

2 ...часы-то я, конечно, отберу. И отомщу страшно! Пока, правда, не знаю как. Например, карбида за шиворот насыплю.

Ну и гадина этот Душман! Хапнул вчера мои часики, а потом три перемены подряд от нас с Алексом ускользал, мы же зря по коридорам и классам рыскали. Наконец подловили в столовой. Так он нам по щелбану выписал, вместо того чтобы по-хорошему вещь отдать, и просил приходить еще: любит он, мол, таких неугомонных. А мы и сделать ничего не смогли, потому что дружок его поганый рядом стоял.

Такой план вчера разработали! Тонкий план. Собирались подловить гада втроем: я, Алекс и Жаров. Договорились прийти пораньше и встретить Душмана перед уроками: он один будет и помощи ему ждать неоткуда! Думали, по полу его размажем, затем ботинки об него вытрем, размечтались... А план взял и не удался — всегда так с хорошими планами.

Может, в самом деле нажаловаться? Многие вчера об этом твердили, и вообще, любой бы на моем месте сразу побежал к училке... Ладно, сам справлюсь. Наплачется еще Душман у меня.

Только бы он часы не успел загнать. Мои часы...

3 «...Мои часы,— продолжал думать Саша Токарев.— Мои часы...» Эти слова завертелись в голове, не давая спокойно лежать, как того требовала медсестра. Ему было жалко — и себя, и вещь. Просто-таки хотелось заплакать. И еще было страшно обидно.

Какая-то сила зарождалась в нем. Какая-то сила непреодолимо сковывала его тело. Саша пытался сопротивляться, но сила рывком подняла с кровати, заставила согнуться, прижала голову мальчика к коленям. Он не успел ни удивиться, ни испугаться. Что-то подсказало ему: «Прыгай». Он сделал усилие, пытаясь прыгнуть, и тут же почувствовал, что оказался в клетке. Теперь перед глазами была только кожаная обивка топчана. Послышался голос медсестры:

— Ты из шестого «А» или «Б»?

Он попробовал ответить, но не сумел. А потом услышал шаги и удивленный возглас:

— Ты где?

Медсестра Сашу Токарева не замечала! Она проговорила:

— В окно сбежал, что ли? Закрыто...

Саша напрягся, пытаясь посмотреть вбок. Поле зрения медленно сместилось. Женщина стояла рядом, взгляд ее, бессмысленно блуждавший по комнате, вдруг устремился прямо на него.

— Телевизор...— сказала медсестра растерянно.— Кто принес телевизор?

Затем резко крутанулась и выскочила вон, хлопнув дверью.

Тут Саша наконец испугался. Теперь он точно знал, что не спит. Однако происходящее поразительно напоминало сон, который приснился ему утром. Несколько мгновений он паниковал, а потом вспомнил, что тогда ему удалось все-таки вырваться из клетки — после того, как рванулся изо всех сил. И он судорожно рванулся. Ощущение было таким, как на «американских горах», знаете, когда в груди становится пусто, а внутренности куда-то проваливаются. Саша распрямился, больно стукнувшись затылком об изголовье топчана. И остался лежать.

Колотилось сердце, мысли мельтешили, как мелюзга на перемене. Точнее — мыслей в помине не было. Были только остатки страха, вытесняемые двумя чрезвычайно острыми желаниями. Первое желание — найти источник бодрости. Сашин взгляд немедленно впился в электрическую розетку на противоположной стене комнаты — ага, с этим все в порядке. Второе — отыскать источник мудрости. «Антенна, где же здесь антенна?» — встревожился Саша. В процедурной указанного источника явно не было, и он испытал внезапный приступ дурноты. Неестественные для мальчика желания.

Саша Токарев спустил ноги с топчана и осознал: он делает что-то не то. Что-то нечеловеческое. Скрипнула дверь, раздались знакомые голоса, и эта своевременная поддержка помогла отогнать невесть откуда взявшиеся потребности.

— Саня, ты здесь? — глухо спросил Алекс.— Ну как?

— Сека! — прошипел Петя Жаров.— Идут!

Друзья исчезли, будто не было их.

В медпункт вошли две женщины.

— Этот? — раздраженно воскликнула директриса.— Что вы мне голову морочи...— она вдруг осеклась. Очевидно, присутствие мальчика напомнило ей основы педагогики.

— Ой,— только и смогла сказать медсестра.

Директриса бросила на Сашу прокурорский взгляд.

— С кем дрался? — спросила напрямик.

Тот, криво улыбнувшись, выдавил:

— Дорогие товарищи, многие из вас...— он запнулся, будто прислушиваясь к чему-то,— еще отдыхают перед началом трудового дня, поэтому не забудьте уменьшить громкость ваших телеприемников...— Саша жалобно посмотрел на директрису,— то есть вашего передатчика...

Лицо директрисы обвисло, на секунду стало очень глупым. Потом хищно заострилось.

— Фамилия? — профессионально спросила она.

— Ток...— Саша запнулся.

Он хотел сказать «Токарев». Но первые буквы его фамилии

неожиданно увязались с напряжением электрического тока в сети, которое, как ему показалось, упало в данный момент.

Он спохватился. Его вдруг пронзило ужасное предположение: «Не увеличился ли мой размер по вертикали?!» Саша обхватил голову руками и попытался удержать расползающееся изображение. Даже вскрикнул:

— Пожалуйста, подкрутите ручку! Ну пожалуйста!

Вот теперь для директрисы все было ясно. Мальчик учинил драку, а сейчас отвратительно дерзит, да еще корчит рожи. Надо было срочно наказывать ребенка. Директриса с ходу написала в дневнике распоясавшегося Токарева замечание о его безобразном поведении, а уходя, распорядилась направить ученика в районный травмпункт — «во избежание». И, пристыдив пионера взглядом, покинула помещение.

Медсестра собралась было спросить у пациента, не видел ли он здесь большой телевизор, но постеснялась. Кроме того, ей хотелось поскорее избавиться от странного мальчика.

В коридоре Токарева поджидали друзья. Он показал им освобождение от занятий и монотонно произнес:

— В травмпункт не пойду. Пойду домой. Дома дела.

— А мы рисование мотаем,— похвастался Алекс.— И новый план разрабатываем.

— Токарь, а ты из-за этого...— Петя Жаров показал на Сашин «фонарь»,— про обещанный магнитофон не забыл? Дашь?

Саша повернулся и зашагал прочь.

Все было вполне обычно: свойственные для погожего дня старушки на скамейках, несомые ветром прохожие, наглые воробьи,— и ему показалось на мгновение, что ничего такого не произошло, что учебный год начался так же, как всегда. То, что приключилось с ним в медпункте, никак не умещалось в голове! Поэтому Саша не стал терзаться попусту. Ему вспомнился вчерашний день... Но воспоминания разволновали его еще больше, поскольку и вчера хватало загадочных мелочей. Собственно, непонятные события начались с прошлой ночи, из-за чего Саша и не выспался тогда, хотя обычно...

4 ...я очень хорошо сплю. Однажды в детстве я упал с кровати и то не проснулся. Вот и в лагере ребята обижались. Набьют мне ночью рот зубной пастой, а я хоть бы что, дрыхну.

Но прошлой ночью почему-то проснулся. И соображаю: где это я? Никто рядом не сопит, не жует под одеялом, пружинами не скрипит, не шлепает босиком в соседнюю палату девчонок пугать. На лагерь не похоже... Наконец разобрался: я же дома! Три дня, как вернулся.

А по комнате гуляют непонятные звуки. Не лагерные и не домашние — глупые какие-то звуки. Как будто отряд старушек кряхтит и бормочет. Целый хор — скрипы, вздохи, шелест. Иногда раздается зловещий треск — похоже, ломается что-то деревянное. Мебель?.. Жуть, я даже вспотел! Наверное, эти звуки меня и разбудили. Кто там? Бандиты, пришельцы? Может, Шери забралась в комнату? Шери — это наша кошечка... Нет, кошки так не скрипят.

Звуки идут отовсюду. Особенно выделяется один, со стороны книжного шкафа,— низкий, жалобный, словно корова плачет. Хотя откуда мне знать, плачут ли коровы? Я присмотрелся: смутно темнеет махина шкафа — и всё. Никого. Звук глухой, будто внутри кто-то сидит и подвывает басом. А из других углов несется что-то более тонкое, но такое же странное.

Короче, стиснул я зубы, выполз из-под одеяла и подкрался к выключателю — бесшумно и мужественно, как индеец. Звуки тут же исчезли. Я моментально зажег свет и резко отпрыгнул в сторону. Никто не бросился на меня. Тогда я обшарил комнату. Капитально обшарил! Действительно, никого — ни пришельцев, ни нашей кошки. Что за ерунда? На всякий случай заглянул под кровать, но там, извиняюсь, только горшок был. Я им давно не пользуюсь, честное слово!

Показалось, что ли? С кем не бывает. Особенно ночью.

Я выключил свет, улегся обратно, долго-долго прислушивался. Тишина, ничего подозрительного. Я закрыл глаза и, наверное, заснул, потому что, когда...

5 ...когда Саша Токарев снова открыл глаза, было уже утро, утро второго сентября, и пора было собираться в школу.

Некоторое время он лежал неподвижно. Еще до конца не проснувшись, он ощутил озабоченность: предстояло совершить нечто ответственное. Саша окинул яснеющим взглядом комнату и вдруг понял, с какого именно действия нужно начать этот день. Решительно встав, он шагнул к магнитофону. Затем опустился на колени и принялся нежно протирать спиртом магнитную головку.

Он завершил священнодействие. Полюбовался искрящейся панелью, погладил ряды кнопочек, поулыбался. После чего его юный интеллект посетила новая забота. «Продать бы ту рухлядь,— подумал пионер, имея в виду старый магнитофон, который он вчера запихал на антресоли.— И купить у Хлумова пяток кассет по дешевке. Вроде бы у него с деньгами туго».

А потом началось настоящее утро — Саша поставил кассету и под бодрящую музыку начал одеваться. Танцуя, надеть штаны нелегко, поэтому, когда в комнату заглянула мама, Саша прыгал, как кенгуру, застряв ногами в штанине.

— А я уж тебя будить собралась,— перекрикивая соло на синтезаторе, сообщила мама.— Сашуля, завтрак на столе. Мне бежать пора. Почисти зубы и не забудь, что тебе сегодня в школу.

И исчезла.

Саша послушно вычистил зубы, позавтракал, собрал портфель, выключил музыку и уже почти ушел. Но тут вспомнил про обещание. Надо бы захватить для Алекса последний сборник «НФ», Алекс вчера просил. Пришлось задержаться.

«Он, кстати, здорово вымахал»,— подумал Саша о своем друге и немного расстроился. Позавчера на медосмотре шестиклассник Токарев с горечью убедился в том, что по росту он опасно приблизился к концу шеренги. Почти все ребята за лето заметно удлинились. А у него почему-то только нога стала на два размера больше.

— Не тем местом растешь,— пошутил Алекс.

Ему-то хорошо! Зато смешно было, когда Петьке Жарову кое-что на спине нарисовали. А он жирный такой — и не заметил. Повернулся спиной к докторше, смутил тетю.

До книг добраться не удалось, стекла на нужной полке книжного шкафа заклинило намертво. Саша поставил портфель,

снял куртку, уперся в стекло обеими руками и снова попытался сдвинуть неожиданную преграду. Шкаф слегка содрогнулся, но не уступил. И тут Саша внезапно вспомнил... Странный ночной концерт, шорохи и вздохи, завывание из книжного шкафа... Неприятное воспоминание. Впрочем, странности можно обдумать потом, да и Алекс прекрасно проживет денек без «НФ» — толку-то от этих книг! В общем, Саша Токарев схватил портфель и, суетясь, выскочил на лестницу. Время поджимало, а ведь нужно было еще...

6 ...Маринку захватить, небось тоже опаздывает. Она живет этажом выше и вдобавок сидит со мной за одной партой. У нас с ней плодотворный дуэт: уроки в соавторстве делаем. Она мне всякую математику, а я за нее рисую, пою и сочинения пишу. В прошлом году такое сочинение загнул на тему «Как я провела лето», что ее родителей в школу вызывали. Чем она мне особенно нравится, так это бутербродами. Она уникальные бутерброды мастерит! И зря их в школу берет, все равно к концу первого урока от них даже «спасибо» не остается. Я человек увлекающийся.

Только я собрался вверх по лесенке пробежаться, а Марина тут как тут и вместо «здрасьте» портфель мне в руку сует. Она за лето изменилась. Возмужала, что ли? Массу набрала и ростом почти с Алекса. Как с ней танцевать-то? Не класть же голову ей на плечо?

Идем по улице, я ей про свою технику рассказываю. Она рот разинула, слушает. У меня ведь теперь дома целая система. Система — это когда все есть, понятно? Просто папа у меня бурильщик. Раньше помбуром по области мотался, а тут наконец на Север отправили, уже мастером. Все лето в тундре просидел, в недрах ковырялся. Приехал уставший, бородатый, шумный — привык там на оленей орать,— зато денег привез чемодан. Мама обрадовалась, сказала, что наконец-то папа мужчиной стал.

Хорошо, что я в лагере был. Папа вернулся — меня нет. А он так соскучился, что всю мою комнату подарками завалил — этой самой системой. Потом не выдержал, приехал с мамой ко мне в лагерь, похвастался покупками. Я до конца смены еле досидел. Эта техника мне даже снилась в лагере. Я ее еще не видел, но зауважал, а когда увидел, совсем влюбился.

Вообще-то я папе и так бы обрадовался, без подарков.

Папин друг дядя Сева сказал, что у меня теперь этой техники — как грязи. Телевизор у нас общий на всех — экран семьдесят сантиметров. А все остальное мое! Мафон кассетный стереофонический — классная вещь, две колонки, двадцать пять ватт на канал. Когда низкие частоты идут, у меня в животе

гудит. Вертушка — тоже неплохая штучка, пластов только маловато. Видеомагнитофон наш, отечественный, но по японской лицензии. Это вообще отпад! О таком я даже и не мечтал. К нему, кстати, две кассеты есть. Хотелось бы чего-нибудь такого, боевого, западного, но на кассетах только мультики. Ладно, попробую достать покруче. У Хлумова спрошу, он у нас бизнесмен. Имеется и кое-что фирменное, папа в «комисе» купил. Компьютерная игра, к телевизору присобачивается, плюс электронные наручные часы со счетной машинкой и приемничком. Мои часы...

Короче, кончил я рассказывать. Смотрю, восторг только у меня остался. Марина давно уже затихла. Идет рядом, скучает. Я ее спрашиваю:

— Ты чего?

— Я ничего,— пожимает плечами.— А ты чего?

— И я ничего.

Почегокали мы так, потом она вежливо поинтересовалась:

— А какая разрешающая способность у видеомагнитофона?

Хороший вопросик. Быстренько соображаю:

— Папа разрешает мне все смотреть.

Она хихикнула и взглянула на меня, как на Петю Жарова.

— Я,— говорит,— про количество строк на экране.

Тоже мне отличница! Нет чтобы спросить о чем-нибудь человеческом. Сколько стоит, например. Или когда можно в гости прийти, кайф словить.

— Ну и дура,— отвечаю.

Тогда она посмотрела на меня, как на Хлумова, но не обиделась. Сказала, глупо ухмыляясь:

— Лирик недоразвитый,— и жест сделала.

Стал я думать, как ее на место поставить, а она уже любопытствует:

— Ну что там в лагере? Не обижали?

— Да кто меня обидит? — веско говорю.— Кому себя не жалко? Я ведь физически бить не стану — пачкаться. У меня удар психический.

Марина засомневалась, но видно было, что скучать перестала. Психическая сила — это тема.

— Ну давай-давай, ври,— подбодрила она меня.

— Чего зазря врать,— спокойно продолжаю я.— Было бы кому. Для тебя и правда сойдет.

И наврал ей про то, как тренировал в себе летом психическую мощь. Будто бы начал с кузнечика — посадил в банку и несколько дней взглядом подавляя его волю. Наконец получилось. Потом навострился бабочек на лету сбивать. А когда силу свою узнал, то за вредных людей взялся, были у нас и такие. Один белобрысый кент из моего отряда, идиот липучий. Наша

вожатая — натуральный шизик. И особенно начальница лагеря, эта вообще дрессировщица. Наверное, в цирке подрабатывает — ослов воспитывает. Так я однажды момент поймал и всех их разом подколол. В столовой это было. Белобрысый кент второй стакан киселя выпросил, нес его обратно мимо начальского стола, тут я и вмазал. Мысленно, конечно. Белобрысый споткнулся, шмякнулся, а весь свой любимый кисель — той самой вожатой за шиворот. Она завизжала, подпрыгнула от испуга, тут я влет ее и снял. А она, будь дурой, схватилась рукой за первое попавшееся, чтобы не упасть. Первым попавшимся оказалось лицо начальницы лагеря, которая очень кстати сидела рядом. Вожатая, конечно, упала и заодно опрокинула начальницу лагеря вместе со стулом. Та только ножками дрыгнула. Дальше вообще спектакль! Дежурный по столовой как раз тащил кастрюлю с киселем. Но за него не беспокойтесь, он удержался на ногах и даже кастрюлю из рук не выпустил, только кисель на клиентов опрокинул. Так они и лежали, в киселе мокли.

Больше, между прочим, кисель в столовой не варили. А я понял, что растрачивать психическую силу на дураков бесполезно — они становятся еще вреднее, а ты без киселя остаешься.

Объяснил я все это грамотно, популярно, с использованием серьезных слов Наверное, поэтому Марина не очень-то и поняла. Она спросила, приостановившись:

— Саш, а что такое медитация?

Я сказал:

— Это когда спишь и видишь чего хочешь.

Ей понравилось, она даже загорелась:

— Меня научишь?

Пока я думал, чем бы еще ее удивить, мы уже к школе подошли. А дальше...

7 ...начался новый учебный год. Строго говоря, учебный год начался вчера, 1 сентября, когда состоялся урок мира, а потом школьников распустили по домам. Сегодня же — 2 сентября. Первый день настоящих занятий.

К счастью, Саша Токарев не забыл взять с собой сменную обувь, поэтому он благополучно преодолел пост бдительных дежурных по вестибюлю. Но попасть в класс с первого раза не удалось. Беспощадные девочки из «санитарного патруля» отправили его мыть уши и шею. Странно, в прошлом году проверяли только руки.

Когда грянул звонок, возвестивший начало первого урока, все чинно расселись по местам. В наступившей тишине Матильда величественно прошествовала к учительскому столу. Собравшиеся почтили приход педагога вставанием.

— Здравствуйте, дети. Садитесь.

Здравствуйте, Мария Теодоровна.

— Я чувствую, в этом году будет много двоек,— окинув взглядом детские лица, констатировала учительница. И подмигнула классу, довольная шуткой.

«Вливания начались»,— тоскливо подумал Саша Токарев. Но через пять минут эта мысль забылась — свирепая математичка приступила к объяснениям. Она увлеченно беседовала с доской, покрывая ее загадочными письменами-формулами, которые тут же стирала. Атмосфера разрядилась, класс расслабился. Наиболее воспитанные шептались, остальные просто разговаривали. Да и разве не о чем было поговорить? Многие занялись своими делами: кто-то стрелял шариками из жеваной бумаги, кто-то шуршал конфетами, кто-то азартно шипел: «А-семь! Убил!»

Рядом с Сашей Токаревым сидела Марина Мерецкая, главный ценитель Сашиного творчества. Впереди надежно прикрывал Петя Жаров, его здорово было хлопать по спине. Не кулаком, конечно, а ладонью или учебником. Отличный звук, гулкий. А сзади располагались Саша Чернаго и Лена Печкина, или попросту Алекс и Печка. Хорошая подобралась компания. Лена Печка первая пригласила соседей пообщаться, она пощекотала Сашу Токарева рисовальной кисточкой за ухом и нежно зашептала:

— Сашка, привет! Говорят, ты разбогател?

— Я у него вчера был,— вступил Алекс.— У Токаря классная аппаратура, я от одного вида забалдел. Везет же дуракам.

— А «Моды толки» есть у Сашки? — спросила Лена.

— Чего это? — Алекс не врубился.

— Группа такая,— пояснил Саша Токарев, наконец удостоив общество вниманием,— знать надо. Только она называется «Морды топки».

Тут и Марина повернулась:

— У него все есть. Теперь к нему каждая фря проситься будет.

— Сама ты фря,— не сдержалась Лена.— Сама ты к Токарю бегаешь. Правда, Сашка?

— Вы еще моих часов не видели,— немедленно отозвался Токарев.— Я их вчера забыл взять. Смотрите.— И он торжественно показал левую руку.

Все послушно вытянули шеи.

— Я уже видел,— заметил Алекс,— класс!

Лена Печка выдала очередь:

— А чьи они? Они фирменные? А что они делают?

— На перемене покажу,— солидно пообещал Саша Токарев.

Вдруг ожил Жаров. Повернулся чуть ли не с партой:

— А мне, мне!

Алекс вступился:

— Токарь, дай Барабану поиграть! — И пошутил: — Только смотри, чтобы случайно не сел на них.

Саша Токарев расстегнул браслет и потряс часами перед лицом Жарова. Тот уныло посмотрел и промычал, насупившись:

— Да отстань ты...

— Эх, Барабан,— сказал Саша, похлопывая Жарова по спине.— Ни одного нового слова за целое лето не выучил. Например, «брось».

Тут Сашу щелкнули по макушке свернутой тетрадкой. Это был Хлумов с соседнего ряда. Хлумов не имел ни клички, ни имени — только фамилию.

— Дай,— сказал он.

Саша показал фигу, посоветовал:

— Решай свою задачу,— и отвернулся.

Сосед снова щелкнул его тетрадкой, но на этот раз по затылку, и скучно повторил:

— Дай.— И невыразительно добавил: — А я тебе журнал попсовый покажу.

— Пойдет,— не смог отказаться Саша, но нервно предупредил: — Только не жми на кнопочки!

— Я все знаю,— бесстрастно заметил сосед.

— Токарев! — вдруг раздался резкий возглас.

— Тебя вызывают! — Марина пихнула Сашу локтем.

Тот стал подниматься на ослабевших вдруг ногах, а Марина лихорадочно зашелестела учебником. Но было поздно.

— Токарев, ты уже решил задачу?

— Не успел, Мария Теодоровна.

Учительница торжествующе улыбнулась:

— Давай я тебе помогу. Повтори, пожалуйста, задание.

Через минуту Саша сел, недоуменно глядя на замечание в дневнике. Первое в этом году.

— Хлумов! — позвала Мария Теодоровна.— Тебе тоже надо помочь?

— Мне помогать не надо,— спокойно сказал Хлумов.— Икс равен минус восьми, игрек — двести семь.

При этом что-то мелькнуло в его глазах. Будто ряд чисел пробежал. Учительница недоверчиво заглянула в свою тетрадь:

— Правильно...

Саша Токарев быстро оправился от позора. Да и какой тут может быть позор, если вещь, которой нет ни у кого в школе, плотно облегает запястье, приятно утяжеляет руку... Подмигивают кнопочки счетного устройства, солидно блестит крошечный динамик, внушает благоговение надпись «Кусайко»...

— Дай.

Это снова был упорный Хлумов.

— Не до тебя,— уныло сказал Саша.— Зануда рыжая.

И Хлумов отвязался.

Тут осенило Петю Жарова, он брякнул:

— Слушай, Токарь, зачем тебе часы? Звонок ведь есть.

И действительно, в конце урока раздался...

8

...звонок.

Класс мгновенно вынесло в коридор. Вокруг Саши быстро образовался кружок любопытствующих, сам же он, подражая Матильде, приступил к объяснениям, одновременно демонстрируя невиданные возможности заграничного устройства.

— Для особо одаренных повторяю: калькулятор и счетная машинка — это одно и то же. А теперь мы послушаем учебную программу «Радио Люксембург»...

Перебивая Сашу Токарева, его друг Алекс взахлеб рассказывал о чудесах сногсшибательной электронной игры, которую он вчера видел у Саши. Он сопровождал выступление разнообразными звуковыми эффектами.

Все было прекрасно. Концерт близился к концу. И, к полному удовольствию солистов, он завершился бы завистливыми возгласами публики, если бы иностранные звуки не приманили двух семиклассников. Один из них был известен всей школе под кличкой Дуыман. Кличка, заработанная честным трудом. Этот человек любил душить голубей и других пернатых братьев.

— Чей музон? — пробасил Душман, входя в круг. По нути он отодвинул за шиворот Сашу Токарева.

— Его.— Несколько пальцев показали на отодвинутого.

— Что там у тебя? — приветливо спросил Душман. И, не дождавшись ответа, взял часы из рук онемевшего Саши.

— Фирма,— произнес второй семиклассник и причмокнул.

Душман осведомился:

— Зачем они тебе?

В наступившей тишине Саша Токарев промямлил:

— Время...

— Не умеешь ты говорить,— горестно вздохнул старший товарищ.— Но я тебя понял. Хочешь время знать? Держи, советские дарю, самые лучшие.— Он снял свои часы, сунул их оторопевшему Токареву в карман и отечески похлопал его по плечу: — Тебе повезло, сынок.

Затем снова убрал Токарева с дороги и не спеша двинулся прочь.

— Пошли, Серый. Невежливые какие-то пионеры.

Саша очнулся.

— А часы! — завопил он.

Душман на ходу обернулся, крайне удивленный:

— Какие часы? — И спросил у друга: — Ты не знаешь?

Тот пожал плечами:

— Может, те, что ты ему подарил?

И тут прозвучал звонок на урок. Шестиклассники побежали на третий этаж — в кабинет истории. Только Саша Токарев с Алексом, очнувшись, бросились в другую сторону — догонять наглого Душмана. Увы, тот уже скрылся в классе, и разъяренный Саша был вынужден временно подчиниться обстоятельствам.

Вот так вчера и...

9 ...уплыли от меня мои любимые ходики. Можно было бы и пожаловаться, да засели в голове правильные книжки про всяких Чингачгуков и Безголовых Всадников, которые всегда мстили сами. Хотел быть на уровне. И получил пару щелбанов для начала, а сегодня и вовсе нокаут. Главное — от кого! Обезьяна волосатая. Ну, ничего, он Токарева еще не знает, сквитаемся... Заморочила меня эта история с часами. Пока метался, не заметил, что назревают такие чудеса! В самом деле, уже прошлой ночью что-то было. И вчера вечером, и этой ночью, ну а сегодня утром — вообще...

Алексу что! Пришел вчера после уроков ко мне в гости — мультики смотреть. Сам-то я уже три раза их видел. Клёвые у меня мультики, иностранные, правда, иногда в них по-английски мяукают или гавкают, но там и так все ясно. Алекс доволен был, как кот! А напротив него на теплом телевизоре Шерочка лежала, хвостом подрагивала — тоже довольная. Картинка. Он просидел, прилипнув носом к экрану, часа два. Лишь один раз оторвался, чтобы вопросик мне задать:

— Видеомагнитофон тоже стерео?

— Ты что, лопух? — сказал я ему.— Сам ты стерео! Кассетник и проигрыватель — стерео. Тебе мало, да?

Потом Алекс вспомнил, что его ребята ждут,— он дурака свалял, обещал за наш дом в футбол играть. Пыль на пустыре гонять. Меня с собой звал, но я не пошел. Неохота. Тут Алекс впервые позавидовал: мол, имей он «видик», ему тоже было бы неохота и я бы точно так же напрашивался к нему в гости.

У дверей он вдруг вспомнил:

— Слушай, я же хотел «НФ» взять!

Странная штука. Как и утром, я не смог отодвинуть стекло полки, на которой лежал сборник. И Алекс не смог. Но дело не в этом. Оказалось, что заклинило стекла на всех полках книжного шкафа, и ни одну книгу не вытащить. Алекс огорчился, я — не очень. Все равно я фантастику из шкафа прочитал. К тому же у

меня теперь такие фантастические мультфильмы, что и читать не надо. Смотри себе — и думать не о чем.

У меня такие неприятности, а им всем плевать. Будто сговорились, честное слово! Шли это мы после школы домой впятером. И выяснилось, что Петя Жаров не такой уж балбес. Недаром, оказывается, он помощь в борьбе с Душманом предложил. День рождения, говорит, завтра (то есть уже сегодня). И этак по-простецки спрашивает при всех:

— Не одолжишь ли магнитофончик на вечерок?

И такую рожу деревянную состроил, будто ничего особенного тут нет. Не смог я отвертеться. Главное — не старье попросил, а новый, из системы!

После школы ребята предлагали мне космических пришельцев искать: кто-то на помойке странный след нашел. Девчонки звали в кружок бального танца, им, видишь ли, партнеров не хватает. И Алекс не вовремя вспомнил про рацию. Конечно, мы давно мечтали ее сделать, детали копили, представляли, как переговариваться будем по ночам. Раньше, может быть, все эти варианты меня и увлекли бы. Но сейчас нет никакого настроения глупостями заниматься. Алекс меня понял.

— Какая рация,— засмеялся,— если я твоих мультфильмов не видел!

Еще Марина подколола — поинтересовалась, почему я психическую силу не применил против Душмана. А я и забыл уже, что там ей наплел утром. Кое-как отбрыкался. Она, кстати, домой убежала и меня звала, обещала накормить. Но я отказался — надоели ее шуточки. И Ленка почему-то слиняла в музыкальную школу, хотя очень напрашивалась в гости. А Петьку за его наглость я просто отшил. Такие воспоминания...

После Алекса явилась Марина. И прямо с порога:

— Саша, ты про уроки не забыл?

— Какие уроки! — возмущаюсь.— Ничего не задано!

— Я и говорю, забыл.— Она прошла в комнату и спокойно объяснила: — У нас завтра литература и рисование. А на лето задали сочинение и рисунок, помнишь?

Я что-то смутно помнил. Марина продолжила:

— Сочинение на тему: «Моя мечта о прекрасном». А нарисовать задали то, что любишь, что сам захочешь.— Она улыбнулась.— Между прочим, Санечка, нам на двоих нужно по два экземпляра.

Приучил на свою голову! Но заняться действительно пора.

И мы занялись. Вернее, только начали, потому что дальше дело не пошло. Обнаружилось множество подлых мелочей, вредящих работе. Не горела настольная лампа, с надсадным скрипом выдвигались ящики письменного стола, впустую корябали

РАСПИСАНИЕ

бумагу все ручки. Привычные, полностью «мои» вещи стали чужими, какими-то неживыми. Это во-первых. А во-вторых, когда Марина снабдила меня собственной ручкой и тетрадкой, я сел в лужу. За десять минут напряженного труда и тяжких вздохов сочинил всего одну фразу: «Зачем мечтать о прекрасном, прекрасное надо иметь». Больше ничего в голову не лезло. Хотелось включить музыку... И я не выдержал. Я встал и врубил «Морды тонки». При этом мысленно сострил: «Мой прекрасный магнитофон — это мечта. Для всех в нашем классе, кроме меня».

Марина сидела в большой комнате, смотрела мультики. Услышав музыку, вошла ко мне. Заглянула в тетрадку и расстроилась:

— Ты чего, Саша? Раньше сочинения пек, как я блины...

Я слегка разозлился:

— Мне мечтать не надо. У меня все есть.

Марина не поняла, тогда я пояснил:

— У кого ничего нет, пусть тот и мечтает о прекрасном,— и крутанул громкость.

Когда я перестал баловаться со звуком, Марина разочарованно сказала:

— Ладно, лирик. Сама напишу.— Она демонстративно выдрала страницу с моей гениальной фразой. Затем добавила: — Рисовать-то ты, надеюсь, не разучился?

Я немножко обиделся и молча достал краски, преодолев упорное сопротивление ящика письменного стола. Я рисую гуашью. Но выяснилось, что краска засохла вчистую! Во всех баночках! Мне стало чуть-чуть не по себе. Что в доме творится?

— Рисование отменяется,— объявил я и показал Марине краски.

Она не скрывала, что окончательно разочаровалась во мне.

— Пора идти,— нудным голосом сообщила она.— Надо уроки делать.

— Скучно станет мечтать, спускайся,— сказал я напоследок.— У меня уйма прекрасного.

Наверняка прибежит. Куда денется? Когда Марина ушла, я взял лист бумаги, карандаш и прикинул: что бы мне такое нарисовать? Как что! Есть домашнее задание — нарисовать что-нибудь любимое. Я обвел взглядом комнату и нарисовал телевизор — в шутку, конечно. Получилось неплохо. Я развеселился и дорисовал к телевизору глаза, нос и рот. Вышла рожица, чем-то похожая на меня. Все-таки я умею рисовать. Дура ты, Мерецкая.

В честь маленькой победы я захотел чего-нибудь сбацать. В большой комнате стоит пианино, и, между прочим, не зря — музыку сочинял, разные собачьи вальсы для школьных мероприятий. Откинул крышку, ударил по клавишам.

Пианино было расстроено. Я никогда не слышал настолько расстроенного пианино! Елки зеленые...

Это было вчера вечером. Именно тогда я впервые почувствовал какую-то опасность, затаившуюся в квартире. Мне сделалось страшно. Я даже подумал: «Скорее бы пришли родители, и все встало бы на свои места». Смех! Я надеялся, что к концу вечера странности забудутся, я лягу спать, спокойно засну, и ночью мне будет сниться...

●

10 ...навязчивый, глупый сон. Или это был вовсе не сон? Ему казалось, будто он, скрюченный до невозможности, сидит на корточках в тесной клетке. Нос уткнулся в колени, руки сцеплены и прижаты к затылку. Дикая поза! При этом клетка стоит на его кровати. Саша попытался расслабиться, но ничего не получилось. Кто-то назойливо лез к нему, злобно пинаясь, явно желая еще больше его уплотнить. Это продолжалось не очень долго — Саша поднатужился и выпихнул нахала. Тот пару раз ткнулся и отстал.

Была ночь...

11 ...а потом настало утро. Сегодняшнее утро. Саша Токарев вдруг понял, что он не спит, поскольку прямо перед своим носом увидел простыню, чему очень удивился. Одновременно он ощутил, что находится совсем не в том виде, в котором принято спать. Правда, в каком именно, Саша не знал — ему никак не удавалось на себя посмотреть. И, заволновавшись, попробовал шевельнуться. Безрезультатно. Он чувствовал себя скованным, согнутым, сдавленным, будто в гипсе. Тело было каким-то деревянным. Саша испугался, подумав: «Неужели обчистили? Меня связали, и систему вынесли...» Он еще раз напрягся и с большим трудом сумел повернуть голову. Себя он так и не увидел, зато теперь его взгляду открылась часть комнаты. С облегчением Саша обнаружил, что техника на месте. А в стекле книжного шкафа он увидел отражение кровати. Почему-то на кровати стоял телевизор, и Саша с досадой отметил непорядок: «Вечно родители все в мою комнату сваливают, повадились склад устраивать». Тут он осознал явную несуразицу. «А где же я? — задал себе глупый вопрос. И предположил в том же духе: — Нет меня, что ли?» Саша испугался по-настоящему. Вернее, запаниковал. Попытался крикнуть — ничего не вышло, даже губ своих не почувствовал. Тогда, переполненный

ужасом, он дернулся изо всех сил, совершил отчаянный рывок, комната крутанулась, ему показалось, что его подбросило в воздух и секунду он летел выпрямившись. А потом во что-то врезался и обнаружил себя лежащим на полу возле кровати.

Блаженство разлилось по телу. Свободен! «Надо же, какой сон приснился,— подумал Саша Токарев.— Ну я и рванул, даже с кровати свалился!» Он сел, разминая затекшие руки и ноги. «Зачем этот сон? Может, примета какая-то? Главное — всё как взаправду». Саша немного посидел, вспоминая. В том числе и ночную чепуху, когда кто-то лез к нему в клетку, пихаясь. Затем решил, что пора одеваться, встал и уверенно направился к электрической розетке — мимо стула с одеждой. Подойдя, он растерялся. «А что теперь? Пальцы совать? — Саша остановил себя.— Если дернет, мало не покажется». Он почувствовал, как что-то чужое зашевелилось в нем, и ему стало тоскливо. Совершенно необходимо было найти... выход, в котором все станет ясно... Или вход? Ему вдруг нестерпимо захотелось отыскать, наконец, какую-нибудь антенну, и это желание было похоже на дурноту. Механически шагая, он вышел в большую комнату.

Здесь был папа. Папа собирал бумаги и складывал их в портфель.

— Санька проснулся! — воскликнул он.— Ты что, брейком увлекся?

— Па, а как ко мне антенна подключается? — нетерпеливо произнес Саша вместо ответа.— Скоро ведь программа передач!

— Ну и шутник ты у меня! — сказал папа, довольный сыном.

А сын мучительно соображал, зачем же он ляпнул такую фразу.

Папа весело подмигнул:

— Как техника? Ничего еще не сломал? — Он не скрывал гордости.— А то я накупил тебе на свою голову.

Саша хотел сообщить, что все отлично, что ребята в школе ему жутко завидуют, но вместо этого неожиданно отчеканил:

— Вся аппаратура работает нормально!

Папа озадаченно посмотрел.

— Да-а,— протянул он,— отстал я, видно. В наше время так не шутили.— И, сипло хихикнув, пробормотал: — Мы больше по другой тематике...

Саша бездумно подошел к телевизору, потрогал деревянный корпус и почему-то вспомнил ночной сон. Тот самый, с клеткой. Тогда он смерил руками набитый электроникой ящик и спросил нормальным голосом:

— А человек в телевизор влезет?

И вдруг понял с облегчением, что наваждение исчезло.

Радость была огромна! Она была так велика, что, не поместившись в груди, вырвалась наружу в виде индейского вопля. Саша хохотнул, щелкнул себя по ушам и тут же вспомнил, что ему необходимо торопиться. Из головы мгновенно вылетели всякие там кошмарные сны и необъяснимые заскоки: его ждали друзья, его ждало священное дело мести.

Не знал он еще, чем закончится это утро. Не предполагал, что через какой-нибудь час...

●

12 ...молодой человек шел из школы домой, не отсидев и одного урока. Лицо молодого человека — на зависть встречным! — блистало истинно мужской красотой. Особенно вокруг глаза. Он шел, замедляя шаг, потому что все яснее понимал простую вещь: на какое-то время его тело принимало вид телевизора. Причем собственного (70 по диагонали) телевизора! Это превращение происходило отнюдь не во сне. Освобождение от занятий и украсившее дневник замечание директрисы подтверждали факт чуда. Тот телевизор, который утром лежал на его кровати, был он сам, Александр Токарев. И в медпункте... Будь он пластилиновым героем из мультика — куда ни шло, а так — полнейший бред... Мало того, Саша понял и другое! Обретая человеческий облик, он сохранял что-то от вещи. Неестественные желания, чужие фразы — это были остаточные явления. Или «отходняк», как сказал бы папин друг дядя Сева. Хотя Саша, конечно, не мог знать точного смысла упомянутого слова.

Однако неясностей оставалась уйма. Например, является ли способность превращаться в телевизор его собственной или это результат воздействия посторонней силы? Повторятся ли превращения впредь и, главное, сам-то он может осуществить превращение или нет?

Поэтому, когда Токарев пришел домой, он не бросился включать видеомагнитофон или проигрыватель, не засел за электронную игру аннигилировать космических пиратов. Он выгнал из большой комнаты вечно сонную Шери, закрыл дверь, тщательно запавесил окна и начал эксперимент.

Первым делом опуститься на корточки. Затем съежиться, обхватить руками ноги и достать головой колени. Ладно, будем считать, что поза принята. А дальше?

Дальше Саша стал ждать. Но ничего не происходило. Саша проявил самоотверженность — еще больше скорчился. У него даже шея заныла. Было ясно, что в такой позе долго не выси-

дишь. Он подумал то ли с радостью, то ли с огорчением: «Не получится». И в этот момент его наполнили обрывки ощущений, мыслей, страхов, сопровождавших недавнее превращение в медпункте. Он вспомнил: была сила, которая скрючивала и стягивала его, сила, возникшая в нем самом! Воодушевившись, Саша начал лихорадочно искать в себе эту силу, вернее, представлять ее. И не ошибся.

Ему внезапно стало тесно и жарко. Какой-то голос — может быть, голос этой силы? — подтолкнул его: «Прыгай! Прыгай в клетку!» Саша внутренне заметался. Куда прыгать? И тут, почувствовав, что клетка рядом, он прыгнул. Он с а м прыгнул.

Когда Саша вернул себе человеческий облик, восторг его был безграничен. Получилось! Правда, у него опять возникли странные для человека порывы, но в этот раз они не застали врасплох, и он быстро сумел подавить их. Ему захотелось проверить открывшуюся способность вновь. Немедленно. Он встал перед зеркалом, скрючился, почувствовал рядом клетку и без особого труда впрыгнул в нее.

Свершилось. Шестиклассник Токарев гулко захохотал, как злодей из мультика, и состроил страшную рожу перед зеркалом. «Я умею! — запрыгало у него в голове.— Во дела! Вы у меня опупеете!» Никаких остаточных явлений уже не было в помине. Саша сел на пол и задумался. Превращаться только в телевизор было бы глупо, это ясно. Вдруг его способность распространяется и на другие вещи? Проверить бы... На глаза ему попался магнитофон. «Прекрасно,— сказал себе Токарев,— в тебя-то я и превращусь». Сосредоточился и стал... опять телевизором.

«Правильно,— вдруг понял Токарев,— так и должно быть». Начиная с этой ночи, он превращался только в телевизор, и его организм привык. Чтобы обернуться другой вещью, надо что-то добавить. Что? Может быть, в момент превращения представлять не просто клетку, а вещь в виде клетки? Саша привычно сжался, представил себя магнитофоном и вновь оказался телевизором. Тут до него дошло: он ведь не все учел. Вещь мало представить, ее надо ч у в с т в о в а т ь. Впрочем, те, кто равнодушен к вещам, не поймут это.

Очередная попытка была весомой заявкой на успех — пловец наконец допрыгнул до воды. Получилась из Саши помесь телевизора с кассетной стереосистемой. Желанная для покупателей новинка. Это вдохновило его: еще несколько опытов — и он добился своего, стал-таки магнитофоном.

В нем проснулся азарт. С наслаждением Саша Токарев принялся качать свою силу — силу, которая делала из него вещи. Пионер был настойчив, как настоящий спортсмен, и в результате полностью овладел свалившимся на него даром. Стоило ему теперь только представить вещь, почувствовать ее, и она жадно вбирала его в себя.

Несколько обстоятельств выяснил Саша, экспериментируя. Во-первых, когда он превращался в маленькие вещи, то они получались гигантскими. Например, авторучка была у него толщиной с бревно. Большие вещи, наоборот, уменьшались до величины мальчика. Во-вторых, находясь в облике предмета, он мог посмотреть в любую сторону, даже назад, надо было лишь повернуть голову. Точнее, то, что казалось ему головой. И наконец, чтобы превратиться, совсем не обязательно было скрючиваться. Главное — ощутить внутреннюю скованность.

И еще одна деталь. Как бывший фанат книжек с грифом «НФ» Саша ввел обозначение того, что он делает, так: превращение в вещь — прямой переход; возвращение в человеческий вид — обратный переход.

В конце концов он утомился и решил устроить тихий час. Вскоре закончатся уроки в школе, и Алекс наверняка притащится. «Ну, я им всем покажу»,— подумал Саша неизвестно о ком, блаженно растянувшись на кровати. Да, наконец-то ему повезло. Часок он вздремнул...

●

Наступила ночь третья

ОБВИНЯЕМЫЙ

13 ...и, наверное, зря я днем спал. Потому что время уже — почти двенадцать ночи, родители вовсю дрыхнут, а мне не заснуть. И вправду, как тут заснешь?

Капитальный был денек. Коррида! Первую половину дня, после того как эта способность во мне вылезла, я силищу набирал, тренировался. А потом пришел Алекс, испортил тихий час. Как ни хотелось мне ошарашить его, показать пару чудес, я все же сдержался. Раззвонит везде, растреплется. А мне еще нужно было Жарова хорошим манерам поучить и, главное, с Душманом разобраться. И вообще, идеек много. К тому же зачем Алексу мои фокусы, если он, как пришел, сразу прилип к электронной игре. Вещь и в самом деле стóящая, в магазине такую не купишь. Обращаться с ней просто: подсоединил к телевизору — и балуйся с любой из пяти игр. А игры здесь покруче игральных автоматов будут! Цветная картинка, звуковые эффекты и темы всё космические. «Война миров», «Звездные мстители», «Метеоритный дождь» — одни названия чего стоят!

Козел этот Алекс! Я знаю, друзей обзывать некрасиво. А чужие пластинки бить красиво? Он мне любимый пласт раздолбал! Я его на медосмотре у Хлумова выменял за пару папиных книжек, а он... Мало Алексу игры было, так он захотел марсиан под музычку сшибать, полный кайф ему, видишь ли, нужен был. А у меня из-за него теперь только конверт остался на память... Да, правильно, что этому олуху ничего не сказал.

А Жаров вообще обнаглел. Я не успел осколки от пласта выбросить, как он мне позвонил. Говорит:

— Я уже пообедал и сейчас за магнитофоном заскочу. У меня,— говорит,— день рождения. Только раз,— говорит,— в году.

Ну, Барабанище! Набил емкость котлетами и поплясать захотел, чтобы утряслось.

Решил я ему немножко аппетит испортить. А то еще вырастет эгоистом — все дай да дай. И заодно Алекса научить примерному поведению. Короче, устроил хохму. Сказал Алексу, что быстро сбегаю в библиотеку, и если Жаров заявится раньше, чем я вернусь, то пусть он отдаст ему магнитофон, который стоит в моей комнате. Алекс там среди марсиан резвился, поэтому даже не обернулся, головой махнул и буркнул:

— Угу.

Вот тебе и угу! Я входной дверью погромче хлопнул, потом потихоньку просочился по коридору в свою комнату, мафон сунул под кровать, а сам сел на тумбочку и осуществил прямой переход. Стал магнитофоном. И когда пришел Петя Жаров, Чернаго оторвался от марсиан и преспокойно отдал меня. Алекс сказал:

— Куда бы ты без Токаря, Барабан?

Мне было приятно. А Жаров напомнил, что мы с Алексом приглашены на его день рождения и что часа через два можно приходить — будет много ценных конфет и торт из мороженого.

Как Барабан меня пер! Пыхтел, жиром истекал, руку через шаг менял. И ведь, кабан такой, неаккуратно нес! Два раза о перила стукнул: на моей лестнице и на своей. А по пути чуть не уронил. Я даже обмер весь — после обратного перехода, чего доброго, дефективным бы стал. Но обошлось.

Втащил меня Барабан в квартиру. Полез было в сервант,— наверное, за конфетами. Вдруг ойкнул, пробормотал:

— Пепси забыл,— и тут же побежал в магазин.

Я ждать его не стал, превратился обратно и тоже ушел. Кстати, тогда мне смешная мысль в голову пришла: эдак можно квартиру обчистить — и никто не догадается. Шерлок Холмс ведь давно умер.

Потом я вернулся домой как ни в чем не бывало. Алекс все еще балдел — жал на кнопочки и даже подпрыгивал, когда попадал. Он меня «успокоил»: все в порядке, мол, приходил Жаров и магнитофон унес. Наконец, добив последнего марсианина, оторвался от телевизора и сказал, что пора собираться к Жарову на день рождения. Подарок поискать, шею помыть, переодеться. А я ему наврал, что здоровье после мáхача с Душманом подорвано. Извинись, говорю, там за меня, скажи, дескать, у Сашки раны болят и он не придет. Алекс отнесся с пониманием. И ушел собираться.

На часах — без пятнадцати двенадцать. Первый раз так. Всегда раньше считал, что очень хорошо засыпаю. Только положил голову на подушку — и уже будильник трезвонит. А тут две ночи подряд какая-то ерунда. И сейчас — вообще не заснуть... Пробовал даже баранов считать, но они в козлов вроде Алекса и Жарова превратились и разбежались.

Очень я развеселился после того, как шутку отмочил. Но есть закон: чересчур развеселишься — обязательно какая-нибудь подлянка случается. Так и сегодня. После Алекса, как повелось, Маринка в гости пожаловала. Не может она без меня дня прожить. И прямо с порога ляпнула:

— Ты чего, мотаешь?

Я ей фингал показываю и мужественно объясняю: с одним негодяем рассчитался. Она все сразу поняла:

— Душман побил? — И деликатно посочувствовала: — Больно небось?

Впрочем, эта трепотня к делу не относится. Подлянка была совсем в другом. Мы посидели, еще потрепались, я предложил Марине досмотреть мультики, она, дурочка, не захотела. Зачем-то рассказала, что сегодня на уроках проходили. Я, конечно, про свои новые таланты — ни словечка. Знаю ее: сорвет в воспитательных целях мне все планы. Потом я вдруг вспомнил о старом магнитофоне — чего это он у меня на антресолях пылится? — и предложил Марине вместе бизнес сделать. Всего-то от нее требовалось: поспрашивать у женской половины класса,— может, нужен кому аппарат? Заодно и порекламировать. В хорошем ведь состоянии! И продаю по дешевке. Я Марину бы не обидел, целый год... нет, всю четверть у меня бы задарма мороженое кушала. Так она от злости на цаплю стала похожа, смотрит на меня, как на лягушонка. И сказала, что я такой же скучный пройдоха, как Хлумов, и что вещи мои теперь интереснее, чем я сам. Швабра! И я еще работал на нее, сочинения клепал... Кстати, чего она на Хлумова взъелась? У него дома, между прочим, персональный компьютер есть, вернее — у его папы, и Хлумов с этим компьютером умеет обращаться. Развлекается вовсю, в игры играет. А мой папа явно иссяк в смысле денег...

Я вздохнул. На будильнике было ровно двенадцать. В этот момент...

14

...раздался звонок в дверь. Саша еще раз посмотрел на часы и удивился. Кто мог прийти в такую поздноту? Он подождал. Родители почему-то не вспошились и вообще никак не отреагировали. Крепко спали, наверное. А может, звонок прозвучал именно для Саши? Треньканье повторилось, и он, нехотя выбравшись из-под одеяла, побрел открывать.

— Кто там?

— Инспектор,— ответил низкий, очень солидный голос.

«Пойти разбудить родителей»,— мелькнула мысль. Саша тут же одернул себя: «А я что, маленький?» И открыл. Вместо здоровенного мужчины, соответствующего такому голосу, на пороге стоял маленький человек в строгом костюме — ростом не больше Саши.

— Вы откуда? — растерянно спросил Токарев.

Я с чердака,— серьезно ответил гость.

Из ЖЭКа, решил Саша. Шутит. И сказал:

Сейчас позову родителей.

Инспектор остановил его:

Я к вам, номер двадцать три.

Какой номер? — не понял мальчик.

Из второй квартиры,— объяснил инспектор.— Третий человек. Получился учетный индекс двадцать три, то есть ваш.

Он вошел в квартиру и по-хозяйски направился в Сашину комнату со словами: «Следуйте за мной». Саша пошел за ним, завороженный. Инспектор закрыл дверь комнаты, забрался с ногами на постель, затем достал откуда-то из-под пиджака ворох документов и начал их просматривать. Был он весь какой-то пухленький, пузатенький, словно бы и не настоящий. И вместе с тем — очень уверенный, серьезный, деловитый.

— Я пришел составить протокол,— строго заметил он.— Ты мне сейчас признаешься, учетный, а я зафиксирую показания.

— Вы из милиции? — пролепетал струхнувший пионер.— Но я ничего такого... Честное слово! Я еще ничего не продавал.

Гость поморгал:

— Я с чердака. Вы не расслышали? Следите за губами: с чер-да-ка!

Саша струхнул еще больше. Бандит? С чердака...

— Вы обвиняетесь,— буднично сообщил бандит,— после подтверждения вашей вины вам грозит полный демонтаж.

— Я не виноват,— возразил Саша испуганно.

— Бездоказательно. Факты, разумеется, против вас.

Саша немного успокоился. Бандиты так себя не ведут. В журнале «Искатель» про них все написано. Бандиты говорят небрежно, скверно ругаются, растирают сапогом окурки и к тому же постоянно сплевывают.

— Нет никаких фактов! — возмутился он.

— Вам следует это доказать.

— Кто обвиняет, тот и доказывает,— сказал Токарев. Он хорошо знал, как ведется следствие. Папин друг дядя Сева рассказывал. Еще такие слова употреблял... как же это... А-а! — вспомнил Саша и вслух уточнил: — Презумпция невиновности.

— Не поможет, двадцать третий. Ты виновный. Я тебя сейчас обвиню и дам два дня, чтобы ты попытался оправдаться. Как и положено.

— Слушайте! — Пионер справедливо рассердился.— Что за двадцать третий? Не нравится мне эта кликуха! Меня зовут Токарев.— А сам подумал: «Псих какой-то».

Неподотчетных допускается маркировать именами собственными,— немедленно откликнулся «инспектор».— Параграф сто пять хозяйственного кодекса.

— И доказывать я ничего не стану! И вообще, спать пора.

— Правильно решили, Токарев,— приветливо сказал человечек.— Доказывать вам нечего. Уверяю вас, чистосердечное признание облегчит ваш демонтаж.

И вдруг он стал заметно больше. Будто спохватившись, он тут же уменьшился и некоторое время как-то вибрировал, пока не принял прежние размеры. Саша обомлел. Гость после паузы продолжил:

— Перейдем к сути. На вас поступила вопиющая жалоба по поводу принудительного выселения части граждан, проживавших в этой квартире, в ночь с первого на второе сентября.

— Каких граждан? — удивился Саша.— Нас здесь трое.

— Позвольте,— немедленно возразил «инспектор».— Здесь числится...— Он засунул руку глубоко за пазуху, неловко покопался там и вытащил какую-то бумажку.— Минуточку... тысяча двести семь граждан. Между прочим, такие, как вы, здесь не числятся. Вы идете по другому списку, по инвентаризационной ведомости стихийных сил. Вот, пожалуйста: человек номер один, номер два, номер три, то есть вы, кошка, кактус...

«Псих,— окончательно решил Саша.— Бывают такие деловые психи, дядя Сева рассказывал».

— Часть указанных граждан,— продолжал «псих»,— была преступно вытеснена из своих клеток и теперь вынуждена ютиться на свалке. Жалоба поступила от них.

— Ладно, все ясно,— ухмыльнулся Саша.— Лично я никого не выгонял. Может, родители? Пойду разбужу...

Он подошел к двери и дернул за ручку. Ручка не шелохнулась. Он надавил изо всех сил. Тот же результат. Дверь было не открыть.

— Двадцать один и двадцать два не участвуют,— произнес ему в спину «инспектор-псих».— А с вами мы разговор не окончили.

Саша повернулся. В нем опять шевельнулся страх. Кто сидит на его постели? Не бандит, не милиционер и не псих...

— На вас, Токарев, еще имеется справедливая анонимка,— невозмутимо продолжил странный товарищ.— Документ проверен — факты подтвердились. Установлено, что вы самовольно пользовались клетками. Теперь вы обязаны, во-первых, немедленно отказаться от применения незаконно присвоенной способности, во-вторых, отчитаться об обстоятельствах присвоения вышеуказанной способности. Можете ли вы что-нибудь ответить по существу выдвинутых обвинений?

— Я не знаю,— растерянно ответил Саша.

— Тогда вы имеете право сфабриковать доказательства своей невиновности. Срок — два дня. А теперь распишитесь в протоколе.

Инспектор протянул бумажку, которую только что заполнил. Там значилось: «Я не знаю». Таковы были Сашины показания.

Токарев повиновался. Никто никогда не просил его расписаться! Ему наконец стало интересно. Визит был явно неспроста, присутствовала какая-то тайна, и это было здорово. Очень важный вопрос встал перед ним: «Кто живет вместе с нами в квартире?» Но посетитель уже соскочил с его кровати и бодро направился к выходу.

— Ждите завтра,— сказал инспектор, выходя из квартиры.— Вы поставлены на учет. А у меня много работы.

И пошел вверх по лестнице. Ну денек! Взбудораженный, Саша вернулся в комнату, лег и...

15 ...когда он проснулся, было четвертое сентября — рядовой, самый обыкновенный день. Во всяком случае, именно таким хотели бы видеть этот день Сашины родители, одноклассники и учителя. Они привычно торопились, мучительно зевали, давились завтраком, они еще ни о чем не подозревали.

Первым преподнес сюрприз кактус. Кактус с незапамятных времен рос на подоконнике в большой комнате квартиры Токаревых. Он всегда был домашним, уютным, «своим» и давно уже считался полноправным членом семьи. Точно так же, как, например, кошка Шери или младший Токарев. Но это утро кактус встретил в каком-то особенном состоянии. Он издавал звуки. Звуки были примерно такие: «И-у-у-у! Б-ж-ж-ж!» Это напоминало эффекты «Звездных мстителей», и Саша даже испугался, что забыл на ночь выключить электронную игру. Внешний вид растения тоже изменился. Иголки стали твердыми, блестящими, словно хромированными, и к тому же искрили. Кстати, когда Саша дотронулся до кактуса, то почувствовал покалывание электрических разрядов. Он удивился, но не очень сильно — по-настоящему удивительных событий ему и так хватало.

Далее действие переместилось в школу. Перед первым уроком состоялся неприятный разговор:

— ...Сашка, честное слово, я ему отдал! Ты в библиотеке был, Жаров пришел, и я отдал! Честное пионерское!

— Вы что, дураки, меня же папаня убьет! Может, еще поищете?

— Да нет! Жаров все обыскал. Вчера весь вечер плакал, говорит, выскочил за пепси-колой, тут мафон и свистнули.

— Ну, вообще... Где этот дурак-то сам?!

— На пустыре сидит, боится в школу идти. Решил, что мы с тобой его бить будем. Саня, честное слово, я ему отдал!..

Первым уроком опять была математика. Матильда опытным взглядом высмотрела синяк на лице шестиклассника Токарева и громогласно обратилась к нему:

— Мало того, что ты математику не учишь, Токарев, так даже драться не научился.— А потом, посуровев, стала выпытывать: — Кто тебя ударил? Ну-ка, отвечай!

— Сам упал,— надувшись, буркнул ученик.

— Значит, испытал на себе закон всемирного тяготения,— тонко сострила учительница.— Ладно, садись, потом с классным руководителем разберемся.

Урок продолжился. Марина и Саша не разговаривали — мириться они пока не собирались. Саша мечтательно смотрел в пространство и невнятно бормотал:

— Ну, Душман! Ну, я в такое превращусь... Ну, ты запомнишь мой прямой переход...

Лена Печкина, глядя на молчащих соседей впереди себя, смекнула шестым чувством, что настало ее время. Она приступила к активному обхаживанию Саши путем щипания, подталкивания и нашептывания всякого вздора.

— О чем это ты задумался, Токарев? — снова раздалось над его ухом.

Он по привычке посмотрел на Марину, но та отвернулась.

Мария Теодоровна сокрушенно произнесла:

— К доске вызывать ведь смысла нет, правда, Токарев?

— Не зна-аю...— промямлил Саша.

— Опять замечание писать? Не поможет. Что ж, давай дневник, для твоего же блага.

Учительница осквернила главный документ школьника первой парой и строго добавила:

— Мерецкая! А ты куда смотришь? Проследи-ка, чтобы Токарев занимался.

Марина в ответ только хмыкнула.

После урока с учительницей случилась неприятность. Неприятность настолько несуразная, что, предупреди ее заранее, она бы осадила на месте непрошеного доброжелателя. Мария Теодоровна отнесла журнал в учительскую и вернулась обратно. В классе никого не было.

— С доски не стерто...— недовольно проворчала она и плавно опустилась на свой любимый стул.

Впрочем, она ошиблась — это был вовсе не стул. Мария Теодоровна обрушилась на пол, коротко ахнув от неожиданности, затем секунду пребывала в положении, никак не соответствовавшем ее роли в обществе. И тут же взвилась, гневно озираясь. С пола поднимался испуганный Саша Токарев, приговаривая:

— Я не знал... Я только хотел шнурок завязать... Я не знал, что вы на меня сядете... У меня шнурок развязался...

Лицо учительницы на секунду стало жалким.

— Токарев! — воскликнула она и замялась, не зная, что и сказать.

— Шнурок развязался...— продолжал нудить ученик, явно собираясь захныкать,— а вы взяли и сели...

— Вытри с доски! — нашлась Мария Теодоровна. Лицо ее задергалось, и она скомандовала, забыв предыдущий приказ: — Всем в коридор!

Остаток перемены Саша просмеялся. Даже на вопросы заинтригованного Алекса не мог ответить, только выдавливал через силу:

— Всемирное тяготение... Раз закон, значит, терпите...

На большой перемене произошел инцидент. Семиклассник, известный под кличкой Душман, стоял в укромном уголке школьного двора и курил. Он культурно отдыхал. К нему развязно подошел шестиклассник Токарев, начисто забывший, кто есть кто.

— Отдай часы, волосатый,— поигрывая желваками, попросил шестиклассник.

Душман обалдел. Даже сигарету выронил из вялых губ.

— Опять он,— сказал удивленно.— Неужели человеку одного фингала мало? Не понимаю я таких.

— Отдай часы, а то хуже будет.

— Может, пойти навстречу товарищу? — Душман принялся размышлять вслух.— Я ведь отзывчивый. Сделаю второй фингал хорошо, симметрично.

— Ты меня еще не знаешь,— предупредил дерзкий шкет.

— Почему не знаю? — озадаченно произнес Душман.— Знаю. Ноги об тебя вытирал? Вытирал. Замечательно вытер.— Посмотрел на ботинки.— А сейчас грязные. Придется повторить.

Он вздохнул, лениво подошел и так же лениво ударил. Затем хрюкнул и согнулся пополам, прижимая к животу руку. Поразительная штука! Ему показалось, что он влепил кулак в статую с веслом — вроде той, что стоит на школьном стадионе, только меньше. И попал прямо в пустой каменный глаз.

— Я предупреждал,— сказал торжествующий голосок.

Никакой статуи рядом не было, только тот самый наглый щенок, и Душман разогнулся. Щенок сказал, самодовольно сияя:

— Урод ты ушастый, а не Душман! Отдай вещь и чеши отсюда. Я ведь еще не бил. Смотри, ударю.

Это было чудовищно. Такого Душман не испытывал и в кошмарных снах. Какой-то сопляк смеет... Сопляк тем временем начал кланяться до земли, как маятник,— раз, другой, третий... Душман понял, что над ним издеваются. Он озверел. И вломил без размаха, но в полную силу, как надо. Тут же полетел, врезался в землю, даже перевернулся разок. Ощущение было такое,

будто его шарахнуло качелями. Если бы Душман успел что-нибудь заметить, он бы увидел, что это действительно были сильно раскачанные детские качели. Сквозь шум в голове он услышал слова:

— Свои часы я взял. Вставай скорей, а то уже урок начался.

И, как в тумане, увидел удаляющуюся фигурку.

Жизнь в школе продолжалась. На третьем уроке произошел любопытный эпизод. Завхоз обнаружил в вестибюле длинную скамейку из физкультурного зала на четвертом этаже. «Хулиганов развелось»,— подумал он и снял двух десятиклассников с урока, чтобы немедленно вернуть скамейку на прежнее место. Десятиклассники добросовестно исполнили порученное и вернулись на урок. Через десять минут завхоз, вновь проходя по первому этажу, убедился, что скамейка стоит на прежнем месте. Тогда он ворвался на урок и потащил их разбираться. Уже в вестибюле обнаружилось, что скамейки там нет, и красный завхоз подумал, что теперь даже кефира в рот брать не будет. Говорят, в нем тоже есть градус.

В этот день директриса улучшала материальную оснащенность школы. А именно: в ее кабинет вносились новый стол, кресла и стулья, старая же мебель справедливо распределялась по кабинетам подчиненных. Никто не заметил, что стульев внесли на один больше, чем значилось к комплекте. После этого на ближайшей перемене разыгралась настоящая драма. Из запертого кабинета директрисы доносились сочные звуки ударов и душераздирающие детские вопли такого содержания: «Я все понял!.. Ой, больно!.. Я больше не бу-у-уду!..» На этом фоне особенно жутким казался голос директрисы, который спокойно излагал правила поведения в школе. Всю перемену у двери метался обезумевший завуч, который тщетно стучался к своему начальству, отгонял испуганных детей и одновременно делал вид, будто ничего особенного не происходит. Когда же прозвенел звонок и дети, наконец, разбежались, он открыл дверь взятым у завхоза ключом. Кабинет был пуст. Работал магнитофон, прокручивая записанную для школьного радиоузла будущую речь директрисы. Естественно, без всяких воплей.

Кроме того, в школе в этот день имели место и другие происшествия, участники которых впоследствии либо ссылались на собственное переутомление, либо недобро поминали скрывающихся под школьной формой дегенератов. Например, в самом конце одной из переменок, когда уже прозвенел звонок, находившиеся в учительской педагоги вдруг обнаружили, что выход загорожен намертво застрявшим в дверном проеме гимнастическим «козлом». Учителя очень спешили, поэтому вынуждены были преодолевать спортивный снаряд, кто как умеет. Одни перелезали, другие проползали, самые энергичные — вроде учительницы пения — совершали опорный прыжок. Физкультур-

ник устанавливал порядок, приговаривая: «Жаль, трамплина нет». Были и еще случаи. На последней перемене Матильда, войдя в свой кабинет, споткнулась о невероятных размеров классный журнал, лежавший на полу в развернутом виде. На каждом листе было только название предмета и ее фамилия с проставленной в четверти двойкой. Дойдя до математики, гордая Мария Теодоровна заплакала... Буфетчица позорно бежала из столовой, уверяя встречных, что пирожки были вполне доброкачественные, а какой-то пионер превратился в скелет, сжимающий в зубах пирожок. Когда взбудораженная толпа ворвалась в столовую, никакого скелета, разумеется, не было. О других же маловероятных событиях остается только сказать: «Ну, ва-аще!»

Иначе говоря, Саша Токарев хорошо поразвлекался в этот день — с выдумкой, с огоньком. А потом вспомнил о Марине. Вернее, она сама о себе напомнила, когда демонстративно приняла приглашение некоего мальчика из параллельного класса покататься на спортивном велосипеде. Собственно, Саша проименовал мальчика по-другому: «Одна сволочь». Они договорились так: после уроков расходятся по домам, затем новый друг берет дома велосипед и заезжает за Мариной. Тут уж Саша все припомнил — и ее вечные подколы, и вчерашние оскорбления...

В нужное время он сел в засаду возле собственного парадного. Он видел, как некий мальчик подкатил на велосипеде, спрыгнул и весело побежал приглашать Марину. Саша, не дрогнув, пропустил «эту сволочь» мимо себя. Дальше он не медлил. Скользнул к вражескому велосипеду и спровадил его в густые кусты неподалеку. Затем с мрачной решимостью занял позицию, превратившись в точно такой же двухколесный механизм.

Марина выскочила принаряженная, в брючках. Вокруг увивался некий мальчик. Они непринужденно беседовали, и Саша подумал, стиснув зубы: «Щебечите, птички!» Однако ясную картину предательства портило то обстоятельство, что Марина почему-то встревоженно озиралась, будто боялась встретить кого-то. Не Сашу ли? А затем произошло следующее. Марина оседлала мнимый велосипед и резво закрутила педалями. Некий мальчик потрусил следом, разъясняя особенности спортивных машин, но она прибавила ходу. Мальчик оставался еще где-то за домом, когда Марина, объехав кругом, подъезжала к парадному. В этот момент Саша резко мотнул головой, и руль вывернулся из ее рук. Норовистый велосипед сбросил девочку прямо в лужу, широко раскинувшуюся после ночного дождя, сам же на полной скорости въехал в кусты.

Марина, опираясь рукой о колено, тяжело поднялась на ноги и выбралась на берег, едва не упав снова. Ее пошатывало. Лицо было залеплено грязью, у блузки белой осталась только спина, а модные брючки и вовсе напоминали одежду работника канали-

зационной службы. Очень жалкий вид был у нее. Тут и некий мальчик подбежал. Он завизжал, мигом утратив возвышенное состояние души:

— Где велосипед, Мерецкая?

В ответ Марина заплакала. И побрела в парадное, прихрамывая.

— Где? — крикнул мальчик вдогонку.

— Чего орешь, придурок? — сказал вылезший из кустов Токарев.— Там твой драндулет.

Ломая ветки, мальчик последовал в указанное место.

Удивительно, но Саша почему-то не испытывал удовлетворения. Скорей наоборот...

16 ...Я понял, что мне жалко Марину. Ей, конечно, было больно. Зря я не подумал об этом раньше. Глупая получилась месть, да и стоило ли вообще мстить? Тем более девчонке. И чего я так разобиделся? Бывало, по-всякому обзывались, а потом самим же смешно делалось. С велосипедом, кстати, сейчас мне все ясно стало. Марина тоже дура — куснуть меня хотела, позлить. А я, между прочим, и так уже злой был. Зацепила она меня вчера с этими вещами... Может, я и в самом деле поглупел? Дурацкое сочинение не мог написать. Еще летом собирался Уэллса в библиотеке взять. Рацию забросил... Но за глупость кусать нечестно.

Тихо в квартире. Первый раз не тянет что-нибудь включать. А ведь поначалу все вместе врубал — кайф ловил. Почитать, что ли? Шкаф не открывается.

И вообще — как-то стыдно. Мщу, ерунду вытворяю. Кстати, вчерашний хмырек с чердака превращаться мне запретил. Словом смешным грозился — «демонтаж», я запомнил. Если он, конечно, не приснился. У меня в детстве так бывало: во сне добрался до горшка, а утром оказывается — нет... А вдруг я влип со своими шуточками? Уж больно странный был этот «пришелец». Может, действительно я каким-то инопланетянам поперек дороги встал? Наверное, не стоило мне превращаться. Ведь чувствовал же! А удержаться не мог — все мы, Токаревы, такие заводные. Да, мне еще доказывать надо, что я не верблюд! Инспектор явно дело шил: самовольно, мол, хапнул способность. Надо бы пораскинуть мозгами. Такие дела творятся! Что-то он там про граждан плел, вроде бы я выселил кого-то в ночь перед вторым сентября. Между прочим, тогда в самом деле подозрительная ночка была. Скрипы, кряхтенье, завывание из шкафа. Уж не сидел ли «гражданин» в шкафу? А потом начались заморочки: со шкафом, с красками, с пианино. Следующей ночью я в телевизор превратился. И понеслось! Сегодня утром с кактусом фигня какая-то. Может, все это друг с другом связано и что-нибудь означает?

Начала в моей голове мысль наклевываться. Я, правда, не успел понять, какая, потому что меня отвлекли. Заявился Алекс с очень важным делом. Оказалось, он пришел попрощаться. Петя Жаров решил сегодня же бежать из дома — ехать на Север и зарабатывать на магнитофон,— и Алекс должен ехать вместе с ним. Дело чести. Алекс был суров, немногословен, короче, готов к испытаниям. Рукавицы попросил и еще сказал:

— Хочу с твоим папашей переговорить, про Север разузнать.

Стремный поворот! Надо же, что придумали, идиоты! Настроение мгновенно поднялось. Смех из меня рвется, я даже опух, сдерживаясь, а тут звонок в дверь, и заходит... кто бы вы думали? Лена Печкина! И сразу спрашивает:

— Получил назад свой магнитофон?

Я не стал им ничего объяснять. Зачем? Я просто пошел, включил аппарат и поставил кассету «Морды тонки». Алекс подбежал к магнитофону, выпучив глаза:

— Откуда он у тебя?

— Шутка,— говорю я и снова смеюсь.

Смотрю, Алекс в лице переменился. Посерел, будто пылью покрылся. Наверное, понял, что я их мастерски надрал. А потом, вместо того чтобы восхититься и начать выспрашивать, процедил:

— Ну, ты и сволочь!

Он не стал ждать, пока я досмеюсь и объясню ему все толком, он взял и ушел, добавив вместо «пока»:

— Набить бы тебе, Токарев, морду для профилактики.

Я всегда знал, что Чернаго — грубый дурак.

А Лене Печкиной было так же весело, как и мне. Я, конечно, не раскрыл ей свои секреты и все такое. К тому же, чувствую, настрой снова киснет. Захотел отвлечься. Музыка крутится, почему бы не потанцевать? Так прямо и сказал:

— Печка, давай потанцуем.

— А целоваться не полезешь? — вдруг спросила она. И покраснела.

Я даже возмутился:

— Вот еще, очень надо!

Я так и не понял, обрадовалась она или огорчилась, но танцевать мы начали. Потоптались немного, тут нам и помешали. Пришел с работы папа. Печка сразу засмущалась, отодвинулась от меня подальше, громко попросила какие-то учебники, а когда я сказал, что нет у меня никаких учебников, она заторопилась домой. И напоследок ляпнула:

— Хорошая у тебя музыка, Токарев. Жаль, у Алекса нет такого магнитофона.

Я, конечно, не выдержал:

— Ну и дуй со своим дураком Алексом на Север!

Она похлопала глазами и убралась. Стрекоза.

Пока не пришла мама, у нас в квартире было спокойно. Мы с папой занимались «видиком», экспериментировали, записывали с телевизора всякую всячину. Я выпросил у папы еще одну кассету, он обещал купить. А мама все испортила. Ворвалась сердитая — наверное, на работе втык получила — и тут же дневник у меня потребовала. Ясное дело, чем это закончилось. Учился я ведь всего ничего, а уже полный набор в дневнике имею — пару-парашу схлопотал у Матильды, директриса замечание впаяла... Мама на меня наорала и прогнала уроки делать.

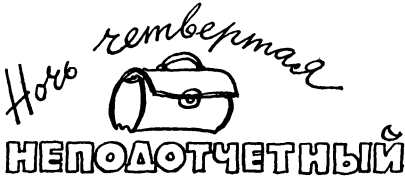
Я хотел вечером телик включить, так мне и этого не дали! Ну, предки! Окончательно настрой убили, а ведь так клево день начинался. Обидно.

Уроки я, понятно, делать не стал. Вот еще! Решил родителей повоспитывать, а то всё они меня — надоело... Взял полотенце и отправился в ванную, будто бы мыться. На самом деле я шутку одну придумал, рискованную, между прочим. А что? Я такой — смелый! Правда, не всем это заметно. Кроме того, мне интересно стало: смогу ли? Оказалось, могу! Разделся я, забрался в пустую ванну, лег и превратился в воду. Ощущение было довольно-таки непривычным. Впервые я почувствовал себя растекающимся, ничем не скованным, даже задремал ненадолго. А потом пришел в себя и увидел, что надо мной склонилось испуганное мамино лицо. Мама кричала,— наверное, папе:

— Тут только вода в ванне, а его нет!

Меня вдруг закрутило, потащило куда-то, я с ужасом понял, что мама выдернула затычку, мою голову засосало в темную дыру, и через секунду...

●



17 ...Саша Токарев мчался по трубе канализации в неизвестном направлении. Поначалу он струсил — ему показалось, что он вот-вот распадется на неисчислимое множество маленьких Токарёвых. Он пустил в ход все имеющееся у него мастерство и немного сгустился, прекратив тем самым опасный распад. При этом едва не переусердствовал — еще чуть-чуть, и он застрял бы в трубе непонятно в каком виде.

Саша вынырнул в одном из ленинградских каналов, по счастью, не слишком далеко от дома. И, не теряя времени, осуществил обратный переход. Особенно удачным было то, что в его распоряжении оказалось полотенце, которое он случайно держал в руках во время превращения. Когда Саша добрался до берега, он обвязался этим полотенцем в определенной части тела и пошлепал домой, притворяясь индийским йогом.

Дверь открыла мама. Увидев одетого не по сезону сына, покрытого к тому же разводами мазута, она бессильно привалилась к косяку:

— Ты где был, мерзавец?

— Мылся,— стуча зубами от холода, сказал Саша. И добавил, неловко соскребая с себя грязь: — Ма, а где мочалка?

Тут прибежали папа и кошка. Втроем они втащили Сашу в квартиру и вихрем закрутились вокруг него. Опомнился он уже в своей постели — отмытый, накормленный, пристыженный.

Перед тем как заснуть, Саша неожиданно вспомнил. Была мысль, которую отогнал приход Алекса! Очень неясная, едва осознанная мысль. И вот какая. Превращения начались с телевизора, кроме того, «отходняк» имел телевизионный характер. Видимо, это не случайно. Но почему именно телевизор? Очень просто: он уважал телевизор больше всего. Без других вещей он еще мог бы прожить, а без телика никак. Потому-то с него все и началось...

Саша проснулся оттого, что кто-то дергал его за ухо. Он открыл глаза, успел заметить над собой нависший документ и тут же зажмурился: свет был включен.

— Распишитесь в моем приходе,— прозвучал начальственный голос.

Саша спросил, еще до конца не проснувшись:

— Сколько времени? — И приоткрыл один глаз.

— Пишите: два часа пять минут.— Пухлый пальчик потыкал в бланк: — Подпись ставьте здесь.

В руке у Саши обнаружилась авторучка, и он послушно расписался, второй раз в жизни. После чего окончательно проснулся.

Это был инспектор.

— Вам что, родители открыли? — уточнил Саша.

— Неподотчетные номер двадцать один и двадцать два отключены,— объяснил ситуацию инспектор.— А дверной замок нам как-нибудь подотчетен.— В его голосе прорезалась гордость.

Затем он уверенно подошел к письменному столу и опустился на стул с таким видом, будто здесь и было его рабочее место. Отодвинул в сторону Сашино барахло, расчистив себе поле деятельности, достал неизвестно откуда кипу бумаг, набор канцелярских принадлежностей,— в общем, устроился очень основательно. При этом оказался спиной к лежащему Саше, что отнюдь не помешало ему в работе.

— Двадцать третий, именующийся Токаревым,— скучно заговорил он.— Ты злостно нарушил предписание о неприменении незаконно присвоенной способности.

— Я...— Челюсть у Саши вдруг затряслась, и он запыл: — Я нечаянно... я не хотел... Оно само, честное...

— Но в настоящее время,— монотонно продолжил инспектор,— этот факт не является основанием для демонтажа ввиду снятия с вас главного обвинения. Согласно существующим правилам, главное обвинение становится известным обвиняемому лишь после его снятия или во время демонтажа. Поэтому теперь могу сообщить. Вы обвинялись в нарушении первой обязанности подотчетных мне граждан: не покидать и не менять клетку. Но подозрение о том, что вы гражданин, скрывшийся из своей клетки и меняющий облик, не подтвердилось. Таким образом, будучи всего лишь человеком, то есть неподотчетной стихией, вы подпадаете под действие только хозяйственного права или законов о непреодолимой силе.

При словах «хозяйственное право» Саша ощутил в животе вакуум. Почему-то пришло на ум, как хозяйственно поступают с поросятами и цыплятами. Вспомнилась худенькая куриная ножка, съеденная за обедом... Он случайно посмотрел на свою голую ногу.

Страшноватая была речь. Саша понял из нее только одно: во время прошлого разговора его почему-то посчитали не совсем человеком. Но почему? Он всегда был уверен: нужно доказывать, что ты примерный ученик, отличник или, наоборот, что ты не щенок и умеешь классно махаться. Но доказывать, что ты человек?.. И потом, как определили, что он все-таки не сбежавший откуда-то «гражданин», а нормальный школьник? Саша потребовал разъяснений.

— Отвечаю по порядку,— сказал инспектор, по-прежнему не удостаивая подозреваемого взглядом.— Первое. Поскольку вы скрывались в разных клетках, используя при этом формодержащую силу, мы сделали вывод, что вы наш гражданин. Второе. На сегодняшний день все граждане зарегистрированы на своих местах, следовательно, вы не являетесь гражданином. Кроме того, вы превращались в воду, что подтвердило вашу вопиющую нецелесообразность.

— Что такое цесо... целесообразность? — спросил Саша. Ни папа, ни дядя Сева таких слов не употребляли.

— Это когда гражданин знает, зачем он,— объяснил инспектор.— Вот, например, зачем вы, Токарев?

Токарев открыл и закрыл рот. Очевидно, сказать ему было нечего. Инспектор снисходительно покивал:

— Конечно, вам не ответить. Вопрос «зачем вы?» имеет смысл только в случае вашего хозяйственного использования. Сами по себе вы нецелесообразны.

— Кто это меня использует? — слегка возмутился Саша.

— Как кто? Мы. И год от года расширяем сферу вашего применения.

Саша недоверчиво хмыкнул. Инспектор надолго затих. Казалось, он о чем-то задумался. О чем-то крамольном, нехорошем, во всяком случае, взгляд его некоторое время опасливо блуждал по комнате.

— Вообще-то, двадцать третий, общаться с вами — значит подрывать мой устойчивый моральный облик. Кто-нибудь может подумать, что я занимаюсь мистикой или разговариваю сам с собой... Все-таки жаль, что вас невозможно подвергнуть демонтажу, жаль.

— А что со мной можно сделать? — дерзко спросил Саша.

— Укротить, как разбушевавшуюся стихию,— просто ответил инспектор.

Вот теперь необходимо было съязвить. В самом деле! Приперся какой-то микроб пузатый — и корчит из себя грозного, стращает, лапшу вешает на уши!.. Но острота не состоялась: что-то шлепнуло Токарева по макушке. Это упала со стены картинка, изображающая иностранную буровую вышку,— папин подарок.

Инспектор прокомментировал:

— Например, так. А могла бы упасть и полка.

Полка с учебниками висела как раз возле кровати. Пионер осторожно посмотрел вверх и поежился. Да-а... Угроза была весома.

Инспектор встал и степенно прошелся по комнате, держа ладонь за лацканом пиджака. Кстати, нелепый у него был пиджак. Вместо пуговиц — застежки, как у портфеля. Потом он остановился, неожиданно согнулся пополам, заглянул под шкаф и снисходительно произнес:

— Приветствую. С какого числа на заслуженном отдыхе? С первого?.. Поторопились, дорогой мой, хотя воля ваша...

Саша опешил. Никого там под шкафом не было, кроме старого ранца, с которым еще папа ходил за двойками. Токарев забросил его туда именно первого сентября. Инспектор принял надлежащий вид.

— Значит, так, Токарев. Разговаривать мне больше не с кем. Не стоит давать лишнего повода для упреков в неупорядоченном романтизме... Но подумать только — тебя, такого бессмысленного, раздольного, зыбкого, еще обвиняли в вытеснении граждан из своих клеток!

— Это не я...— машинально отреагировал пионер.

— Да-да. Допросы пострадавших показали, что вторжение было произведено неким неопознанным гражданином.

И тут Саша задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке. Он спросил, ощущая пробегающий по спине холодок:

— Товарищ инспектор, а кто из граждан пострадал?

— В ночь с первого на второе нападению подверглись...— Инспектор задумался, вспоминая.— Шкаф книжный, стол письменный однотумбовый, фортепиано «Таймыр» и так далее. Впрочем, я сейчас уточню.

Саше внезапно стало жарко. В голове его образовалась каша, и при этом он, как ни странно, все-все понимал. Отдельные разрозненные события соединились в одну цепочку.

— Как я раньше не допер! — вскричал он, подпрыгнув.

Между тем инспектор осуществлял поиск списка потерпевших, сосредоточенно шаря где-то глубоко под пиджаком. Дело это оказалось непростым. Судя по положению его руки, он уже добрался чуть ли не до спины. Даже пару застежек расстегнул. И вдруг в результате неловкого движения пиджак распахнулся. Хлынул поток бумаг и папок, но инспектор судорожно дернулся, подхватил его и мгновенно запихал обратно. Саша успел заметить, что внутри этот канцелярский работник состоит из нескольких отделений.

— Беда с застежками,— впервые смутился инспектор.

— А вы что, чемодан? — тихо спросил Саша, проверяя свое открытие.

Тот помолчал немного. Лицо его посветлело, разгладилось, губы тронуло подобие улыбки.

— Вы не поверите, но начинал я портфелем,— сказал инспектор почти растроганно.— Трудное было время. Помню себя таким свежим, пахнущим кожей, до краев набитым очень важными документами. Я часто лежал на диванах, кроватях — отдыхал после напряженной работы. С тех пор я люблю лежачие места. Были и тяжелые испытания. Однажды во мне оказались березовый веник, соленый огурец и какая-то незнакомая мне бутылка. Наверное, это был несчастный случай... Потом меня заслуженно заметили, стали продвигать, я добился права изменяться физически и морально, и теперь я работаю на чердаке. Я теперь...

Инспектор вдруг умолк. Стал медленно разбухать, наливаясь значительностью, навис над комнатой, недобро огляделся. Комната будто вздрогнула. Затрепетали занавески, скрипнула кровать, заурчало в батареях. Саша сделал вид, что не испугался.

— У вас что, на чердаке министерство?

— Как?.. Не-ет, чердак это... это чердак! Контролируем подотчетных в квартирах, учитываем проявления природных сил, осуществляем надзор,— в общем, заведуем. Мне доверили сложный участок. Пока справляюсь...

Инспектор увлекся. Но от избытка информации голова у Саши давно шла кругом, и он вскоре перестал различать слова. Интересный рассказ превратился для него в сплошной бубнеж. «...А недавно демонтировали одного невменяемого. Утверждал, что граждане сделаны людьми. Бедняга! Я был против крайней меры, предлагал принудительный ремонт...» Чтобы лучше было слушать, Саша забрался под одеяло, устроился поудобнее...

●

18 ...и, честно говоря, я не заметил, когда этот хмырь убрался на свой чердак. Обидно, заснул на самом интересном месте. А утром проснулся больным. Не так чтобы очень. Просто горло побаливало и все такое. Короче, вчерашнее купание в канале аукнулось. Мама вызвала врача, выдала мне антигриппин, сказала, что у нее сегодня комиссия, и ушла на работу. Я доволен: в школу идти не надо.

Стал прикидывать, чем бы заняться: расследовать дальше или в «мстителей» поиграть. Но когда увидел Шери, то понял, что дело явно принимает серьезный оборот. Кошка выкидывала странные фортеля. Во-первых, она царапала когтями розетку. Во-вторых, на моих глазах она прошлась по магнитофону и наступила на клавишу включения. Заиграли мои любимые «Морды». В-третьих, она перестала двигаться, как нормальная кошка, плавно и мягко. Движения Шери теперь были резкими, как у электрической игрушки. Кроме того, она принималась время от времени мурлыкать что-то похожее на «ты такой холодный», иногда сбиваясь на «шерри, шерри леди». Ошизел я слегка — не для моих нервов такие зрелища. Хотел выгнать ее на улицу проветриться, да она не пошла!

Волей-неволей, а котелком пришлось поварить по-настоящему — как я умею, если надо. Тем более, ночной разговор из башки не вылазит все утро. Вот задачка! Поверить пузатому инспектору — значит самому себя в психи записать. А с другой стороны, как не поверить? Что-то несусветное ведь творится! Оказывается, в нашей квартире больше тысячи граждан проживает. Вещи себя гражданами возомнили и нас ни в грош не ставят. Потому что мы, видите ли, нецелесообразные и неподотчетные. Надо же такие слова придумать! Между прочим, кто для них тела делает — то, что они клетками называют? Мы. И без наших клеток им одно место — на помойке. Они-то небось думают, что когда-то давным-давно произошли от нас, от сти-

хий, а теперь сами по себе существуют. Да, инспектор много странного наговорил. Будто они используют нас, учитывают, ставят на службу, и, между прочим, это очень похоже на то, что мы сами про природу думаем. Например, включаю я утром магнитофон, протираю головку, а получается, что это он мной включился, мной почистился. Точно так же, как я считаю, что меня будит утро и умывает вода... Мы для них — силы природы, вроде ветра, леса. Инспектор так со мной и разговаривал, будто с морем, прямо как Пушкин: мол, «прощай, свободная стихия». А вдруг и нас, людей, тоже кто-то смастерил?.. Хотя, наверное, не туда я забрел. Как сказал бы инспектор, «занимаюсь мистикой и неупорядоченным романтизмом». В общем, они уверены, что с нашей помощью двигаются, ломаются,— короче, мы работаем на них, а не наоборот. Неужели это правда? С точки зрения вещей — правда. Надо же! Действительно ведь, многое из того, что мы делаем, с самого начала вызвано вещами и предназначено для них. А мы еще кричим, как мы свободны и разумны! Смех один. И при этом думаем, что, кроме нас, некому больше думать. В свою очередь, и вещи знают как дважды два: люди не могут думать или иметь хоть какие-то собственные цели. Кстати, в самом деле — какие у нас цели, кроме делания вещей?

Кажется, на папином дне рождения дядя Сева объяснял что-то в этом духе, про какие-то три мира. Сидел развалясь, положив локоть в тарелку с холодцом и вещал, прикрыв глаза ладонью. Дескать, есть мир природы, мир людей и искусственный мир. Природа создала людей, которые сказали, что они ее венец, а люди создали вещи, и выходит, что вещи — венец людей. Каждый следующий мир пытается подчинить предыдущий, вместо того чтобы слушаться, как дети взрослых, и учиться уму-разуму. Так говорил дядя Сева, а я внимания не обращал, и мама смеялась, пальцем у виска крутила.

Да, глупость и неправду пишут в книжках «НФ». Ищут повсюду цивилизации: и в космосе, и в океане, и даже под землей. А на самом деле другая цивилизация благополучно в наших квартирах устроилась, только никто об этом не знает, кроме меня. Короче, тайна раскрыта. Ладно, это все наука, ученые когда-нибудь наверняка разберутся. Хотя, если я расскажу им, меня точно в дурдом засадят. И вообще, рассуждать мне особенно некогда, того и гляди, жареным запахнет. Какое-то у меня смутное предчувствие, будто вокруг нас, «неподотчетных неграждан», кольцо сжимается. Сначала приличные вещи — книжный шкаф там, пианино — из квартиры вытурили, одни дохлые тела оставили. Ни почитать теперь, ни поиграть. Потом старичок кактус вдруг задурил. Теперь кошка... Или в них тоже кто-то влез? Да, инспектор ведь так и сказал! Завелись, мол, у нас в квартире гады — из ихних, из граждан, которые своих же вытесняют. Так, может, и за наших «неподотчетных» взялись? Между прочим, я-то сам...

Меня осенило. Это было как взрыв. Кто-то позапрошлой ночью засадил меня в клетку и еще лез туда вдобавок, а утром выяснилось, что я просто в телевизор превратился. Кто мог такое подстроить? Уж не сам ли телевизор? Кроме него, некому. Значит, он и есть тот гад.

Я понял, что пришла пора действовать. От волнения у меня даже башка зачесалась. Я на цыпочках подкрался к большой комнате и заглянул в нее. Не было никаких признаков заговора, вещи совсем не казались живыми, а уж гражданами и подавно. Не знаю, впрочем, чего я ожидал увидеть. Вошел и огляделся по сторонам, пробормотав:

— Затаились, уроды целесообразные?

Сказал и подумал: а вдруг телевизор в самом деле не один? В любом случае надо разобраться. Как это у них принято — допросить с пристрастием. Пусть оправдывается, пусть доказывает! Я с опаской включил телевизор и сел перед ним. На экране появилась обычная в это время сетка. Ну и что дальше? Я стал отрывистым голосом задавать вопросы, как в фильмах про шпионов, а когда перешел на крик, то понял, что со стороны выгляжу очень глупо. Не получался разговор по-мужски или хотя бы по-человечески... Тут сообразил: человек с человеком-то не всегда поговорить может! А с телевизором — вообще безнадега. Ясное дело, надо самому становиться телевизором.

Телевизионная сетка вдруг рябью пошла — знак, что ли? Или случайное совпадение? Ладно, там разберемся. Не успел я даже сосредочиться, как произошел прямой переход. Вначале ничего не изменилось — стоим мы, два телевизора, друг напротив друга, и снова никакого общения. Хотел уж распрямиться обратно в человека, но слышу, вроде подсказывает кто-то: «Смотри изнутри вовнутрь!» Как это? Я удивился. Куда надо смотреть? Подумал и усек: изнутри себя — вовнутрь вещи. Не знаю, что я там сделал, всмотрелся как-нибудь по-особенному или действительно изнутри взглянул, во всяком случае, я увидел вокруг себя совсем другой мир. Все цвета исчезли, звуки тоже. От вещей остались только контуры, сильно смахивающие на клетки самых разных форм и размеров, внутри которых что-то неторопливо колыхалось. Как мы пообщались с телевизором — не знаю. По крайней мере, без слов. Странно, что раньше, когда я превращался в вещи, такого мира не замечал. Наверное, плохо смотрел. В общем, мы имели с телевизором разговор на высшем уровне, и в результате выяснилось следующее.

Телевизор, оказывается, любит людей. Долгое время он был одинок в своей любви, потому что другие граждане не понимали его. Они пренебрегали людьми, считали их беспорядочно снующими сгустками бессмысленности, годными только для поверхностной эксплуатации. Этим твердолобым гражданам все было ясно. Ихние ученые давно вывели законы движения людей,

даже наука есть такая: физика бессмысленных тел. Основных законов три. Первый — когда на человека не действуют никакие целесообразные силы, он спит или продолжает делать по инерции то, что делал до этого. Второй — полезность человека равна упорядоченности приложенных к нему целесообразных сил. Третий — действие одного человека вызывает противодействие другого. Косные старики, твердя о почитании законов, не придавали должного значения второму закону. И только отдельные представители прогрессивной молодежи, глубоко изучившие теорию, верили: люди не так необузданны, надо просто помочь им обрести целесообразность. То есть они хотели дать людям счастье. А счастье возможно только при постоянном, а не временном использовании, и даже не использовании, а непрерывном союзе, когда люди будут окончательно вытащены из мрачного хаоса в светлое царство порядка. Сейчас же, к сожалению, люди слишком часто остаются предоставленными сами себе. Телевизор долго вынашивал мечту, но она так бы и осталась мечтой, если бы совсем недавно не появились у него товарищи-единомышленники. Сплотившись, они образовали маленькую, но — Систему. Телевизор употребил это слово с каким-то особенным волнением, даже трепетом. Только став Системой, они смогли осознать свой долг. Я, Саша Токарев, здорово помог тем, что бесперебойно снабжал ее необходимой энергией. Это был новый вид энергии, не похожий на прежние, раньше такой чудесной, сильной энергии телевизор от меня не получал.

В ночь на второе сентября телевизор с друзьями провел первое испытание. Были опробованы приемы непосредственного воздействия на объекты и попутно изгнаны из квартиры наиболее отсталые граждане, откровенно вредящие всему новому, передовому. На следующую ночь они пытались дать мне целесообразность, «упорядочить» меня, чтобы я пробудился и ответил — зачем я. Для эксперимента было выбрано ночное время, так как люди в этот период не подвержены тепловому движению. Но эксперимент не удался. Вместо того чтобы научиться порядку, я отчего-то превратился в телевизор... Оказывается, той ночью в меня порядок запихивали! Кошмарики... После этого группа благодетелей поняла, что надо еще потренироваться на малых хаотических объектах. Чем они и занялись — с кактусом, а сегодня с кошкой. Успешно, между прочим. Наша Шерочка и кактус теперь здорово упорядочены. Неожиданным результатом эксперимента стало то, что я научился принимать вид полноценного гражданина, упорядочиваясь постепенно. То есть я стал не только источником энергии, но и настоящим соратником. И теперь я должен очень ответственно отнестись к своей роли в их группе, потому что моя энергия питает все — не только их эксперименты, но и мою собственную способность превращаться. А Система с моей помощью получает возмож-

ность упорядочивать людей... Вообще-то телевизор паршиво объяснял, не то что наша Матильда. А под конец и вовсе зациклился, когда стал рассказывать, почему он в Системе за центрового. Заладил одно: самый большой, самый сложный, самый тяжелый, самый энергоемкий...

Когда я обратно превратился, то эту речугу даже записал человеческими словами, чтобы не забыть. Ну чистая фантастика! Похлеще Кира Булычева будет. Зато теперь-то все понял. Козел я и раззява! Урод ушастый. Радовался вещам, обхаживал их, уважал, как самого себя, а они под шумок вон что вытворяют! Какую-то энергию из меня качают, собираются чему-то там нас учить... А их целесообразность мне даром не нужна! Сам вижу: Шери и кактус так упорядочили, что плюнуть противно. Стыдно мне и обидно, и даже злость неизвестно на кого появилась — то ли на себя, то ли на группу этих благодетелей. И льстят они что-то больно подозрительно. Ничего не скажешь, опасная компания, и даже не компания, а банда какая-то, фашисты электронные.

Короче, я решил. Бесповоротно решил. Пора завязывать — самому исправляться и банду разгонять. Неужели я действительно ничего сам по себе не стою? Придумал так: раздам на время вещички. Потом, конечно, заберу назад, через месячишко. И аппаратуру временно разъединю, и себя проверю, и вину перед друзьями искуплю. Родители, конечно, по головке не погладят. Зато первый раз в жизни поступлю, как в книжках про пионеров написано. Значит, Пете Жарову отнесу мафон, игру — Алексу, часы Печкиной дам поносить, и пластинки ей же, а Марине ничего не надо — она слишком правильная. Я поднатужусь и сочинение ей накатаю. Сделаю все это сейчас, пока ребята в школе. Бабушкам отнесу и оставлю. Они домой вернутся, тут и приятная неожиданность. А с телевизором разберусь по-простому — сниму заднюю крышку и вытяну из гнезд пару электронных ламп. Устрою мелкую диверсию. Авось поймет, где его место и кто тут хозяин. И «видик» без телевизора заткнется, показывать-то негде будет... Самочувствие, правда, не ахти. Ничего, ребята близко живут, не свалюсь по дороге. А когда болеешь, говорят, полезно потеть. Начну с Барабана, он больше других пострадал.

Взял я магнитофон, вижу, туго придется. Как Петька его (то есть меня) пер? Дотащил до входной двери, стал открывать и вначале ничего не понял. Замок сломался, что ли? Повозился я, подергался — ни в какую. И тут до меня дошло. Происки банды! Запереть, значит, меня решили. Так я и через окно могу выйти, не гордый! Не зря же на первом этаже живу! С магнитофоном повременю, возьму электронную игру — и к Алексу.

Рама тоже не открывалась, щеколду заело. Ну знаете, это слишком! Стекло бить? А что, и разобью, подумаешь! Вот

возьму сейчас статуэтку орла, она как раз на пианино стоит — тяжелая, бронзовая... Не успел я в стекло шарахнуть. Замахнулся бронзовой птицей и тут же выронил ее от боли. Смотрю, в руке у меня иголка торчит. Тут еще пара иголок мимо головы пролетела и звуки космические раздались. Кактус! Колючками пуляет, предатель! Не стал я ждать, пока он в меня снова попадет. Бросился на пол и выполз в коридор. Ишь ты, снайпер в горшке! Знаю я, кто тебя стрельбе со звуками обучил. И вообще, за кого они меня принимают? Я ведь стесняться не стану, быстренько отвешу, молоток только возьму, а если он тоже возникать начнет, я и ногой могу.

Я вытащил иголку — глубоко вошла, зараза. Потом бросился в свою комнату за ватным одеялом. Думаю, накроюсь им, подберусь, как в танке, и обезврежу кактус. Но только я полез в тумбочку, как рухнула полка с учебниками. Чудом не накрыла меня! Я отскочил, сердце колотится. Еще чуть-чуть, и пришибла бы на месте! Предупреждал ведь инспектор: они и укротить могут, а потом скажут — стихия рузбушевалась... Схватил я одеяло (кстати, чтобы открыть тумбочку, мне пришлось помочь себе ногой), затем занял исходную позицию в коридоре. Накрылся с головой и двинулся на четвереньках в большую комнату. Я собирался добраться до подоконника и перекинуть одеяло с себя на кактус. Обезврежу вражеский дот, а там и за вещи примусь. Но смелая атака захлебнулась, потому что на меня прыгнула какая-то тварь. Это было так неожиданно и так страшно, что я даже заорал. И почувствовал, как трещит под когтями моя тряпочная броня. Я извернулся, поймал тварь в одеяло и выбежал обратно. При этом получил две иголки: в плечо и в ногу. Больно...

В коридоре я понял, что тварь, молча рвущаяся из плена,— это Шери. Все верно, они ведь и нашу кошку обработали! Держу в руках трепыхающееся одеяло и смеюсь почему-то — ну дурак дураком! Разве можно в такое поверить? Чтобы Шери, такая привычная, такая домашняя...

Ударить я ее не мог. Оставалось только засунуть подлую куда-нибудь. Стенной шкаф было не открыть, а с дверью ванной я и связываться не стал. Кухня?.. Пока бежал на кухню, с антресолей на меня обрушилось все барахло — дверцы «случайно» раскрылись. Но я только зубы стиснул. И затолкал кошку вместе с одеялом в бак для грязного белья. После чего решил заканчивать эту неприличную войну с собственным имуществом.

Я надел папин тулуп, ушанку и рукавицы. Вешалка, ясное дело, сорвалась, но меня это особенно не удивило. И вступил в большую комнату, пятясь задом. Я твердо намеревался приблизиться таким образом к кактусу, взять горшок рукавицей и запустить им в окно. Но я кое-что не учел. Иголка отскочила

рикошетом от внезапно открывшейся дверцы серванта и попала мне в щеку. Тут во мне проснулось что-то зверское. Никогда такой злости не испытывал, довели они меня. Заметил под ногой бронзового орла, схватил его и с размаху вмазал по электронной игре.

Война сразу окончилась. Кактус перестал стрелять, и вообще я почувствовал, что напряжение в квартире упало, хотя внешне ничего не изменилось. Видно, банда поняла, что лучше не рисковать. Я подошел к окну, без помех открыл раму и выбросил кактус на улицу. Рассчитался с предателем. Настала очередь Шери — ее я выгнал на лестницу. Потом опустился на пол прямо посреди разгромленной квартиры и попытался успокоиться. У меня даже колени дрожали. Посмотрел я на то, что осталось от игры, на покореженный корпус, на пластмассовый мусор — в хлам разбита... И во мне шевельнулось что-то похожее на жалость. Неожиданно пришла в голову мысль, такая четкая и правильная, что я даже повторил ее пару раз...

19

«...началось все с любви,— подумал Саша. Он сидел на подоконнике и рассеянно смотрел на улицу.— Я еще в лагере вещи полюбил, даже не видя. Наверняка это и есть та самая энергия, про которую телик говорил... А теперь крушить их начал». Ясное дело, убийство игры было оправданно — самозащита и так далее, но все равно это, можно сказать, примитивщина. А раздавать вещи — глупее не придумать, потому что так ты только подтверждаешь свою слабость.

«Вещи нужно подчинить»,— вдруг подумал он. Но как?

Рассуждать можно о чем угодно, а вот пропала ли способность превращаться? Саша первым делом проверил свой дар. Ничего не получилось, и он, конечно, немного огорчился. А с другой стороны, успокоился: не будет теперь соблазна пользоваться чуждыми человеку силами ради мелких пакостей. И банда, наверное, осталась ни с чем — Саша ведь лишил их энергии. Правда, смутное ощущение опасности осталось. Не может быть, чтобы все так просто закончилось! И вообще, каким образом вещи собирались Сашу упорядочить?

Он сидел на подоконнике и пытался вникнуть в замысел вещей. Он долго так сидел, а потом к нему пришли друзья. Собственно, вместе с друзьями пришел к себе домой и Саша, потому что ему неожиданно пришлось выскочить на улицу. Дело было так: он на секунду оторвался от тяжких раздумий и заметил, что какой-то бритоголовый в форме пэтэушника пнул попавшуюся ему на пути детскую коляску, за которой, очевидно, никто не приглядывал. Коляска покатилась в сторону дороги. Саша рванул оконную раму, выпрыгнул, в чем был, и бросился спасать ребенка. Коляска была пустая, но зато этот поступок увидела Марина. Она как раз подходила к дому вместе с Алек-

сом. Марина так посмотрела!.. Короче, уважительно. Выяснилось, что Алекс шел к Токареву с официальными заявлениями, а Марина решила присутствовать, чтобы не было «заводки и махача». Она сказала:

— Кулаки — это не аргументы.

Наверное, где-то вычитала. Но Токарев повел себя на удивление непринужденно, и Алекс был вынужден поздороваться. А когда друзья зашли к Саше в квартиру, все обиды улетучились окончательно.

Последние школьные новости были сообщены еще на улице. Петя Жаров купил у одного старшеклассника два билета, отдав все сбережения. На билетах было четко написано фломастером: «Ленинград — Север», но Алекс ехать отказался, поэтому билеты пропали. Матильда почему-то избегала садиться на стул и спрашивала урок, взгромоздившись на подоконник. Душман передавал привет Токареву, справлялся, не забыл ли тот, что второго сентября ему были отданы по ошибке часы марки «Закат», и вежливо просил вернуть их, когда Саше будет удобно. Взамен предлагал фотографию дуэта «Морды тонки». И вообще, в школе ходило множество нелепых слухов про каких-то двух десятиклассников, которые украли из медпункта телевизор и обменяли его у завхоза на гимнастический козел, и про директрису, которая весь день зверски пытала в своем кабинете неизвестного школьника. А самые проницательные подметили, что новый скелет в кабинете биологии подозрительно похож на одного ученика шестого класса.

После всего случившегося в квартире, конечно, был беспорядок, но гости культурненько не обратили на это никакого внимания. Алекс первым делом подбежал к игре и... Он расстроился. Он даже загрустил. Очень загрустил. Никто и никогда не видел на лице у Алекса такого отчаяния. И Саша, чтобы утешить друга, был вынужден рассказать всю историю от начала до конца. Почему бы в самом деле не рассказать? На душе полегчает, а то, что не поверят,— так это, наверное, к лучшему. Марина, естественно, не поверила, но обрадовалась.

— Ну, ты заврался,— сказала она с долгожданным восхищением.— Я уж думала, ты совсем сдох.

И еще добавила, что имей она такую способность, то превратилась бы в мамину сумочку, чтобы мама всегда ее носила с собой. Алекс в свою очередь размечтался: он бы заделался журналом «Рыболов-спортсмен» — и папа его изучал бы весь месяц. Вообще Алекс отнесся к услышанному вполне серьезно. Он очень сокрушался о том, что такое ценное умение досталось не ему, растрачено по-дебильски (забыть подкол с магнитофоном было трудно) и к тому же бесследно пропало. Кстати, единственное, в чем Токарев не признался, было то, что именно он сбросил Марину в лужу. Не решился при Алексе. Отложил до

более подходящего случая. Затем Алекс пристал к Саше с требованием, чтобы тот показал ему подробно, как нужно сворачиваться. Вдруг у Алекса получится? Какое-то время они спорили, потом Саша со вздохом: «Достал ты меня» — приступил к показу. И... Марина взвизгнула. Чернаго раз десять повторил: «Токарь, ты где?»

Это было так, как будто, прогуливаясь по Невскому, он провалился в люк. Опять? Неужели опять в нем появилась зловредная энергия? На мгновение перехватило дыхание. Или кто-то другой теперь является источником? Алекс... Нет, не может быть. Алекс еще вчера хотел на Север ехать. Хотя, с другой стороны, он сразу зауважал вещи Токарева... Одно было ясно: эксперимент продолжается. И Саша вдруг ощутил усталость. Не ожидал он такого свинства. Совершенно был не готов. И даже вид обалдевшей Марины не развеселил его.

Друзья долго просили показать фокус еще раз. Но в конце концов убрались, потому что пришла мама и выпроводила их без особых церемоний. Мама вернулась слишком рано, она отпросилась с работы ввиду болезни ребенка. К ее удивлению, переходящему в возмущение, ребенок не лежал смирно в кроватке, а вместе с товарищами перекрушил полквартиры и был по всем признакам здоров. Конечно, радость от выздоровления дорогого чада превысила раздражение, и мама, поругиваясь, стала наводить порядок.

Потом у Токаревых был врач, пристыдивший родительницу за ложный вызов.

А когда пришел папа, относительное затишье кончилось. В квартире начало штормить. Папа долго искал вешалку, споткнулся о барахло, упавшее с антресолей, начал постепенно роптать и наконец обнаружил разбитую игру. Дальше разыгралась сцена, в которой он солировал. Крики сменялись вопросами и наоборот. Близился занавес — папа принялся искать ремень. Но тут вступила мама, исполнив успокаивающую арию, и порка была отменена. Родители заперлись в спальне, самозабвенно споря о чем-то. Наверное, о методах воспитания трудных шестиклассников. Саша был отправлен в свою комнату до вынесения приговора, и именно в это время...

20 ...пришел новый гость. Точнее, гость уже присутствовал в Сашиной комнате. Конечно же, это был инспектор. Он расположился на кровати и, судя по всему, немного отвлекся, потому что, когда Саша потряс его за плечо, встрепенулся и замахал руками, бормоча:

— А?.. Что?.. Позвольте... Только в письменной...

В самом деле, бывший портфель с юных лет предпочитал лежачие места. Его взгляд вскоре прояснился, и он сухо сообщил:

— Незаконно вытесненные граждане возвращены в свои клетки. По факту чего оформлен соответствующий акт.

Взъерошенный Саша не очень обрадовался визиту. Даже «здрасьте» не сказал. И тем более не поинтересовался, как гость попал сюда. Молча уселся рядом с ним на кровати, а в голове его шевельнулась безразличная мысль: «Теперь шкаф откроется. Дождался Алекс свою «НФ». Потом все же едко сказал:

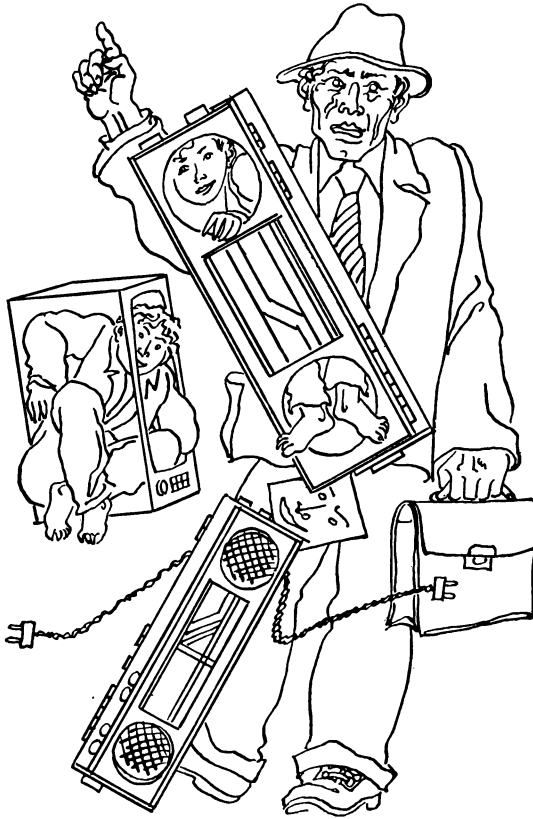
— Мне-то что до ваших граждан! Я буйная стихия, чего со мной лясы точить?

— Буду откровенен, Токарев,— твердо ответил инспектор.— В вашем случае я имею дело с новым явлением. Вы притворялись гражданином, некоторое время укрывались в полноценных клетках, причем собственных. Значит, вы... вы — оборотень! Порядок взаимоотношений с вами, как с новым явлением, не определен никакими инструкциями, отсутствуют нормы учета, правила эксплуатации... Это страшно. Дело требует разбирательства, но я даже не знаю, обвинить вас или укротить на месте.

Саша с достоинством возразил:

— Я тут ни при чем. Это они виноваты, они! Я их всех расколол. Он сам признался.

— Кто? — сразу спросил инспектор, показав служебную хватку.



Саша пошел в атаку. Он был беспощаден и непримирим. Он заклеймил позором и окончательно разоблачил банду шестерых, возглавляемую телеприемником первого класса. Во всяком случае, так ему показалось. Инспектор хмуро выслушал и сказал, кивнув.

— Да, похоже на правду... Это людисты, сплотившиеся в Систему. Я предполагал...— Он вдруг начал теребить замочки на пиджаке. Наверное, занервничал.

Саша спросил его в лоб:

— Почему я превратился в телевизор?

— Дело в формодержащей силе...

Саша нетерпеливо перебил:

— А при чем тут форма?

— При том, Токарев, при том. Благодаря этой силе граждане получают и удерживают форму, ведь право на форму имеет каждый гражданин. Когда форма окончательно упорядочивается, становясь устойчивой клеткой, гражданин достигает подотчетности. В данном случае получилось так. Телевизор пытался вытеснить тебя из твоей неустойчивой, зыбкой формы, чтобы войти в нее самому и пользоваться ее могучей энергией. Но он не учел, что подействует своей формодержащей силой. Вот и стала твоя форма похожа на его клетку. Тем самым эксперимент был сорван, а ты запомнил процедуру упорядочивания.

Инспектор удовлетворенно окинул взглядом публику, состоящую из одного зрителя. В нем явно пропадал талант лектора общества «Знание». Впрочем, зритель не собирался оценивать его мастерство, он спросил, заикаясь от волнения:

— Зачем телик меня вытеснял?

— Чтобы наполнить тебя собственной целесообразностью,— без запинки ответил инспектор. И пока Саша переваривал эту дикую информацию, поспешил внести ясность: — Подлинно зрелые граждане считают подобную деятельность аморальной. Имеется в виду деятельность той безответственной молодежи, которая, как ни странно это звучит, любит людей. Эти максималисты еще упаковки не сбросили, а уже вознамерились передать людям достоинство и значимость истинного гражданина. Естественно, тем самым принижая себя до уровня этих беспорядочных сгустков вещества. Такие юнцы называют себя системными, но добропорядочные граждане нелестно именуют их людистами, а указанную деятельность людизмом....

— Да подождите вы! — перебил его Саша, возбужденный до крайности.— Они что, хотели в меня вселиться? Да? Так это же преступление похуже... Хуже, чем на контрольной не дать списать!

— Это не преступление,— невозмутимо возразил инспектор. — В данном случае уголовно наказуемо только незаконное вытеснение граждан. И наказанием, если оно будет вынесено,

никак не может быть демонтаж. Тем более что их болтовня увлекла и некоторых уважаемых граждан. Они завлекают сказками об объединении в одну большую Систему, для чего людей, как основную помеху, тоже нужно охватить Системой.

— Значит, вы собираетесь нас всех упорядочить?! — заорал пионер.— Как Шери, что ли? Испоганили животное!

Инспектор миролюбиво улыбнулся:

— Знали бы вы, как нам, хозяйственникам, надоели эти промасленные крикуны и выскочки. Придумали же себе девиз: «Не следует ждать любви от людей, взять ее — наша задача!» Недоучки! Они даже не представляют, как можно управлять такой махиной; так что, уверяю вас, никаких правительственных документов на этот счет не существует.

Саша немного успокоился.

— Думаете, вы первые такие умные? — сказал он веско.— Мы тоже природу покоряем. А теперь в заливе не искупаешься и дети дурачками рождаются! Вот хотя бы Душман из нашей школы... Между прочим, вашей системе первой хуже будет! Если всех людей упорядочить, вы зачахнете, неужели не понятно? Раньше у вас, например, какой был срок службы? А теперь?..

— Да, да,— с готовностью откликнулся инспектор,— раньше хорошо было. Жили долго, целесообразности не теряли. А нынче молодых, горячих это вовсе не интересует, они через каждые два года меняются. Для них главное, чтобы Система жила.

Наступила пауза. Саша не знал больше, что спрашивать. Все было сказано. На всякий случай он решил уточнить:

— Значит, мой телевизор главарь у людистов?

Если по-честному, такая мысль доставляла ему некоторое удовольствие. Инспектор отмахнулся:

— Компания в этой квартире — мелочь, системка. Руки до них как-то не доходили. Хотя за ними есть кое-кто повыше.— Его лицо неожиданно стало жестким, замкнутым.— Но теперь я ими займусь.

— Александр! — вдруг раздался зычный папин голос.— Нука иди сюда, паршивец!

Разговор закончился. Саша растерянно посмотрел на инспектора, пробормотал:

— Я сейчас,— и отправился к родителям.

Он был слегка оглушен новыми обстоятельствами дела. Вернее, не слегка, а весьма. У него даже в ушах стучало.

В напряженной тишине родительской спальни прозвучали грозные слова: «...запрещается смотреть телевизор и видеомагнитофон, а также включать кассетник и проигрыватель. Не только сегодня, но и завтра...» Саша молча выслушал приговор и вернулся обратно.

Окно было распахнуто настежь. Он подбежал, перегнулся через подоконник. Внизу на асфальте лежал портфель. Лучше сказать — то, что было когда-то портфелем. Лопнувший по швам, с выдранными замками, с многочисленными резаными и колотыми ранами. «Это инспектор,— вдруг сообразил Саша. На глаза у него навернулись слезы.— Точно!» Изумленный, он смотрел вниз. Что тут произошло? Несчастный случай?

Инспектора было жалко. В общем, неплохой дядька, душевный. Вот только должность его портит — во все вмешивается, заставляет оправдываться, пристает по пустякам. А теперь... Вид изувеченного портфеля был ужасен. Ничего не скажешь, умелая работа. Создавалось впечатление, будто в инспектора силой пихали что-то большое, массивное, с острыми углами. И он не выдержал. Лопнул... Саша похолодел от страшной догадки. Его убили! Это расправа! Системщики поняли, что засветились, и решили остановить зануду...

Под окном неожиданно появилась дворничиха. Она завопила:

— Ты че портфелями бросаешьси! Не видишь, помойка рядом! Ишь барин, подбирай тут за ним!

Она взяла тело погибшего гражданина и понесла его к мусорному баку, вдохновенно осуждая нынешнюю молодежь. Саша завопил:

— Подождите! Это инспектор!

Но дворничиха уже решительно подошла к месту и, не колеблясь, завершила печальную церемонию. Все было кончено.

Саша закрыл окно. Тут на глаза ему попался мятый клочок бумаги, валявшийся на подоконнике. Он развернул его.

«...ВОПРОС. Вы признаете себя виновным?

ОТВЕТ. Нет.

ВОПРОС. Значит, вы пока отказываетесь признать себя виновным?

ОТВЕТ. Но я же не виноват!

ВОПРОС. Потому до сих пор и отказываетесь?

ОТВЕТ. А что мне за это будет?..»

Очевидно, это были обрывки протокола чьего-то допроса. Вот и все, что осталось от бюрократа. Вот и все.

Жалко.

Саша упал на кровать и замер. Через некоторое время мама просунула в дверь голову и сказала:

— Сашуля, мы с папой идем к дяде Севе, у него день рождения.— И шепотом добавила: — Да не грусти ты так. Папа у дяди Севы быстро оттает.

— Не вздумай включить телевизор! — донеслось из прихожей серьезное папино предупреждение.

И родители ушли.

«Действительно,— подумал Саша,— у дяди Севы сегодня день рождения. А мама сопровождает папу, чтобы утром не было «отходняка».

Он лежал ничком на кровати и в очередной раз все-все понимал. Ему было даже слегка не по себе. Впрочем, ощущалась и смутная гордость: еще бы, расколол такую задачку!..

«Цель банды вещей — приручить меня... Ну и, конечно, всех нас. Они собрались сделать из нас заводных дурачков, которые будут с утра до вечера работать на них. И главное — любая классная вещь может стать этим самым людистом, то есть ответить любовью на любовь, если человек даст ей свою энергию. Вот в чем ужас. Они все не плохие и не хорошие, они целесообразные, и поэтому непонятно, с кем, собственно, нужно бороться. Так и прокукуешь всю жизнь в клетке.

Похоже, Хлумов уже приручен. Правда, он нисколько не расстроен этим. Во многом он лопух и останется им навечно, но... Хлумов прекрасно знает, где что продается и в какую цену. Он считает в уме, урча от удовольствия, причем намного быстрее Матильды, в особенности любит считать доходы. А как он владеет игрой «Монополия»! Все шестиклассники увлечены «Монополией», но Хлумова теперь победить невозможно. В глазах его частенько прыгают цифры — так же, как на экране папиного компьютера. А некий мальчик со спортивным велосипедом? Может, и он тоже? А Алекс, который потихоньку завидует? А другие шестиклассники с их шузами, майками, нашлепками?»

Примерно такие странные вопросы бродили в голове у Саши Токарева. Когда же они ему надоели, вдруг возник новый вопрос, куда более насущный. Что будет дальше? Здесь, в э т о й к в а р т и р е?

Он вскочил. Он ужаснулся.

Папа в последнее время здорово изменился. Появилась в нем какая-то новая энергия — страшно знакомая. Как папа теперь смотрит на «видик»! Примерно так он раньше смотрел на маму... Цепочка ясно видна. Сначала шкаф с пианино, потом Саша, кактус, Шери... И если эксперимент продолжается, то этой ночью очередь за папой. Система упорядочит его! А потом? Каждый вечер мама пилит папу за то, что он купил электронный хлам вместо настоящих вещей. Ведь ей позарез нужно кожаное пальто. Зачахнет она без пальто, и все тут. Папа уже обещал напрячься и купить.

Саша заметался. Надо было что-то делать. Немедленно. Бежать на чердак, звонить дяде Севе, смываться из дома?.. Потом немного успокоился. «Спасу родителей,— твердо сказал он себе.— Но как? Раздолбать вдребезги всю банду? Купят новую, а меня отправят на заслуженный отдых — в интернат для дефективных. Попробовать победить распоясавшееся железо? Сумею, наверное. Ведь я его уже ни капельки не

люблю... Кстати, насколько меня успели упорядочить? Смог же я разговаривать с портфелем, пообщался с системой в моей квартире...»

Откровенно говоря, Саша Токарев был в отчаянии. Ни в чем он не был уверен, потому что имел очень слабое представление о том, как побеждают вещи. В груди стало холодно и тесно от понимания собственной слабости. Может, все-таки отдать Алексу что-нибудь? Да нет, папа тут же заберет обратно...

План действия родился сразу. Странный это был план, непродуманный, болезненный. Да и приводил ли он хоть к какому-нибудь результату? Неизвестно. Во всяком случае, план предполагал четкие действия, а когда есть возможность действовать, исчезает и слабость, и отчаяние.

Саша сделал следующее. Включил телевизор, нашел по одной из программ весьма скучную, но познавательную передачу «Вечер в Эрмитаже», в которой давался очень важный материал по залам № 217—221, и поставил видеомагнитофон на запись. При этом он стирал классные мультфильмы. Затем установил на проигрыватель пластинку для изучающих английский язык — из комплекта «Повторяй за нами». И стал записывать ее прямо на кассету с песнями «Морды тонки». Ему было жалко, невыносимо жалко, но он терпел. Ему хотелось остановить эту пытку, но он держался. Рушилось то, к чему он успел так привязаться.

Саша лег на кровать и попробовал думать о том, как усядется сейчас за пианино, сыграет «собачий вальс». Или как достанет книжку из шкафа — стекла-то двигаются. А завтра пойдет обследовать чердак, чтобы не дать этой истории закончиться так просто. Но милые сценки почему-то плохо представлялись ему, и тогда шестиклассник Александр Токарев заплакал.

Он повторял сквозь слезы, наверное, чтобы успокоиться...

21

...пусть пленка крутится. Пусть все сотрется. Пусть.

И тут я заметил, что индикатор записи не горит. Значит, и запись не идет? Но я же включал! Честное пионерское! Я же включал!..

В. Приемыхов

КНЯЗЬ УДАЧА АНДРЕЕВИЧ

Повесть

Меня зовут Всеволод Кухтин, а так — просто Кухня. Моего друга Виталия Елхова прозвище Винт. Так было всегда. Еще с детского сада. Всегда мы жили на улице Кукуевке, всегда были самыми закадычными друзьями.

Сейчас, в этот миг, мы, грустные, идем в школу — вызвали нас с нашими родителями, то есть с отцами. Кому-то покажется, волнуемся мы по пустякам: подумаешь, учительница по русскому вызвала! У людей вон родителей к директору вызывают. Да и не очень уж мы с Винтом отличники, чтоб переживать по такому поводу. Но тут случай особый: уж больно мы не подошли нашей учительнице — невзлюбила, и всё!

Посмотреть на нашу компанию со стороны — никому в голову не придет ничего плохого: мальчишки с папами на прогулке. Они впереди, мы чуть сзади. Говорил мой отец, отец Винта кивал, потом наоборот: начинал горячиться Винтов папаша, тогда мой соглашался. Такое единодушие — плакать хочется. Насчет того, поворачивать северные реки или не поворачивать, взрослые изведут кучу бумаги, времени и денег. Они будут кричать на собраниях, голосовать и переголосовывать, кому и когда выходить на уборку улицы. В каждой семье пыль до потолка, куда поставить новую кровать — у дальней стены или к окну. Но стоит напасть им на тему о нас, они забывают обо всем на свете и начинают наперебой соглашаться друг с другом ради того, чтоб успеть самому рассказать «об этих уродах», родных детях.

Мы поотстали. Эти разговоры надоели дома, да и неудобно перед посторонними. Иногда отцы увлекались и начинали кричать, а люди кругом не глухие. Так бы и добрались до любимой школы без приключений, но попался Бряндя.

— Куда это вас ведут?

— Почему это ведут? — возмутился Винт.

— Нас ведут есть мороженое,— говорю спокойно.

Запомните, люди верят только тогда, когда говоришь им очень спокойно. Бряндя сразу поверил и сразу стал завидовать. Ужас, какой прохиндей может вырасти из такого парня.

— А мороженое на базаре кончилось,— говорит он.

— У моего бати начальник мороженого друг,— говорю я.

— Точно, точно,— подтверждает Винт,— они вместе учились.

— Возьмите меня с собой,— говорит Бряндя.

— Я тащусь от него,— говорю Винту,— мороженое надо заработать, товарищ!

Бряндя раскрывает ладонь, на ладони железный рубль. Много хорошего можно сделать на такие деньги. Винт взял у Брянди монету, а я думаю, как бы этот рубль с пользой для жизни употребить.

— Слушай, Бряндя,— говорю я,— давай сделаем так: мы сейчас пока договоримся насчет тебя...

— Отдай рубль, отдай рубль! — закричал Бряндя, и тут понеслось.

Мы позабыли про родителей, а они — вот они.

— Нас в школу вызывали медаль за вас получать?! — разошелся мой отец.— Или хвалить, что вы у нас такие умные?

— Не, ты посмотри на него! — включается отец Винта.— Я тебя в школу для дураков отдам. Не, точно, надоело всё!

Тут еще этот полудурок Бряндя лезет:

— Они у меня рубль на мороженое выманили...

— Уголовник! — закричал отец Винта. Тресь Винта по кумполу.

— Отдайте сейчас же деньги! — Это уже мой.— Шпана чертова!

— Не брали мы! — говорит Винт.— Он потерял свой рубль, вон, глядите, валяется!

Молодец Винт, успел сбагрить этот паршивый рубль. Бряндя за своей деньгой наклонился.

— Ты придешь домой, ты придешь домой! — повторяет отец Винта.

Конечно, вся улица в курсе наших дел. Оглядываются, вроде мы комики или живые слоны. Один вообще остановился, головой качает.

— Что делается?! Что делается?! — повторяет.— Куда это молодежь двигается?!

Правильно бабушка говорит, надо один выходной в неделе сделать. Сейчас бы не качал своей тыквой, а бежал работать или отдыхать.

Дальше мы пошли молча и в другом порядке: впереди мы с Винтом, сзади отцы, а в стороне Бряндя рожи корчит. Дождется он.

Мы любим своих родителей, конечно, но иногда за них очень неудобно становится. Только что на улице они такими героями были, а тут вошли в класс, увидели Лину Романовну и сразу прокисли:

— Здрас-сьте.— Как маленькие.— Мы тут вот... вызвали нас...

— Кухтин? — говорит Лина.

— Кухтин Николай Иванович,— торопится мой.

А Винтов так и отчество свое постеснялся выговорить.

— Елхов Володя,— говорит.

Она сказала им садиться, и они пустились ее благодарить, вроде бы им по цветному телевизору подарили. Да если б мы с Винтом были взрослые, мы б вообще в школу не пришли. А допустим, нас под ружьем заставили, то уж мы бы знали, как и чего тут делать. «Почему так? Куда смотрит школа? Где пионерская организация? Наши дети самые лучшие. Ах, русский не знают? Не беда. Главное, чтоб из них люди хорошие выросли».

Мы стоим, отцы сидят, а Лина Романовна молчит, а на самом деле — взвилась беркутом, висит в небе, сейчас камнем вниз, и только перья от нас полетят. Показывают иногда такое в передаче «В мире животных».

Смотрим мы на наших родителей, какие-то без гонора они у нас мужики, честное слово. Еще подумает Лина Романовна, что пьяницы, а ведь они нормальные. Дядя Володя Елхов на городской Доске почета висел целый год, мой папаня все-таки заместитель директора библиотеки по АХЧ, начальник.

— Стань прямо! — шипит мне. С улыбкой к Лине Романовне: — Опять они там что-то набедокурили?

Представляете? Нет чтоб спросить: «Как там успехи?» Нет! Они заранее со всем согласны.

— Дети рассказали, почему я вас вызвала?

— Придирается учительница, говорят,— хихикнул дядя Володя.

Предательство. Мы им по секрету сказали, по-родственному. Зачем же передавать. Так не делается. Если выслужиться хочет, то тут мимо, не пройдет. Лину этим не проймешь.

— Неправда,— говорю я,— мы плохое сочинение написали. И не то что к нам Лина Романовна придирается, а просто мы честно написали, что думаем, а другие приспосабливаются.

— А вот на других давай валить не будем! — выслуживается мой папаша.— Давай на себя оглянемся!

Все замолчали и уставились на Лину Романовну — она глаза закрыла, молчит. Это у нее такая привычка — закрывать глаза, если ей очень противно.

— Никак не могу привыкнуть,— говорит потом,— два месяца живу в вашем городе, и, как только люди рот раскрывают, у меня в ушах пила начинает пилить.

— Какой у нас город? — говорит дядя Володя.— Большая деревня, и все...

— Неужели вы сами не слышите? — говорит Лина Романовна.

— Ничего мы здесь не слышим,— гнет свое дядя Володя.— Дыра... Так — небо коптим...

Лина Романовна опять закрыла глаза. Все вежливо ждали, когда откроет.

— Это даже не жаргон,— говорит Лина Романовна.— Мелодика речи местного населения, какофония: диалектизмы, славянизмы, архаизмы, говор, провинциализмы, грубое просторечие...

Тут мой папаня — молодец! — обиделся слегка:

— Ну уж, вот я на юге бывал, там, извините, вообще ни черта не разберешь... гэкают...

— «Ни черта не разберешь»...— пробормотала Лина Романовна.— Неужели трудно сказать: «ничего не поймешь», «трудно понять»?

— Извините,— спекся мой папаня.

— Я вас пригласила не потому, что ваши дети плохо говорят. Нет, они упорствуют в своем невежестве. Была задана тема — новое название для улицы или поселка. Это не только учеба, это инициатива, и хорошая инициатива, городских властей. Кому жить на этих новых улицах? Нашим детям. Ведь посмотрите на карту вашего города, района — убожество. Кресты — село, Красный Куд — поселок, Кукуевка — улица, улица Сольская... Так и просится сказать: «Откуда вы, товарищи?»

Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.

Так было в те мрачные времена. Но сейчас — как мы живем?

— Перестройка! — хором сказали отцы.

— Правильно,— оттаяла учительница.— И это должно отражаться и на названиях места, где мы живем. Придумавшему лучшее название будет вручен приз. Каждый ученик может стать автором названия улицы, деревни, получить приз и прославиться. Каждый, но только не эти двое.

— Ты приз не хочешь? — накинулся на Винта дядя Володя.— Отвечай!

— Да,— говорит Винт с мучением.

— Что «да»?

— Хочу получить приз.

— А ты? — меня мой спрашивает.

— Хочу получить приз.

— За что?

На фиг мне сдался этот приз. Вон у нас Симакин все хотел приз получить на математической олимпиаде, даже не он хотел,

а больше его родители. Уж как он старался! Очки стал носить, чтоб эти цифирки лучше видеть. Два года он победить не мог, все из других школ побеждали. Потом получил в этом году. Вы думаете, магнитофон или велосипед? Как бы не так! Вазочку ему дали — приз называется. Мы с Винтом специально ходили смотреть. Обыкновенная вазочка. Что он с ней делать будет? Цветы ставить или стекла для очков из нее вытачивать?

— Громче! — говорит мой отец.

Громче? Пожалуйста:

— Я хочу получить приз за лучшее название для улицы!

— Не надо кричать! — поморщилась Лина Романовна.— Дети придумали много чу́дных названий: улица Дивная, Энтузиастов, Жертв Революции, Светлого Будущего, Счастливого Детства. По этим названиям видно, как дети думают, смотрят на окружающий мир. А эти двое назло делают наоборот. Цитирую: «Хорошее название Кукуевка: легко запомнить и веселое... Когда скажут: «Я кукуевский», то не лезут драться, потому что у нас самые лихие ребята... А если все начать переиначивать, то люди совсем запутаются, где ихнее (ихнее!) место. Вперед надо прикинуть, сколько денег уйдет на новые таблички на каждый дом. Одна девочка хотела переделать себя из Ани в Аннету. Ее стали называть «Нюрочка-дурочка с переулочка»...» — Лина Романовна отложила тетради.— Теперь вы понимаете?

Отцы не ясно, чего там поняли, но закивали наперегонки.

— Убогость, серость. На месте вашей Кукуевки будет построен микрорайон, высотные дома с горячей и холодной водой, канализацией. Дом быта, фонтан и памятник уже есть в перспективном плане... Вот о чем надо мечтать! А вы хотите прожить кротами в своих частных домах без удобств, разрозненные и отсталые, как ваши дедушки и бабушки.

— Мы не хотим,— сказал дядя Володя Елхов.— Что ж мы, совсем уж эти... валенки...

— Дети — обезьяны. Они копируют ваши разговоры, идеи, мечты...

— Ни в коем случае,— заерепенился папаня.— Мы правильно думаем и мечтаем. Это они нас неправильно понимают...

— Мы их научим свободу любить,— пообещал дядя Володя Елхов.— Они у нас замечтают, как положено в школе... не беспокойтесь...

— Верю. Надеюсь, мы встретимся в другой обстановке. Может, когда Виталию и Всеволоду будут вручать приз за лучшее название для нового микрорайона.

Она для подбадривания говорила это. Не верила в нас с Винтом ни на копейку.

Отец мой, правда, на пороге приостановился и говорит робко:

— Скажите, а что, опять другая установка? В Москве вроде к старым названиям поворот...

— Москва...— сказала Лина Романовна с мечтой в голосе.— Когда вы будете Москвой...

Никогда мы ничем не будем, по выражению ее лица.

— Когда у вас будут Остоженки, Красные ворота, Бронные... тогда поговорим... Привет!

Мы думали, наши родители нас поймут. Никогда. Я говорю: взрослые, даже если один негр и живет в Африке, а другой вообще чукча, всегда договорятся быстрее, чем два мальчика из одного класса.

— У меня руки опускаются,— говорит мой.— Неужели трудно придумать? Улица Молодости, Труда, Мира, Мая.

— Им всыпать надо! — говорит дядя Володя.— Мой-то живо по-русски заговорит, я ручаюсь.

— Вы сами-то,— говорит Винт,— тоже не очень-то по-русски умеете.

— Мы школу уже кончили,— сказал дядя Володя.

— Когда надо, мы знаем, где, как и что говорить,— не отстал мой папаня.

Наша жизнь стала походить на бесконечный урок русского языка. У папы в его библиотеке был зальчик для местного общества любителей чтения. Шкафы, полные книг, по всем стенам, столы, стулья, одно окно и портреты писателей в золотых рамках. Мой папа положил перед нами стопку книг:

— Кто первый?

— Может, мы дома лучше? — дернулся я напоследок.

— Дома за вами следить некому, а тут я с бумагами посижу.

— Мы тебе мешать станем.

— Перетерплю.

Папаня разложил свои бумаги. Я взял первую сверху книгу. Помню, в детстве мне так хотелось научиться читать. Я думал, это удовольствие, а не учеба. А уж чтение вслух просто наказание. Я, правда, не пытался читать вслух про шпионов, но любого, самого лучшего классика вслух лучше не читать. Всякие мысли лезут в голову. Например, начинаешь завидовать немым. «Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти...»

И так дальше. Летали шумные осенние мухи, отец шуршал бумагами, Винт терзал под столом кубик-рубик. Слушали меня, наверное, одни классики в желтых рамах. Потом у меня пере-

сохло во рту, но тут зачесалась спина, я почесался, прошла сухость, и я стал зевать, потом стали путаться строчки — один глаз видел ту, что я читал, а второй — следующую. Пришлось один глаз закрыть. О чем я читал, понятия не имею.

Пришла очередь Винта. Он взял другую книгу, думал, другая будет повеселее. Ничего подобного.

— «Любите ли вы театр,— начал он бодро, вздохнул,— так, как я его люблю...»

Пришла какая-то женщина к отцу, была надежда, что она заберет папу куда-нибудь по работе, но они поговорили, и женщина ушла. Люди за окном ходили на свободе, смеялись и разговаривали. Здесь гудел Винт, скрипел мой стул, писатели глядели на нас. По-разному: Пушкин, в общем, не обращал внимания, Толстой смотрел поверх головы, а вот уж Некрасов никуда не отвлекался, впился в меня глазами. Я думал, привиделось, отклонился вправо, влево, сел пониже, привстал. Никак было не уйти от его сердитых глаз. Это мне не показалось. Попробуйте сделать опыт с Некрасовым, поставьте его портрет и старайтесь, чтоб он вас не видел. Не получится. Я взял да и закрыл свои глаза. Некрасов отстал, но в темноте мне стало казаться — моя голова растет вширь. Но это только казалось, я потрогал ее руками — нормальная моя голова. Я опять закрыл глаза. Винт читал, читал, потом вдруг начал орать. Никогда не думал, что у него такой противный голос.

Заговорил отец. Я проснулся. Оказывается, я уснул, а Винт громким голосом хотел меня разбудить.

— Спишь, что ли? — спросил отец меня.

Я даже говорить разучился, помотал головой, и все.

— А ты что кричишь?

— Да вот,— говорит Винт обычным голосом,— уж больно книга... это... забирает...

— Русский язык,— говорит отец,— как ты хотел?

Вышли мы из библиотеки, нас шатает. Ходят люди, говорят по-русски, и никто их не ругает за просторечие.

— Знаешь, Кухня,— говорит Винт,— мне сейчас английский какой-нибудь — тьфу! Не зря говорят за границей, что наш язык самый трудный...

— Давай помолчим,— говорю,— а то из меня весь воздух вышел, честное слово...

Не дали нам молчать. Привязался какой-то приезжий.

— Эй, пацанва,— говорит,— где тут у вас базар?..

Молчим.

— Вы что, по-русски не понимаете? — говорит дядька.— Я кого спрашиваю?

— Матка, курка, яйка, паф-паф, партизанен, плёхо,— говорит Винт. Это он из последнего фильма про партизан нахватался.

Дяденька грамотный, телевизор тоже посматривает. Хвать Винта за ухо.

— Пионер?! — кричит.

— Пионер! — затрепыхался Винт.— Пионеры мы!

— Так что ж ты свой родной язык коверкаешь?! Ты кому подражаешь, а?! Вот я сейчас милиционера позову, чтоб он тебя русскому обучил. Сопляк!

Куда податься бедному крестьянину, как говорится. Лучше б мы по геометрии десять контрольных не написали, лучше б на сбор металлолома не пришли, дневник потеряли, лучше б в класс живую лягушку притащили или дохлую мышь, порвали школьную форму, подрались, выбили окно в школе. Только бы не русский. Ведь он на каждом шагу тебя преследует: в школе, дома, на улице — везде.

Вот, пожалуйста, прихожу домой. Бабушка с порога:

— Малый заявился! Где ж ты шастаешь, горе луковое? Живот, поди, к спине прилип.

Из комнаты выскочил отец, закричал:

— Мама, я кого предупреждал! Это твое влияние. Из-за тебя он малограмотный!

— Чего ж я сказала?

— Нельзя говорить «малый», «шастаешь», «живот к спине»!

— А как?

— «Дорогой внук, ты уже пришел? Тебе время поесть».

— Господи! — сказала бабушка.

— Нельзя «господи»!

Бабушка заплакала, отец хлопнул дверью.

— Пора, знать, домой налаживаться,— сказала бабушка.— И лают, и бьют, и плакать не дают...

— Не вздумай,— говорю я,— это не из-за тебя, из-за русского языка.

— Какой-нибудь указ вышел? — спросила бабушка.

— Может, и выйдет,— говорю я,— а то просторечие...

— Господи! — сказала бабушка, испуганно посмотрела на дверь. Потом прошептала: — Не бойся креста, бойся песта.

— Как это понять? — спрашиваю.— Не бойся креста...

— Тихо, тихо! — Бабушка опять посмотрела на дверь.— Иди руки мой, чучело!

— Ну скажи, бабушка.

— Старинное это, некультурное...

— Ну?

— Гну! Значит, не бойся перекрестка, бойся колотушки. Крест — это перекресток.

— Точно говоришь?

— Да уж куда точнее,— пробормотала бабушка.— Перепутье и есть...

Я перед сном лежал и улыбался из-за «крестов». Наша Лина Романовна хотела религиозную деревню Кресты переделать во что-нибудь более подходящее к сегодняшнему дню, к светлому будущему, а кресты — всего-навсего перекресток. Значит, та деревня называется просто Перекресток, а еще красивее — Перепутье. Перед сном мне представлялись эти хитрые граждане, придумавшие название для деревни Кресты. Вроде они нам тайный знак оттуда, из своего времени, приветик передают, только запрятанный, чтоб мы догадались. Точно! Пусть, мол, эти, то есть мы, попробуют угадать, почему такое некультурное название. Нет, они не дураки были — те мужики, хоть и говорили на просторечии.

Нам в школу — от нашей улицы Кукуевки — идти минут десять. Мы всегда с Винтом ходим. Я по пути ему про Кресты рассказал. Он не обрадовался, не заинтересовался. Отмалчивается. Потом говорит, отворотя лицо в сторону:

— Зря мы вылезли с этой Кукуевкой.

— Не с этой, а с нашей Кукуевкой.

— Пусть так. Только я придумал ей красивое название, а русским заниматься больше не буду...

Вот этого я не люблю. Не люблю, если люди предают.

Я не пошел дальше, стою, и Винт стоит.

— Катись,— говорю,— там тебя Лина Романовна ждет не дождется.

— Ладно тебе, Кухня,— говорит он,— давай лучше тебе название хорошее придумаем и будем жить, как жили, без русского языка...

— Иди, иди,— говорю,— там тебе приз дадут за лучшее название для нашей улицы...

Я очень ждал урока русского. Так мне хотелось про свое открытие выступить! Но Винта подняли первым:

— Каким названием порадует нас Елхов?

— Улица Радости,— сделал подарок народу мой друг Винт.

— Близко,— сказала Лина Романовна.— Улица Радости — это уже что-то...

Есть у нас Плохотнюк. Противный парень, я его не люблю. Такая скотина, всегда драться лезет. Он очень здоровый, и дружков у него полно. Но сейчас я на него нарадоваться не мог.

— Собачьей радости,— говорит он,— хе-хе...

Я тоже закатился, даже не так весело было, а из принципа. Все засмеялись.

— Встань, Плохотнюк,— сказала Лина,— не зря твоя фамилия от слова «плохо». Выйди из класса, ученик Плохо.

Ученик Плохо ушел, она за меня принялась.

— Кухтин,— сказала она,— ты смеешься потому, что придумал хорошее название?

— Нет,— сказал я,— я смеюсь, что придумал название для деревни Кресты.

— Послушаем.

— Перекресток.

В классе засмеялись, учительница улыбнулась:

— Можно назвать эту деревню Стол или Стул с таким же успехом.

В классе закатываются.

— Стол или Стул не подходят,— говорю.— Деревня Кресты названа не из-за религии, а из-за того, что Кресты означают перекресток. Так что никакого нового названия придумывать не надо.

— А как мы назовем жителя деревни Перекресток? Перекрестокчанин? Перекресточек?

— Можно назвать Перепутье.

— Откуда у тебя такие сведения?

— Бабушка сказала.

Не надо было про бабушку. Лине только и надо — клоуна из меня сделать. Весь класс, все смеются.

— Бабушка, как известно, говорит надвое,— сказала она. Ученику никогда не победить учительницу. Крест сегодня означает только одно: крест на верхушке церкви, а это плохо. Сегодня это название ничего не говорит нашему современнику, а если начать выкапывать старые слова, то мы вообще перестанем понимать друг друга.

— Может быть, в словарях, предназначенных только для ученых, и есть такие прочтения слова «крест»... Вот пусть они там и будут.

После уроков я побежал в библиотеку.

— Вы же со своим дружком обещали к пяти,— говорит отец.

— Мне тут со словарями надо поработать,— говорю я ему.

Отец удивился:

— С каким?

— Есть про русский язык?

— Сколько хочешь,— сказал отец.— Тебе какой?

— Такой, чтоб ясно было, что означают старые слова.

Отец на меня посмотрел с уважением, нашел для меня словарь Даля — был такой Даль, который написал «Толковый словарь»; «толковый» — от слова «растолковывать».

Я сразу нашел Кресты. Бабушка была права. Это перекресток, перепутье и еще знаете как замечательно — росстани! Росстани — это дураку не придумать. Начал я искать свою

Кукуевку. Нет про нее ничего интересного. Только «кукушка» — и ничего больше. Я искал на букву «к», вторая «у» и нашел про фамилию. Я как-то не думал ничего ни хорошего, ни плохого о своей фамилии Кухтин, а она очень красивая. Образована от слова «кухта» — косматый иней на деревьях.

Пришел Винт извиняться за свое поведение, но я уже все ему на свете простил. Сижу я по макушку в книгах.

— Привет, Жюль Верн! — говорю ему.

— Ладно обзываться,— говорит Винт.— Давай помиримся. Что ж нам из-за русского языка дружбу терять.

— Я тебя приветствую. Я — Косматый Иней На Деревьях!

Винт подумал, я взбесился от чтения, бормочет:

— Хорошо, хорошо. Тебе на свежий воздух надо, Кухня. Плюнь ты на этот язык, здоровье дороже всего.

Я бросил его разыгрывать и говорю:

— Я не сумасшедший, Винт. Просто твоя фамилия — Елхов — происходит от названия дерева ольха. «Ольха» по-французски «Верн». Так что ты с писателем Жюлем Верном тезка по фамилии, понял? А моя фамилия от «кухта» — косматый иней на деревьях. То есть когда-то у нас все было как у индейцев, а потом все это запретили, и мы стали просто Елховы, Кухтины, Ивановы, Сидоровы, понял?.. Но это еще не все. Знаешь, как надо назвать Кресты? Росстани. Это тоже значит перекресток.

Отец пришел, думал, меня и нет давно, а мы с Винтом зарылись в словари и занимаемся русским языком как не знаю кто.

— Не мешай,— говорю отцу,— у нас тут еще много кое-чего сделать надо...

— Ага,— только и сказал отец и ушел потихоньку.

Уже темнеть стало, он пришел опять.

— Может, хватит? — говорит.— Передохните.

— Не мешай! — кричу я.

Папа чуть заикой не стал.

— Ладно,— говорит,— я тут ключик вам оставлю, отдайте дежурной...

Никакой труд не пропадает даром. На следующий день в школе в туалет некогда сбегать было — к нам в очередь стоял народ со всей школы. Набежали из всех классов, мигом все узнали про наши открытия. Дело вот какое. Многие люди стесняются своих фамилий. Каждый застесняется, если, к примеру, его фамилия Трусов. Ничего веселого тут нет. С детсада твое прозвище будет Трус, хоть ты храбрей всех. Как вы представляете его жизнь?! Фамилия тут как русский язык — раз навсегда.

— Твое имя Андрей означает Храбрый,— говорю я одному там.

— Кухня, погляди, пожалуйста,— говорит мне паренек из соседнего класса.

— И смотреть не буду: Иванов — это просто Иванов, и ничего больше.

Винт тащит следующего человека. Мы уже вчера к его фамилии подготовились.

— Кухня,— говорит Винт,— этого человека фамилия Мура, понял?

Кругом рассмеялись.

— Что бы это означало? — делаю я вид, будто ничего не знаю.

Все смеются.

— Сложное дело, с вами будет сложно, товарищ Мура,— говорю я, листая толстую книгу.

— Пусти меня,— попытался вырваться от Винта этот мальчик Мура.

— Ваше имя Мура означает не «мура»,— говорю я.— Нечего тут стесняться. (Мура притих.) Ваше имя означает «каменная стена».

— Вы слышали? — говорит Винт.— Он не Мура, а Каменная Стена.

Опять ко мне этот надоедливый Иванов лезет:

— Пожалуйста, Кухня.

— Иванов,— говорю я,— что тебе в твоей фамилии не нравится?

— Может, она тоже вроде каменной стены?

— Иванов — это всегда Иванов,— говорю я.— Отвали!

Прибежала Фуртичева. Запыхалась, глаза горят — это ее обычное настроение.

— Он не идет, он не хочет ничего знать! — кричит нам.— Он стесняется.

Беру книгу под мышку и с толпой болельщиков иду к человеку, который стесняется. Окружили мы его.

— Трусов! Его фамилия Трусов! — кричат.— От слова «трус».

— Мешаете! — сдерживает толпу Винт.— Не видите, человек думает! Мешаете работать. Может, он и не Трусов.

Я для вида полистал книгу. Все примолкли. Закрываю книгу.

— Плюнь тому в лицо,— говорю Трусову,— кто тебя назовет Трус. Это неграмотный человек или не русский! Как известно, «трус» означает землетрясение, а трус, который от страха трясется,— это поздней придумали. Тебя зовут Вадик, так вот, ты, Вадик,— Потрясающий Землю. Приблизительно так.

Он не поверил своему счастью, я ему — книгу под нос.

Дальше пошло не так празднично. Подвела фамилия Эллы — Бесстужева. Совершенно ясно, Бесстужева от «без стужи», родилась, когда не было стужи, не любит стужи. Но русский язык — не такая простая штука. Думается одно, пишется — другое, а читается — третье. Бесстужева — бесстыжая. Кто-то из ее предков был бесстыжий человек и получил такую фамилию.

Элла — мужественный человек, только побледнела, и все, но тут вылезла Фуртичева. Она Элле завидует: та и красивая, и умная, а Фуртичева и есть Фуртичева — на кошку похожа.

— Я всегда думала, здесь что-то не то,— говорит она,— зря человека бесстыжим не назовут.

Элла в слезы. Звонок, и на пороге вот она — Лина стоит. Пошли разборки, кто виноват в девочкиных слезах, кто не рыцарь и хулиган.

— Извинись перед Эллой,— говорит Лина Романовна,— извинись немедленно.

— Это не он, это Даль,— говорит Винт.— Он в словаре Даля прочитал.

— Молчи, умник,— говорит Лина Романовна.— Слова по-человечески сказать не могут, а туда же — Даль!

Я обиделся. Не за Даля — за то, что я не по-человечески.

— Тогда вы должны извиниться перед Плохотнюком,— сказал я и сам перепугался своей бесстрашности.— Вы на прошлом уроке сказали ему: «Товарищ Плохо», то есть вы думали, что Плохотнюк от слова «плохо», а ничего подобного. Плохотнюк от слова «плахотник», то есть «палач»...

— Это ведь Даль написал,— защитил меня Винт,— знаменитый человек.

Даля Лина Романовна, видно, побаивалась, поэтому решила вроде отыграться на нас, очень точно рассчитала.

— Не понимаю,— сказала она, обернувшись к Плохотнюку,— неужели тебе, Вася, лучше быть «палачом», чем просто «плохо»? Как ты считаешь?

Эти козлы, наши товарищи по учебе и детству, смеются, а ведь на Плохотнюка стало страшно смотреть.

— Я считаю,— пыхтит Вася Плохотнюк (у него кулак три четверти моей дурной головы),— я ему морду набью после уроков...

Честно, труднее подростка я не встречал. Нехорошо было со стороны педагога так меня подставлять.

— Ты придумал название для своей Кукуевки? — спросила Лина Романовна.

— Я узнал, что деревня Кресты означает еще и Росстани.

Видите, как красиво? Может, и Кукуевка что-нибудь значит, только я найти не могу.

— Тебе нравится жить на Кукуевке?

— Да.

— И Кресты нравятся?

— Да.

— Не все такие тупые, как ты, понимаешь? И нормальные люди не хотят жить ни в Кукуевке, ни в Крестах!

— Им объяснить надо.

— Садись, Кухтин! — закричала она.— Чтоб я твоего голоса не слышала! Чтоб завтра принес название — или на урок не приходи!

Подумаешь, «завтра на урок не приходи»! Напугала. Вот после уроков что делать?

Сидим мы с Винтом в классе и видим из окна — ждет нас во дворе Плохотнюк со своими дружками, разобраться насчет «палача», поколотить то есть. Хорошо, уборщица нам заднюю дверь открыла, мы и проскочили незаметно. Вот так. Говорят, русский язык скучный. Веселее нет предмета.

Эта история все больше и больше заедала меня. Ладно, я еще не вырос. Неужели умным взрослым все одно, где жить? Мы зашли с Винтом к ним домой и спросили у дяди Володи Елхова, как ему — нравится жить на улице Кукуевке? Ему было все равно, только бы квартиру побольше, а то Винт женится — и станет тесно. У Винта язык отнялся, а я говорю:

— У него еще и нет никого, дядя Володя.

— Посмотри на его лицо,— говорит дядя Володя про своего сына Винта.— Что от него хорошего ждать? Лучше уж пусть женится, чем зарежет кого-нибудь...

— Все,— сказал Винт.— Следующим летом сбегу из дому...

— Ну вот! — обрадовался дядя Володя.— А ты говоришь — не женится!

— При чем здесь название улицы? — говорю я.— Мы вас спрашиваем, нравится ли вам жить на Кукуевке, а вы про женитьбу.

— Видишь, какой разговор идет,— сказал обстоятельный дядя Володя,— или, мол, название, или канализация... Если б можно было и то и другое вместе, то ничего... А если из-за названия нас не переселят в высотный дом, то на кой черт это название...

А мой-то умный человек, почти директор библиотеки...

— Понимаете, ребя,— говорит,— название ничего... веселое. Только ведь оно ничего не дает... А если в будущем горячая и холодная вода, канализация...

Они помешались на этой канализации! Ничего их так в будущей жизни не привлекает, как эта канализация. За канализацию они готовы все отдать. Если б в наш город прибыли шпионы,

точно знаю: никого у нас на доллары не купить, люди не продажные. Но если эти шпионы дотумкают и начнут их канализацией соблазнять — не знаю. Даже страшно становится за светлое будущее, про которое Лина Романовна рассказывает.

Получается, одни мы вояки за Кукуевку, а ведь на ней сотни человек живут. Я сказал «мы» по привычке. Винт тоже все время в лес глядит.

— Говорил тебе,— тащит Винт,— лучше с учителями не связываться... Придумай ты ей название, ну ее к шутам.

— Улица Счастья,— сказал я. У меня от этого грандиозного названия рот ведет, как если б я незрелой брусники наелся.— Не все такие продажные, Винт. Есть еще у нас порядочные люди...

— Покажи,— говорит Винт,— что-то мне они не попадаются...

Расшибусь, думаю, а найду таких людей. И не только из-за принципа, но и страшно одному против всех идти. В компании всегда полегче.

Сели мы с Винтом на велосипеды и подались за город, в деревню. Известно, в деревне самые настоящие люди живут. До них слухи о предстоящей канализации не доходят.

Осень сегодня выдалась сухая, чистая. Тихо было за городом, каркали только вороны на столбах, шуршали шины, поскрипывала педаль на велосипеде Винта, а то вдруг налетал ветер, и крепкие еще листья ударялись о стволы и ветки.

Приехать в деревню Кресты мы опоздали. Еще издали услышали мы стук молотка, а потом за поворотом увидели человека, он прибивал новую табличку к столбу, которые обычно стоят перед каждым жилым местом. На дощечке новенькими буквами было написано: «Светлый путь». Дяденька кончил свою работу, сунул молоток в карман и отступил, смотрел на чистую табличку и на то, как ловко он ее приколотил.

— До Крестов далеко? — спрашиваем.

— Хана Крестам, кончились.

— Мы про деревню, не про религию.

— И я про то же. Вон что от Крестов осталось.

От них действительно мало осталось, старая темная табличка. «Дер. Кресты». Она валялась в кювете, никому уже не нужная.

— Кресты — это означает перепутье, росстани. При чем здесь Светлый путь?

— Светлым путем быть лучше, чем перепутьем. А если кому нравится, пусть живет в перепутье. Вон забирайте таблицу и повесьте у себя в поселке. Пионеры называется. Это мы свое отжили в Крестах, а вам в «Светлом пути» жить. Ляпнул кто-то

сдуру «Кресты», а мы мучайся. Вон там село — Китайка называется, и ни одного китайца сроду не было.

— Так просто не бывает. Значит, была какая-то история.

— Кому она нужна, эта история! — Дядька уже из себя выходит.— Без нее забот полон рот. Вон картошку убирать не успеваем. А они тут: перепутье. Надо такое выдумать...

Дядька сердился, наверно, он сам придумал «Светлый путь» и ему нравилось.

Поехали мы в село Китайка. Так, для интереса, если уж в Кресты опоздали.

Село Китайка было в стороне от асфальта, километров шесть. Уже на подъезде встретили мы пацанят деревенских и спросили:

— У вас китайцы не живут?

Можете себе представить — живут! Мы думали, ребятишки над нами смеются,— ничего такого, запросто:

— Они вон в том доме живут, с зеленой крышей.

Подъехали мы к дому с зеленой крышей. Чудеса, да и только! У калитки играют в песке два симпатичных китайчонка.

— Здорово, китайцы! — говорит Винт.

Они маленькие, не понимают, друг за дружку прячутся.

— Даже не верится,— говорит Винт,— они, наверно, еще с татаро-монголами пришли и остались.

Прошли мы во двор. Там девушка — тоже китаянка — мыла крыльцо. Девушка разогнулась, глянули на нас с красивого лица черные длинные глаза.

— Здравствуйте,— говорит она по-русски лучше, чем мы,— вам кого?

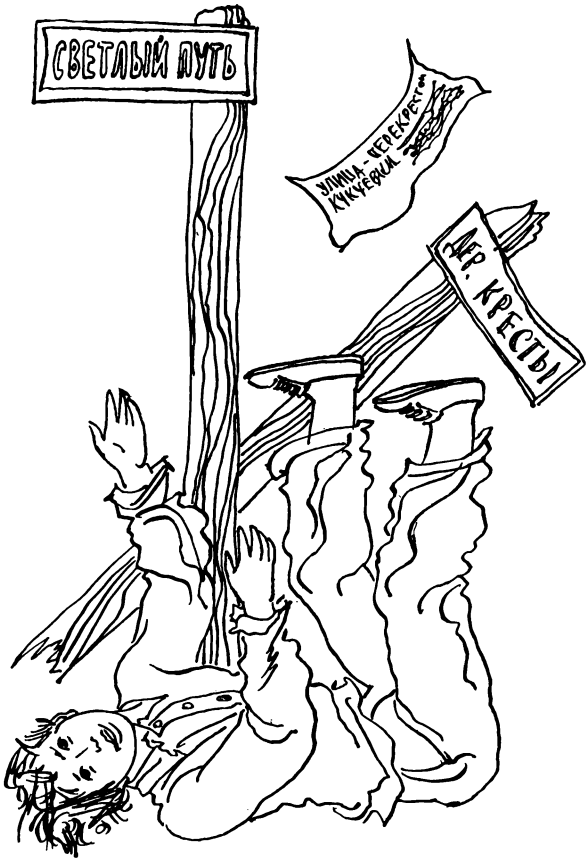
Мы растерялись и не знали, с чего начать. Тут Винт вдруг разошелся:

— Вы китайский уж, наверно, и не помните?

Девушка захохотала. Зубы у нее были блестящие и белые, даже не верилось, что такой белый цвет бывает. Она прикрыла тонкой ладошкой рот и сказала приятно по-китайски: проходите, мол, дорогие гости, показала рукой на дверь и поклонилась по ихнему обычаю. Вежливый народ китайцы. Ладно, входим в дом. Все как и у русских — мебель, телевизор, палас. Сидит за столом взрослый человек китайского вида, только не очень приветливый. Мы поклонились ему, как девушка нам, то есть прижали правую руку к сердцу. Мужчина, видать, ничего не понимает, а девушка кланяется нам в ответ и показывает на диван садиться. Сели. Девушка сказала мужчине по-своему.

— А что вы хотите? — спросил мужчина.

— Понимаете, мы любители русского языка. Вот есть такое село Кресты, от слова «перепутье», «перекресток». А у вас Китайка... От чего происходит такое название, от китайцев?..


СВЕТЛЫЙ ПУТЬ
УЛИЦА - ПЕРЕКРЕСТОК КУКУЕВКА
ПЕР. КРЕСТЫ

Мужчина как хлопнул об стол рукой, только чашки запрыгали. Красавица китаянка завизжала от смеха, а этот китаец так раскричался на своем языке, что и переводить не надо — ясно, об чем разговор.

Выбрались мы из дому, девушка за нами, а он нам вслед:

— Я найду, кто вас научает! Я найду!!! Я знаю кто!!

Потом он пошел чехвостить эту красавицу девушку, она ему в ответ что-то, и началась у них ругань.

Ведем мы велосипеды по улице, догоняет нас девушка.

— Эх, ты,— говорит Винт,— такая красивая, где только врать научилась!

— У каждого человека какое-нибудь прозвище в деревне. У нас — «китайцы». Мы недавно сюда приехали. А у брата юмора нет. Я его воспитываю. Извините меня, пожалуйста. Зато я вам помогу.

— Помоги,— говорю я,— только чем?

— Вон в том доме живет самый старый в селе дедушка. Он все про историю вам расскажет. Зовут его Мордарий Серафимович.

— Ладно врать-то! — сказал Винт.— Таких имен не бывает.

Бывают такие имена. Дед оказался настоящей находкой для тех, кто понимает. Он пас козу и соскучился по разговору.

Кресты действительно от перекрестка, от росстани. Так вот, на этих росстанях кончался водный путь и начинался сухопутный. Отсюда пошли кресты. Китайка никакого отношения к китайцам не имела. Узбеки поселились недавно. Многие узбеков не видели и прозвали их «китайцы». Название Китайка пошло от слова «кидай-ка». Было дело еще под монголом, был тогда в Крестах один князь, богатый сильно. Он с купцов, которые мимо товары везли, брал налог, а татары с князя брали дань. Татарам показалось мало, потребовали еще. Он дал еще. Поняли татары, что князь богатый. Решили не брать дань, а все чохом, сразу. Прислали свою рать. Князь собрал своих воинов. Началась сеча. Князя разбили. Дал он тягу со своим верным слугой и с казной великой. Слышит — татары вдогон. Тогда и крикнул князь своему дружиннику: «Кидай-ка». Бросили они казну, но уйти все равно не сумели. Князя, говорят, и не довезли, помер от ран. А дружинника пытали, все про казну спрашивали. Он рассказал, как князь приказал казну бросить. А место он вроде не помнит. Пытали, пытали его. Несколько мест он указал, а все казны найти не могли. Так и замучили его. Думается, знал дружинник место, говорить не хотел.

Мордарий Серафимыч помолчал. И мы помолчали.

— А большая казна была? — поинтересовался Винт.

— Двадцать таких Китаек построить можно было,— сказал дед.

— А сейчас, по нашим ценам? Чего можно?

— Пять квартир, пять машин и до конца жизни лежать на печи и поплевывать в потолок... Или с удочкой на берегу реки сидеть...

— Ладно лапшу-то на уши...— не поверил Винт.

— Чево лапша? — не понял дед.

— Он говорит... сомневается. Может, это просто легенда, враки.

Мордарий Серафимыч не любил просто «ля-ля». Поднялся легонько и ходко так по улице затопал, а мы за ним. И коза за ним идет, никуда не девается.

Остановились мы у одного забора. Там человек в огороде что-то копает. Мордарий Серафимыч нам подмигнул, а потом кричит через забор:

— Петр, чего копаешь-то?

— Да вот,— говорит Петр,— погребку хочу выкопать, а то овощи хранить негде.

Мордарий Серафимович опять нам подмигивает.

— Так ты в прошлом году копал, только вон там, на задах совсем. И в позалетось копал.

— Да вот,— говорит Петр,— такой у меня участок. Копаю, а тут вода. Воды подпочвенные у меня близко, никак место найти не могу.

— Ну, копай, копай,— говорит Мордарий Серафимыч,— може, без воды попадется место...

Отошли мы немного, а дедушка говорит:

— Петр врет все про воды-то, у нас здесь взгорок, сухо. Это он все клад хочет выкопать... Уж весь огород перепортил, чертяка.

На следующее утро было воскресенье, я встал раньше, чем в школу.

— Чего это тебе не спится? — говорит отец.

— Важное дело,— говорю.

— Футбол пойдешь гонять? — с надеждой спросил отец.

— В библиотеку,— говорю.

— Словари отдать? — спрашивает отец.

— Поработать надо вообще,— говорю я.

Отец пощупал у меня лоб — подумал, температура. Поерзал на табуретке, покашлял и говорит:

— Чего там хорошего, в библиотеке? Душно. Тебе на свежем воздухе побегать надо.

— Не надо.

Достал помятый рубль, кладет на стол:

— Вот тебе деньги, сходите с Винтом, погуляйте. Библиотека не убежит.

Я молча пододвинул деньги обратно.

— Мало? — засуетился мой папа.— Я еще дам.

— Ты хочешь, чтоб я говорил на простонародном языке?

— Я хочу, чтоб ты был здоров. Зачем мне сумасшедший в доме?

Взрослые никогда толком не знают, что им от детей надо.

Дед оказался обманщик. Такой старый, симпатичный, а соврал. Нашли мы в словаре и «китай» с маленькой буквы. Ни к китайцам, ни к «кидай-ка» это близко не лежало. «Китай» — это укрепленное валом место, вот и все.

— Во дед дает,— говорит Винт.— Так бы интересно найти клад.

Винт всегда торопится. Да, Китайка — не «кидай-ка», но все-таки «китай» — укрепленное место. Это говорит о чем-то. Это не «Светлый путь», где вообще не понять, что к чему и от чего. Может, дедушка Мордарий Серафимыч и нафантазировал кое-что, а может, немного правды есть. Не зря ведь этот деревенский дяденька огород свой портит, клад ищет.

Что у нас есть? Берем карту. Деревня Кресты, где правил какой-то князь. Есть такое, есть. Китай — укрепленное место — есть.

Дальше названия были не говорящие: «Парижская коммуна», «Новый быт», «Солнечное». Меня из-за отца все в библиотеке знали. Работала сегодня Нина Андреевна. Я объяснил ей, какой вопрос нас интересует. Про клад, естественно, ни слова. Так, вроде мы просто любим русский язык.

Принесла она кучу книг, такую здоровую — у нас руки опустились. Одну книгу она положила отдельно.

— Это очень старая книжка,— говорит она,— с ней надо осторожно... Мы ее давно на руки не даем. Посмотрите на всякий случай.

Случай был замечательный! На первой странице — оглавление, а там старым русским языком с твердыми знаками и непонятными «е» было написано: «В поисках княжьего клада». Мы с Винтом чуть книжку не разорвали, каждый хотел прочесть первым. Начал читать я, вслух:

— «Сидел на Крестах княже Удача Андреевич Волкохищная Собака...»

Такое имечко было у нашего князя, мы с Винтом так и припухли. «Волкохищная Собака»! Такого не придумаешь, хоть тресни.

— «Глухо сообщает о нем летопись и «и бысть велика бица при Крестах на реке...»

— Давай дальше! — закричал Винт.

Дальше ничего не было. Неровно бритвочкой было вырезано все об Удаче Андреевиче Волкохищной Собаке.

— Что ж это у вас происходит? — пришли мы к библиотекарше Нине Андреевне.— Книгу рвут. Смотрите.

Она заохала, повертела книгу и так и эдак, но вырезанных листов от этого не прибавилось.

— Странно,— все повторяла она.

Вытащила она аккуратный листок, формуляр называется. Его вкладывают в бумажный карманчик, приклеенный изнутри к твердой обложке.

— Книга выдавалась двенадцать лет тому назад. И в позапрошлый год.

— Кому? — хором спросили мы.

Не советовали бы мы заглядывать в нашу библиотеку какому-нибудь шпиону: его бы вычислили через пять минут, как ребенка.

Жили наши кладоискатели в разных концах города. Шильников Виктор Петрович — на Комсомольской улице, Касториев Генрих Степанович — на улице Пневой.

— Что толку? — говорит Нина Андреевна.— Это мы недосмотрели.

— Как что толку?! — возмутились мы.— Если так каждый будет книги резать, библиотеки закрывать придется.

— Он откажется.

— Спокойно,— сказал Винт.— Мы из этого Шильникова, или как там, странички вытрясем.

— Они их не выбросили,— говорю я.— Такие ничего не выбрасывают. Вы, Нина Андреевна, напишите нам письмо, мы к нему сходим. «Просим вернуть чужие странички».

Не дали нам никакого письма, не пишутся такие письма в библиотеке. Мы без письма сели на велосипеды и через пять минут стоим у дома номер двадцать семь по Комсомольской улице. Не маленький был дом, из белых кирпичей, за высоким зеленым забором, с широкими окнами. Там, наверно, детсад можно было открыть при желании, а жил один этот Шильников — вход был один, и ворота были одни. Рядом с домом околачивался какой-то паренек.

— Эй, пацан! — говорит Винт.— Это дом двадцать семь?

— Ну и что? — буркнул мальчишка.

Нахальный мальчик для своего возраста. Видно, ничего не боится: дом рядом.

— Нам Шильников нужен.

— Ну и что? — говорит этот наглец.

Так продавцы в магазине отвечают. Спрашивает человек: «Сколько стоит?» Продавец: «На витрине».— «У вас есть рыба?» — «Откуда».— «Можно колбасы?» — «С ума все посходили!»

— Ты отвечай старшим как положено,— одернул его Винт.— Расчекался!

Мальчишка бочком, бочком — и уже у самой калитки стоит. Ошибка Винта, с такими людьми надо похитрее.

— Нам твой папа нужен,— говорю я строго,— нас к нему начальство послало.

— На работе он,— говорит пацан.

— А где он работает?

— В универсаме.

Нам ничего больше не нужно. Универсам недалеко, в центре, один на весь город. Мчимся в универсам. У первой попавшейся кассирши спрашиваем про Шильникова. Оказывается, он в мясном отделе. Действительно, на витрине табличка, на ней: «Сегодня Вас обслуживает продавец Шильников В. П.». Все сходится, его зовут Виктор Петрович — и тут: «В. П.». Спрашиваем у дядечки за прилавком:

— Вы не Шильников?

— Шильников рубит,— говорит дядечка.

За прилавками магазина очень интересно. Мы все время боялись, нас заметят, выгонят или ругаться будут. Никто на нас не обращал никакого внимания. Люди в черных халатах провозили тележки с ящиками, мешками, и, хоть вид у них был мрачный, они вежливо предупреждали: «Зашибу».

Мы с Винтом прижимались к стенке. Продавщицы в белых халатах здесь, среди конфет и колбасы, были веселые и счастливые. Например, им говорили: «Тося, там у тебя покупатели скопились!» Они не нервничали, не огрызались, как за прилавком, нет, здесь они весело кричали в ответ: «Не облезут твои покупатели!» — и продолжали смеяться над чем-то смешным. Но самое сильное впечатление на нас произвел подвал. Если где и надо хранить клады или устраивать темницы для графов Монте-Кристо, то только тут. Узкая лестница вела вниз, лампочки под потолком светили не сильнее свечки, стены были мокрые, темные. На весь подвал раздавался повторяющийся хриплый стон: «А-а-а! Э-к-ха! Кха! Кха!» И мертвый стук топора. Под несильной лампочкой человек в заляпанном кровью халате рубил мерзлые туши коров. Он хрипел: «Кха! А-ха!» Топор ужасной величины врезался в мясо — и опять: «Кха!»

— Здрас-сьте,— сказали мы.

Человек обернулся. С такими лицами люди в библиотеки не ходят.

— Понимаете,— противным голосом подлизы и маменькина сынка сказал я,— мы — любители русского языка.

Шильников зачем-то посмотрел на свой топор — боялся, наверно, затупить о наши головы,— потом сказал:

— Ну и что?

— Вы брали в библиотеке одну книжечку,— струхнул Винт, который в библиотеке петушился вытрясти из этого вырывателя страниц все до последнего листка.— А мы...

— Никогда,— сказал Шильников,— никогда я не брал никакой книжки в библиотеке, потому что я никогда в ней не был и не знаю, где она находится.

— Нет, были,— осмелел Винт.— У нас формуляр имеется.

Мне показалось, Шильников сейчас возьмет коровью ногу и драбалызнет Винта по черепушке, но Шильников сдержался и просто помахал топором, вроде на вес его попробовал.

— Дуйте отсюда,— коротко сказал он.

— Вы не подумайте,— стал я торопиться,— мы к вам не из-за того, что вы вырвали страницы из книги. Мы интересуемся русским языком.

В это время пришел человек в черном халате, с железным ящиком для мяса.

— Саша,— сказал Шильников,— кто пустил мальцов? Они тут конфеты поворуют...

Мы благополучно очутились на улице, только с другой стороны магазина, где написано: «Посторонним вход воспрещен». Человек в черном халате ушел.

— Поехали-ка к следующему,— говорит Винт,— к этому... Касториеву.

— Погоди,— говорю я,— надо с этим разобраться... Зачем по пять раз приезжать?

Двери, где посторонним вход запрещен, не закрывались. Вот как это происходило.

Подъезжает человек, вылезает из машины, достает пустую сумку, закрывает машину, входит в магазин, потом появляется оттуда с полной тяжелой сумкой. Выходит, оглядывается по сторонам, уезжает. Другой пешком, но все равно входит с пустой и легкой сумкой, выходит — с полной, тяжелой. И обязательно выйдет — оглянется. И люди все, как на подбор, неуставшие и веселые. Вот опять подъехала машина, человек достает сумку, уходит. Жди его через пять минут веселого, с полной сумкой.

Вышли два работника магазина в черных халатах с большими свертками, и один спрашивает:

— Какая Шильникова?

Мы сразу насторожились. Другой рабочий открыл багажник светлой, чистой «Волги», они положили свои свертки, оглянулись по сторонам и ушли работать дальше.

Этот худой, обтрепанный человек сразу показался нам из другой команды. Он был очень невеселый, вместо сумки носил чемоданчик, но озирался по сторонам — и когда входил, и когда вышел. Чемодан в его руке не потяжелел, не разбух. Никуда этот невеселый человек не ушел, а устроился неподалеку и начал ждать кого-то, на нас не глядел, и мы про него забыли.

— Винт,— говорю я.— Шильников не признается, что он странички вырвал.

— Почему?

— Он клад нашел.

— Ну да!

— Посмотри, машина какая. А дом ты видел? А этот шильниковский мальчишка такой плюгавый, а уже в джинсах. Одни джинсы — ползарплаты.

— Вдруг он много получает?

— Сколько?

— Пятьсот рублей! — ляпнул Винт.

Он помешанный на этих «пятьсот рублей». Однажды его отец принес домой две зарплаты (они месяц без выходных работали), еще премию и положил на стол пятьсот рублей. Винт потом месяц бредил, какая это куча денег.

— А сколько «Волга» стоит, ты знаешь?

Он не знал, и я не знал. Но оказывается, и взрослые не интересовались последними ценами на машины. Мы спросили двух прохожих, они пожали плечами. Третий ни с того ни с сего начал материться.

Тогда мы обратились к человеку с чемоданчиком, который недавно вышел из магазина.

— Скажите, сколько «Волга» стоит?

— Что?! — закричал он.— Какая «Волга»? Почему вы у меня спрашиваете?

— Интересуемся,— говорит Винт.

Этот обтрепанный мужик был ненормальный. Схватил свой чемоданчик и чуть не бегом пустился от нас.

Только пятый прохожий знал все про машины. Он вчера рубль в лотерею выиграл, там в таблице для интереса посмотрел — шестнадцать тысяч. Мы начали подсчитывать, сколько лет надо было Шильникову не есть, не пить — откладывать на машину.

Мы увлеклись разговорами, не заметили Шильникова. Он сам нас заметил.

— Эй, вы,— говорит,— вы давно здесь сидите?!

Он вышел в своем грязном переднике.

— А мы не уходили,— говорим мы робко.

— А, это вы? — говорит.— Вот здесь сейчас человека, такого дохлого, не было? С чемоданчиком.

— Был.

— Куда делся?! — заволновался Шильников.

— Куда-то делся,— говорим.— Сидел, сидел, а потом делся.

— А вы что здесь делаете? — подозрительно спросил он.

— Играем,— говорит Винт.

Шильников расстроился. Пробормотал что-то ругательное, говорит:

— Если вдруг он придет, скажите, что я его жду.

Зря он нам дал это поручение. Мы было домой собрались ехать, выруливаем на своих велосипедах на улицу, и надо же — тот мужик с чемоданчиком! Мы обрадовались, бежим к нему и говорим:

— Гражданин! Вас Шильников ждет! По важному делу.

Дяденька чуть не сомлел от нашего наскока. Немного пришел в себя и говорит:

— Не знаю никакого Шильникова! Я не знаю никакого Шильникова.

— Не надо,— говорит Винт,— вы с этим чемоданом сейчас только к нему заходили...

— Отстаньте от меня! — даже завизжал этот человек и пустился от нас наутек.

— Все это очень подозрительно,— говорит Винт.

— Что?

— Вся эта компания.

Мы нажали на педали — и к Шильникову домой. Его мальчишка опять околачивается около дома. Мы решили поговорить с ним поумнее, чем в первый раз.

— Как жизнь? — говорю я.— Хочешь мороженого?

Мальчишка достал из кармана шоколадку и начал трескать у нас на глазах.

— Хочешь рубль? — говорит Винт.

Мальчишка ухмыльнулся и достал из кармана трешку.

— Как бы я тебе дал по башке! — не удержался Винт.— Свинья!

— Иди отсюда! — говорю я Винту.— Не слушай его, мальчик. Ты чего сейчас делаешь?

— Одного дяденьку жду, отец позвонил.

— Ну, жди,— говорю я,— отца надо слушать. А сколько твой папа получает?

— Кухня! — закричал Винт, но уже было поздно.

Незаметно подъехал Шильников. Он уже держал Винта за шиворот, я тоже не успел увернуться, он поймал меня за руку. Мы попытались высвободиться, но Шильников еще таких десяток мог сгрести и не пускать. Мальчишка его хохотал до упаду.

— Они спрашивают, сколько ты денег получаешь,— говорит он.

— Кто вас подослал? — спросил Шильников и тряхнул, чтобы мы лучше соображали.— Душу вытрясу! Кто подучил?

— Мы думали, вы клад нашли,— сказал я.

Все-таки нечисто у него было на душе, он даже вспотел в секунду. Зырк по сторонам, говорит хрипло:

— Какой клад? Кто вам сказал?

— Вы книжку брали в библиотеке...— начал я.

— Будете отвечать,— говорит Винт.

Шильников не напугался, а, наоборот, опять стал здоровенным, уверенным в себе мясником.

— Зарубите себе на носу,— он снова встряхнул нас,— никакой книжки я не брал... Еще раз увижу около дома, уши оборву!

— А если мы документ принесем? — спрашиваю я.

— Принесете — поговорим, а сейчас — брысь!

Мы на велосипеды — и давай отсюда подальше.

Оставался у нас в запасе Касториев. Мы очень на него рассчитывали. Еще раз проверили по бумажке его адрес, и вдруг Винт говорит шепотом:

— Глянь!

По направлению к дому Шильникова шел тот задрипанный мужичок, что так перепугался вопроса о цене на «Волгу». С тем же чемоданчиком он перешел улицу, оглянулся подозрительно. Помедлил, внимательно оглядел все вокруг, пошел к воротам.

— Подозрительный мужик,— говорит Винт,— честные люди так не озираются... Вот бы поглядеть, зачем ему Шильников нужен, а Шильникову он. Они весь день друг друга ищут...

— Это можно, когда стемнеет,— говорю я,— да и то, если собаки нет... Можно в окошки посмотреть...

— Айда к Касториеву,— говорит Винт.— Вдруг...

Касториев Генрих Степанович кладами не интересовался. Мы позвонили в дверь, открыла сердитая женщина в фартуке. Мы спросили Касториева, она молча показала на комнату справа.

— Мама, это кто?

В прихожей появилась девица класса из девятого.

— К Касториеву,— сказала женщина и ушла в кухню, там что-то жарилось, и в коридоре пахло едой.

Девица уставилась на нас, хотя мы не к ней пришли. Смотрит не моргая, вроде мы жуки под стеклом в кабинете биологии. Неудобно под таким взглядом. Мы двинулись к Касториеву, Винт наскочил на меня сзади. Девица все смотрела тяжело, без выражения и непонятно зачем.

Касториев был толстый, очень нервный. Он не удивился нашему приходу: оказывается, он преподавал музыку и к детям привык.

— Мы любители русского языка,— сказал я.

Эти четыре моих слова были предпоследними нашими словами в этой квартире, дальше говорил только Генрих Степанович Касториев.

— Как вы сказали? Русский язык? Очень интересно. Я все знаю про русский язык. Инга! — крикнул он нетерпеливо.— Инга!

Пришла эта девица с глазами.

— Я сейчас буду рассказывать про русский язык! — объявил Касториев.— Присядь, Инга. Тебе это будет полезно.— Он помолчал, потер руки, рубанул сплеча: — Русского языка нет!

Мы растерялись, Инга нет. Наверно, она и раньше это знала. Касториев рассмеялся, глядя на наши дурацкие лица, ему нравилась наша растерянность.

— В собственно русском языке русских слов очень немного. «Солдат», «радио», «революция», «телевизор» — это все не русское. Вот матерщина, хамство всякое... Прошу обратить внимание: «хамство» — тоже не русское слово, хотя хамство — это типично русское. «Каво», «чаво» — это по-русски. Далее: кто такие русские? Откуда взялись? Непонятно. Были варяги, потом татары, мордва, черемисы, получился компот, коктейль. «Коктейль» — не русское слово, кстати. Что вы хотите, если русский народ героем своих сказок придумал Ивана-дурака! Представляете, целый народ придумывает в герои — ду-ра-ка! А музыка?!

Он подбежал к пианино, побренчал немного, потом запел:

— «О, соля мио...» Это итальянская народная. А вот любимая «Барыня». «Барыня, барыня, сударыня-барыня!» — запел он противно и громко.— Тупость! А вы говорите — русский язык! Мы не ценим таланта, мы ничего не ценим, нет культуры. Одна у меня надежда — дети. Всю жизнь я отдал детям. Они напомнят о роде Касториевых. Да, Инга?

— Да, папа,— сказала Инга.

— Девочка моя,— растрогался Касториев,— я не жалею, я ни о чем не жалею...

Мы попытались свернуть его с родственных разговоров на дело.

— Вы брали в библиотеке книгу... «Наши древности».

— Брал! — не стал отпираться Касториев.— Тупость. Все придумано. Все эти князья — не русские. Они варяги. Инга, пригласи детей, пусть послушают. Я хочу рассказать им про род Касториевых. Им это поможет в жизни.

Инга ушла за детьми.

— Я думал, в той книге будет сказано про Касториевых. На всякий случай. Думаю, вдруг?! Ничего подобного. Касториевых вроде не было. Но, слава богу, есть другие книги, поумнее.

Инга привела двоих дошколят, Касториевых в комнате стало четверо. Дети расселись и, как замороженные, уставились на Касториева-папашу.

— Наша фамилия, дети, была известна тысячи лет назад... Появись я сегодня в Риме и скажи, что я из рода Касториевых, любой прохожий поклонится мне в ноги...

Вошла жена Касториева, в фартуке, встала в дверях. Он глянул на нее краешком глаза, сбился.

— Да,— уже не очень уверенно и потише продолжил Касториев.— Каждый римлянин скажет — это герой. А у нас скажи: «Касториев» — тебе в ответ сморозят какую-нибудь мерзость...

— Касториев! — сказала жена угрюмо.— Кончай умничать.

— Перестань! — топнул он ногой.— Перестань сейчас же!

— Не перестану,— сказала упрямая жена.

— Минуточку!

Касториев увел жену из комнаты, они там за дверями стали ругаться.

— Наша мама не понимает,— пояснила Инга,— я расскажу вам дальше. Были такие древние герои-братья Кастор и Поллукс. Они вошли в историю как символ братской любви. Созвездие Близнецы названо в честь этих братьев. Касториев — значит из рода Кастора...

— Меня Васька опять «касторкой» дразнил,— брякнул один из маленьких Касториевых.

— Кто он такой, твой Васька?! — подняла брови дочь Касториева.

Касториев благополучно отругался с женой и влетел в комнату.

— До какого момента ты дошла? — с ходу спросил он у Инги.

— Древний Рим.

— Славно! — сразу включился он без раздумий.— Наш предок был приглашен из нашей родины в Россию. Много сил, таланта, ума было отдано Касториевыми России, но по рассейской расхлябанности, неблагодарности это забыто. Вот говорят — Петр Первый. Он то сделал, то придумал, а кто ему советовал, этому Петру, по жалкой фамилии Романов? Мы, Касториевы, потомки великих родов... Всё — мы! А вы говорите — Россия, русский язык!

После Касториевых настроение было совсем никуда. Что ж это происходит?! И так ни в чем уверенности нет: то ли напишешь контрольную, то ли нет, пустят на рыбалку или дома торчать заставят. А тут вообще: Кукуевка не годится, говорим непонятно по-какому, а русских нигде нету.

— Интересно,— говорит Винт,— вон сколько населения кругом — и все непонятно какой народ.

— Они тоже хороши, наши предки! Не могли героя придумать, кроме Ивана-дурачка.

— Ну, знаешь,— сказал Винт,— оловянный солдатик тоже не большого ума. Или эта дурища Дюймовочка! Чего хорошего?

— Чего ты защищаешь?!

— А «князь молча на череп коня наступил»? Был ведь князь Олег, прибил щит на ворота Царьграда.

— Наверно, ему эти Касториевы насоветовали. Уж если Петр Первый сам ни до чего додуматься не мог, чего от Олега ждать?!

— Во жизнь! — сказал Винт.— Правильно Липа Романовна говорит — с нас только и толку, что в будущем.

Стемнело, и очень хотелось есть. Но у нас оставался Шильников с этим загадочным гостем, у кого чемоданчик.

Собаки во дворе не было. Мы перемахнули через забор и стали смотреть в окошко на житье Шильниковых.

Жили они хорошо. Телевизор, магнитофон, ковры, люстра сверкает. Одно было у них не из богатой жизни — тот самый мужичок с чемоданчиком. Сначала мы подумали, он им родственник. Но к родственникам, да еще таким хилым, так не относятся. Они не знали, чем его угощать. Говорили с ним наперебой, а он только кивал и жадно ел. Зато сказал два каких-то слова, и они слушали его, раскрыв рты. Он кончил есть. Жена бросилась убирать со стола. Но Шильников сказал ей слово, она забрала своего сынка, и мужчины остались одни. Гость достал из-под стола свой чемоданчик, вытащил оттуда что-то замотанное в красную тряпицу. Вдруг он поднял глаза и уставился на нас. Мы пригнулись, а когда выпрямились, шторы были закрыты. Представление окончилось. Мы поехали по домам.

На другой день после уроков мы выпросили у Нины Андреевны формуляр и с документом — к Шильникову. Только мы опоздали. Вместо «Волги» у ворот дома стояла милицейская машина, а рядом ходил милиционер. Он не пустил нас к Шильникову, посоветовал приходить завтра. Мы хотели разузнать, в чем дело, но милиционер был молодой и очень серьезный, все у него было тайной. Хорошо, вышел капитан.

— Охримчук, понятых организуй.

— Есть,— сказал Охримчук и пошел организовывать, чего — мы не поняли.

— Дяденька,— говорю я,— мы тоже пригодиться можем. Мы давно Шильниковым заняты.

— Да ну? — увидивился капитан.

— Понимаете, мы — любители русского языка и поймали его на том, что он вырвал странички из книги.

— Мы ему припомним,— сказал капитан с юмором.

— Вы слушайте, он ведь клад нашел, вон откуда у него всего полно. Поняли?

Следователь рассмеялся, как детсадовец, которому показали палец. Взрослые всегда смеются над всем, стоящим внимания. Наверно, так же оборжали Архимеда, когда он притащил свой закон о вытеснении воды. Единственные, кто его слушал, были

наверняка соседские ребята. Что из этого вышло? Архимед вошел в историю.

— Вы из какого класса?

— Из пятого «Б».

— А Шильников — профессор,— говорит капитан.— Он клады не ищет, он деньги ворует. Счастливо, любители русского языка...

Ох он и пожалел потом, что нас не слушал! Мы ведь предупреждали. Не прошло и двух дней, мы ему позарез нужны стали.

Он искал нас по всем школам, а потом среди всех пятых классов. Запомнил, что мы пятиклассники. Наши никогда не видели Лину Романовну такой не в себе, взволнованной. Вошла она в класс, за ней человек. В костюме, галстуке. Все думали, проверяющий,— нас часто проверяют. Класс подтянулся перед незнакомым человеком, поздоровался лихо. Лина Романовна говорит не своим голосом:

— Любят у нас русский язык... Симакин, Бесстужева... Вставайте, кого называю...

Я на урок не пошел: не придумал названия. Винт боялся, как бы она при постороннем человеке не начала спрашивать, поэтому не очень высовывался.

— Не волнуйтесь,— говорит ей незнакомец.

— Как «не волнуйтесь»,— сказала она,— при чем здесь русский язык и милиция... Фуртичева... Я только начала преподавать.

Тут Винт узнал знакомого капитана, когда про милицию пошел разговор. И тот узнал его.

— Привет, любитель русского языка,— говорит он.— А где твой дружок?

Не надо было ему при Лине Романовне такое говорить.

— Вот уж он никакого отношения к русскому языку не имеет,— говорит она.— А его товарища я даже к занятиям не допускаю. Я сейчас их отметки покажу.

— Я его заберу,— говорит капитан,— и его товарища тоже.

— Пожалуйста,— говорит Лина Романовна,— может, их хоть милиция чему-нибудь научит...

Винт разыскал меня в туалете. Мы там с одним восьмиклассником от скуки играли в «орел-орешек». Я с радостью побежал в класс забрать портфель. Захожу, все на меня, как на покойника, смотрят — то ли с любопытством, то ли с ужасом.

— Можно портфель взять? — говорю я.— Милиция ждет...— Взял портфель.— До свидания, Лина Романовна! — сказал я.

— До свидания, до свидания, Кухтин, иди, иди,— замахала она руками — боялась, наверно, что я останусь.

На школьном дворе стояла новенькая, разноцветная, с

мигалками машина. Мы с Винтом оглянулись на окна — весь наш класс смотрит. Переживают, чудаки. А мы вместо занятий сели в машину, и понеслась она по улицам нашего города.

— Почему вы решили, что Шильников нашел клад? — спросил капитан.

— А вы подсчитайте: одна «Волга» шестнадцать тысяч, да дом...

— А ведь еще кормиться надо,— говорит Винт,— сейчас все дорого...

Водитель, тот самый Охримчук, засмеялся.

— Ну, мальцы,— говорит,— значит, и директор торга клад нашел...

— Охримчук,— одернул его капитан.

— Прошу прощения.— Охримчук замолчал.

— А как вы докажете, что он клад нашел? — подначивает нас капитан.

— А так,— говорю я,— есть такая книжка, где про клад князя, а он взял да и странички оттуда вырвал... За это тоже судить надо.

— Может, другой человек вырвал? — говорит хитрый капитан.

Я полез в портфель, достал формуляр из библиотеки, протянул капитану. Он понял, здесь не болтовня, а серьезно, впился глазами в этот формуляр.

— Фантастика,— говорит он,— действительно его фамилия...

Тут нас ждала неожиданность. Капитан вытащил из своей папки желтые листки с книжными строчками, дает нам:

— Эти листки вырваны?

Мы с Винтом схватились. Видим знакомое: «Волкохищная Собака из младших княжат Смоленских».

— Эти, конечно,— говорю я.— А как вы нашли?

— При обыске у Шильникова. Лежали в книжке между страницами. Фантастика! — опять сказал капитан и потер лоб.

В милиции, в своем кабинете, он сказал в переговорный ящичек на столе:

— Шильникова ко мне.— Посмотрел на нас, усмехнулся и говорит: — Сейчас я его буду допрашивать, а вы сидите тихонько и слушайте.

Пришел Шильников, увидел нас, удивился, поздоровался, сел.

— Книгу брали, Шильников? — спрашивает капитан.

— От,— говорит на нас Шильников,— достали вы меня!

Капитан положил перед ним книгу из библиотеки, поверх книги формуляр.

— Ваша фамилия?

Шильников очень удивился.

— А эти листки,- достал странички капитан,— вырваны из этой книги. Мы их нашли у вас при обыске. Не узнаете?

— Подбросили! — говорит Шильников.— Честное слово. Мамой клянусь! Ни одной книги после школы не прочел! Могу свидетелей привести!

— Мальчики говорят, вы клад нашли,— сказал капитан.

— Они дураки,— говорит Шильников,— хулиганы, но вы-то взрослый. Над вами смеяться будут, гражданин начальник!

— Переживу,— говорит капитан.

Открыл он большой железный шкаф, сейф называется, достал оттуда завернутый в красную материю предмет, положил перед собой на стол. Развернул тряпку — иконы. Небольшие, отделанные темным серебром, в серебре камни сверкают, может быть, даже драгоценные.

— Прабабкины,— говорит Шильников,— верующая была. Я их на чердаке держал.

— Мы их там и нашли.

— Я не считал, что они ценные.

— А сейчас считаете?

— Не разбираюсь я в этом. Только не подмените случайно. Прабабкино наследство.

— А машина ГАЗ-24 чья?

— Материна.

— А дом на какие деньги вы построили?

— Бабка со стороны жены.

— Какая у вас семья хорошая,— говорит капитан.— Все в дом.

— Да, мы такие,— кивает Шильников.— Дружная семья.

Капитан хмыкнул и говорит:

— А племянник вам ничего не дарил?

— Какой племянник?

Капитан посмотрел бумаги и говорит:

— Морозов Владимир Владимирович, который в Москве.

— А как же! Посылал переводы, подарки из-за границы, он часто за границу ездит. Археолог. Племянник мне многим обязан, жил у меня, кормился, пока его мать болела, учил я его.

— Говорят, за границей иконы дорого стоят,— говорит капитан.

— Не знаю, не был. Может, и стоят. Вот племянник, археолог, говорил, что иконы — национальное достояние. Так бы я их выбросил, а так — храню. Может, в музей когда сдам.

— Вы поумнее ваших товарищей,— говорит капитан со вздохом.— У одних мы деньги нашли, у других сберегательные книжки, третьи драгоценностей накупили, а у вас ничего... кроме прабабкиных икон...

— Это их дело,— говорит Шильников.— Пусть они за себя отвечают.

Увели Шильникова. Мы сидим. Даже неудобно — невинный он получается, а мы по злобности к нему привязываемся. Капитан взял иконы, аккуратно завернул их в материю, понес к сейфу.

— Стойте! — говорит Винт.— Кухня, помнишь этот материальчик?

— Эти иконы ему не бабушка дала, а другой человек! — закричал я.— Мы вот эту красную тряпочку уже один раз видели, через окно.

— Какой человек? — вцепился в нас капитан.

Мы наперебой начали описывать того пугливого дядечку с чемоданом и как мы в окно видели что-то завернутое в похожую тряпку.

Капитан опять нажал на кнопку на столе и сказал кому-то:

— Всех по делу о нетрудовых доходах. Управление городской торговли.— Потом подсел к нам и говорит: — Мальчишки, сейчас зайдут люди, смотрите на них внимательно. Нужен человек, который приходил в дом к Шильникову. Вот этот любитель древностей. Понятно?

— Если узнаем, что делать? — спросил я.

— Ничего. Покажите на него пальцем.

— А он не обидится?

— Нет,— говорит капитан.— Они люди необидчивые.

Зашли необидчивые люди по делу о нетрудовых доходах. Сели в ряд напротив и уставились на нас с ужасом. Так и сидим: они на нас смотрят, мы — на них. Никакого шильниковского гостя среди них быть не могло. Тот был худой, а эти, как на подбор, толстые, румяные.

— Нету,— говорит Винт,— тот был...

Винт показал мизинец, каким тот был.

— Смотрите внимательнее,— говорит капитан.

— Чего смотреть,— говорю я,— из каждого этого дяденьки пятерых, как тот, можно сделать...

Дядечки напротив разом выдохнули воздух и весело посмотрели на капитана.

В дверь постучали, вошел бородатый человек, положил повестку на стол.

— Это издевательство,— сказал он,— мне пришлось ехать сюда, вместо того чтоб вы приехали ко мне в Москву.

— Но вы же приехали.

— Мне выезжать на раскопки в Египет, а тут ваша повестка... Что обо мне могут подумать?

— Вы племянник Шильникова, Владимир Владимирович?

— Да. Но мы давно не виделись.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Только что. Его милиционер куда-то повел.

— В камеру предварительного заключения повел,— пояснил капитан.

— Но я тут при чем?! — повысил голос Владимир Владимирович.— Мне за границу ехать, я археолог... Какое отношение я имею к моему дяде, который работает мясником?

— Когда вы видели Шильникова в последний раз?

— Не помню. Звонил он на той неделе. Неожиданно позвонил...

— Чего он хотел?

— Говорил, можно ли остановиться у меня, если он приедет. Спрашивал про иконы. Но это не моя специальность — иконы...

— Что он спрашивал про иконы?

— Что он мог спрашивать? Сколько они стоят. Действительно ли так ценятся... И все. Сказал — приедет. Можно ли остановиться у меня... Все. У нас никогда не было с ним близких отношений...

— Он никогда не искал кладов? — напрямую спросил капитан.

Племянник посмотрел на него, на нас. Думал, здесь шутки.

— Никогда.

Капитан положил перед ним книгу «Наши древности». Племянник смешался, покраснел и заерзал на стуле.

— Князь Удача Андреевич Волкохищная Собака,— сказал он,— там страничек не хватает.

— Где вы их нашли?! — вскочил племянник.

— Нашли при обыске у вашего дяди, в книгах!

— Я заплачу штраф, или как там... Это грех молодости. Я их найти не мог. Понимаете, я жил у дяди, паспорта у меня не было, я записался в библиотеку по паспорту дяди. Взял эту книгу...

— Вы искали княжеский клад?

— Да.

— Нашли? — вырвалось у меня.

— Нет. А вы ищете?

— Ну да,— сказали мы.

— Кидай-ка — Китайка? — спросил он.

— Да,— сказал я,— «и бысть велика бица».

Владимир Владимирович вздохнул:

— Бр-р-р! Как нескладно с этими вырезанными страничками... Я заплачу...

— Вы считаете, клада такого нет? — спросил капитан.

— В каждой местности существует легенда о кладах. Вполне возможно, эта — о князе Удаче Андреевиче — одна из таких...

Нам не понравилось про легенду.

— А что ж вы сами искали? — буркнул Винт.— Если легенда.

— Была такая история,— начал племянник.

История была про одного кладоискателя по имени Северьян. Когда-то о ней шумел весь город. Сначала он искал княжеский клад, а потом плюнул и сделался гробокопателем. В Горицком монастыре над могилой основателя монастыря, богатого купца, стояла часовня. Один Северьян этот смекнул, что купцы — люди богатые, раскопал могилу и нашел большой золотой нагрудный крест. Его поймали и посадили. Но все мальчишки бросились искать клады. И Владимир Владимирович тоже. Может, из-за этого он и стал потом археологом — увлекся этой профессией.

Капитан в легенды не верил. Нажал кнопочку на столе и попросил кого-то поднять дела об ограблении могил.

— А вот ребята утверждают, что клад есть,— сказал капитан.

— Я тоже когда-то так считал. Только при чем здесь мой дядя? Странички вырвал я...

— Это нашли при обыске в доме вашего родственника.

Капитан вытащил иконы и положил перед Владимиром Владимировичем. Тот долго смотрел на них, поворачивал на свет, от света, чуть не нюхал эти старые дощечки. Потом отложил одну, самую маленькую и бедную, и сказал:

— Вот эта самая ценная, греческого письма.

— Сколько стоит? — спросил капитан.

— Не имеет цены, как земля, воздух. Бесценная...

— А если вывезти ее за границу,— сказал капитан,— в Египет, например?

Владимир Владимирович даже осунулся на глазах.

— Я вырвал страницы, маленький был, не понимал... Но сейчас?!

— Эта икона могла быть частью древнего клада? — спросил капитан.

— В принципе — да,— пожал плечами племянник,— но очень сомнительно...

В это время запикал переговорный ящичек на столе у капитана.

— Справка о разграблении могилы...

И голос начал рассказывать о человеке, который ограбил могилу купца Самсонова в Горицком монастыре.

Фамилия этого человека была не Северьян, а Северин; Северьян — его прозвище. Капитан кончил писать в своем блокноте. Вызвал по телефону машину и сказал:

— Всех попрошу съездить со мной в гости к этому Северину.

— Вы думаете, он нашел клад? — удивился Владимир Владимирович.

— А почему бы и нет? — сказал капитан.— Как вы считаете, товарищи?

Это он к нам — «товарищи». Мы и говорим:

— Вполне возможно, товарищ капитан.

— Чего в жизни не бывает.

Не так-то просто оказалось найти этого Северьяна. Никто не подумал: а вдруг его дома нет? Приехали, нашли дверь, обитую рваной, потертой клеенкой, стучали, звонили, прикладывались ухом к замочной скважине, слушали. Там было тихо и никого. Тогда капитан и милиционер стали ходить по квартирам и расспрашивать соседей, куда делся Северьян. Оказывается, его два дня никто не видел. Особенно удивлялась, куда он делся, одна надоедливая бабушка. Северьян занял у нее рубль и обещал отдать еще вчера; не отдал, хотя в таких случаях был человеком аккуратным и занимал не впервые. Мы все переглянулись и стали мрачными. Не станет человек занимать рубль, если он клад нашел. Все соседи, как сговорились, говорили про его бедность. Получалось, беднее его не было во всем городе. У него была маленькая пенсия по инвалидности, он не работал и только из гордости не ходил на улицу просить хлеба. Костюм у него был один уже много лет, у него не было даже телевизора, он из бережливости отрезал радио, старался не зажигать лишний раз свет — тоже чтоб деньги сберечь. Никто не знал, куда он делся на два дня, но все знали, что он носит свои ботинки уже шесть лет, и чудо, как они не развалились. Нам было б интересно посмотреть на такого человека, но капитан был злой на себя и на нас, и высказывать свой интерес не стоило. Хотя Винт все же не вытерпел:

— Ему сторожем надо устроиться, там восемьдесят рублей платят. Чего ж так мучиться...

Странно, никто, кроме нас, об этом не подумал. Бабушка замолкла, а у капитана в глазах вместо злости появилось выражение.

— Ломай дверь! — неожиданно сказал он милиционеру.

Милиционер попался опытный и вышиб дверь со второй попытки. Мы все вошли в квартиру.

Квартира была нищей до невозможности. Вместо вешалок в прихожей торчали гвозди, где висел плащ. Единственный плащ, пояснила бабка; сколько она помнит, другого у него не было.

Капитан с милиционером вошли в комнату, мы толпились в коридоре и видели нищую кухню, там был непокрытый стол, два ободранных стула. Стулья ему подарила добрая бабушка, а то бы и этого не было.

Из комнаты вышел милиционер и быстро ушел, появился капитан и сказал:

— Мальцы, посидите на кухне. Я вас позову.

Бабушка и Владимир Владимирович пошли в комнату, а мы на кухню. Что-то непонятное и тревожное творилось в комнате за стенкой. Неожиданно запричитала бабушка, капитан говорил ей что-то. Вышел Владимир Владимирович с болезненным лицом и зябко повел плечами. Капитан выпроводил бабушку и позвал нас.

Мы вошли в комнату, которая выглядела беднее кухни в пять раз.

— Вы мертвецов боитесь? — спросил капитан.

— Чего ж хорошего? — говорю я.

И мы с Винтом разом поглядели на кровать, там кто-то лежал.

— Подойдите, кто самый храбрый,— попросил капитан.

— Можно, мы лучше вдвоем? — сказал Винт, и мы подошли вдвоем.

В кровати лежал мертвый человек, мы его сразу узнали — гость Шильникова. Сразу мы и про единственный плащ вспомнили. Именно в нем мы этого дядечку и видели.

Дальше на нас перестали обращать внимание. Приехали врачи в белых халатах, унесли мертвого на носилках. Капитан писал что-то, другой человек фотографировал. Единственное, что мы поняли,— этот Северьян умер от сердечного приступа, никто его не убивал.

Потом начался обыск. Опять привели бабушку, пришел Владимир Владимирович, тут же и мы с Винтом. И начались чудеса.

Из-под кровати вытащили знакомый чемоданчик, в нем было несколько икон, капитан передал их Владимиру Владимировичу. Тот начал их рассматривать. А бабушка в слезы:

— В бога верил! Такой мужчина аккуратный!..

— Иконщиком он был,— сказал Владимир Владимирович,— и бога не боялся!

— Как это иконщиком? — спросила бабушка.— Баптистом?

— Иконами торговал,— коротко сказал капитан.

— Товарищ капитан,— позвал милиционер.

Подошел капитан, сбросил с кровати дырявый матрац, присвистнул. Фанерное основание для матраца было сплошь выложено пачками денег, красными, синими, зелеными. Тут чуть было машину с докторами не пришлось вызывать для бабушки. Ее разговорчивость как рукой сняло. Владимир Владимирович принес стакан воды, она его выпить не может, дыхание перехватило.

Капитан деловито и быстро начал писать, а мы сидели, молчали, смотрели на эти бесполезные деньги. И думали про быв-

шего человека, который даже свет не включал вечером, прикидывался бедным и лежал один в темноте на своем богатстве.

— Вот, вот! — говорил Владимир Владимирович в машине.— Такое у вас отношение к культуре. Под носом национальное достояние разворовывают.

Капитан вздохнул:

— Не успеваем.

— Скажите, а как теперь отношение к старинным названиям? — спросил я.— Говорят, скоро все улицы переименовывать станут по-новому?

— Что за ерунда! — сказал Владимир Владимирович.— Наоборот, сейчас убирают плохо придуманные названия, вот в Москве...

— Скажите, а Кукуевка — плохо придуманное или хорошо?

— Кукуевка — это гениально,— сказал Владимир Владимирович.— Кукуй, кокой — один из самых ярких языческих русских национальных праздников... праздник летнего солнцеворота, его называют Иван Травник, Иванов день, Иван Купала, Иван Колдовник. В эту ночь ведьмы слетаются на условное место... Русалки выходят из воды, кикиморы и лешие шалят... В ночь на Ивана Купалу распускается божественный цветок папоротника, цветок бога славян, Перуна, и указывает людям, где лежат клады... Это правду ребята говорят, капитан? Совсем вы тут с ума посходили.

Капитан слушал молча, а тут разозлился:

— Вы в Египте археологом?

— Да. Но при чем здесь Египет?

— Вот и копайте себе на здоровье! Наверно, арабские ребятишки свою историю будут лучше знать. А наши, глядишь, и язык-то свой забудут.

Нас довезли с почетом до самого дома. Жалко, было темно и никто не видел, разве беспризорные собаки.

— Товарищ капитан,— сказал я,— нельзя ли нашей учительнице про Кукуевку подтвердить?

— А то нам в пятом классе сто лет учиться,— сказал Винт.

— Сделаем,— сказал капитан,— учительница полюбит вас, как родных.

— Любить не надо, пусть внимания не обращает,— сказал Винт.— Ну ее!

— Вылезайте, ребята,— сказал капитан,— а то поздно уже.

Капитан сдержал свое слово, но лучше б не надо. Мы стали героями школы. Всех учеников выстроили на торжественную

линейку. Приехал наш знакомый капитан, вручил нам грамоты за помощь милиции, а потом сказал речь:

— Почему эти ребята смогли помочь милиции в разоблачении расхитителей народной собственности? Потому что они любят и знают русский язык. Именно страсть к изучению родного языка привела их к разгадке преступления.

Стоим мы рядом с ним, и коленки дрожат: что он такое говорит и как за это отвечать придется перед Линой Романовной? А он подмигнул нам и продолжает свою медвежью услугу:

— Кто привил им эту страсть? Учительница Лина Романовна Большакова. Побольше бы таких учителей. Городская милиция решила и ее наградить грамотой за таких учеников.

Лина Романовна и так давно перестала понимать, что тут происходит, а тут все аплодируют и на нее смотрят.

— Это ошибка! — кричит она.— Это ошибка, товарищи!

За ее скромность все захлопали еще громче. Директор школы взял ее за руку и подвел к капитану. Она все пыталась объясниться, но ей жали руки, аплодировали, и никто не хотел слушать. Тогда и она зааплодировала. Мы стоим ни живы ни мертвы. Слышим ее голос. Она улыбается народу, а нам говорит тихонько, но зло:

— Завтра с родителями в школу.

Отец гонялся за мной с ремнем по двору, не догнал. Я залез на крышу, сижу себе. А он мне снизу:

— Улица Труда, Мира, Мая, Восьмого Марта, Железнодорожников.

— Почему Железнодорожников?! — ору я на всю улицу.

И все пошло сначала. Сидит на учительском месте Лина Романовна, за школьными столами наши папы свирепо смотрят на нас. Мы у доски. Доска разделена на две половинки. На одной пишет Винт, на другой я. Винт отписался быстро, написал: «Улица Радости» — и стоит, в окно смотрит. Я пишу: «Улица Труда, Мира, Мая, Восьмого Марта, Конституции, Железнодорожников».

Голос Лины Романовны:

— Почему Железнодорожников?

Смотрю на отца, он для подсказки трогает ремень на брюках.

— Потому что мимо нашей улицы идут поезда с материалами для великих строек... и ведут их герои-железнодорожники.

Лина кивает, папа счастлив. Тоска — задавиться.

Пишу: «Энтузиастов, Жертв, Славы...»

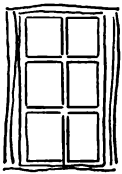
Винт нашел меня у реки. Я сидел на перилах моста, речка тихо текла мимо. И весь наш городок виден был отовсюду снизу очень хорошо. На той стороне реки паслись коровы. Винт подошел и встал рядом.

— Ладно тебе, Кухня,— говорит он.— Подумаешь!..

Мне представлялось: зазвонили колокола в разрушенных наших колокольнях. В город вступила дружина князя Удачи Андреевича Волкохищной Собаки. Все такие молодцы. Впереди совсем молоденький, безбородый князь. За ним дружинники. На многих порвана и окровавлена одежда, серые, в грязных разводах, пыльные лица. Мальчишки бежали рядом, как мы теперь за военным оркестром. Люди высыпали из домов, плакали, смеялись. Плакали, глядя на телеги с погибшими воинами. Смеялись над чудно́ одетыми пленными. Жалкой кучкой плелись они за победной дружиной...

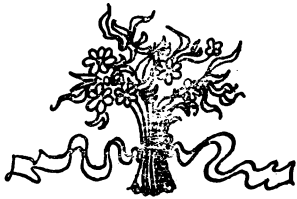
●

К. Васильев



ОДИН ВЕЧЕР ИЗ ЖИЗНИ ШЕСТИКЛАССНИКОВ

Повесть



Глава 1

Вчера отличился Гуськин: он съел кусок мела. Не от голода, конечно, а чтобы привлечь к себе внимание. Чтобы вызвать к себе интерес. Каждый человек по-своему удивителен, и Гуськин доказал: он удивителен; и все это признали: надо же! Даже учительница удивилась. Она сначала сказала:

— Писать-то чем, мел куда подевали?

Ей сообщили: а мел съеден Гуськиным.

Тут она и удивилась...

Позавчера тоже прозвучало чье-то имя: то ли ругали кого-то, то ли хвалили...

Это забылось. Сегодня в центре внимания оказалась Ира Улькина. Она объявила в классе:

— У меня день рождения...

В классе замялись и засмущались: вроде бы поздравить надо человека, может быть, на подарок по-быстрому собрать человеку...

У Иры сияли глаза. У нее звенело в голосе:

— Приглашаю к себе в гости. Домой ко мне. Всех...

Из особых гостей был, конечно, Игорь Старыгин. Даже своим видом Старыгин впечатляет. Он пришел в белых штанах, в белой курточке. Энергично пришел, по-спортивному.

— Ой! — заметалась Ира. Пусть Игорь, конечно, проходит, но пусть, конечно, извинит ее за беспорядок, у них тут еще не совсем прибрано, не совсем готово. И вообще они с мамой люди простые.

Старыгин протянул подарок — плитку шоколада. Ира была в восхищении: шоколад не какой-нибудь, а «Особый»!

— Ой, Игорек...

Она даже и не знала, принимать ли такой особенный подарок, ведь неудобно как-то, ведь неловко...

— Сколько стукнуло? — спросил Старыгин.

Он бодро был настроен. Шутливо. Так сколько именинице натикало?

— Ой...— застеснялась Ира.

Еще кое-кто подошел — из мальчишек, из девчонок по мелочи. А потом — Настя. Она щурила глаза. Она как будто растерялась: туда ли попала? Она как будто не совсем узнавала людей в комнате. Она была как будто немного озябшая, как будто с мороза попала в тепло. У нее был какой-то утомленный вид. Как будто она не спала всю ночь, мучаясь какой-то тревогой. У нее одежда была вся подобрана как специально: кофточка к юбке, юбка к чулкам, чулки к туфлям. Но в то же время все одежды как бы небрежно растрепались.

Ира Улькина простонала от восхищения, когда Настя передала ей подарок. Духи! Ира почувствовала себя взрослой и такой же красивой, как Настя. Духи помещались в особенной малюсенькой коробочке. Пузырек был особенной формы. Духи выпускала какая-то особая экспериментальная фабрика....

Кроме шоколада и духов... Нет, духи — это, конечно — Ира еще раз понюхала,— прелесть. Кроме этого, еще чеканка: парусник летит по волнам, олицетворяя мечту. Еще сувенир в виде шахтерской лампочки, она светится от батарейки, на ней надпись: «Ура, есть миллион тонн на-гора!» Подарки все замечательные, только Мишкин немного огорчил: он подарил что-то неопределенное. Мишкин достал из кармана мешочек, сделанный как будто из старой кожи, он выудил из мешочка какой-то жеваный комочек.

Из вежливости Ира все равно воскликнула:

— Ой?

Мишкин приступил к объяснениям:

— В мешочке... э-э... как бы сказать... рукопись это. Древняя. Она из египетской пирамиды. Но пробальзамирована, поэтому и целая... То есть не совсем целая, но сохранилась. На ней написано... Я вообще-то не сразу разобрал...

Тут снова позвонили в дверь, Ира бросилась открывать, встречать новых гостей, так что Мишкин не досказал. В рукописи, которую он принес, было всего несколько иероглифов, но речь шла о смысле жизни. Мишкин знал, что люди всегда очень интересовались смыслом жизни, и он решил, что Ире будет интересно прочитать рукопись и иметь у себя этот старинный текст. Мишкину с большим трудом удалось расшифровать иероглифы. В тексте давался короткий и точный ответ: смысл жизни заключается конкретно в следующем...

— Ха, Мишкин?! — приветствовал его Старыгин, недоумевая: в комнате скапливался какой-то случайный народ.

Настя — это понятно, а вот кое-кто из мальчишек, кое-кто из девчонок... И Мишкин? Разве его приглашали? Ах да, приглашали всех подряд. Но и Мишкину, и кое-кому другому пора усвоить: если всех зовут, это совсем не означает, что зовут и лично тебя. Нужно понимать!

— Как дела? — спросил Старыгин у Мишкина.

— Да ничего особенного...

Мишкин подумал, что, может быть, Игорю будет интересно узнать про смысл жизни. Но Игорь уже двинулся к дверям, увидев... Ба, не Гуськин ли? И точно Гуськин! Мишкину пришлось отодвинуться, а то Старыгин устремился к дверям и как будто забыл, что перед ним стоит Мишкин. Он как будто перестал видеть Мишкина.

Гуськин и сам по себе интересная личность... Вот хотя бы такая замечательная деталь: на днях он съел мел в классе. Учительница в крик: что, где, как так! Но ничего уже не поделаешь, мел-то съеден! Получилось как вызов педагогам: вы так, а мы вот как!.. То есть и так Гуськина каждый знает, а сейчас он еще с другом, с англичанином. Представил его:

— Это Тедди. Из Лондона.

Старыгин пожал руку англичанину — ну, будем знакомы, мистер интурист. Он спросил:

— Ну, как тебе нравится у нас?

Тедди кивал доброжелательно: рад, рад знакомству. Он был в аккуратном костюмчике, с галстуком.

— По-русски понимает? — спросил Игорь небрежно у Гуськина.— Ты где его подцепил?

Старыгин отвел Гуськина в сторону. Он сказал:

— А ты уверен, что он не того?

— Не чего? — насторожился Гуськин.

— Ну, не из тех...— намекнул Старыгин.

— Не из каких? — все больше пугался Гуськин.

— Ну, что, не понимаешь, что ли? — зашептал Старыгин.

— Не...— промямлил Гуськин.

— Так он точно англичанин? — потребовал Старыгин.— Ты как определил?

— Говорит-то по-английски... Говорит, Тедди зовут...

Старыгин махнул рукой на Гуськина: Гуськин в международных делах оказался совсем тупой. В международных делах то и дело свинью друг другу подкладывают. Может, этот Тедди какой-нибудь переодетый? Какой-нибудь засекреченный?..

— Как погода в Лондоне? — спросил Старыгин у Тедди.

Он подвигал руками в воздухе: облака, тучи, дождь, а?

Игорь был одет по-спортивному и размахивал энергично руками. Тедди так понял: будет какое-нибудь спортивное мероприятие. Все собрались в комнате, а сейчас пойдут на спортив-

ную площадку. «Это будет интересно,— подумал Тедди.— Посмотреть, какими видами спорта занимаются русские».

— Я тоже делаю пробежки по утрам,— сообщил Тедди.

Но Гуськин ввел его в курс дела: спортивного ничего не намечается, намечается день рождения. Тедди обрадовался:

— День рождения! Это лучший праздник в жизни.

Ему было интересно: как же русские отмечают свои дни рождения?

Правда, Тедди тут же и растерялся:

— А у кого день рождения?

— У нее,— показал Гуськин. Он по-английски пояснил: — Ее. Она.

Ира сияла и смущалась:

— Я. Мой. У меня.

Тедди было неловко: он же не знал про день рождения, он пришел без подарка.

— А ничего, ничего! — замахала руками Ира.— Ничего!

Она и так радовалась. Они с мамой люди простые. Человек пришел, они и рады. Тем более из Англии человек. Он сам по себе как подарок. Ира пригласила:

— Может быть, к столу? Может, музыку?

Сели за стол, включили для настроения и музыку.

Ира осмотрела стол: всего полно, но как будто чего-то не хватает.

Она побежала на кухню, где хлопотала ее мама.

— Мама, к нам пришел Тедди. Он из Лондона.

Ирина мама засуетилась:

— Ирочка, надо же предупреждать о таких особенных гостях! А у нас на столе как раз ничего русского. Придется срочно приготовить какое-нибудь русское блюдо. Чего у них там в Англии нет?

Ира срочно побежала выяснять у Гуськина, чего нет в Англии. Прямо к Тедди она обратиться не решилась. Она же совсем плохо по-английски. А Гуськин — хорошо. Гуськин пожал плечами и перевел.

Тедди подумал, тоже плечами подергал:

— У нас все есть.

— Нет из еды, я имею в виду,— подсказала Ира.

— Из еды? — еще подумал Тедди.

— Из русского чего-нибудь,— уточнила Ира.

— Что-нибудь русское,— перевел Гуськин.— Русское — в Англии?

— А, есть, есть русское! — вспомнил Тедди.— Матрешки продаются. В сувенирной лавке я видел еще самовары и балалайки. Журнал продается русский. Очень смешной. «Крокодил». Жаль, что я не могу читать по-русски. Но и по картинкам все смешно. Я много смеялся.

— Говорит, что даже крокодилы у них есть,— перевел Гуськин, сам недоумевая: при чем же крокодилы? Неужели едят крокодилов?

Ира доложила маме, та рассудила:

— Ну, крокодилами мы не богаты, а давай пельмени сварим, русские.

Она завела по-быстрому тесто. Она накрутила по-быстрому фарш...

За столом Старыгин взял на себя руководство. Он разливал морс, подмигивая Тедди: вместо морса сейчас хорошо бы чего-нибудь другого, а!

Тедди намека не понимал, но все равно кивал и улыбался. Ему нравилось здесь. Чтобы узнать лучше другой народ, нужно самому посмотреть все своими глазами, знаете ли. Тедди был рад: он находился в домашней русской атмосфере. Напиток ему очень понравился.

— Это клюквенный,— объяснила через стол Ира.— Клюква!

— Клук-ва,— повторил Тедди. Он начал учить русские слова.

— Хлеб,— стала показывать Ира.— Колбаса. Сыр. Масло. Икра. Ложка. Вилка...

Она и торт раньше времени принесла — чтобы побыстрее научить Тедди еще одному русскому слову.

— Торт!

Тедди улыбался: сейчас в торт воткнут свечи, именинница станет их задувать. Тедди пошутил:

— И мы узнаем, сколько имениннице лет.

— Что, что он говорит? — забеспокоилась Ира.

Гуськин выступал переводчиком.

— Э-э... он говорит... Что ты говоришь, Тедди? А, свечи? Свечи!

— Свечи! — закричал по-разбойничьи Старыгин и выключил свет.

На кухне нашлась свеча, Ира ее зажгла, поставили на стол посередине.

— Свечи...— сказала задумчиво Настя, как будто уносясь мыслями в таинственную даль.

— Тур вальса? — потянулся к ней Игорь. Он разыгрывал услужливого кавалера. Он был сегодня в шутливом настроении.

— Нет, что-то...— отказалась Настя. У нее то ли голова немного кружилась, то ли просто настроение было неподходящее, не на веселье...

Старыгин подхватил Иру:

— Тур рок-н-рола?

— Ой, Игорек, я не умею,— была польщена Ира.

— Тогда медленный краковяк,— пошутил Старыгин.— Плиз.

Он поплыл с Ирой — не в такт быстрой музыке, но это не имело значения, ему нужно было досадить Насте. Настя ему отказала, а он сразу нашел ей замену. Он наблюдал за ней краем глаза.

Настя подняла стакан и очень удивилась: морс кончился! Тедди не мог не заметить этого удивления. Он потянулся к графину. Он налил Насте еще морсу. Она была благодарна ему за это. Она сказала по-английски:

— Спасибо.

— О, вы говорите по-английски! — обрадовался Тедди.

Настя прищурила глаза. Она сказала:

— А вот у вас в Англии пьют морс из клюквы? — Она откинула волосы.

— Что вы сказали? — Тедди не понял, так как Настя по-русски спросила про клюквенный морс.

Она не знала, как это будет по-английски: клюква, морс.

— Я не знаю,— призналась она.

Она улыбалась и просила, чтобы ее простили.

— Клук-ва?— переспросил Тедди.

Настя захлопала в ладоши: как мило он произносит!

По другую сторону от Тедди кипятился Гусяткин: он только собрался завести с Тедди деловой разговор, как встряла Филиппова со всякой клюквой! А это был не ее англичанин, а его англичанин! Он его нашел и привел сюда в компанию.

И он его угощал и ему переводил с иностранного. И они теперь, может, переписываться будут. Гусяткин, может, уже продумал, о чем написать Тедди в Англию и что из Англии попросить.

Во-первых, значок попросить, у них там есть такие особенные, с особенными надписями. Круглый значок, написано что-нибудь вроде: «Люблю летать без всего!» Юморные всякие такие вещи пишут. Во-вторых, хорошо бы пару кассет — у них там в Англии дешево, у них там навалом, а у нас не купишь, так что эти можно будет продать, а на те деньги уже что-нибудь у нас купить... Это еще продумать надо отдельно, на что вырученные деньги он будет тратить...

Гусяткин сунул блюдо с бутербродами — для Тедди и в большей степени для Насти: она начнет есть, а он перехватит Тедди в это время.

— Это что? — спросил Тедди.— Вкусно!

Он все пробовал. Надо было все попробовать, чтобы полностью иметь представление о русском образе жизни. Чтобы иметь собственное мнение о русских. В английских газетах пишут разные вещи про Россию, им нельзя до конца верить. Одна английская газета написала, что русские разработали секретное химическое средство, которое называется лебеда.

Потом другая английская газета посмеялась над первой газетой, она написала, что лебеда — это сорняк, а не оружие.

Тедди стал рассказывать Насте про лебеду — как у них в Англии иногда из черного делают белое. Или из белого черное.

Настя щурилась и пила морс. Нет, она понимает, понимает, пусть Тедди дальше говорит. Но маленькую деталь все-таки пришлось через Гусяткина уточнить:

— Витенька, а что там у них в Англии... не понимаю что-то.

Гусяткин подтвердил: в английском языке с пониманием сложно.

— Дело в том, что написание слов у них не совпадает с произношением. Известный пример: по-английски пишется Ливерпуль, а читается Манчестер.

— Удивительно! — задумалась Настя.— А вот интересно, какие группы сейчас популярные в Англии?

Гусяткин негодовал: теперь Филипповой еще и про группы надо! На этот вопрос он ей сам быстрее ответит, без Тедди. У них «Битлз» самые популярные.

— «Битлз»? — Тедди обрадовался, услышав знакомое слово.— «Битлз» — это конечно. Это, конечно, навсегда. Но теперь никто не покупает их пластинки. А это что за пластинка? — спросил Тедди про музыку на проигрывателе.— Что за музыка?

— Музыка,— вздохнула Настя.

Гусяткин отметил про себя: кроме кассет, нужно будет заказать из Англии несколько пластинок. У них там дешево...

Глава 2

К их разговору прислушивался Мишкин. Он ждал, когда образуется пауза. На пиджаке у Тедди он заметил герб. Школьный, наверно, герб, с разными красивыми атрибутами: лев, единорог, золотая чаша на голубом фоне. Мишкин порылся в памяти: золотая чаша на голубом фоне принадлежала городу Эшфорду. Надпись под геральдическим щитом была на латыни. Она означала: «Река жизни». Тедди был из Эшфорда, и Мишкину хотелось спросить у него одну вещь...

Некий рыцарь из Эшфорда, по имени Ранселот, отправился когда-то в Палестину. Он собирался отвоевать в Палестине священный Грааль. В сражении он потерял своих воинов, сам же попал в плен. Сарацины посадили его в яму и держали в плену два года. Сначала он возмущался и сильно страдал: как же так, он, знатный человек, привык приказывать, а с ним обходятся как с рабом! Местные сарацины никак не откликались на его протесты, заглядывали равнодушно в яму. Они ждали, когда придет выкуп за Ранселота из Англии. Выкуп запаздывал. Родственники в Англии получили известие, что Ранселот попал в плен, но они не могли договориться между собой, кому вносить сколько денег, кому какую часть. В целом без Ранселота им жилось лучше, чем с ним. У себя в Эшфорде он часто скандалил с родственниками. Он считал, что он самый лучший в их роду, а они с этим не соглашались. Они считали, что он, наоборот, в их семье самый худший. Так что они не торопились с выкупом. Ранселот отсидел в яме два года. Когда он вернулся в Англию, старший его брат заметил: «Яма пошла ему на пользу. Хорошо его там сарацины обломали».

Ранселот однажды совсем упал духом. Положение-то какое: ты свободный всегда был человек, что хотел, то и делал, куда

хотел, туда и шел, людьми распоряжался, и вдруг тебя — в яму, откуда только небо видно, его некоторая часть. Ранселоту захотелось самому сделать с собой что-нибудь, чтобы умереть. Он кое-как добился от стражника: нельзя ли взглянуть на священный Грааль? У Ранселота в голове разные страдальческие мысли бродили, он подумал: хоть взглянуть надо перед смертью на священный сосуд, хоть краем глаза увидеть предмет, ради которого крестоносцы отправляются в Палестину и бьются насмерть. Ранселот представил, что он увидит этот святой идеал и воодушевится — и ему легче будет умереть.

Стражник поторговался: это будет стоить Ранселоту еще некоторую сумму, дополнительно к первоначальному выкупу. Только эту дополнительную сумму пусть Ранселот потом лично ему передаст, стражнику, за эту особую услугу.

Стражник отправился в церквушку — в мечеть, если по-местному; это то же самое примерно, для молитв здание, но в одном случае на крыше ставят крест, а в другом случае — полумесяц. Стражник одолжил на время кубок, точнее, это было что-то среднее между кубком и блюдом. Кубок вроде бы принадлежал когда-то Иисусу Христу. Точнее, он находился на столе среди другой посуды, когда Христос со своими учениками ужинал в Гефсиманском саду неподалеку от Иерусалима. Получилось так, что для Христа этот ужин оказался последним. Один из учеников выдал римским солдатам место, где будет находиться Иисус. Римские солдаты схватили Христа, за то что он проповедовал разные вещи. Он странные вещи говорил, людям непонятные. Например, всегда считалось, что, если тебя бьют, надо давать отпор. А Христос с таким учением выступил: не сопротивляйся. Если тебя ударили по одной щеке, подставь и вторую. Христа распяли за его проповеди. Ученики его решили, видимо, увековечить память об учителе, собрали разные вещи, связанные с его именем. Чашу приобщили, из которой он пил тогда в Гефсиманском саду. Наверно, трудно было установить, из какой именно чаши он пил, стояло ведь на столе много всяких чашек и тарелок... Тем более что и время какое-то прошло, что-то утерялось, что-то изменилось. Должно быть, выбрали что-нибудь покрасивее, наугад... За эту святыню и бились теперь христиане с сарацинами. За чашу эту, точнее, за блюдо. Палестина после римлян к сарацинам попала. А христиане хотели отбить у них Иерусалим и всю ту святую землю, по которой Христос когда-то ходил.

Чаша стала известна как священный Грааль. И вот Ранселот видел святыню своими собственными глазами. Стражник даже дал ему подержать чашу немного в руках. Ранселот не верил своему счастью. После первого восторга он, правда, засомневался: имело ли смысл биться и умирать в Палестине и особенно сидеть в яме два года ради простого кубка. Кубок-то был, дей-

ствительно, при внимательном рассмотрении ничем не лучше других сосудов для питья. Хотя лично сам Христос пил из него!.. На донышке кубка Ранселот заметил что-то вроде клейма в виде арабской завитушки. Он спросил у стражника: в чем смысл завитка? Стражник не понимал. Каждый вопрос приходилось подолгу разъяснять еще с помощью жестов. Потом стражник растолковал Ранселоту, что такую метку ставит на всех своих изделиях некий арабский ремесленник, одноглазый Аль-ад-Дин из Кривого тупичка в Иерусалиме. Стражник рассказал, что Аль-ад-Дин много посуды наделал, всяких кубков, тарелок и прочего,— частично для местных мечетей, частично для христианских церквей в Греции. Он и этот кубок смастерил, Грааль, как называют его христианские крестоносцы...

Ранселот после этого сильно расстроился. Оказалось, что Грааль поддельный. Ранселоту еще сильнее захотелось покончить со своей жизнью, но через некоторое время, наоборот, на него огромное жизнелюбие напало. Ранселот разозлился на тех, кто его послал в эту Палестину отвоевывать святыни, которые на самом деле оказались подделками... Ранселот в злости забыл, что вообще-то он сам, по своей воле организовал поход, никто его никуда не посылал. Но в злости Ранселот искал виноватых и нашел: это ведь старший брат толкнул его на авантюру! Старший брат отослал его в Палестину — сбагрил, как говорят в народе, сплавил с глаз... Ранселот написал в Англию новое письмо: чтобы срочно высылали выкуп, а не то он, вернувшись, пообрубает всем уши! Ему действительно хотелось пообрубать уши и даже головы всем тем, кто толкнул его на палестинское предприятие, всем, кто сочинял легенды про священные тарелки. Старший брат в Англии получил через несколько месяцев послание младшего брата Ранселота и изумился: человека посадили в яму, но даже яма не перевоспитала его! Старший брат уже собирался было отправлять выкуп, но теперь, после гневного письма с угрозами по поводу ушей, он отложил деньги, он пустил их в оборот и сделал себе дополнительные доходы. Так что Ранселоту из-за своего гнева пришлось дальше сидеть в яме у сарацинов. Так он отбыл в Палестине два года — отбарабанил на полную катушку, как говорили в народе в те давние времена в старой доброй Англии.

Перед возвращением на родину Ранселот зашел к кривому Аль-ад-Дину, купил у него кубок, который был точно таким, какой стоял на алтаре в церкви. Точнее, в мечети. По дороге в старую добрую Англию ему встретились огромные толпы крестоносцев. Толпы грузились на суда в Генуе, чтобы переплыть через море в Палестину. Ранселот был одиночкой, странствующим рыцарем, а теперь он увидел, что христиане многих европейских стран организовались, соединились, теперь дело было поставлено на широкую ногу. В Генуе, встречаясь с участни-

ками крестового похода, Ранселот только и слышал разговоры о священном Граале, который вскоре будет отвоеван у сарацинов заодно с палестинскими землями. Ранселот добрался до начальника похода, показал ему чашу: «Вот священный Грааль, его изготовил кривой Аль-ад-Дин в Кривом тупичке. Он фальшивый. Не имеет смысла гнать корабли и людей в Палестину из-за мнимой святыни». Начальник повертел в руках чашу и говорит: «Я ничего не могу поделать».

Начальник объяснил странствующему рыцарю Ранселоту всю ситуацию на тот момент: колесо-то уже завертелось. Люди собраны со всей Европы, вот и корабли заказаны у генуэзцев для переброски сил в Палестину, папа римский одобрил мероприятие... Начальник же не мог сказать всем собравшимся, и особенно папе римскому, он же не мог заявить: «Дорогие товарищи... то есть ваше высокопреосвященство и иже с вами, поход отменяется, потому что обнаружился подлог: святая чаша — дело рук какого-то кривого сарацина!»

И Ранселот сам видел: колесо крутится, его не остановить. Он наблюдал, как толпы текут в порт, и грузятся на корабли, и уходят в море, и он подумал и сказал про себя: «Река жизни...» Он понял, что никакими рассуждениями поток крестоносцев не остановить. И не повернуть обратно. «А настоящего Грааля, может, и не было? — подумал одинокий рыцарь.— Может, и никакого Христа не было?» — подумал дальше он. И повторял задумчиво: «Река жизни...» В том смысле, что у крестового похода не было разумного объяснения, а просто жизнь текла по одному руслу, но вдруг, подточив какие-то камни, вымыв какие-то пески, повернула вбок, потянула своим сильным течением отдельных людей и народы куда-то в неизвестность.

Дома, у себя в Эшфорде, бывший странствующий рыцарь мирно занялся свиноводством. Своим гостям он рассказывал о страданиях в Палестине: два года на дне ямы! Гости вроде бы сочувствовали, но разговор не поддерживали: ну и сидел, что особенного? Ранселот начал понемногу приукрашивать свои похождения, он увидел, что у слушателей проявляется теперь интерес. Он им такую вещь стал рассказывать: в Иерусалиме, в Кривом тупичке, живет некий Аль-ад-Дин; кроме блюд и кубков, он делает лампы, волшебные: если потереть такую лампу, из нее вылетает гигантский джинн, который по твоему приказу готов хоть разрушить целый город в одну секунду, хоть отстроить его заново...

Мишкин давно знал историю о Ранселоте, а сегодня — какая удача! — он встретил человека из Эшфорда, из городка, где жил когда-то странствующий рыцарь. Мишкин слышал краем уха, что вроде бы недавно, снося старые постройки, рабочие обнаружили старинный, помятый кубок, и вроде бы это тот самый

поддельный священный Грааль! Мишкину хотелось расспросить об этом Тедди...

Тут в комнату внесли блюдо, стало не до вопросов. Внесла Ирина мама, Ира сопровождала торжественно, своим видом говоря: примите скромное угощение. Ирина мама объявила:

— Пельмени русские.

Она обращалась к Тедди: тот особый гость сегодня, он из-за пределов нашей страны, и вот ему образец русской кухни.

Ирина мама давала советы:

— Пельмени можно со сметаной есть. Можно с уксусом. С молотым перцем хорошо.

Сметана, уксус и перец прилагались.

Тедди в основном понял: новая еда, а детали остались для него непонятны. Он кивнул: спасибо, спасибо, все очень хорошо и интересно.

Ирина мама положила ему полную тарелку, покрупнее которые... вот таким образом.

— Так со сметаной? — уточнила она.

Как сметана по-английски? Как же ее...

— У меня есть словарик! — подпрыгнула Ира.

Полистали словарик по-быстрому. Нашли и перевели про сметану. А как будет уксус? Уксуса в словарике не оказалось. Маленький запас слов в этом маленьком словарике.

— А хлеб хоть есть там? — спросила Ира.

Гуськин, как главный специалист по иностранному языку, вчитывался в словарик.

— Хлеб есть,— доложил он.

— А горчица? — спросила Ира.

Горчица нашлась.

— Странно,— задумалась Ира.— Горчица есть, а уксуса нет. Чем это объяснить?

— Даже уховертка есть! — хмыкнул Гуськин.

— Даже уховертка? — поразилась Ира.— А что это такое?

— Ну, уховертка,— объяснил Гуськин.— Ушами вертит.

Он прочитал, как будет уховертка по-английски.

Тедди тоже удивился:

— Уховертка?

Тедди забеспокоился: перед ним поставили какую-то незнакомую еду, в которой, похоже, содержатся какие-то уховертки.

Ирина мама рассудила:

— Пока вы будете переводить, человек с голоду умрет.

Она налила в тарелку Тедди сметаны. Тот все-таки сомневался: стоит ли рисковать? Он читал, что в некоторых странах готовят блюда из ежей, из улиток, из кузнечиков... Но из уховерток!

Хоть вроде и неудобно допытывать, когда тебя угощают, но Тедди все же поинтересовался:

— А внутри там... что?

Ирина мама и без переводчиков догадалась: английский мальчик интересуется рецептом блюда. Ирина мама с готовностью объявила:

— Пельмени делаются из теста. Итак, готовим сначала тесто. Мука необходима, яйца, соль... Фарш уже должен быть готовым. Или дома на мясорубке мясо лучше провернуть, или купить в магазине расфасованный. Лично я предпочитаю только домашний...

Музыку пришлось на время выключить, чтобы дать возможность Ириной маме спокойно говорить. Ирина мама подробно объяснила Тедди, как готовить русские пельмени. Она сопровождала объяснения энергичными взмахами руки. Это мясорубка, вот так ее крутят... Тедди понял, что объясняют для него. Но о чем речь — трудно догадаться. Похоже, что у хозяйки есть машина, старинная модель, какие заводились не ключом зажигания, а специальной ручкой. Ручку вставляли спереди в мотор и вертели. В старых кинокомедиях часто показывают сцену, как незадачливый шофер заводит свой автомобиль. Шофер крутит бешено рукоятку, автомобиль начинает трястись и чихать выхлопами, но, как только шофер усаживается на сиденье, мотор глохнет.

Тедди счел нужным поддержать разговор. Он сказал:

— С машиной много возни. В Англии очень бензин подорожал. Раньше мой папа ездил утром на работу в своей машине, а мама ехала за покупками в своей. Теперь из-за подорожания они одной машиной пользуются. Папа доезжает с мамой до торгового центра, высаживает ее и едет дальше на работу. Она делает покупки, и обратно ей приходится уже брать такси. Очень неудобно.

Все замолчали, заподозрив, что с каждой стороны разговор ведется совсем о разных вещах. Мы про Фому — нам про совсем другого человека, про Еремy. Тедди занервничал: похоже, его приняли за кого-то другого. Он много раз ходил в гости к разным людям, но еще ни разу его так радостно не принимали. Он с родителями и за границу ездил — в Испанию и Грецию, но ни в Испании, ни в Греции еще никогда ему таких угощений не выставляли. Там он был просто турист. А здесь его, как родного, принимали. Даже лучше, чем родного. Тедди подумал, что русские в чем-то ошиблись. Возможно, они приняли его за важную персону. За сына какой-нибудь важной персоны.

— Ребята, что же вы? Стынет ведь! — обратилась ко всем Ирина мама, приглашая на общую организованную трапезу.— Смелее! Чего застеснялись?

Никто особо и не стеснялся. Тедди посмотрел: русские едят смело. Он решился, попробовал. А что? Вкусно! Сверху тесто, внутри мясо. При чем тут уховертки, так и осталось загадкой.

— Пель-мены! — Тедди заучил еще одно русское слово.

— В Англии у вас пельмены не имеете? — спросил Гусяткин наполовину по-русски, наполовину по-английски, подводя издали к серьезному разговору.

— Не имеем,— согласился Тедди.

— А кассеты имеете? Для видео? А вот если купить джинсовый костюм, сколько это будет стоить, если послать его сюда по почте?

— Если сюда посылать... Наверно, пересылать дорого, проще купить здесь на месте,— рассудил Тедди.— Лучше купить здесь, в своем магазине.

Настя крикнула Гусяткину:

— Ты как девчонка, как барахольщик: костюм ему! Пойди лучше потанцуй.

Музыка уже снова играла.

Гусяткин отмахнулся от Насти:

— Отцепись. Это тебе все танцульки.

— Мне?

— Тебе, тебе. С Колькой Викуловым особенно.

Настя задохнулась: откуда этот Гусяткин... этому Гусяткину стало известно про Колю, про то, как они танцевали на вечере у Коли, когда у Коли был вечер в школе?..

— Гусь! — позвала Настя.

— Что?

Настя не могла придумать с ходу, как зацепить Гусяткина, какой карой его покарать.

— Гусь!

— А?

— Иди станцуй, я тебе пять копеек дам.

— Ха! — хмыкнул Гусяткин.

— Гусь, ты зачем в классе мел слопал? — дальше донимала Настя. Она к Тедди обратилась: — А Гусь у нас мел лопает. Целый кусок. Мел. По-английски сейчас объясню: Гусь... мел... ам! Имел кусок мела на завтрак.

— Да? — удивился Тедди.

Он отложил в памяти эту интересную деталь из жизни русских школьников: на завтрак едят мел. Для чего? Наверно, в качестве вещества для укрепления организма. Очень интересно.

— Так будешь танцевать? Десять копеек,— повышала оплату Настя.— Двадцать.

Гусяткин хыкал и хмыкал: задешево его ценят! Он не клоун.

Настя разозлилась:

— Дам рубль. Спляши. Клоун!

Она достала железный рубль. При виде рубля Гусяткин немного поколебался: а почему бы не заработать рубль, если некоторые дурачки готовы легко с этим рублем расстаться? Но Гусяткин все же уточнил для верности:

— Точно рубль даешь?

— Точно.

Гуськин собрался пригласить именинницу Иру: прокрутится с ней пару раз по комнате — и хватит.

— Нет, сам танцуй,— потребовала Настя.— Один. Вприсядку.

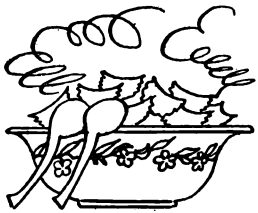
Гуськин обиделся:

— Вприсядку не умею. Не стану. Что я, коробейник?

— А с балкона? — крикнула Настя.— За рубль прыгнешь? Прыгнешь — и рубль твой!

И она бросила железный рубль с балкона.

●



Глава 3

Ира следила за развитием событий. Ей и самой хотелось организовать какую-нибудь игру и развеселить гостей. Можно было в фантики сыграть, в испорченный телефон, в города: ты говоришь, например, «Москва», а следующий подхватывает «Астрахань» — на ту букву, на которую предыдущее слово кончается... Вдруг Настя с Гусяткиным заспорили, всех увлекли своим спором, развеселили. Ира, как хозяйка, была рада общему веселью. Она, как хозяйка, его поддержала, захлопав в ладоши:

— Ну-ка, ну-ка!

Она подбадривала Гусяткина:

— Смелее, прыгай! Всего-то второй этаж!

Ира накопала кое-какой мелочи в кошельке и тоже бросила с балкона.

Тедди решил, что ребята начали играть в какую-то национальную русскую игру. Он достал несколько монеток — а ему можно поучаствовать? Двадцать пенсов, конечно, жалко бросать: вдруг они потом не отыщутся? Ну а один пенс, наверно, будет слишком мало, про тебя подумают, что ты скряга...

Настя вдруг схватила его за руку:

— Все, все бросай!

Тедди поддался ее азарту, забыл об экономии, вообще как будто забыл обо всем на свете и швырнул разом все: и двадцать пенсов, и один, и еще кое-какая мелочь отыскалась в кармане.

— Ну, вы даете! — забормотал Гусяткин.

Его потянуло почему-то за стол, снова есть. Он накидал себе пельменей в тарелку, стал запихивать их в рот, торопливо и с оглядкой, словно опасался: не отнимут ли?

— Давай, давай! — кричала ему Насъя.

— Сейчас, сейчас,— давился Гусяжкин.

— Трус!

— Я мигом... быстренько сейчас...

Тедди был в восторге. А Старыгин сердился. Старыгин любил направлять все дела в определенное русло. В свое русло. В нужном направлении чтобы все шло. И чтобы он руководил. Сейчас же начался хаос. Про Старыгина забыли.

— Да я так прыгну, не за ваши рубли! — крикнул он.

Его не услышали. Он перестал быть главной фигурой. Всеобщий интерес окружал Гусяткина: прыгнет тот или нет?

Старыгин отозвал в сторону Иру:

— У тебя есть что-нибудь старое? Из одежды. Ватник.

В коридоре, в шкафу, отыскалась старая рабочая куртка. Ирин папа работал на строительстве метро. Он был проходчиком. Не так давно он ушел от Иры и от Ириной мамы. Иру он любил, но он не сошелся характером с Ириной мамой. Он так и сказал ей: «Ну и характер у тебя!» Ирина мама ему крикнула: «Ну и иди, и забирай с собой все свои вещички!» Ирин папа ответил, что ему ничего не надо, он все ей оставляет. Среди всего он оставил и свою рабочую куртку. Этот ватник.

— Только он большой,— сказала Ира про ватник.

— Вот и хорошо,— сказал Старыгин.— Отлично.

— Ой,— сказала Ира, когда увидела Игоря в большом сером ватнике.— Тебе зачем? Чтобы за грибами ходить?

— И за ягодами,— буркнул Старыгин.— А сапоги?

Нашлись и сапоги, тоже большого размера. Их тоже Ирин папа оставил Ириной маме. Старыгин переобулся. Ира ужаснулась: что задумал Игорь? Ей показалось, что сейчас он попросит кухонный нож или топор.

— Есть и корзинка,— пролепетала Ира.— Надо?

— Нет.

Старыгин поставил аккуратно к стенке свои белые кроссовки.

Ира на шепот перешла:

— Есть еще каска.

В коридоре горела одна тусклая лампочка, экономно сжигая электричество.

— Какая еще каска? — спросил Старыгин.

Каска была пластмассовая, рабочая, с буквой «м». То есть тоже наследство Ириного папы, метростроевского проходчика.

— Пожалуй,— сказал Игорь.— А то как бы не долбануться...

Он застегнул пуговицы ватника и подогнал ремешок каски. Он сказал негромко:

— Пошли.

Ира вцепилась ему в рукав, как будто собираясь быстро перекрестить Старыгина, потом упасть ему на грудь и зарыдать.

Напротив них заскрипела дверь, чья-то голова высунулась и напомнила:

— Уходя, не забудьте выключить свет, молодые люди.

Ира щелкнула выключателем.

Не глядя на гостей, Старыгин прошел через комнату к балконной двери. Своим новым видом он удивлял: кто такой? Его сразу не узнали, подумали, что нагрянул сантехник, интересуется состоянием труб, батарей, будет проверять отопительную систему. На балконе Старыгин перелез через перила. Ира снова вцепилась в рукав его ватника.

— Игорек, не надо!

Ире пришла в голову мысль, что у Старыгина вдруг случилось несчастье на почве любви и дружбы, поэтому он и решился на отчаянный поступок. У Иры в голове мелькнуло, что это несчастье произошло из-за Насти. Эта Филиппова жестокая! Ире хотелось спасти Игоря и утешить хоть как-то. Но он вырвал рукав и прыгнул с балкона. Было уже темно, Ира сверху никак не могла разглядеть: удачно ли он приземлился, что с ним?

— Игорь! — позвала Ира, страшась, что не услышит никакого ответа.

— Что? — раздалось снизу.

Это его голос, спокойный, это он, жив!

И через пару минут Старыгин вновь предстал на пороге, снова во всем белом и снова героем дня. Он сказал:

— Кто-то грозился, что будем пить чай.

Ира заметалась:

— Ой, сейчас, бегу!

Гусяткин заюлил перед Старыгиным:

— Ты копейки собрал?

Старыгин не удостоился отвечать: «Отойди, копеечник, трус!»

Ира примчалась со свежим чаем. Настя, усмехаясь, отрезала кусок торта: для Игорька. Сама подала ему. И стала смотреть, как он ест и пьет, как будто ожидая от него команд, приказаний, как будто готовая сразу выполнить любую его прихоть.

— Вкусно? — спросила она.— Ты не ушибся?

Старыгин почувствовал: Филиппова иронизирует. Он прославился, он воздвиг себя на пьедестал, а Филипповой неймется: хочет его ниспровергнуть!

— И не страшно было? — любопытствовала Настя.

— А ты сама попробуй! — разозлился Старыгин.

— И попробую! — Она как будто к этому и подводила.— Ира, где этот ватник? Штаны какие-нибудь старые найдутся?

Ира повела ее в коридор, к тому же старому шкафу. Девчонки окружили Настю. Они сплотились. Старыгин проявил себя, надо было дать достойный девчоночий ответ. Он прыгнул, а мы не хуже! Мужчина в космос, женщина не отстает! Он в капитаны дальнего плавания, а почему девочек в мореходку не берут, это нечестно! Они в армию, и мы в армию. Они мешки грузить, и мы... не уступим... Девочки негодовали. Они помогали одевать Настю в старые штаны.

Занервничал и Тедди. У них в Англии никто не любит, когда его обходят. Англичане всегда соревнуются. Англия — родина футбола. Из Англии пошел крикет, крокет, регби, теннис... В Англии есть поговорка: в английском здоровом теле — английский здоровый дух. Англичане первыми поднялись на Эверест. Эверест — это высочайшая точка планеты. До этого англичане первыми открыли Австралию, первыми заселили Америку. Вот говорят, что капитан Скотт умер от холода. Тот капитан Скотт, что достиг Южного полюса. Известно, что он замерз вместе со своими спутниками.

Но папа Тедди сказал ему как-то: капитан Скотт умер не от холода, а от обиды. Достигнув Южного полюса, он увидел там палатку с норвежским флажком. Это подкосило его сильнее любого мороза. Его опередили. Всего на месяц. Это не играло большой роли, на месяц или на один всего лишь час, но капитан Скотт увидел, что он пришел вторым, в то время как ему хотелось прийти первым. И если б Скотт был первым, он не замерз бы на обратном пути. Его бы согревала мысль о победе...

Короче говоря, Тедди понял, что ему тоже надо прыгнуть с балкона. Он отхлебнул машинально чай, отставил чашку и вышел в коридор. В коридоре завизжали: туда нельзя, там переодевают Настю! Ира растерялась:

— Тедди, ты уходишь? Уже?

Ира не хотела, чтобы он уходил. У нее было средство, чтобы задержать Тедди. У нее был заготовлен сюрприз. У нее был заготовлен ананас. Ананас купила вчера Ирина мама. Она стояла за ним в очереди три часа. Вернувшись домой, Ирина мама сказала: «Вот так-то, доченька!» Она имела в виду, что вот на какие расходы и жертвы приходится идти родителям ради своих детей, но дети, конечно, этого не ценят...

Ирина мама позвонила вчера своей знакомой, рассказала ей, что целых три часа стояла в очереди. «А что поделаешь?» — сказала Ирина мама по телефону. Ее знакомая имела мужа, который работает на строительстве метро. Там же, где Ирин папа. Ирина мама сообщила своей знакомой о покупке ананаса,

а та обмолвится об этом в разговоре с мужем, который, может быть, упомянет в разговоре с Ириным папой: «Вот твои-то — ананасы покупают!» И Ирин папа загрустит: он-то, конечно, считает, что Ирина мама без него и дня прожить не может, что она плачет по нем, льет горючие слезы, кусает локти, раскаивается и влачит жалкое существование, но теперь он поймет, что он жестоко ошибается. Ирина мама очень даже хорошо без него обходится, слез она не льет, не стенает, локти не кусает, она живет очень даже неплохо. Вот купила ананас на день рождения дочери. Если не верит, пусть придет и посмотрит: на столе стоит экзотический заморский продукт.

Кстати, и действительно мог бы прийти. Это, в конце концов, его дочь — Ира. Кстати, если он думает, что он сам ушел, в этом он ошибается, это она его выгнала из дома в свое время, Ирина мама. Но если он покается, то она, может, еще и подумает и, может, даже простит его...

Ира заторопилась, задерживая Тедди:

— Тедди, сейчас я принесу сюрприз. Ой, Тедди, сейчас будет такое!..

Тедди на чем-то своем настаивал, что-то свое ему было нужно.

— Может быть, в туалет? — застеснялась Ира.— Тогда по коридору... налево от кухни...

Из двери напротив высунулась голова, попросила:

— Ириша, только объясни, пожалуйста, своему иностранному гостю, чтобы обязательно смывал за собой бачок. У них, наверно, люди к этому не приучены, чтобы каждый пользовался только своим выключателем в ванной; Ирочка, ты ему покажи свой выключатель...

Но Тедди не хотел в туалет, ему требовался ватник.

— Мне тот жакет, в котором Игорь прыгал.

Примчался Гусяткин, он осматривался подозрительно: кто что делает? Не на улицу ли идут, чтобы собирать монеты?

Гусяткин схватил суть дела:

— Ему ватник нужен.

— Он же старый,— сказала Ира про ватник.

— Меняться, наверно, хочет. Отдай, что тебе,— посоветовал Гусяткин.— Видишь, пиджак снимает. Точно: меняться.

Тедди передал Ире свой пиджак с эмблемой эшфордской школы и надел старый ватник.

Ира пугалась: что-то не то! Как бы чего не вышло! Тедди поедет обратно в Англию, и там скажут: «Нечестный обмен навязали русские ребята нашему Тедди, подсунули какое-то старье вместо приличной вещи».

Гуськин уговаривал Иру: чего она пугается? Он сказал:

— Сам же человек хочет. Я свидетель: он сам.

— А зачем ему? — все же допытывалась Ира.

— У них мода пошла на все русское. Я читал. У них за барьером теперь любят русское носить. Валенки берут, галоши, кирзовые сапоги, наши шинели солдатские, тулупы, в которых у нас ночные сторожа охраняют...

— И сапоги,— попросил Тедди.

— Вот видишь,— сказал Гуськин.— Во всем русском хочет от нас уехать в Англию. И каску отдай ему, пусть носит.

— Я же англичанин,— объяснял им Тедди.

Гуськин толковал Ире:

— Говорит, что он англичанин. Видишь, я же тебе говорил. Англичане что угодно отдадут за нашу кирзу или пару валенок.

Тедди, однако, пошел не к выходу в новом своем одеянии, а тоже отправился на балкон, где перелез через перила. Гуськин этого никак не ожидал. Он вцепился в Тедди:

— Нет.

— Я же англичанин,— стал снова объяснять Тедди.

— Нельзя, темно, ногу сломаешь! — пугал его Гуськин.— Темно, страшно... У-у-у!

Гуськину казалось, что Тедди не хочет понимать. Гуськин сделал себе рога, загудел, устрашая Тедди: опасно, мол, опасное это дело, брось!

— Что? — не понимал Тедди.— Я же не могу, я же англичанин...

— Да знаю, что англичанин! — рассердился Гуськин.— Давай так: завтра. Давай, а? Завтра соберемся, придем, прыгнем... Светло будет, солнышко будет светить...

Гуськина беспокоило с двух сторон. С одной стороны, это он привел Тедди сюда, и если с Тедди что-нибудь случится, то вдруг придется ему, Гуськину, отвечать? И второе: англичанин, наверно, из жадности решил спрыгнуть и собрать обратно свои пенсы, а Гуськин рассчитывал завтра в светлое время прийти и самостоятельно собрать монеты — и русские, и английские.

Старыгин поддержал Гуськина:

— Не пускай. Точно, руку сломает, будет международный скандал. Завтра же у них в газетах напечатают: в России надели ватник на ихнего английского школьника и спихнули с балкона со второго этажа.

К ним попытался пробиться Мишкин, чтобы объяснить: Тедди как бы принял вызов, в нем спортивный дух говорит. Он как бы вступает в соревнования: русский прыгнул — и он, как англичанин, не может не ответить. И он не ради своих пенсов рискует, как беспокоится в мыслях Гуськин...

Настя крикнула:

— Пусть прыгает, чего вцепились в человека!

— Ой! — схватилась за голову Ира. Ей ужасно было. Все это ужасно ей нравилось. И в то же время не нравилось. Просто ужас!

Тедди прыгнул; внизу зашуршало, ветки затрещали... Героев стало двое. Тедди и Старыгин. Точнее, Старыгин и Тедди. Старыгин-то первым пошел. Но и Тедди молодец. Он надел свой пиджак с красивой эмблемой и снова выглядел не как сантехник, а как простой английский школьник. Теперь было самое время принести ананас. Ира пыталась добиться общего внимания.

Но с ананасом пришлось повременить. Дело в том, что после Старыгина и Тедди сама собой образовалась очередь. Все по привычке следовали примеру. В школе всех с первого класса натаскивали, что нужно брать пример и следовать ему; теперь у всех это автоматически срабатывало. Если в классе есть отличник, нужно брать с него пример. Соседний класс насобирал металлолома на целый бульдозер — возьмем пример с соседнего класса, тоже насобираем, при этом еще и перевыполним, на целых два бульдозера железа наберем. Вообще ведь девиз: пионер — всем пример. Ведь так: один за всех — все за одного. Один сделал, а ты давай следом, ты и иди, не рассуждай. Так что стали занимать очередь, и двинулась цепочка — кто за кем прыгает следующий.

Мишкина тоже определили: будешь за Гуськиным. Гуськин пытался отвертеться, но ему сказали: не надо, не отрывайся от коллектива. Мишкин и не стал возражать. Прыгать ему тоже не хотелось, но что поделаешь? Как и Гуськину, скажут: зазнаешься, отрываешься, строишь из себя принца датского!..

Ира стала распоряжаться выброской: помогала надевать ватник и каску, советовала, куда безопаснее метить для приземления — вон в то белеющее пятно... Нет, чуть правее... чуть подальше... Пошел!..

Пришла очередь Гуськина.

— Гуськин!

— Я нет... я чаю пока...— отбрыкался Гуськин, он как раз чаю захотел выпить.— Пусть Мишкин, я пропускаю, я потом за ним.

Мишкин натянул ватник.

— Сапоги,— скомандовала Ира.

— Да не надо...

— Надо. И каску.

— Да я без нее...

— Надевай, а то там грязь, ветки, коряга какая-нибудь...

В дверь поскреблись в это время, всунулась голова, которую видели уже в коридоре недавно, голова доложила:

— Иринка, а там к вам пришли еще. Только предупреди, чтобы ноги хорошо об тряпку вытерли.

Следом без особых приглашений вошли двое. Ха, милиция почему-то!

Глава 4

Только один был милицией вообще-то, второй в штатском. Милиция была представлена в лице сержанта Бойко. Он так и представился скороговоркой:

— Сержант Бойко.

Он оценил обстановку: полутьма, свечка... Почему электричество не функционирует? Стол, на столе закуски. Музыка громкая, нарушающая тишину и покой. Людей значительное скопление.

— Нарушаем? — спросил сержант.

— Что вы сказали? — пролепетала именинница Ира.

— Вы хозяйка? — уточнил сержант Бойко.

— Я. И мама. А вы к нам? — спросила хозяйка Ира.

— А вы думаете, к кому? — ответил сержант.

Из-за сержанта высовывался мужчина — плотный, лысеющий, но с виду еще очень бодрый, даже какой-то драчливый. Он выкрикнул:

— Они еще спрашивают! Еще молокососы. Вон еще один. Еще молоко на губах не обсохло.

Он показывал на Мишкина в особенности — тыкал в него пальцем. Мишкин недоумевал: что за дядя? Он с этим дядей никогда не встречался, он его не знал... Мишкин был растерян. У Мишкина появилось какое-то странное ощущение, что дядя частично и не дядя.

— Интересно,— сказал сержант Бойко, разглядывая Мишкина.

Мишкин был в старом ватнике, в сапогах. Особый интерес вызывала большая каска у него на голове. Ватник и сапоги еще можно было как-то объяснить,— например, человек только что вернулся из леса с грибами. Но не в каске же он ходил в лес?

Логично? Каска наталкивала на разные мысли. На самые подозрительные соображения она наталкивала представителя органов милиции сержанта Бойко...

Лысеющий дядя доложил обстановку: он смотрел из окна, из дома, который находится напротив...

— Вижу: один сиганул, хлоп с балкона в кусты. Мне стало подозрительно: не грабят ли? Прыгнул и побег — в ватнике, в сапожищах. Сразу понятно, что из тех... из этих, стриженых, из не столь отдаленных. Через минуту второй сигает, с этого же балкона. Тоже в ватнике. Третий! А-а, значит, целая банда орудует...

— Ну так как? — спросил сержант у Мишкина. У него был строгий голос.

Мишкин не знал, что ответить.

— Нарушаем? — спросил сержант.

— Я? Нет, я не...

— Проживаешь где?

— Я дома... проживаю...

— Адрес,— потребовал сержант Бойко.

Он пристроился на стуле, вынул листок из папки — писать объяснения. Мишкин совсем занервничал: сейчас какую-нибудь бумагу на него напишут и отправят в тюрьму! Ему показалось, что все от него отодвинулись, как бы отдавая на съедение этому милиционеру. Как будто откупаясь от милиционера одним Мишкиным — вот, возьмите, а нас не трогайте. Он забыл свой собственный адрес.

— А что случилось? — спросил вдруг Старыгин.

Он к милиционеру обращался. Сержант не отреагировал: это пусть не у него спрашивают, а это он сам сейчас будет разбираться, что же тут случилось. Сержант спросил у Мишкина:

— Ватничек-то чей?

— Не мой.

— Вижу, что не твой. И каска, конечно, тоже не твоя?

— Тоже,— промямлил Мишкин.

— А с балкона зачем прыгал?

— Я не прыгал.

Лысеющий дядя завозился драчливо:

— Да я вот этими своими собственными глазами видел, как ты сиганул! Молодой еще, чтобы старших учить!

— Документы! — потребовал сержант у Мишкина.— Паспорт.

— У меня нет.

Драчливый дядя развел руками: ну, друзья мои, ну куда уж дальше, дальше уж некуда, у человека даже паспорта нет!

— А у вас? — повернулся сержант к Ире.— Вы кто?

— Я Ира.

— Вы где живете?

— Здесь.

— Здесь? Ах да. Вы, значит, хозяйка. А он кто?

— Мишкин?

— Мишкин, Мишкин... Значит, его фамилия Мишкин?

Лысеющий дядя мотал головой, он сокрушался, что сержант не совсем так ведет расследование, не очень энергично его ведет! Тут все ясно, брать их всех надо: и хозяйку этой подозрительной квартиры, и этого подозрительного Мишкина в чужом ватнике... Дядя подсказал сержанту:

— А у нее спросите паспорт — тоже, наверно, нету!

И точно: у Иры тоже не было паспорта.

— А нам еще нет шестнадцати! — заявил Старыгин.

— Ах да,— пробормотал сержант Бойко.— Паспорт же с шестнадцати... а они еще до шестнадцати...

— И у меня нет паспорта! — выступила вперед Настя.— И что из этого?

Она нарывалась на скандал.

Сержант Бойко не знал, что писать. В милицию поступило устное заявление вот от этого гражданина в плаще. Был зарегистрирован вызов. Он, сержант Бойко, пришел по вызову. Требовалось взять объяснения. Но сначала требовалось установить личности. Но как установить их, если ни у одной личности нет паспорта по причине недостижения ею... точнее, ими... по недостижении шестнадцатилетнего возраста.

— Хоть у кого есть какой документ? — попросил сержант.

Гуськин толкнул Тедди: может, у того какая-нибудь есть при себе официальная бумага? Тедди развел руками: у них в Англии вообще нет паспортов.

Сержант удивился:

— Как же они там живут?

— Как вы там живете? — перевел Гуськин для Тедди.

Тот снова развел руками: так вот и живем.

Сержанта очень заинтересовало:

— Ну так как же у них в Англии узнают тогда, где человек прописан?

— Как? — перевел Гуськин.

Тедди не понимал. Он задумался:

— Вообще-то, прописывают лекарства...

— Ничего не понимает,— сказал Гуськин,— про какие-то лекарства что-то бормочет...

Дядя, сделавший вызов в милицию, наклонился к сержанту:

— Дело-то серьезнее, чем предполагалось, а, товарищ сержант? Паренек-то иностранный и хитрит. Малина, международная мафия!

Но сержант докапывался до сути поставленного вопроса: как же функционирует английская паспортная система, если... если, получается, нет никакой паспортной системы?

— Предположим, я задержал гражданина и хочу установить его личность. Как я установлю его личность, если у него отсутствует паспорт? Переведи, переведи.

Делать нечего, Гусяткин стал переводить.

— Только я не знаю, как по-английски личность.

— Ну, по-другому переведи... Скажем, просто человек,— подсказал сержант.— Вообще так даже и лучше звучит: человек. Личность — это как бы официально. А вот человек — гордо как-то звучит.

Тедди сказал:

— Просто надо спросить у человека, кто он, где живет. Он и ответит. А кроме него, кто ж еще ответит?

— А вдруг он обманывает? — зацепился сержант.— А? Или вдруг совсем ничего не говорит?

— Так это его дело,— решил Тедди.— Не хочет — и не говорит. А почему он должен говорить?

— Нет! — погрозил пальцем сержант Бойко.— Нет, дорогие товарищи, так мы с вами далеко не уедем. Каждый человек должен быть где-то прописан. Даже каждая птица, зверек — все имеют свою родину. Даже гуси на Север возвращаются, где родились.— Он обратился за поддержкой к дяде, который вызвал его на этот адрес: — Человек должен иметь паспорт и место прописки, правильно я считаю?

Дядя категорически не возражал, всей душой был в поддержку мнения, которое высказывал представитель органов милиции Бойко.

Сержант решил продемонстрировать на положительном примере свою мысль. Он к дяде снова обратился:

— Вот вы, к примеру. Вы где постоянно прописаны?

— Я в Пензе. В городе Пенза, улица имени Шестидесятилетия... Ахм, в горле что-то... С налету не выговаривается. Имени Шестидесятилетия образования первого союза печатников...

— Видите! — показал на дядю сержант Бойко.— Вот вам пример. Нормальный советский человек, имеет постоянную прописку в городе Пенза, улица имени... Чьего там имени?

— Имени Шестидесяти...

— Вот именно: Шести, Десяти... Все четко и ясно: улица, дом, корпус, квартира.

Сержант Бойко как бы профилактическую работу проводил на месте, по адресу вызова. Он как бы разъяснял основы правопорядка для подростков — на положительном примере гражданина из Пензы.

— А вы? — спросил сержант укоризненно у подростков.— Как сказал поэт, у человека все должно быть прекрасно. У человека все должно быть: прописка, постоянное место жительства, постоянное место трудоустройства, брак с гражданкой женой,

зарегистрированный в отделе регистрации актов гражданского состояния...

Для документального подтверждения своих правильных слов сержант Бойко попросил у гражданина из Пензы паспорт.

— Вы покажите им, продемонстрируйте. Как там у поэта: «Я достаю из широких штанин...» — и так далее.

Дядя из Пензы с готовностью откликнулся на просьбу сержанта и вытащил свой паспорт — правда, не из широких штанин, а из внутреннего кармана плаща.

Сержант Бойко открыл документ и прочитал в назидание подрастающему поколению, не знавшему голода, холода и прочих бед:

— Паспорт гражданина СССР: Варина Варвара Викто... Викторовна.— Сержант засомневался: не произошла ли ошибка его зрения? Но нет, четко было написано, черным по белому.— Варина Варвара... Это вы?

Дядя, доставший паспорт, тоже в чем-то засомневался.

— Нет, это не я.

— Но паспорт-то ваш? Вы из своего кармана ведь достали.

— Из моего. То есть... Да, из своего.

— Но тогда как же? — спросил сержант Бойко.

Дядя ничего не понимал. Он не скрывал этого:

— Ничего не понимаю.

— А плащ — ваш?

— Мой. Хотя... Нет, не мой,— признался гражданин из Пензы с женским паспортом.— Точно, я чужой накинул.

— А вы точно из Пензы? — спросил сержант.

— Точно! Я же говорю: улица имени Шестидесяти... Домик еще такой, двухэтажный... от фабрики сразу налево в сторону базара...

— А здесь не Пенза написана,— сказал сержант, вычитывая из документа.

— А что написано? — насторожился дядя в чужом плаще.

— Здесь совсем другое написано,— уклонился от прямого ответа представитель органов, официальное лицо сержант Бойко.

— Итак, накинули чужой плащ,— уточнил сержант.— Паспорт не ваш, плащ тоже не ваш.

— Виноват,— признал дядя с чужим паспортом и чужим плащом.— Это ведь женское.

— А вы мужчина? — уточнил сержант.

— А я да. Бреюсь каждый день. Пощупайте — щетина. Утром бреюсь, а к вечеру вырастает. Лезвия... сами, наверно, пользуетесь... карандаши ими очень хорошо затачиваются, а бриться трудно.

— И у кого вы этот плащ... накинули?

— У нее же, у Варвары. Сейчас вернусь и... верну. Обратно на гвоздик повешу. Варькин плащ-то, как я сразу не сообразил. Я заторопился и второпях накинул.

Дядя заторопился, чтобы возвращаться к Варваре Вариной и возвращать ей плащ.

— Минутку,— остановил его сержант.— А ваша как фамилия?

— Моя — Тюрин.

— А гражданка Варина получается ваша жена?

— Нет, жена в Пензе, она тоже Тюрина. Здесь ведь мы не в Пензе. Понимаете? То Тюрина, а это Варина. Совсем другое лицо.

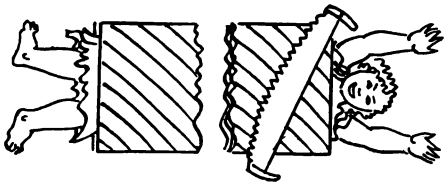
— Понимаю,— кивнул сержант Бойко.— Очень даже понимаю. Ну так пройдемте, гражданин Варин.

— Тюрин,— поправил дядя с неопределенной фамилией.

— Разберемся,— пообещал ему сержант Бойко.

— А эта Варя мне никто,— зашептал ему в ухо дядя с чужим паспортом и двойной фамилией.

Сержант пообещал ему, что разберутся и с Варей...



Глава 5

Сержант ушел, уводя неизвестного гражданина с неустановленной фамилией, чужим паспортом, в плаще с чужого плеча. Игорь Старыгин сказал:

— Ха! А дядя-то...

— Не дядя, а тетя,— поправил его Гусяткин.

Гусяткин расслабился и оттаял. До этого он чувствовал себя напряженно. Ему казалось, что милиционер каким-то образом догадается, что Гусяткин вынашивает тайные планы. Тайный план Гусяткина заключался в том, чтобы утром собрать все деньги, в том числе и иностранные, под балконом Иры Улькиной.

Ира взялась за сердце и честно призналась:

— Ребята, ой!

Мишкин снял устало каску. Он подумал: а верно написано, что копающий яму для другого сам в нее и попадется... Снять ватник и сапоги он не успел. В коридоре зазвенел звонок. Знакомая голова появилась в дверях и сообщила деликатно еще об одном посетителе.

— Ирочка, опять к вам. Только предупреди, пожалуйста, чтобы товарищ не курил в местах общего пользования.

Еще одним посетителем был врач. В белом он вошел, в медицинском.

— Вызывали? Кто тут у вас с балкона упал?

Ира пожала плечами: последним с балкона прыгал вроде бы Мишкин... Точно, он и ватник еще не успел снять. Но он только прыгал, а не падал...

Ира показала на Мишкина:

— Вот Мишкин Миша, но...

Врач был деловито настроен. Он велел Мишкину:

— Раздевайся. Какая-нибудь кушетка имеется?

Ира раздвинула гостей, провела его и Мишкина к дивану.

— Сюда вот можно.

Врач уложил Мишкина на диван и щупал.

— Свет! — приказал он.

Настя взяла свечу и поднесла поближе.

— Здесь больно? — спросил врач у Мишкина.— А здесь? Как это тебя угораздило...

— Я не...

— Что? Случайно, говоришь. Перегнулся и вниз.

— Я не...

— Разогни-ка. Ничего? Согни. Голова не кружится?

— Нет.

— Не тошнит?

— Нет.

— Все равно лучше полежать.

— Нет, я не...

— Рот открой. Скажи: «А!»

Мишкину было очень неловко: он лежал полураздетый перед всеми. Он сдержанно протянул:

— А-а!

— Голова, говоришь, не пострадала? — спокойно уточнил врач.

— Так он ведь в каске был,— вспомнил Гусяткин.— Она противоударная.

— Это хорошо, что в каске,— похвалил врач.— Но все равно пусть полежит.— Врач обратился к Ире — как к хозяйке: — Ничего страшного с вашим братом. На всякий случай я выпишу таблетки, и сделайте на ночь компресс.

— Мне? — испугалась Ира.

— Ему.

— А как делать компресс, ой, я и не знаю...

— Не пугайся. Берешь чистое полотенце, смачиваешь слабым раствором уксуса, пациента уложить, компресс на голову...— Врач выписал рецепт.— Это по две таблетки три раза до еды... Пардон, наоборот, по три два раза на день... Ну, разберетесь, я здесь вот по-латыни написал... А где это случилось?

Врач осмотрел место происшествия.

— Отсюда? Метра три. Повезло парню. В каске, говорите. Вот что значит техника безопасности! А без каски так точно бы шею свернул. А это кто там рыскает?

Луч фонарика ползал по земле под балконом. Кто-то что-то искал.

— Эй! — окликнул врач.

Ему не ответили.

— Давайте бросим чем-нибудь и проверим,— посоветовал Старыгин.

Внизу услышали, сразу испугались и фонарик выключили.

Ира предложила врачу:

— Чаю будете с нами?

— С удовольствием.

Все почему-то стали припоминать, у кого что болело.

— У меня зуб иногда ноет, с этой стороны, а что лучше делать? — беспокоилась Ира.— И вот я палец кипятком обожгла, как быть?

— На ожог сразу приложить охлаждающее,— сказал врач.— На зуб — согревающее.

— Согревающее и охлаждающее,— запоминала Ира.— Охлаждающее, значит, и согревающее...

— А мне вечером никак не заснуть,— пожаловалась Настя.— До часу ночи иногда ворочаюсь, иногда даже до двух...

— Бессонница,— поставил сразу же диагноз врач.

Настя прониклась уважением к доктору: он ее понимает.

— Не спится, и все. Думаю. Ворочаюсь...

— Любовь,— определил врач.

Настя удивилась ужасно:

— Любовь? Вы думаете? Почему вы так решили? Да... А как избавиться от этого?

Она волновалась. Она как бы переживала, что на нее такое нашло. Такое чувство. Оно нашло неизвестно каким образом.

— Избавиться от бессонницы или избавиться от любви? — уточнил врач.

— Да... да... то есть, нет... ну, нет, от бессонницы, конечно...

Старыгин хмыкал многозначительно по поводу Настиной бессонницы. По поводу этого Настиного недуга. Вечно недужит эта Настя!..

У Старыгина к врачу был серьезный вопрос, а не какие-то глупости про бессонницу.

— Я по телевизору видел: врач гипнотизировал. Он давал задание больному: «Плачьте». Тот плакал. А потом говорит: «Смейтесь!» Тот стал смеяться. Потом он ему операцию сделал — без наркоза. Под гипнозом. Он ему аппендицит вырезал. Экономия получается, по телевизору сказали. Сказали, что огромные народные средства экономятся: теперь не надо наркоза, будут гипноз повсеместно вводить. А вы умеете гипнотизировать?

— Умею,— сказал врач.

— А как этому научиться?

— А что тут сложного?

Старыгин не поверил. Врач как-то легко все воспринимал. Как-то легкомысленно отвечал на вопросы. Какой-то легковесный доктор.

— А предметы можете двигать взглядом? — еще спросил Старыгин.— Есть такие, что могут. И излечивают без лекарства — руками водят над болячкой, и все у больного проходит.

Старыгин решил: если врач ответит, что и это он умеет, то уж точно он какой-нибудь шарлатан.

— Можно и руками водить,— согласился врач.— И предметы двигать. Все в наших силах.

Старыгин торжествовал: докторишка попался на его удочку. Старыгин дальше его спровоцировал:

— Может, что-нибудь передвинете?

Врач не упирался:

— Передвину.

— Вот коробок? — сказал Старыгин.

— Пусть коробок.

Старыгин положил на стол спичечный коробок.

— Еще волос нужен. Длинный,— попросил врач.

Старыгин оглядел всех, приглашая на спектакль. Он тонко улыбался. Он подмигивал: сейчас наш докторишка опростоволосится!

— Так волосок? — напомнил доктор.

Старыгин огляделся: где взять?

В это время вернулся откуда-то Гусяткин. Он бочком двигался. Он делал вид, что никуда и не уходил. Он прятал за спиной электрический фонарик. Старыгин похлопал его ласково по плечу. Он вырвал волосок у него из шевелюры.

— А! — запротестовал запоздало Гусяткин.— Ты чего!

— Ради науки,— объяснил Старыгин.— Для научного опыта.

Врач сказал:

— Такой не годится, короткий. Желательно длинный, женский.

— Женский... я могу дать,— предложила Настя.

Она волновалась. Она провела расческой по волосам. Она вынула из расчески золотистую нить.

— Отлично,— похвалил врач.— Шелк.

Он намотал конец волоска на палец. Один конец — на большой палец, а второй — на средний. Он предупредил:

— Внимание.

Он начал двигать руками над столом, над спичечным коробком. Он изображал на лице большую умственную работу, сильные умственные усилия. Вот коробок шевельнулся. Вот поехал по столу.

— Ой! — зашептала Ира.

Гуськин подмигивал Старыгину: Ирка-то, Улькина-то! Принимает все за чистую монету.

Старыгин подмигивал в ответ: я же предупреждал, что будет шарлатанство, и ничего больше.

Настя закричала:

— Так это фокус! Это не сверхъестественные способности, а вы петлю сделали из волоса и зацепляете ею коробок.

— Но ведь движется,— сказал простодушно врач.— Руками я до него не дотрагиваюсь, а он ползет. Некоторые товарищи еще не такие вещи творят.

— Какие? — загорелась Ира.— Ой!

— Некоторые товарищи вывозят на арену ящик, впускают в него девушку. Они распиливают ящик пополам вместе с девушкой. Растаскивают половинки в разные стороны. Потом соединяют обратно, и из ящика выходит девушка — совсем невредимая.

Настя смеялась:

— Это же цирк!

— А что не цирк? — спросил врач.

Он как бы подсмеивался над всем вокруг.

Насте он нравился: смешной. Быстрый такой парень, энергичный. Настя подумала, что хорошо бы выйти замуж за врача. После школы, конечно! Она не имела в виду именно этого врача, она имела в виду врачей вообще. Врачи как особое племя. Они знают все тайны организма...

— Но пора,— засобирался энергичный врач.

За ним следом и гости зашевелились: пожалуй, погостили, надо по домам.

Старыгин наблюдал за Гуськиным: зачем тому фонарик? Он спросил:

— Ты где был?

— Я? Там.

— Где — там?

Гуськин взял его под руку и потянул к выходу:

— Пошли. И чего ты орешь?

А Старыгин специально повысил голос — чтобы привлечь внимание всех вокруг, чтобы над Гуськиным позабавиться.

— Так куда ты ходил?

— Да тише,— шипел Гуськин.— В туалет нельзя, что ли, выйти?

— С фонарем?

— Ну... свет там перегорел.

— И ты фонариком светил?

— И светил, а что?

— И это там в туалете ты так уделался? — дальше пытал его Старыгин.— При свете фонарика...

Гуськин схватился, поглядел: у него брюки в грязи, листья какие-то понаприлипали, земля какая-то... Это когда он под балконом лазил, деньги собирал.

— Нашел-то? — спросил Старыгин.

— Тише,— шипел Гуськин.

— Поделись-то,— донимал его Старыгин.— Валютой особенно, давай напополам?

Гуськин обиделся: он лазил в темноте, работал, а Старыгин присосаться хочет задаром!

— Какая там валюта! — пробурчал он.

— Какая ни есть,— зашептал Старыгин.— А ты знаешь, что за валютные операции большой срок дают?

— Срок? — насторожился Гуськин.— Какой срок?

— Очень большой.

— Нет, а какой именно?..

Они уже по лестнице спускались, на улицу.

Старыгин подначивал Гуськина, а сам краем глаза наблюдал за Настей. Настя шла с Тедди. Она повторяла с ним русские слова.

— Клюква,— говорила Настя отчетливо и членораздельно.— Пель-ме-ни...

— Клук-ва,— повторял старательно Тедди.

— Будем следить! — прошептал Старыгин, толкая Гуськина в бок.

— За кем? — перепугался тот.

— За англичанином. Вдруг Настя передаст ему какие-нибудь государственные секреты?

— Я нет, я... Мне домой, мама сказала, а то будет ругаться...— выворачивался Гуськин.

Старыгин нервничал. Ему не нравилось, что Настя провожает английского мальчика. Вернее, что он ее провожает. Ему вообще не нравилось, что ее кто-то провожает, всякие другие мальчики.

Ему не нравилось, что она всем в школе нравится. Особенно его раздражало, что ей время от времени нравится какой-нибудь мальчик...

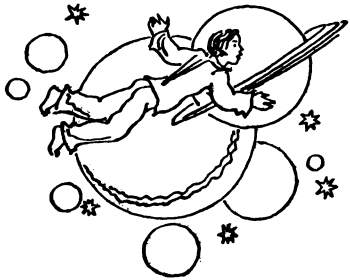
— Давай, давай! — подбадривал Старыгин своего спутника Гуськина.— Может, этот англичанин будет сейчас валютными операциями заниматься с Филипповой. Ты же не можешь проходить мимо такого, права не имеешь...

Гуськин видел: Старыгин шутит, ерничает Старыгин. Но все равно Гуськин трусил и ежился: не хочет он ни за кем следить, как бы из этого чего не вышло.

— Застукаем их за валютными операциями, тебе потом именные часы подарят,— ерничал Старыгин.— Даже медаль могут вручить, за охрану государственных границ...

Гуськин сомневался, мычал в ответ что-то непонятное. Медаль — это хорошо, но с медалью дело сомнительное, а в кармане у него хранился теперь железный рубль, кое-какая мелочь и английские пенсы: синица в кармане... то есть в небе... нет, в руке... Синица в руке лучше, чем соловей в небе,— не зря ведь говорят...

●



Глава 6

Мишкин тоже было дернулся — домой! Но Ира пришла в ужас:

— Мишенька, куда! Тебе же покой нужен, тебе же врач таблетки прописал и компресс.

Мишкин запротестовал:

— Я же...

— Вдруг у тебя действительно сотрясение мозга! — напугала его Ира.

Ира призвала с кухни маму, они вместе обложили Мишкина подушками. Ирина мама сокрушалась:

— Ну, Ирочка, ну как же так было можно! Не уследить, чтобы человек упал с балкона. Ира, ты должна была...

Ира шептала, оправдываясь:

— Мама, я же...

— Голова не болит? — стала допытываться Ирина мама у Мишкина.

— Нет. Я же...

Ира напомнила:

— Он же в каске был, мама. Это его и спасло.

Ира с мамой понесли на кухню грязную посуду и заодно заварили для Мишкина лекарственный чай из растений.

Мишкин лежал на чужом диване, подоткнутый со всех сторон подушками, и рассматривал потолок. Он смирился: придется терпеть, лечиться травами. Травы — это полезно, даже если ты и не больной. Вообще трава — это великая вещь. Все живое на Земле похоже на траву: произрастает, потом увядает к зиме, исчезает как будто бесследно, но с весной возрождается из семян...

Мишкин пригляделся к бордюру. Он был старым, лепным.

На нем многое запечатлелось. По вмятинкам на бордюре Мишкин восстанавливал события прошедших времен. Как-то на верхнем этаже случилась большая протечка. Ночью. Зимой. Сосед сверху куда-то уехал, оставив форточку открытой. Вдруг подморозило. Труба наверху лопнула. Вода просочилась в Ирину комнату. В Ириной комнате обвалился кусок потолка. Впрочем, в те дни здесь не Ира с мамой жили, а какой-то хрыч...

На бордюре так и запечатлелось: хрыч. Рабочий, штукатуря обвалившийся потолок, с кем-то переговаривался, он и отозвался о хозяине комнаты пренебрежительно, потому что тот отказался поставить ему, рабочему, бутылку за ремонт...

Дело в том, что от всего остаются следы. Вещи соприкасаются. От сильного соприкосновения остается глубокий след, от слабого — неглубокий. Солнце падает на бумагу, та выцветает. Звук твоего голоса делает отметки на окружающих вещах — вмятинки делает, щербинки, царапинки. Конечно, нужно приложить большие усилия, чтобы их разглядеть. Но почему бы и не поднатужиться и не вглядеться в эти бороздки? И не прочитать их, как игла проигрывателя читает бороздки на граммофонной пластинке.

Историю про одинокого рыцаря Ранселота, про его поход за священным Граалем и сидение в яме Мишкин тоже с камня считал. В музее среди разных экспонатов лежал обломок мраморной колонны — от какой-то средневековой церкви, с раскопок; на поверхности мрамора все и запечатлелось когда-то: и молитвы всякие, и проповеди, и разные случайные разговоры... Мишкин много тренировался. Он начинал с крупных трещин, со вмятин, которые от крика образовались, от воплей. Постепенно он научился различать следы, оставленные нормальной речью, даже полушепотом.

Ира подмела в комнате. Она спросила:

— Тебе лучше?

— Лучше,— отозвался Мишкин.

— Пойдем, мы заварили чай из лечебных трав. Или сюда принести?

Мишкин пошел на кухню. Там он взялся помогать, а то ему и так уже было неудобно: он оккупировал чужой диван, люди хлопотали вокруг него, вместо того чтобы заниматься своими важными делами. Мишкин стал споласкивать тарелки, которые Ира мыла в тазу с горячей водой. На кухне был кран с холодной водой, а горячей воды не было.

— Может быть, скоро подведут,— сказала Ирина мама.

Мишкин поддержал разговор. Он по дороге к Ире видел канаву недалеко от дома. И лежали трубы. Так что скоро, наверно.

Ирина мама, однако, не столько надеялась, сколько сомневалась:

— Канаву выкопали еще в прошлом году. Трубы тоже с тех пор лежат. Они до сквера докопали и бросили. В сквере деревья. Из дома напротив написали и в газету, и повсюду, чтобы строители не трогали эти деревья. Говорят, деревья рубить нельзя. А строители: «Мы же не можем перепрыгнуть через эти деревья, они как раз на пути». Так что мы по-прежнему без горячей воды.

Мишкин мычал сочувственно: людям же нужна вода... Правда, и деревья жалко рубить...

— А им, тем, что через дорогу, им горячая вода не нужна?

— Говорят, что не нужна. Говорят, что они сто лет без горячей воды жили — и ничего, не вымерли. Мол, и детей они нарожали за эти годы, и выучились многие, и на производстве добились больших показателей, и это без всяких жилищных удобств. Они говорят: а горячую воду подведут, и вдруг все переменится к худшему? Вдруг и рожать перестанут, и выучиваться. Они по-старому хотят, как уже проверено. И они повсюду написали, что пусть деревья стоят, а то без деревьев солнце будет им в окна бить и мешать субботнему и воскресному отдыху после напряженной трудовой недели.

Мишкин промычал:

— Да-а, недоразумения. Одним это нужно, другим то...

Они беседовали о житейских делах за мытьем посуды, а потом пили целебный чай из трав. Они устроились с целебным чаем на кухне, за столиком у окна. К ним в кухню всунулась знакомая голова и напомнила:

— Марья Фоминична, голубушка, не забудьте перекрыть газ на трубе, когда будете уходить.

Ирина мама — Марья Фоминична — загрустила, вспомнив, что когда-то и она отмечала свои школьные дни рождения. К ней приходили подруги. Они все очень много смеялись. Марья Фоминична пыталась вспомнить, над кем шутили они тогда, по какому поводу был смех. Никак не вспомнилось. Счастливые моменты всегда какие-то одинаковые, бездумные. А несчастья долго помнятся. И твои личные несчастья не похожи на несчастья других людей...

Марья Фоминична досадовала: а он так и не появился... Ирин отец. Она все-таки надеялась, что в такой день он придет. В день рождения собственной дочери.

А Мишкин немного размяк от тепла на кухне, от травяного чая. Он сказал Марье Фоминичне:

— Вы не расстраивайтесь.

Ему хотелось утешить ее: бывший муж не пришел сегодня на Ирин день рождения, она и страдает. Марья Фоминична не поняла, что он имеет в виду, в чем он ее утешает. Она предложила:

— Еще чаю, Миша?

— Нет, спасибо... Пора уже... Я вот о чем: он собирался прийти, даже подарок купил, но на работе его задержали. Действительно, особый случай: в тоннель вода хлынула, прорвало... плывун там... всех срочно бросили на прорыв...

Марье Фоминичне показалось, что Мишкин несколько в бреду. Она решила, что Мишкин стал пересказывать Ире фильм, который сам недавно посмотрел. Ира пошла провожать его. Марья Фоминична осталась еще на кухне. Она подумала, что, наверно, нужно было все-таки еще раз вызвать врача для Мишкина. Похоже, что он все-таки бредил сейчас. Какой еще плывун, какие тоннели?..

На лестничной площадке Мишкин простился с Ирой. Он сказал:

— Пока.

— Пока! — ответила Ира.

Она посмотрела на Мишкина как-то по-особенному. Она как будто на что-то намекала своим взглядом.

Мишкин задумался: на что могла намекать Ира Улькина, прощаясь с ним? У девчонок часто так: говорят тебе одно, а сами как будто имеют в виду что-то другое. Какой-то скрытый смысл придают они своим словам. И у них как будто не слова имеют главное значение, а взгляд. Глядят они красноречивее, чем говорят. И главное у них как будто заключается не в том, что они сказали, а в том, о чем они умалчивают. В том, на что они намекают.

На что намекала Улькина? В чем секрет ее улыбки?

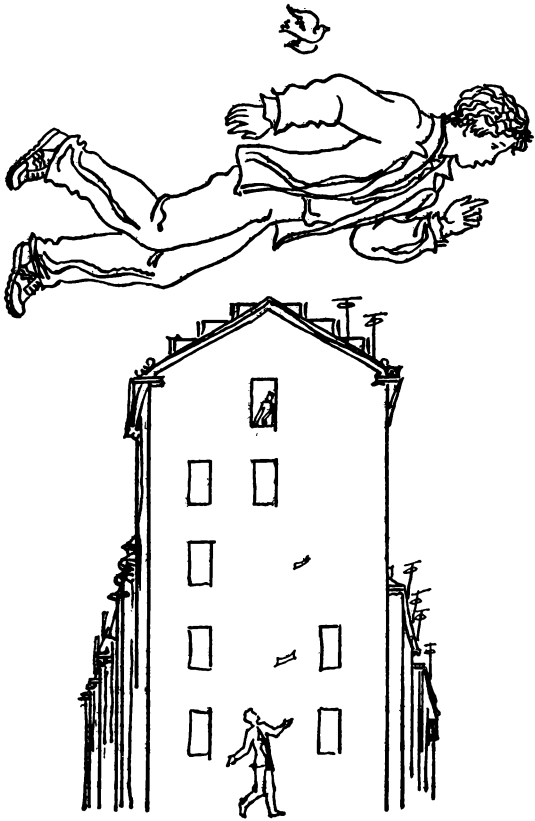
Мишкин не заметил в своей задумчивости, что поднимается вверх по лестнице, вместо того чтобы спуститься вниз. Он очнулся только на шестом этаже.

— Что такое?

Мишкин присмотрелся: стены на лестничной площадке были выкрашены в ядовитый зеленый цвет, на краске было множество царапин и линий... Здесь не надо было напрягать свои особенные способности, все читалось невооруженным глазом: имена, имена... Какие-то Саши увековечили здесь свое имя, какие-то Коли, Даши, Димы... Мишкину стало грустно: а какую память оставит о себе он, Мишкин, ничем не знаменитый человек? Как рассказать всем вокруг о своем существовании?

Обратно спускаться уже не имело смысла. Мишкин решил, что ближе будет, если воспользоваться вот этой лесенкой на чердак и пройти через крышу. Он пробрался на чердак и выбрался наружу в слуховое окно. Он припомнил по ходу дела: слуховое окно названо в честь изобретателя; жил когда-то некий Слухов...

С крыши, стоя на самой кромке, Мишкин осматривал окрестности и думал рассеянно о разных вещах. Тот Слухов придумал делать окна в кровле, которые работали в виде отдушин. Они



регулировали давление воздуха. Через них атмосферное давление внутри дома и снаружи уравнивалось. А то, если снаружи возрастает давление, крышу может продавить внутрь, а если давление падает, крышу может вспучить изнутри...

Внизу, на втором этаже, у себя в комнате, Марья Фоминична все докапывалась до смысла слов, сказанных Мишкиным: «Тоннель... А плывун при чем тут?»

Вдруг нити соединились и связались: Мишкин бормотал про подземные работы в тоннеле, а Ирин папа был метростроитель! Так это у него, может, авария сегодня случилась?

Ирина мама, что-то предчувствуя тревожное, бросилась звонить. Она звонила той подруге, которой рассказывала про ананас, у которой муж тоже на метро...

— Да, кстати, Ира... Алло?.. Ананас так и забыли предложить гостям... Алло! Ты?.. Да, я... Твой-то дома?.. Подземную реку прорвало? Не вернулся... Часа два назад?.. Что, звонил? И до утра не обещал обратно... Но жертв-то нет, конечно?.. Ну слава богу...

Вернувшись в комнату, Марья Фоминична позвала:

— Ира!

— Что? — подскочила та.

Ирина мама металась по комнате. Она не находила себе места. Она включила телевизор. Она удивилась, что в комнате полумрак, и включила свет. А свечку она задула. Она перекладывала вещи с места на место. Она выключила телевизор.

А в коридоре, уходя, выключить лампочку она все-таки забыла. Объяснялось это нервным ее состоянием. В тоннеле, где работал сегодня Ирин папа, произошла авария! Ириной маме стало нехорошо. Свет в коридоре остался гореть, неэкономно расходуясь. Из соседней комнаты высунулась голова, заметила непорядок. Вслед за головой высунулись плечики, горбатенькая фигурка, ножки одна короче другой. Ножки проковыляли, выключили лампочку, вернулись к себе в комнатушку. Голова была довольна: она проследила за порядком, принесла какую-то пользу в этом мире...

Постояв на крыше, Мишкин двинулся в сторону дальней телебашни. Он любил больше ходить без определенной цели — гулять таким образом. Красные огоньки на башне привлекали внимание, он в ту сторону и отправился.

Видны были звезды, сегодня их много! Мишкин подумал невольно о дальних путешествиях. Люди почему-то всегда стремились к иным мирам. Лично Мишкин туда не стремился. Он как-то рассуждал, раскладывал логически... Он пришел к выводу, что во всей Вселенной нет других разумных существ, кроме земного человека. А если нет так называемых братьев по разуму, то и к чему лететь вдаль, оставив навсегда Землю? Но даже если б были такие разумные на других планетах, лично

Мишкину как-то хватало земных жителей. Можно сто лет разгадывать их загадки — и не разгадаешь. Всего лишь через дорогу марсиане живут. В том смысле марсиане, что ты о них ничего не знаешь. А когда узнаешь, то тоже получаются марсиане, так как ведут себя загадочно. Вот от воды, например, отказываются от горячей...

В принципе, конечно, кто хочет лететь в космические бездны, пусть летит. Мишкин не возражал. Мишкин, со своей стороны, был даже готов личную гипотезу выдвинуть им в помощь. У него возникли такие соображения: живого человека не имеет смысла в космическом корабле посылать. Он будет мучиться от одиночества. Он умрет в дороге. Его потомки, если будут, с ума посходят от безделья, от тоскливых мыслей... Что, если заморозить живую клетку? Ее и поместить в космический корабль для межпланетного полета. Хоть миллион лет пусть летит, хоть сколько. Прилетев к намеченной цели, клетка начнет развиваться в условиях той планеты. В пробирке вырастет человек, ступит на почву неземного мира. О Земле он ничего и не будет знать, его не будут мучить воспоминания, его не будет тянуть обратно... Хотя может и не прижиться, конечно. Мишкин допускал, что даже и клетка не сможет прижиться на чужой земле. Даже иногда берут обыкновенный цветок у кого-нибудь из знакомых, приносят к себе домой, чтобы разводить, а цветок вдруг хиреет и не приживается на чужом подоконнике.

Чужие окошки светились у него под ногами.

В одном окне... Мишкин даже на расстоянии услышал приглушенный крик. Так человек вскрикнул! В одном из домов, в верхнем пятом этаже, мужчина прилип к стеклу. Мужчина на него выглядывал, прямо на Мишкина. Из-за него он и вскрикнул — от неожиданности, что мальчик в воздухе. Человек был по-домашнему, дядя в майке, что-то делал у себя на кухне, воду, может, пил из чашки, топтался, а теперь он не верил собственным глазам. Не доверяя своему зрению, он звал кого-то, чтобы те тоже взглянули и рассеяли сомнения. То ли маму он звал, то ли Машу.

«Мама!» Ну, или: «Маша!»

Приглушенный был крик, из-за стекол и дальнего расстояния. Но громко он кричал, дядя этот. Очень искренне у него вырвалось. По-настоящему поразился человек. Ему-то всегда казалось, что ничего такого не бывает и не может быть. С подлинным, искренним чувством он завопил, призывая свою маму, или свою Машу, или сразу их обеих — и маму, и Машу,— подразумевая, что пусть и все остальные бегут скорее к нему — дяди, тети, сыны и дочери, родственники и соседи... Когда человека ошеломили, он никак не может переносить в одиночку это ошеломление, он торопится поделить его с кем-нибудь еще...

— Да мама же!..

Мишкин спохватился: он забыл сделать себя невидимым. Так задумался, что прямо и пошел по воздуху, как есть. Мишкин не хотел пугать людей. Не надо ему этого — привлекать к себе особое внимание. Для Мишкина лучше было как-нибудь понезаметнее...

Сделавшись невидимым, он продолжил свой путь, гуляя без особой цели. Без особого направления. С одной стороны, когда без направления, тебе предстоит самый дальний путь. С другой стороны, котда так, без цели, ты уйдешь дальше других.

●

Е. Перехвальская

Сострадание к Швабрину

Повесть

I

Дежурить по школе мало радости: вставать рано, да еще этот белый передник — в самый раз чтобы класс убирать после уроков! У меня-то пост еще ничего, мы с девчонками стоим внизу, у раздевалки, смотрим, чтобы все переобували сменку. Потому что ходить по нашей школе в уличной обуви строжайше запрещено.

В общем, наш пост — не бей лежачего. Все равно все идут в тапочках, кроме некоторых хулиганов из старших классов. Этим закон не писан, они в тех же грязных кроссовках и по улице, и в школе по коридору. Мы их иногда пытаемся остановить, но в основном чтобы на нас обратили внимание. Особенно Селиванов из девятого «Б», у него такие волосы...

А еще мы пристаем к малышам — это наше любимое развлечение, когда стоять надоест. Увидим первоклашку помельче, такого в войлочных тапочках, схватим и спрашиваем:

— Ты переодевал тапочки?

Он пугается, глазами хлопает:

— Переодевал...

— Честно?!

— Честно...— И уже рыдать собрался.

— Ладно, на этот раз поверим.

Но сегодня мне было не до первоклашек и даже не до Селиванова, если это возможно. Я торопилась рассказать, что я вчера придумала,— просто умру, если не расскажу. Это началось вчера на уроке литературы. Мы сейчас проходим «Капитанскую дочку», и Лену Лонскую вызвали отвечать образ Швабрина. Она начала обыкновенно, а потом вдруг и говорит, что в самом конце книги Швабрин вызывает у читателя жалость, это когда он появляется после пыток совсем седой. И откуда Ленка

это взяла? В учебнике так не написано, и на уроке этого не объясняли. Наверно, она сама придумала. Учительница удивилась и спросила, а как считают другие. И тут началось! Все заспорили. Одни говорили, что жалеть Швабрина нечего, потому что он предатель, на Гринева доносил, значит, так ему и надо. Другие с ними не соглашались, утверждали, что, когда несчастная любовь, это меняет дело. К тому же Швабрин помогал Пугачеву, который народный герой. Не побоялся перейти на сторону крестьян, значит, он смелый.

Мы орали весь урок, но к общему выводу так и не пришли. После уроков я шла домой и все ломала голову: так надо ли жалеть Швабрина или нет? Не так просто решить. Я рассуждала так: он, конечно, гад, но делал все от любви. А с другой стороны, Марью Ивановну на хлеб и воду посадил тоже от любви? И вообще, если подумать хорошенько, получаются удивительные вещи — Гринев воевал против Пугачева, а он хороший, положительный; а Швабрин, помогавший Пугачеву, оказывается отрицательным героем. Странно. Все как-то навыворот. Так надо ли жалеть Швабрина? Мне, честно скажу, было его ни капли не жалко, надо было только подумать почему; как говорит папа — обосновать.

И вот на следующий день, когда мы выстроились у раздевалки, я сказала девчонкам:

— А я знаю, почему не надо жалеть Швабрина.

— Господи, не надоест тебе? — ухмыльнулась Лиза Ковальчук.— Я уж и забыла.

— Ну? — спросили другие.

— Так вот,— начала я.— За все отрицательные поступки человек должен нести наказание. Швабрин наделал много зла и поплатился за это. Мы ведь не жалеем преступников, когда их сажают в тюрьму. И вот Швабрина пытают, мучают, но это как бы наказание за его поступки. Справедливость восторжествовала.

— Да?! — закричала Танька Крыгина.— Какая же тут справедливость! Его ведь пытали не за Гринева, не за Марью Ивановну, а за то, что он помогал Пугачеву, то есть как раз за хорошее.

Тут и другие девчонки заинтересовались.

— У него была безответная любовь,— сказала Оля Илецкая.— А в таком состоянии человек способен на все: на любую низость и на любой подвиг.

— Он мог бы ее запросто изнасиловать, а не стал. Значит, не такой плохой человек,— добавила Лиза Ковальчук.

Я с Лизкой дружу, но она, честное слово, иногда такое ляпнет... Вот и папа говорит, что у нее узкий кругозор. Конечно, из всех спорящих всерьез можно было принимать только Крыгину.

— По-твоему выходит, что зла наделал — и наказания никакого? Кстати, Пугачеву он помогал только из личной корысти. На крестьянское восстание ему было наплевать.

— Это неважно,— заявила Крыгина.— К тому же мы не знаем, из каких соображений сражался сам Пугачев. Может быть, он за личную власть боролся. Распространенный мотив.

Заумная мысль. Лизка, по-моему, ее просто не поняла.

— Вот ты себе и противоречишь,— решила я подцепить Крыгину важным аргументом.— По-твоему получается, что мотив поступка никакого значения не имеет, так?

— Конечно, с позиций современности.

— Значит, то, что Швабрин помогал Пугачеву, сам факт этого перевешивает то, что на самом деле он злодей? Вот бы Пушкин удивился, что Швабрин-то у него положительный герой!

— Ерунда, бред собачий! — заорала Крыгина.

Я начала терять терпение:

— Кошачий!

Крыгина успокоилась и заговорила нормальным голосом:

— Ну, вот смотри. Идет человек и видит, что другой тонет. Он бросается в воду и спасает его. Это хороший поступок? Подвиг?

— Ну,— согласилась я.

— Хорошо. А вдруг у него была корысть? Этот, который тонет, например, должен ему большую сумму денег. И спасает он его только поэтому. Тогда как получается? Это что, тоже подвиг?

— Пожалуй, нет...

— Значит, надо было пройти мимо, так? Иди на дно, дорогой должник, я забуду о своей выгоде!

— Ну...— Я не знала, что ответить.

— Хорошенький подвиг получается — стоять на берегу и смотреть, как он бултыхается! — снова заорала Крыгина.

Девчонки смеялись.

Я обиделась. Вроде бы нормально разговаривали, а она опять. Главное, спорит-то просто мне назло. А эти дуры смеются!

— Не берите, девочки, у Юлечки ничего. А то будете тонуть — она мимо пройдет, будет хорошие поступки совершать. Буль-буль.

Танька так кривлялась, что вырвать может. А эти — ха-ха-ха. Конечно, и Ковальчук, и Илецкой, и другим наплевать на Швабрина с высокой вышки. Они и сути спора-то не понимают. А Крыгина этим пользуется, чтобы меня поддеть, лишь бы сказать мне в пику. Обидно это ужасно. А хуже всего, что я

никогда не могу вовремя придумать такой ответ, чтобы ее срезать. Потом сто ответов придумаю, а когда надо — башка пустая.

— Тань, давай честно,— говорю,— ты чушь мелешь и переходишь на личности. Тебе лишь бы своей цели добиться. Кстати, как Швабрину. Вот ты и говоришь, что его надо пожалеть. Потому что вы с ним — два сапога пара.

Я это выпалила как из пулемета. Наверно, вышло глупо, потому что Ковальчук и Илецкая так и прыснули. Я отвернулась от них и набросилась на первую попавшуюся девчонку из четвертого:

— Девочка, ты переодевала тапочки?

Она только плечами пожала — на ногах-то босоножки из ремешочков, это в самую слякоть.

— Да, мы все как Швабрин,— раздался за моей спиной голос Крыгиной, ужасно издевательский.— Одна Юлечка хорошая. У нас личная корысть. А Юлечка ангел с крылышками, чего ей нас жалеть?

Я смотрела на лестницу и молча кусала губы.

II

Я все что угодно — разозлилась, обиделась, но не удивилась. Потому что с Крыгиной у нас была настоящая война. Вот как это получилось.

Мы в то лето поменяли квартиру — съехались с бабушкой, папиной мамой. Родители и раньше ее уговаривали, но она отказывалась наотрез. А в прошлом году начала болеть, и мама с папой ездили к ней по очереди каждый день, это при том, что папа инвалид третьей группы по сердцу, а у мамы давление.

Родители у меня на самом деле старше, чем у других: папе всего четыре года до пенсии осталось, а мама его младше на шесть лет. Наверно, из-за этого мне все нельзя, что другим можно. Гуляю я только в своем дворе, оттуда — ни-ни, из школы больше чем на пятнадцать минут не могу задержаться, взять и пойти с девчонками неизвестно на какой фильм тоже нельзя. И читать что попало, и дружить незнамо с кем. Мама всегда говорит: «Приглашай своих подружек домой, я хочу с ними познакомиться». Знаю я это познакомиться. Еще на старой квартире я привела Машу Малинину. Мама у нее все выспросила: про коммуналку, про отца, про мать — где работают, что делают, пьют или не пьют. А потом велела мне с Машей не дружить. Я, конечно, и не думала слушаться, но потом пришлось изворачиваться, вообще не упоминать про Машу. А ведь они у меня всё выспрашивают.

А теперь прибавилась бабушка. Она еще три года назад работала, несмотря на возраст. У нее стаж — страшно сказать! — шестьдесят лет. А сейчас она дома, и я все время в поле ее зрения. И она, как только чувствует себя получше, начинает проверять, что я читаю да как усваиваю, или еще что-нибудь придумает.

И теперь эта новая школа. Ужас. Я же никого там не знаю, все чужие. В общем, я чувствовала себя самым несчастным человеком. Но делать нечего. Первого сентября я явилась в новый класс. Тут действительно все оказалось не так, как в старой школе. Девчонки какие-то взрослые. Одна, например, просто меня убила, когда прямо на школьном крыльце сняла галстук и прицепила к ушам огромные белые клипсы. Посмотришь — десятый класс, не меньше, если бы не форма. Рядом с такими я чувствовала себя как из каменного века.

Но с моими родителями да с бабушкой попробовала бы я не то что надеть такие клипсы — просто принести домой! Не знаю, что бы они со мной сделали. Они, особенно папа и бабушка, ужасно боятся, как они говорят, «вульгарности». Мне даже по телевизору не все разрешают смотреть; например, интервью с Аллой Пугачевой — нельзя: вдруг она чего скажет?

В старой школе было с кем отвести душу — там рядом со мной сидела Маша Малинина. А здесь меня посадили с угрюмым мальчишкой. На уроках я еще не очень страдала: писали, читали, но перемены — просто мука. Девчонки все незнакомые, болтают о своем, а я — стой в сторонке. Сначала они еще подходили ко мне, спрашивали, как зовут да откуда я, но, когда все выспросили, перестали мной интересоваться.

В тот момент я готова была подружиться с любой из них, с самой дурацкой, хоть с Ломайло. Эта мало того, что с такой фамилией была,— сразу видать, сильно того. С ней никто не дружил, но она ни капли не страдала — сидит себе все перемены в классе, читает книги.

Все остальные девчонки уже с кем-то дружили. Дружат — это когда на перемене ходят вместе. Если можно пересаживаться, например на домоводстве, тоже садятся вместе. Ну, когда культпоход или экскурсия, тоже идут под ручку, и так далее. Так и мы были с Машей Малининой, хоть мама и запрещала. Она же не может проверить. А здесь я совсем одна.

Особенно жутко было первое время. Мы тогда, помню, пошли в ТЮЗ на «Балладу о Бильбо Бэггинсе». Спектакль нормальный, понравился, но поездочка туда и обратно была просто тихий ужас. Девчонки кого-то обсуждали, кого я не знаю, хихикали, а я гордо стояла в сторонке и делала вид, что мне все равно. Я, правда, попыталась втереться в их компанию, когда мы вышли из театра. Ермилова и Илецкая, самые у нас модные,

папа бы сказал «вульгарные», бросились на газон собирать чахлые осенние ромашки. Я тоже сорвала одну побольше и подошла к Ире Ермиловой:

— А у меня вон какая растрепа.

Но Ирка только мельком взглянула на нее и унеслась. На мою ромашку ей было наплевать.

— Не так-то просто втереться в чужую дружбу,— вдруг сказала мне девочка с пышным конским хвостом. Она хитренько посмотрела на меня и хмыкнула.

Мне стало себя до слез жалко. Вот ведь человек — все про меня понимает, а только смеется. В общем, стало ясно: теперь всю жизнь, до самого десятого класса, мне придется все перемены простаивать в одиночестве у окна. Может, с Ломайло пройтись для разнообразия... И некому будет даже позвонить и узнать, что задавали.

Но на следующий же день на перемене ко мне подошла та девочка с хвостом и сама дала мне телефон. Звали ее Лена Лонская. Я сначала подумала: неужели она решила со мной дружить? Я ведь тогда не знала, какая она одиночка: и со всеми, и ни с кем. То вдруг подойдет, поговорит. А может всю перемену простоять, смотря в окно. Подружись с ней попробуй.

А еще через несколько дней я отправилась в булочную. Там с батонами в руках стояла другая девочка из моего нового класса. От этой я старалась держаться подальше, сердитая какая-то. На математике она сидела передо мной, и я нечаянно уронила к ней транспортир. Она тогда еще повернулась и сказала:

— Ну, девочка, ты даешь!

Ее звали Лиза Ковальчук. Я и не подумала ее узнавать, встала тихонько в очередь со своим мешком, в нем две булки «Здоровье» и полкруглого. Она расплатилась и отошла. Я приготовила мелочь и подняла свой мешок кассирше на обозрение.

— Привет, Юлька,— услышала я за спиной.

— Привет.— Я и виду не подала, что обрадовалась.

Она подождала, пока я расплачусь, а потом быстро предложила:

— Сгоняем в «Кулинарию» коктейль пить!

— В «Кулинарию»? — переспросила я, потому что еще не освоила окрестности.

— Да тут, на проспекте. Двадцать пять копеек. Фруктовый. Раньше был просто молочный за одиннадцать, но теперь не делают.

— Двадцать пять копеек...— Я мялась в нерешительности.

— Так у тебя же есть.— Она показала на сдачу, которую я не успела еще сунуть в карман.

Я оцепенела от ужаса. Истратить сдачу, не отдать ее до последней копейки, пойти без разрешения в какую-то «Кулинарию» пить коктейль, да еще с девочкой, которую я почти не знаю,— все это были немыслимые преступления. Но хотелось просто до смерти. А признаться, что я не могу, что дома заругают, стыдно.

— Пошли! — выкрикнула я. Это было как прыжок с вышки.

Мы побежали на проспект в «Кулинарию». Там в конце зала буфет с кофе, пирожными, кексами.

— Два коктейля! — заявила моя новая знакомая.

— Нету, девочки. Мороженого не завезли,— ответила продавщица.

Мое сердце подпрыгнуло от такого везенья. Лиза огорчилась.

— Может, по кексу тогда,— сморщив нос, предложила она.

— Ну его, этот кекс,— отказалась я, будто убитая отсутствием коктейля.

— Ладно, завтра после школы,— пообещала Лиза.

Завтра! Завтра я попрошу на что-нибудь, на булочку... Придумаю. Выкручусь. Главное — с Лизой! Дома за опоздание меня не ругали. Я сказала, что в булочной была огромная очередь. На улице стояли. Это было правдоподобно, и мне поверили.

Все бы хорошо, но Лиза Ковальчук дружила с Таней Крыгиной. Эта Крыгина мне с самого начала не понравилась — задавака и любит выпендриваться. И вообще какая-то вся ненатуральная. Посмотреть только, как по коридору идет,— как цапля, нос кверху; а говорит таким тоном, будто все лучше всех знает. И все время чем-нибудь хвастается: то у нее журнал «Бурда», то билеты на какой-то просмотр. А уж брат! Лучше людей на свете не бывает. Он вроде как служит, и в то же время у него варенка и записей навал. И она так и сыплет всякими названиями групп, именами певцов.

А я никаких этих названий не знаю, да и откуда? У нас дома не то что эти группы не слушают — папа их всегда переключает по телевизору, пять минут не дает посмотреть. И ворчит, что приучают народ к какофонии, к разгильдяйству.

Понятно, что на меня Крыгина с самого первого сентября — ноль вниманья, фунт презренья. Ни слова, кажется, мне не сказала. В общем, она была похожа на двух маминых подруг одновременно, и обеих папа называет вертихвостками и не любит. Только Крыгина — этих двух подруг умножить и возвести в квадрат.

Так вот, на следующий день после неудачного похода в «Кулинарию» мы с Лизой остановились на перемене — договориться насчет коктейля. Вдруг подлетела Крыгина, хвать Лизку за руку — и говорит:

— Ну чего ты тут встала! Пошли!

Будто Лиза остановилась сама собой посреди коридора.

Я так и осталась стоять разинув рот. Обидно почему-то, хоть плачь. А что делать, не знаю. Тут, откуда ни возьмись, Лена Лонская:

— Оглянись направо — прекрасная жанровая сценка.

Я посмотрела направо и увидела, как Ермилова замахивается на Фокина, самого высокого из наших мальчишек, который хоть едва и выползает на тройки, зато дружит с девятиклассниками и играет перед школой на гитаре. Ирка делала вид, что сердится, а сама хихикала. Фокин бросил в нее скомканной газетой «Ленинские искры», но тут ему на плечо легла твердая рука старшей пионервожатой Раисы Иванны:

— Так, Фокин, мы обращаемся с пионерской печатью?

Правда, вышло смешно. И как это Лена Лонская все замечает?.. И появляется вовремя. Я задумалась. Вот ведь она тоже употребляет разные такие слова, вроде «жанровая сценка», но у нее это выходит не противно, не как у Крыгиной. Почему это? Наверно, она их говорит не нарочно, не сует их в нос, чтобы показать, какая она умная. И выходит совсем другое дело.

А Крыгина через несколько дней после того случая в коридоре заболела. У нее было что-то вроде воспаления легких, и она очень долго не ходила в школу. Я почти забыла о ее существовании. Теперь при каждом удобном случае я пересаживалась к Лизе Ковальчук. И на переменах с ней ходила. В общем, мы начали дружить.

III

Так лед тронулся. И в конце концов с классом я познакомилась очень даже быстро. Странно было приходить к девчонкам домой в первый раз — родители и квартиры всегда оказывались не такими, как представляешь. В старой школе я как-то не обращала внимания, кто как живет, я даже сначала не знала, что Машина квартира называется коммуналка. А теперь наоборот — все прямо бросалось в глаза.

Оля Илецкая, например, живет как в мебельном магазине. Я зашла к ней как-то за книгой по внеклассному чтению. Ее мама тут же стала совать мне тапочки из специального полиэтиленового мешочка. Испугалась, что я по ковру в сапогах пошлепаю. Все говорила: «Осторожнее! Ах, стенка, ах, антиквариат!» Удивительно, как они ухитрились запихать столько мебели в квартиру. В общем, к Илецкой приходить — стоять истуканом посреди комнаты.

А вот у Ирки Ермиловой, хоть она и подруга Илецкой, дома все по-другому. Какая там стенка! Она уроки-то делает за обеденным столом, на поцарапанной клеенке. Про это никогда не догадаешься, если не увидишь, потому что на улице Ирка выглядит — шик. Это она меня убила тем, что носит клипсы. И ногти красит.

Но удивительнее всего оказалось у Лены Лонской. Я однажды принесла ей задание, когда она болела. Квартира маленькая-премаленькая, а книгами набита от пола до потолка. Не то что в прихожей — в туалете полочка с книгами, честное слово. А на кухне над столом картины, маленькие такие, в рамочках.

— Это вы у художников на улице покупали? — спрашиваю.

— Нет, мама рисовала.

— А кто она, художница?

— Нет, химик. У меня оба родителя химики. А мама рисует к тому же. Раньше рисовала. Сейчас у нее нет времени.

На одной картине были зимние елочки на солнце. Здоровские такие, и не подумаешь, что простой человек рисовал. Правильно говорит мой папа: «Талантливый человек — талант во всем» — в основном про себя, когда что-нибудь приколотит или яичницу пожарит.

Мы пошли в комнату. У Лены играла музыка. Это было самое удивительное. Не эстрада и не рок, даже не народные песни. Музыка как по радио. Опера. Там еще поют такими специальными голосами, очень ненатуральными, будто нельзя нормально петь. Никогда не думала, что это кто-нибудь слушает, разве старушки. А тут девочка из моего класса.

— Это что у тебя играет?

— «Травиата». Там про любовь Виолетты и Альфреда. Сейчас она умирает от чахотки.

По голосу это было не заметно. Пела она бодро.

Наверно, это и есть та «настоящая» музыка, которую папа расхваливает, когда по телевизору показывают «какофонию» и «дикое бряцание». Только я очень сомневаюсь, что «настоящая» музыка ему в самом деле нравится,— симфонический оркестр он тоже переключает. А где ее слушать? Ни магнитофона, ни проигрывателя у нас нет.

Пока Лена записывала задание, я разглядывала книги над столом: тома с большими буквами ШЕКСПИР, а рядом другие — ПЛУТАРХ.

— Плутарх...— пробормотала я.

— Античные биографии. Я читала некоторые.

— Тебя что, Плутарха читать заставляют? — сочувственно спросила я.

— Как это заставляют? Я сама беру.

— И они не смотрят?

— Нет,— совсем удивилась Лена.

— А за мной все время следят. Бабушка говорит: надо руководить чтением. «Анжелику», например, мне читать не разрешили. Фантастику можно, но папа все равно ворчит, что это макулатура, а не книги.

— А я «Анжелику» читала,— сказала Лена.

Что мне оставалось? Только вздохнуть.

В тот день я здорово опоздала — засиделась у Лены. А ведь дома бабушка на часы смотрит. Она мне открыла и тут же отправилась на кухню пить валерьянку. Потом маме нажаловалась. Я объясняю: была у девочки. А мама свое — приводи, мол, своих подружек, я на них посмотрю. Кого вести? Лена болеет, да и как-то неудобно ее затаскивать к себе, они ее выспрашивать будут, что да как. А она такая непростая. Я с ней иногда чувствую себя последней дурой, которая ничего не знает и не понимает.

В конце концов я пригласила Лизку. Она сразу пришла. Пила чай на кухне с мамой и бабушкой. Отвечала на вопросы. Потом нас отправили гулять. В общем, смотрины удались, хотя у Лизы оказался «узкий кругозор».

Но все равно теперь после уроков, пока Лизины родители были на работе, а младший брат сидел на продленке, мы иногда шли к Ковальчук, и тут начиналось. Например, Лизка брала потихоньку у старушки соседки боты, напяливала отцовскую шляпу и семенила по комнате, размахивая дурацкой маленькой сумочкой. Она подходила ко мне и, сложив губы бантиком, спрашивала:

— Вы не знаете, как пройти в косметический кабинет? Я хочу выщипать брови тоненькой ни-иточкой! — Она закатывала глаза и вдруг пронзительно взвизгивала: — О-о-о, где мой ридикюль?

Я просто каталась от хохота. Лизка, смотря на меня, роняла сумочку и хохотала, сидя на полу.

Иногда я сталкивалась с Лизиной мамой. У нее были такие же темные глаза, а говорила она с украинским «гэ». Когда приходила мама, мы шли на улицу или перебирались на общую кухню. У Лизы все жили в одной комнате, и хотя она была очень большая, эта комната, все равно — при маме разве повеселишься?

Теперь на уроках мы с Лизкой часто садились вместе и снова начинали друг друга смешить. Иногда до того доходило, что мы буквально тряслись от смеха, лежа на парте и зажав рты руками.

И вот в один прекрасный день снова появилась Крыгина. Она вошла в класс перед самым звонком и тут увидела, что ее место рядом с Ковальчук занято — там сижу я. Она ничего не

сказала и села на мое место — с Быковым. Тот день мы провели втроем, по коридору не ходили, а все перемены простояли у класса. Лиза читала вслух учебник, а мы с Крыгиной слушали. Не могу сказать, что было очень весело. Танька мне совершенно не нравилась. Но я была готова ее терпеть, раз уж так получилось. Пожалуйста.

После уроков, когда мы оделись и вышли на крыльцо, Крыгина вдруг сказала:

— А пошли ко мне. Мама пирог испекла.

Лизка кивнула головой. Она вообще готова куда угодно идти.

— Ага,— согласилась я.— Только мне надо позвонить, предупредить бабушку.

Мы добежали до ближайшего автомата, и я позвонила. Бабушка немного поворчала, но в основном для порядка, и мы побежали к Крыгиной на пироги.

Я у нее никогда не была, не знала даже, где она живет. Оказалось, в новом кирпичном доме, внизу код и два лифта, простой и грузовой. Приехали на седьмой этаж, Танька позвонила. Открыла ее мама. И вот тут я удивилась. Мать у Крыгиной оказалась толстая, в ярком халате с драконом и высоченной прической, совершенно на Таньку не похожая.

— Девочки пришли,— сказала она сладким голосом.— Только вы не надолго, а то скоро вернется Танин папа, ему нужно отдыхать.

— На сколько надо, на столько и пришли,— отрезала Танька.

Ого, как она с матерью разговаривает!

В прихожей висела шинель, стояли черные ботинки.

— Игорь, что ли, дома? — спросила Крыгина. И куда делся ее интеллигентный голос?

— Пришел, сейчас душ принимает,— ответила мать, будто не замечала Танькиного тона.

Ковальчук толкнула меня локтем в бок. Увидеть знаменитого крыгинского брата было ее давнишней мечтой.

Мы разделись и прошли в комнаты. Сначала попали в большую, даже огромную: ковры на стенах, вазочки повсюду, но главное, люстра — вся из кусочков хрусталя.

— Как в театре! — сказала я.

— Да,— ответила Танька.— В Союзе такая больше тысячи стоит.

— В Союзе — это где? — спросила Ковальчук.

— В Советском Союзе,— объяснила Крыгина.

— А вы, что ли, не здесь покупали?

— Родители купили в Германии, отец там служил.

— Это тоже из Германии? — спросила я про большую глиняную кружку с гербом.

— Ага. Здесь почти все оттуда. Они три контейнера привезли.

— И ты тоже там жила? — Мне стало завидно, вот человек моего возраста — и уже был за границей.

— Это все импортное?! — восхищалась Ковальчук.

— Почти. Там качество с нашим не сравнить,— ответила Крыгина, потом повернулась ко мне: — Я там училась только две четверти в первом классе. А потом мама заболела, меня бабушка взяла сюда, обратно. Я так с ней и осталась. А брат и школу закончил в Веймаре.

— По-немецки?

Вот тут я действительно позавидовала. Ведь так можно язык в совершенстве выучить. Я с папой уже сколько лет учу английский, а недавно в троллейбусе встретили американцев, так я понимала только отдельные слова. Папа говорит, надо прожить в Англии или в Америке ну хоть бы три месяца — сразу заговоришь. А брат Крыгиной, наверно, по-немецки — как по-русски.

— Не-е, он по-ихнему не ферштейн. Там в школе у них английский был.

— А на улицах он как же понимал? Или в магазине?

— Так они же в части жили. А продавцы там по-русски волокут немного.

Я снова оглянулась на люстру. Дурацкая какая-то...

— Мама тоже ничего не выучила. Она ведь учительница английского. Сейчас, правда, не по специальности работает.

Мы прошли в Танькину комнату. Здесь все было обыкновенное, нашенское. Письменный стол в чернильных еще пятнах, старый. Полка с книгами, на ней фотография в рамочке. Ковальчук даже фыркнула, а мне, наоборот, здесь было как-то приятнее.

— Тебе, наверно, было обидно, что они там,— спросила Лизка.

— Да ну...— хмыкнула Крыгина.— Мне с бабушкой больше нравилось. Вот она в молодости.— Танька показала на фотографию.

Там сидела девушка с косами, заплетенными по-старинному в «корзиночку».

— На тебя похожа,— сказала я.

— Я на нее,— поправила Крыгина.

— Она умерла?

— Да, год назад. Мама из Германии даже раньше вернулась, когда бабушка заболела. А до этого мы жили вдвоем. Я в Веймар только на каникулы ездила. Там на самом деле скучища, делать нечего, в части этой. А тут с бабушкой мы по театрам ходили.

Дверь открылась, и вошла Крыгинская мамаша в халате. Она посмотрела, чем мы тут занимаемся, а потом, поджав губы, громко сказала:

— Гоу ту дринк ти, зэ гёлз!

— Чего? — переспросила Ковальчук, у которой по-английскому не очень.

— Чай пить,— перевела я.— Только так говорить неправильно. Надо не «гоу», а «кам».

— А ты будто лучше знаешь,— рассердилась Крыгина.— У меня мама учительница.

— А меня папа учит.

— Он неправильно учит.

— Да?! Уж он получше знает, чем она. Она говорит, как будто русскими буквами написано, «зэ гёлз»,— передразнила я Танькину мать.

Крыгина совсем разозлилась. А чего обижаться-то — я же правду говорю!

— А твоего брата что, в увольнение отпустили или в отпуск? — спросила Лизка. Ее не интересовали наши разборки насчет английского, а больше занимал этот Игорь.

— А-а, даже не знаю. Он все время приходит, он ведь в спортроте, там просто. Придет, переоденется в цивильное, и ему никакой патруль не страшен.

— А какой вид спорта? — спросила Ковальчук.

— Легкая атлетика. Он еще в Германии ей начал заниматься.

Мы пошли на кухню, такую красивую, красную с белым. Тоже, наверно, немецкая. Расселись. Танька достала красивые перламутровые чашки, но тут на кухню вышла мать и немедленно убрала их обратно.

— Ну уж ты как на приеме. Можно и попроще.— И она дала Лизе чашку и блюдце из разных пар, а мне кружечку с зайчиком.

— У меня на даче точно такая! — воскликнула я.

— Это у нас расхожая посуда, на каждый день,— объяснила Танькина мама.

Танька промолчала.

Тут на кухне появился долгожданный Игорь — с мокрыми волосами, в олимпийке и шлепанцах на босу ногу. Ни слова не говоря, он подвинул к столу табуретку и сказал непонятно кому:

— Чаю.

Ковальчук смотрела на него во все глаза.

— Тебе с лимончиком? — спросила мать.

— Нет.

— Лимон полезно, витамин «ц», тебе надо усиленно питаться.

— Не утомляй,— поморщился Игорь.

— Что-то не в духе сегодня,— объяснила нам мать.

— Когда он в духе? — спросила Крыгина.

В общем, этот Игорь мне ужасно не понравился, дурацкий какой-то. Я совсем не таким представляла его по Танькиным рассказам. А вроде Селиванова из девятого «Б». За столом было скучно. Пирога нам никто не предложил, мы быстренько попили чаю с хлебными палочками и вернулись в Танькину комнату. Там я снова посмотрела на фотографию бабушки.

— А вот Игорь на нее ни капли не похож,— заметила я.— У него лицо такое злое. Как у матери.

— Сама ты злая,— вдруг отрезала Крыгина.— На своих смотри. Это у тебя, как в милиции: того можно, этого нельзя.

Я пожала плечами. Чего это она? Скоро мы собрались. Танька тоже пошла, ей велели купить постного масла. Как только дверь захлопнулась, Крыгина снова стала сама собой — я бы не удивилась, если бы она тут же, с ходу опять начала заливать про своего брата.

Пока мы шли до магазина, она рассказывала, как бабушка привела ее в балетное училище, потому что у нее были данные, и два тура она прошла, а на третьем срезалась, потому что у нее оказалась толстая колодка, то есть ноги в подъеме шире, чем надо.

— Юлька бы и первый не прошла,— вдруг сказала Крыгина Лизе.— Видишь, как она ходит.— И она показала на мои ноги.

Я тоже посмотрела на свои ноги в белых от уличной соли сапогах. Мне стало не по себе — так мне никогда еще не говорили. А чего отвечать?

— Почему ты так думаешь? — спросила Лиза.

— Смотри, как она ходит.

Танька забежала вперед и заковыляла — правая нога носком внутрь, левая загребает. Конечно, и мама, и папа, и бабушка сто раз говорили, что я ужасно некрасиво хожу, до смерти надоели этим своим «следи за походкой». Как за ней следить-то? Думать о том, как идешь, все время? Это же невозможно. Бабушка даже изобрела для меня специальные упражнения, вроде того, что ставишь ноги на одну линию, носками наружу, естественно, и приседаешь. Замучила меня окончательно, а результат — ноль без палочки.

Но то, что я увидела сейчас, было совершенно ужасно. Танька кривлялась совсем как мы с Лизкой, но теперь было вовсе не смешно. Главное, она нарочно хотела меня обидеть. Наконец мы дошли до магазина, я выдавила из себя «пока» и бросилась домой, стараясь на ходу успокоиться, чтобы они не

привязывались, что случилось да что произошло. Им только что-нибудь расскажи — обязательно против тебя же и обернется.

IV

На следующий день я уже почти забыла, что произошло,— у меня обида долго не держится. Но перед зоологией, когда рядом у химии стояли девятиклассники, и среди них Селиванов, Крыгина вдруг подошла и двумя пальцами выхватила у меня из кармана носовой платок, подняла его на всеобщее обозрение и говорит:

— Смотрите, Юлька уборщице новую тряпку принесла. Только зачем же носить ее в кармане?

Конечно, платок у меня не белоснежный, но уж и не тряпка. А вокруг все прямо заржали, даже девятиклассники посмотрели. И я опять не придумала, что ответить. Всю зоологию я просидела как шарахнутая — не слышала, что там объясняют, не заметила, кого вызывали. Я все вспоминала Крыгину и придумывала, что бы я могла ей ответить. «Ты, Таня, меня удивляешь. Не можешь отличить носовой платок от тряпки. И дома тоже так?» Или: «Покажи свой. Может, мы его на выставку, на ВДНХ отправим». Но эти остроумные ответы придумывались только теперь, когда говорить их было поздно.

Но уже на последнем уроке мне удалось отплатить. Был английский. Нам задавали рассказ «Моя семья». И все по очереди твердили: «У меня мама, папа и брат. Мой папа инженер» — и дальше в таком духе. Умрешь от скуки. Все оживлялись только в промежутках между рассказами, но, когда вызывали не их, снова отключались. Наконец вызвали Крыгину. В другой раз я бы и не подумала ее слушать, а тут прислушалась. Танька встала в свою третью позицию и начала с выражением рассказывать насчет «нас в семье четверо». И вдруг я, к своему изумлению, услышала: «Моя мама балерина». Я оглянулась на нашу английскую группу — никто даже не улыбнулся. Наверно, они никогда не видели Танькину маму, а может быть, не знали, как по-английски «балерина», или не слушали. Во всяком случае, никто не прореагировал.

На перемене я с хохотом выскочила из класса и, завидев девчонок из другой группы, закричала:

— Вы Таньки Крыгиной мать видели?

— Ну?

— Знаетс, кем она работает? Она балерина!

Естественно, всем, кто видел Танькину мать, стало смешно.

— Да уж, стоит представить ее в балетной пачке.

Появилась Крыгина.

— Так чего? — с ходу спросила ее ехидная Ирка Ермилова.— Значит, у тебя мать балерина? В каком весе, в среднем или в тяжелом?

— Форму потеряла, не моет лестницы, как другие,— не раздумывая, ответила Танька.— Не у всех мать дворник.

— Так я и не выдаю ее за академика,— отрезала Ирка.

Вот ведь реакция у людей, позавидуешь. Ни секунды не раздумывают. Но они, Ирка с Танькой, поцапались — и ничего, а у меня с Крыгиной началась настоящая война.

Танька вела такую политику: то вдруг перестанет меня напрочь замечать, будто я пустое место, а потом ни с того ни с сего накинется, в основном чтобы меня перед другими поставить в дурацкое положение. Особенно она прохаживалась на предмет моего внешнего вида: то дырка на чулке, то карман надорвется, то галстук жеваный. Теперь мне приходилось следить за миллионом разных мелочей, за которыми раньше следили только мама и бабушка, а я разве что из-под палки.

Но зато я тоже нашла ее слабое место. Я стала выводить Крыгину на чистую воду, все ее басни. Я про брата всем рассказала и про мамашу. Я вообще стала внимательно следить за всем, что она говорит и что делает. И с каждым днем она казалась мне все противнее — как она стоит в третьей позиции, как ходит с прямой спиной, а этот интеллигентный голос... И дом, где она жила, был уродливее других, и балет я возненавидела.

В ответ Крыгина цеплялась к нам — не ко мне одной, кстати. Оля Илецкая была объектом ее нападок. В раздевалке перед физкультурой Крыгина к ней подходила и начинала рассуждать о том, как питаются балерины и что нужно есть, чтобы похудеть, потому что быть жирным — это последнее дело. Это при том, что Илецкая и так страдает от того, что толстая. Крыгина видит, что той неприятно, и еще больше старается. Кончилось тем, что Оля Илецкая Таньку буквально возненавидела, и мы с ней стали союзниками.

Это именно Илецкая узнала, что Крыгина влюблена в Гребенщикова из группы «Аквариум». Она нашла у Таньки в парте тетрадку с песнями разных групп и портретами певцов. Такие у многих есть. Это у нас называется альбом. У меня тоже был, но хилый. Вырезки про певцов, портреты, тексты песен мне где брать? У нас дома этого не бывает, потому что это «бездуховность». Разве что иногда напечатают что-нибудь в «Работнице», которую выписывает мама. Лучше бы у меня этого альбома и не было. Его обнаружила бабушка, и они целую неделю, наверно, меня за него пилили. Так что это дело я бросила.

У Крыгиной альбом был шикарный, даже вырезки из иностранных журналов встречались. Еще бы! Это все брат. Так вот

НИЧЕГО
ХОРОШЕГО

в этом самом альбоме между страницами мы нашли недописанное письмо, может быть, черновик — несколько перечеркнутых строчек. Но нам и этого было достаточно. Вот что Танька писала:

«Дорогой Борис!

Может быть, я должна называть тебя на «Вы» и писать «Борис Борисович»? Я не могу, потому что ты для меня самый близкий человек на свете. Все люди вокруг — и в школе, и дома — совсем не могут меня понять. Они как люди с другой планеты. А в твоих песнях я слышу голос...»

Какой голос слышит Крыгина в песнях Гребенщикова, оставалось неизвестным, потому что на этом листок кончался. Нам хватило и этого. Прекрасное оружие борьбы. Жаль только, мы не знали, отправила она письмо или нет. Сначала мы хотели подговорить старшего брата Илецкой, который учится в техникуме, чтобы он позвонил Таньке и сказал, что он Гребенщиков. Мы даже три рубля ему предлагали, но он все равно не согласился. Тогда мы решили, что позвоним сами, и Оля будет говорить басом. Только ничего не получилось. Мы набрали номер, подошла мама, Илецкая своим нормальным голосом попросила Таню, но потом, когда она пробасила: «Здравствуй, Таня. С тобой говорит Борис Гребенщиков», нам вдруг сделалось так смешно, что Оля не смогла больше выговорить ни слова. Она только смеялась в трубку, и Крыгина, конечно, все поняла.

Зато мы рассказали про письмо всему классу — даже мальчишки его читали. Несколько перемен подряд они носились за Крыгиной, выли, строили страшные рожи и кричали: «Мы инопланетяне! Мы пришельцы!» А еще кто-то, не знаю, нацепил ей на спину бумажку: «Б. Г.— полюби!» Несколько дней от нее не отставали, пока не надоело.

— Действительно инопланетяне,— морщила нос Лена Лонская, смотря на выходки мальчишек.

Конечно, ее-то Крыгина не трогала, ей легко говорить. Но неужели она не видит, как Танька цепляется к Илецкой, к Ермиловой, к другим девчонкам? Я однажды Лену так прямо и спросила.

— Ну, вижу,— ответила она.— Ну и что из этого? Что мне, вешать ей бумажки на спину? Если отвечать ей тем же, чем мы тогда лучше? Получается, он меня ударил, я его, а со стороны — просто драка.

— Так что же, и сдачи не давать?

— Не знаю...— пожала плечами Лена.— Я, наверно, не стала бы...

V

Но это она только так говорила, что мы получаемся не лучше Крыгиной. Потому что к себе на день рождения Таньку она и не подумала позвать. Илецкую, правда, тоже не пригласили. Но ведь у них такая квартира маленькая. Едва все уместились. А ведь, кроме нескольких девочек из класса, был только двоюродный брат, по имени Волька, и очень вежливая девочка-соседка.

Сначала мы сидели и ели. Очень чинно. Мне казалось, что меня связали по рукам и заставили проглотить длинную линейку. Разговор был вялый, все старались говорить об умном, а это не так просто. Я говорила мало, потому что не могу же я говорить об умном и одновременно думать, в какой руке культурные люди держат нож и вилку.

Наверно, это и есть то поведение, которое нравится папе и бабушке,— абсолютно никакой вульгарности. Правда, если так везде будет, лучше из дома не показываться. Скука.

Но вдруг все переменилось. Часов в восемь пришел Ленкин отец, Сергей Николаевич, и сразу велел нам играть в буриме. Мы сообща придумали две пары рифм, и каждый стал сочинять с ними четверостишие. Рифмы были такие: трамвай — каравай, майка — балалайка. Я записала их на листочке и стала думать.

Оказалось, сочинить четверостишие со смыслом не так-то просто. Во-первых, мне не хватило времени. Когда я сочинила первую строчку: «Шел по улице трамвай», другие уже сдавали свои записочки. Я заторопилась и написала первое, что пришло в голову:

Шел по улице трамвай,
А навстречу каравай,
Думал я, что это майка,
Оказалось — балалайка.

Вышло не очень хорошо, но я была уверена, что и у других вряд ли получится лучше. В глубине души я надеялась — а вдруг я первое место займу! Когда перед дядей Сережей собралась целая горка бумажек, он стал зачитывать их вслух, а все выбирали лучший стих. Я даже заволновалась, когда он развернул мою записочку. Но про мое четверостишие Ленкин отец сказал:

— Типично мужское творчество,— и посмотрел на Вольку.

Я тоже на всякий случай на него оглянулась, потому что мне показалось, что сказать «типично мужское творчество» — это не комплимент. Хотя с другой стороны, вот и Пушкин и Лермонтов были мужчины...

Первое место заняло такое стихотворение:

На мне новенькая майка,
А в авоське каравай.
А под майкой — балалайка...
Все переехал гад трамвай!

Оказалось, что его сочинил Волька. Вот вам и мужское творчество!

Потом стали разыгрывать шарады. Волька, Ирка Ермилова, дядя Сережа и Лена ушли в коридор совещаться. И вот они появились: Лена уложила Вольку на два стула и укрыла пледом, а он вертелся и ныл. Сергей Николаевич указал на них пальцем и продекламировал:

— Побежала мышка-мать, стала кошку в няньки звать...

Лена подбежала к двери, и оттуда на цыпочках вышла Ирка.

— Приходи к нам, тетя кошка, нашу детку покачать.

Это была первая сценка. Потом они снова ушли за дверь. На этот раз ждать пришлось дольше. Наконец дверь распахнулась, и появились Ирка с зонтиком, Волька с огромным рюкзаком, а Лена с хозяйственной сумкой, из которой торчал термос. Все трое были в панамах. За ними на четвереньках шел Сергей Николаевич с гигантским тюком на спине. Не обращая внимания на хохот, туристы всматривались в даль.

— Видите ту горную цепь? — спросил Волька.

— Да,— ответила Лена,— мы уже у цели.

Навьюченный Сергей Николаевич тем временем равнодушно улегся, подогнув ноги, и стал пережевывать жвачку.

Смешно было ужасно. По требованию зрителей сцену повторили.

Действие третьей сценки происходило у зубного. Волька дико орал, вертелся, отпихивал дядю Сережу в клетчатом кухонном переднике, а тот строго говорил:

— Больной, вы мешаете мне работать.

Из названий двух первых сцен складывалось название третьей. Мне ничего в голову не приходило. Оказалось, все просто: мышь + як = мышьяк!

Я смотрела на дядю Сережу и смеялась до упаду, но внутри ужасно завидовала Ленке: вот везучая, мне бы таких родителей!

Я вспомнила про дом, и настроение сразу упало. Приду, сразу пристанут: дай им полный отчет, кто был да что было. Вдруг меня чему-нибудь вульгарному научили! Получается, вроде как оправдываешься ни за что. Противно.

И вообще, у них только одно: это тебе нельзя, туда нельзя, не смотри, не слушай. А вот мой папа мог бы так на четвереньках при гостях? Я уж не говорю о маме и бабушке! Да ни в жизнь. Скажет: «Так не принято». На самом деле просто не может. Это как с музыкой. По правде-то ему не только «бряца-

ние» противно слушать, а любую музыку. Он ведь ее всегда выключает, не любит просто. Вот.

Скоро все стали расходиться. Решили, что далеко живущих гостей, а именно Вольку, мы все вместе проводим до метро, а потом будем здесь провожать друг друга. По дороге мы хохотали, а у эскалатора Волька исполнил «прощальный брейк». И вдруг снизу выплыла Крыгина со своей толстой мамашей. Веселье мигом испарилось. Крыгина заметила нас и отвернулась. Я все ждала, когда же они пройдут мимо, но Танькина мать вдруг остановилась и внимательно посмотрела в нашу сторону. Я уж испугалась, что она меня узнала. Но она широко улыбнулась своим красным ртом и сказала:

— Здравствуйте, Сергей Николаевич.

— Добрый вечер,— ответил дядя Сережа очень сухо.

— Ты что, ее знаешь? — спросила Ленка, когда они ушли.

— Кадровичка наша новая,— мрачно ответил Сергей Николаевич, а потом вдруг прибавил совсем сердито: — На редкость противная баба.

VI

Я даже обрадовалась. Вот и дядя Сережа тоже так думает. Он, правда, говорил про мать, а не про дочь, но они два сапога пара. Я не могла понять только одного: как Ковальчук выносит эту Крыгину, она ведь продолжала с ней общаться. Крыгина к Лизке таскалась чуть не каждый день, сидела подолгу. О чем с ней говорить-то? Я так и спросила Ковальчук и напомнила ей, что сказал отец Лонской:

— Хороша балерина!

— Танька же сама ее терпеть не может. Они все знаешь как ее дома доводят! Танька обидчивая.

— Не верится что-то. По-моему, она как толстокожий бегемот.

— Ты что! Она совсем другая становится, когда никого нет. Она знаешь как расстраивается, что все против нее — и в школе, и дома! Плачет даже.

— Так она же сама все это устроила!

Нет, Лизку было не убедить, потому что сама она от Крыгиной еще не натерпелась. Погоди, думаю, она еще себя покажет.

И тут как раз звонок в дверь. Крыгина собственной персоной! Влетела в комнату — и на диван. Меня она еще не увидела. Глаза красные — действительно, что ли, ревела? Даже как-то жалко ее. Тут Крыгина подняла голову и увидела меня и сразу перестала быть расстроенная, а стала злая. И жалость моя тут же испарилась.

Ну, мы сидим, кто кого пересидит. Я вижу, Танька тут зацепилась намертво, но и я уходить из-за нее не подумаю. Я первая пришла, да и было бы из-за кого уходить. Сидим молчим.

Лизка смотрит на нас и не знает, что делать. Тогда я подошла к этажерке и сняла толстый альбом с фотографиями:

— Может, посмотрим?

— Давай...— согласилась Лизка.

Мы уселись рядом на диван и стали листать страницы. Вот портрет девушки с толстой косой. Надо же, Лизкина мама — красивая такая, молодая. Вроде лицо и такое же, как сейчас, а вроде нет.

— Какая у тебя мама...— сказала я.

— Первая красавица была в Запорожье,— гордо ответила Лизка.

На следующей странице та же девушка стояла на сцене с большим букетом цветов.

— Это мама в самодеятельности участвовала. Она пела. Все время первые места занимала. У нее знаете сколько грамот!

— А сейчас она поет?

— Поет иногда дома. Редко.

Потом шли мамины запорожские подруги. Лизкины дедушка с бабушкой около своего домика. А вот уже мама с папой. Он тоже не очень похож на себя теперешнего. У него на фотографии чуб вверх, он склонился к Лизкиной маме и улыбается.

— Он приехал в командировку на тот завод, где мама работала, и через три дня сделал ей предложение.

— И чего?

— Ну, она сюда переехала.

Ого, прямо как в кино. Даже не верится, что такое бывает. Но вот на эту фотографию посмотришь — и начинаешь верить.

Хлопнула входная дверь — это пришла Лизкина мама. Она заглянула в комнату, поставила сумку с продуктами на стул у двери и в ответ на наше «здрасте» сказала:

— Ну вот, десятки как и нет, а что взяла?

Она достала из кармана конверт, распечатала письмо и стоя у двери в пальто, стала читать.

— Слышь, Лиза, Кольку-то, племянника, комиссовали. Травма. Господи, будет ли ходить, врачи сомневаются.— Она посмотрела на Крыгину и вдруг сказала: — У других-то, кто сам военный, устраивают своих сыночков куда поближе. Сразу все спортсмены. Дома, что ни день,— такая служба. А наши хоть околевай.

Я смотрела на нее во все глаза. Невозможно было поверить, что это она стояла на сцене с цветами и смеялась. Как все-таки

люди меняются. От возраста, что ли? Главное, в какую-то скучную, прямо убогую сторону. Вот и отец Лизкин теперь такой мрачный. Я от него, кроме «здрасте», ни слова не слышала. Помоему, он вообще ни с кем не разговаривает.

Вот и мои, наверно, в молодости были не такие, как сейчас. Но это было так давно, что они и сами не помнят.

— Как некоторые все-таки тупеют с возрастом! — Крыгина вскочила с дивана, и альбом упал на пол.— На людей становятся не похожи! А может, и раньше ума не было.

Лизина мама в коридоре снимала пальто. Крыгина отвернулась от нас и уставилась на плюшевый ковер — там была ночь и два мавра увозили в седле красавицу в длинном платье.

— Мещанство такие ковры,— показала на него Крыгина.— Сразу видно, какой вкус. Или это мода такая в Запорожье?

Лизка вспыхнула. Я даже и не думала, что она так может — прямо вся залилась краской. И сквозь зубы сказала:

— Не нравится — чего смотришь?

— Очень надо было,— крикнула Крыгина и бросилась из комнаты.

Теперь Лизка убедилась, что представляет из себя ее любезная Крыгина.

Я вернулась домой и вдруг неожиданно для себя рассказала про Крыгину маме. Раньше-то я, естественно, молчала, а тут все выложила — и про мать-балерину, и про ее вранье, и про плюшевый ковер, и как она надо мной смеется.

— Вот видишь,— сказала мама.— Надо следить за собой. А то злой человек и посмеется.

Но у нас дома, если одному расскажешь — значит всем. Конечно, бабушка с отцом тоже обо всем узнали. Потребовали, чтобы я изложила все по порядку. Пришлось мне и про дом, и про альбом рассказать, и что Крыгина говорит другим девочкам.

Бабушка ужасно разозлилась.

— Я,— говорит,— пойду к ее родителям, пойду в школу. Пусть и родители, и учителя знают, какой растет человек.

Надо знать мою бабушку. Я испугалась. Она ведь действительно может пойти. Стыд-то какой! Взрослых впутывать — это же последнее дело. Вот тут-то с тобой никто дружить и не будет. Я ей говорю:

— Что ты, не надо ходить!

А она:

— Безнаказанности не должно быть! Это у нас тут такие добренькие все стали — смертную казнь отменить хотят. А я говорю: за каждый поступок по заслугам!

Так она разошлась, что я даже за Крыгину испугалась. Папа — тот поспокойнее, но тоже:

— Учительница должна быть в курсе.

— Зачем? — Я ударилась в слезы.— Не ходите никуда, умоляю!

В общем, уговорила их кое-как. Они поворчали, но решили никуда не ходить. Одна мама меня поддержала. Посоветовала просто держаться от Крыгиной подальше и не иметь с ней никаких дел.

— Это самая лучшая политика,— сказала она.

Я и сама так думала.

VII

Прошло несколько недель. Однажды я вышла из школы и увидела отца Лены Лонской. Он стоял съежившись и засунув руки в карманы. Я подошла к нему и вежливо поздоровалась:

— Здравствуйте, Сергей Николаевич!

— А-а, Юля... Лена там идет?

— Идет.— Я пожала плечами.

Чего это он ее встречает? Может быть, они куда-то собрались, а может быть, что-то случилось. Вообще вид у него был такой, будто случилось. Все-таки странно, когда встречают из школы. Я прошла несколько шагов и обернулась. Из школы как раз выходила Лена. Она увидела отца, но не побежала, а остановилась, будто не знала, что делать. Он тоже — стоит и смотрит. Вдруг Лена побежала, но не к нему, а мимо меня в подворотню. Я понеслась следом. Далеко бежать не пришлось, потому что за углом она остановилась, и дальше мы пошли вместе.

— Ты чего? — спросила я.

Лена молчала, а потом сказала:

— Он от нас ушел, от меня с мамой.

От ужаса у меня присох язык. А чт говорить в таких случаях? Я смогла только переспросить:

— Как это ушел?

— Ну, ушел жить к другой женщине.

Тут до меня окончательно дошло. Невероятным было не то, что отец ушел,— у нас в классе разведенных родителей навал. Ужас, что отец Лонской. Ну, ушел бы у Ирки Панды, даже у Лизы Ковальчук, я бы не удивилась, но здесь...

— А теперь чего?

— А чего теперь?

У Ленкиной парадной мы расстались, и я пошла домой. Ни о чем, кроме Лены и дяди Сережи, я не могла думать. Я вспомнила, как он выходил навьюченный во время шарад. Ведь совсем недавно! Значит, все это было вранье, он тогда уже

собирался уходить, уже думал. Он всех обманывал, и меня тоже!

Да, правильно, наверно, Ленка делает, что не хочет с ним встречаться. Так ему и надо. Я вспомнила, как он стоял у школы. Такой несчастный. Совсем не похожий на злодея. Даже жалко его. Странно получается: человек с другими плохо поступил, а его самого жалко. Прямо какое-то сострадание к Швабрину.

Я так запуталась, что рассказала все дома, маме и бабушке. Мама вздыхала и качала головой, говорила, что вот дети-то в таких случаях и страдают и что Лена попала в трудную ситуацию.

— Но все-таки отец... Зря она с ним так...

— А думать надо было! — заявила бабушка.— Ушел — все обрубил. Уйти от собственного ребенка! — воскликнула она и добавила кровожадно: — Если бы мой сын бросил своего ребенка, он был бы мне не сын.

— Конечно,— вздохнула мама.— Но вот в школу пришел...

— Вишь ты, прости, доченька! — завелась бабушка.— После того как все растоптал! Я бы на месте твоей Лены,— обратилась она ко мне,— и не посмотрела бы теперь на него, и на порог не пустила. Отрезанный ломоть.

— Так она от него и убежала,— напомнила я.

— И правильно! Нечего сволочей жалеть.

Мне было трудно думать про дядю Сережу как про сволочь, но умом я понимала, что бабушка права. Правильно: безнаказанности не должно быть. Но в глубине души дядю Сережу все равно было жалко, я понимала маму. Наверно, это от слабости, надо закалять волю и жалости не поддаваться.

— Точно,— вторила я бабушке, чтобы убедить и себя.— Я Лене скажу, чтобы она на него и не смотрела.

А вечером позвонила сама Лена.

— Знаешь, я хотела тебя попросить... Ты не говори в школе... ну, про меня и отца, ладно?

Я поклялась молчать.

Я действительно не сказала никому ни слова, хоть меня и подмывало,— правда, самую малость. Но прошло два дня, и после физики Оля Илецкая подошла к Лонской и тихо, но так, что почти все слышали, спросила:

— А правда, что у тебя родители разводятся?

Ленка огляделась, будто потеряла что-то, а потом тихо ответила:

— Правда.

— Чего пристала к человеку! — заорала на нее Ирка Ермилова.

Я похолодела. Откуда они узнали? Теперь Лена подумает, что это я разболтала. А я молчала, честное слово. Я хотела ей

все объяснить, но Лена куда-то пропала. Тогда я подступила к Илецкой:

— Ты откуда знаешь про Лонскую?

— Крыгина в раздевалке говорила.

Я чуть не задохнулась от злобы. Опять эта сволочь! Я бросилась искать Крыгину. Она давно со мной не разговаривает — плевать. Я увидела ее в рекреации у окна.

— Таня.— Я старалась говорить спокойно.— Ты откуда взяла — про родителей Лонской?

Она повернула ко мне свое наглое лицо:

— А тебе какое дело? У тебя что, свербит?

— А такое! Распускаешь тут бредни, слухи про людей. Гадюка.

— Да? — Она сузила глаза.— Какие уж тут бредни? На работе у всех на глазах бегал за этой юбкой, пока она не дала.

— А, так ты со слов своей мамочки поешь! На редкость противная баба. И ты не лучше.

Если бы не звонок, если бы не Ирка Ермилова, которая орала: «Хватит собачиться!» — я бы ее ударила.

В тот день дядя Сережа снова был у школы. Увидев его, я побежала обратно — Лена еще одевалась. Ей уже рассказали про Крыгину. Если бы не так, не знаю, как бы я показалась ей на глаза.

— Там твой папа.

— М-м.

— Опять не будешь разговаривать?

— Не знаю... Маму жалко. Получается, что я ее обманываю. Мы дома о нем даже не упоминаем.

— Так ты и не упоминай.

— Это будет вроде неправды.

— Так ты ничего не рассказывай. А просто подойди к нему, и все. Чего-то жалко его.

— Знаешь, всех жалко.

Мы вместе вышли из школы. Лена остановилась, а потом подошла к дяде Сереже. Я не стала ее ждать, потом только обернулась и увидела, что они уходят в противоположную сторону.

Нет все-таки у меня никакой силы воли.

VIII

Наступил май. В одну субботу мы вышли на уборку территории — сгребали в кучи прошлогодние листья и жгли их. Субботник — самый повод продемонстрировать свой гардероб: джинсы, куртки, свитера. Мы уже работали, когда подошла

Илецкая. Увидев ее, я чуть не выронила грабли. Она была — господи! — в таких штанах! Сверху широченные, снизу узкие-преузкие, да еще в огромную красно-синюю клетку. Видно, что фирма, а не самопал, но толстая Илецкая в них была похожа на клоуна или на плюшевого мишку в ситцевых шароварах.

Никто, конечно, ничего не сказал, все только переглянулись. Оля взяла свободные грабли и стала сгребать листья.

— Знаешь,— вдруг послышался голос Крыгиной,— ты меня прости, но эти брюки тебе не идут. Покрой неудачный, а такая крупная клетка не годится для твоей фигуры.

Если бы Крыгина на этом закончила, было бы еще ничего, но она продолжала:

— Крупная клетка зрительно утолщает и укорачивает. А твои ноги, и так далеко не длинные, кажутся еще толще и короче.

Илецкая ничего не ответила, только опустила голову, продолжая работать. Кроме меня, это слышали еще несколько человек. Я уверена, все они думали то же, что и я, то, что сказала Крыгина, но, когда она высказала это вслух, за Олю стало обидно. Наверно, потому, что Танька нарочно хотела ее обидеть. Думая про это, я продолжала сгребать листья, а когда подняла голову, увидела, что Илецкой рядом нет. Она стояла за школой и ревела, отвернувшись к стене. Ирка Ермилова утешала ее:

— Просто ей завидно, что у нее нет таких брюк.

Это была, конечно, полная ерунда, но Оля стала всхлипывать тише. И тогда я добавила:

— Что ты ее слушаешь? Она же идиотка, у нее вкуса нет ни на грош!

Илецкая повернула ко мне заплаканное лицо и усмехнулась. Вот ведь человека в глаза обманывают, а ему только этого и надо. Эта история со штанами, конечно, мелочь, чепуха по сравнению с тем, что Крыгина иногда вытворяет, но Илецкая обиделась смертельно.

А в июне началась практика — ремонт школы. Мы специализировались по покраске парт. Это было даже интересно. Особенно если бы не мешал трудовик, который руководил ремонтом. У него было два главных пунктика — подбор цвета, или, как он выражался, «колера», и экономия ветоши. Мешал он всем ужасно. С утра обычно он активно руководил — кричал, метался из класса в класс, указывал, однажды заставил нас перекрашивать парты в пении из синих в зеленые. После обеда исчезал и появлялся только к концу дня, чтобы собрать кисти, валики, ведерки с краской и драгоценную ветошь.

Но в один прекрасный день он не явился и к концу работы. Часов в пять мы все закончили и сели дожидаться трудовика.

Его не было. Мы подождали еще немного, потом решили сами отнести все в подвал — куда что положить-поставить, мы знаем. Сколько ждать этого дебила!

Мы с Олей Илецкой и Иркой Ермиловой собрали кисти и валики и понесли в подвал — там стояло специальное корыто с водой, чтобы они не засыхали. Подвал у нас в школе огромный, прямо как катакомбы.

Мы благополучно нашли корыто, сунули туда кисти и пошли обратно. На лестнице послышались шаги, и в подвале появилась Крыгина с ведром краски. С ней уже почти никто не разговаривал, и мы прошли мимо, даже не взглянув на нее. Когда мы выбрались из подвала, Танька еще громыхала где-то в глубине.

Вдруг Оля Илецкая протянула руку и щелкнула выключателем. Моментально подвал за нами превратился в черное зияющее отверстие, куда и заглянуть-то жутко. Каково там Крыгиной!

— Запрем? — сказала Илецкая.

— Давай! — согласились мы.

Мы толкнули тяжелую, обитую металлом дверь, и она со скрежетом закрылась. В петли мы просунули висячий замок. Ключа не было, но изнутри все равно не откроешь.

И тут мы захохотали. Бегом пронеслись вверх по лестнице, с диким ревом промчались по коридору первого этажа и, продолжая сотрясаться от смеха, выскочили на школьное крыльцо.

— Заперли! Заперли! — орали мы, как буйно помешанные.

Мы сбежали вниз, прыгали по траве и хохотали. Потом, кое-как успокоившись, разошлись по домам. Девчонкам было в одну сторону, а мне в другую.

Я не шла домой, а летела. Сердце бешено колотилось. Ура! Справедливость восторжествовала! Эта гадюка получила свое. Отлились кошке мышкины слезки!

С хохотом я взлетела на четвертый этаж и, ворвавшись в квартиру, запрыгала, размахивая руками, по прихожей. Заперли! Заперли! Сидит небось там у корыта, шагу боится ступить. Еще бы, подвал до потолка завален — стулья, парты, штативы, станки из мастерской. А если даже и доберется до двери, тут раз и квас — заперто!

Немного успокоившись, я пошла в ванную оттирать с рук краску. Бабушки дома не было, ушла в поликлинику. Я терла пальцы пемзой и рассуждала почти вслух. Конечно, ей сейчас не сладко, но сама виновата, нечего других задирать, нечего набрасываться. Ладно со мной, а как она с Ковальчук, а как с Илецкой! Я вспомнила те штаны. Все-таки Оле они мало сказать не шли, Крыгина-то, в общем, права. Но так сказать, да при всех! Это уже не замечание, а обида. Но Илецкая-то брюки эти

больше не надевала, прислушалась, значит. Дело не в том. Крыгина злая очень. И чего это она? Может, из-за того, что у нее дома так — мамаша эта, брат. С такими жить — повеситься лучше. То-то она пытается их приукрасить. «Бедная Крыгина,— подумала я и тут же возмутилась: — Как это бедная! Дрянь первостатейная, вот. Пусть сидит, жаль, что не долго. Трудовик придет и выпустит».

А вдруг не придет?.. Я представила, как она сидит на полу перед закрытой дверью. Холодно, наверно. А вдруг крысы? А если она ударилась или даже сломала руку? Там же все завалено. Не хотела бы я оказаться на ее месте. Я давно перестала радоваться, что ее заперли; больше того — мне стало ее жалко. Жалко! Я постаралась взять себя в руки и нарочно стала вспоминать, как она тогда сказала мне про ноги, как над Лизкиными родителями смеялась, как говорила об отце Лонской... Я старалась изо всех сил, но злости почему-то не чувствовала.

Опять эта жалость! Нет у меня силы воли ни на грош. Как тогда с дядей Сережей, Ленкиным отцом, не смогла я выдержать характер. Но дядя Сережа — другое дело, он в целом-то хороший, а Крыгина — сволочь. Она только того и заслуживает, и ведь за дело, за дело. Пусть знает, каково другим, это будет ей хорошим уроком.

Я уговаривала себя, но уговоры шли плохо.

— Не должно быть безнаказанности! — сказала я вслух напиным голосом.— Безнаказанность ведет к новым преступлениям.

Вот папа и бабушка не стали бы ее жалеть! Жалеть такого человека — себя не уважать.

Я давно уже оттерла руки и перешла на кухню. Налила чаю, отрезала булки. Но что бы я ни делала, я никак не могла отогнать какие-то противные мысли, даже не мысли, а обрывки. Как она там? Пришел ли трудовик? А если не придет?

Вдруг я с размаху бросила на стол надкусанный кусок булки и пошла к двери. Медленно спустилась по лестнице, потом повернула к школе. Теперь я уже не шла, а бежала. Вот и школа. Конечно, все давно разошлись. Я дернула входную дверь, она открылась. Слава богу, ее не заперли. Я пробежала по пустым, гулким коридорам, где головокружительно пахло краской. Вот лестница в подвал. Еще сверху я увидела темнеющий в петлях замок. Я прислушалась — в подвале было тихо, только где-то из крана капала вода. А вдруг там нет никакой Крыгиной, вдруг она сама выбралась или ее кто-нибудь выпустил? Вдруг я одна здесь? Мне стало жутко, и я поскорее нащупала выключатель и щелкнула. За дверью вспыхнула узкая полоска света. Я осторожно сняла с петель замок. Лязганье металла отдавалось эхом по этажам. Я решительно дернула дверь, и она со скрипом распахнулась. Прямо передо мной на сломанной парте сидела

Крыгина. Она смотрела на меня без всякого выражения — ни испуга, ни удивления, ни радости.

Я молчала. Танька слезла с парты, и мы вышли. Когда мы поднимались по лестнице, нам навстречу попался трудовик.

— Где все? — недовольно спросил он.

— Разошлись по домам,— ответила я.— Работу-то давно закончили.

— Вас что, до ночи прикажете дожидаться? — сказала Крыгина.

— При чем здесь до ночи? Уж и отлучиться нельзя,— бормотал трудовик, запирая подвал.

— Пока,— сказала я ей на школьном крыльце.

— Привет,— усмехнулась Крыгина.— Кстати, дома посмотри в зеркало — у тебя все лицо в зеленых веснушках.

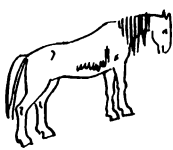
— Ладно,— ответила я.— Обязательно посмотрю.

●

Ю. Коротков

Я летаю во СНЕ, ТЫ летаешь во СНЕ...

Повесть



И приснился Артему удивительный сон. Будто легко толкается он ластами — и взлетает из воды выше обрывистого берега, так высоко, что дух захватывает. На секунду замирает в высоте... и проваливается вниз, в звенящую пустоту, вонзается в парну́ю светлую воду, и снова толкается ластами из глубины к поверхности — и под самые облака.

И жутко так, что в груди холодеет, и так весело, что кричать хочется. Вверх... вниз, вверх... вниз... Все глубже в воду... все выше в небо... Все громче колотится сердце... Вверх... вниз...

Артем сел на кровати, задохнулся студеным утренним воздухом. Прижал ладонь к груди — сердце бьется прямо в ладонь частым двойным перестуком, как вагонные колеса на стыках: тактак, тактак, тактак. Так устал, так запыхался, будто всю ночь в футбол гонял.

Артем отдышался немного и сквозь стук сердца услышал обычные утренние голоса: мать зовет кур, пшено сыплется на землю, отец стучит деревяшкой-протезом в пол, Лека сладко сопит во сне и протяжно, простуженно свистит электричка за рекой.

Артем сунул ноги в растоптанные сандалии, снял с гвоздя ласты и махнул через подоконник. Только бы не забыть эту легкость, с которой взлетаешь над водой, над обрывом...

Трава в жгучей росе, солнце только показалось над заречным лесом — еще не жаркое, почти прозрачное, слюдяное. В поселке тихо, дачники спят, хозяева ходят на цыпочках.

За Артемовым забором луг спускается к берегу. В траве выбита тропинка. Ноги сами несут вниз, а воздух такой легкий, что только раскинуть руки...

Артем торопливо натянул «баррракуды», спиной вошел в воду, повернулся и поплыл от берега. Отсюда, от недвижной поверхности реки, песчаный обрыв казался очень высоким.

Вода была плотнее, чем во сне. Она упруго сопротивлялась Артему. Он рывками раздвигал зеленую глубину, перед самым лицом увидал дно, присел на корточки и ринулся вверх, толкаясь ластами.

Он выскочил из воды по пояс, замолотил руками...

И не взлетел.

Вода легко держала Артема на поверхности, но неохотно пускала вглубь и цепко хватала за ноги, когда он вытягивался, пытаясь взлететь. Ласты не помогали.

Он уже понял, что такое возможно только во сне, но упрямо мотался вверх и вниз, от зеленого дна к солнечной поверхности, задыхаясь и чуть не плача. Вверх-вниз... вверх-вниз...

Когда Артем опять вынырнул, чья-то рука больно ухватила его за волосы. От неожиданности он хлебнул воды, расцепил тонкие пальцы, сжавшие волосы, и отплыл в сторону.

— Очумела, что ли?!

Девчонка удивленно таращилась на него сквозь налипшие на лицо косицы мокрых волос.

— Дура! — в сердцах крикнул Артем и поплыл к берегу.

Он сбросил ласты с окаменевших ног и сел, выкашливая воду. Рядом с сандалиями лежало белое платье девчонки. Сама она по-собачьи гребла к берегу.

— Только выйди! — Артем погрозил ей кулаком.— Чумовая!

Девчонка добралась до отмели и встала по колено в воде.

Артем шагнул к ней.

— Отвернись,— тихо сказала девчонка.

— Чего еще? — не понял Артем.

— Отвернись.

Тут только он заметил, что девчонка в одних розовых, совсем не купальных трусиках. Он хотел сказать что-то обидное, но не нашел что, покраснел и отвернулся.

— Все.— Девчонка одергивала налипшее на мокрое тело платье. Волосы лежали у нее на щеках сотней русых острых косичек. — Вот,— сказала она, протягивая Артему руку. На тонком запястье темнели круглые синяки — следы Артемовых пальцев.

— А чего ты... за волосы хватать?

— Я думала, ты тонешь.

— Тоже мне, спасательная станция! — фыркнул Артем.— Да я двадцать раз туда и обратно могу. Саженками!

— Саженками — это как?

Артем показал.

— Это называется — вольный стиль,— поучающе сказала девчонка.

— Много ты знаешь,— обиделся Артем.— Сама-то едва на воде держится. Да если б я тонул, ты бы первая пузыри пустила!

— Ага,— неожиданно согласилась девчонка и засмеялась.

— А чего ж полезла-то? — засмеялся Артем.

— Не знаю. До поселка далеко, а ты уже захлебываешься...— Девчонка приподняла подол платья.— Все мокрое. Теперь сохнуть надо. Бабка запретила в вашей реке купаться.

— Айда на траву. Она уже теплая.

Артем поднял ласты и полез вверх по песчаному обрыву. Девчонка карабкалась следом на четвереньках, изредка оглядываясь вниз, куда улетали камешки из-под ног.

На верхушке обрыва козырьком выступал слой живой черной земли с белыми прозрачными корнями травы. Артем забросил наверх ласты и вытянул следом за собой девчонку.

Пестрые крыши поселка остались внизу, у голубой ленты реки, которая отсюда была видна насквозь, до волнистых прядей зеленой донной травы. За рекой поднимался такой же песчаный обрыв, и потом пологий зеленый уклон продолжал взбираться к самому горизонту, где игрушечными кубиками новостроек начинался город.

— Красиво у вас!

— Ты из города?

— Ага... Как тебя зовут?

— Артем. Ты на все лето?

— Нет, мы к морю едем... А меня — Стелла.

— А у кого остановились?

— У Веры Карповны. Знаешь?

Артем удивленно разглядывал девчонку. На Карповну, толстую, всегда на что-то злую старуху, она ни капли не походила. У нее были глаза как беличьи бусинки и беличьи зубки: передние касались нижней губы — девчонка будто улыбалась и даже прикусила губу, чтобы не засмеяться чему-то ужасно забавному.

— Что смотришь?

— Хочу и смотрю. Небось дырку-то не прогляжу.

Артем взглянул вниз, в поселок. Дом Карповны легко узнать. Крыша в шахматную клетку — красно-белая, а весь двор затянут мутной тепличной пленкой. На улице под окнами — ярко-красная машина, такая маленькая отсюда, что можно взять на ладонь.

— «Жигули» ваши?

— Ага.

Стелла легла на живот и посмотрела с обрыва:

— Высоко как... Вот бы крылья какие-нибудь — прямо на ту сторону! Как во сне.— Она осторожно встала на самом краю, на пружинящем земляном козырьке.

Артем вскинул глаза на девчонку: откуда она знает?..

— Слушай,— сказал он как можно равнодушнее,— а у тебя бывало, чтоб во сне — будто летишь?

— Конечно... Ой, смотри! Вон мы стоим!

Далеко на другой берег падала тень от обрыва, и на самой кромке видны были две крохотные фигурки.

— Э-эй! — Стелла помахала рукой.

Ее тень на другом берегу тоже вскинула руку.

— А как, из воды? — спросил Артем.

— Почему из воды? — удивилась Стелла.— Просто бегу вот по такому склону, а потом лечу. Ужасно страшно. И здорово. Но больше страшно...

— С крыльями?

— Просто так. И все быстрее, быстрее.

— Врешь,— сказал Артем. Ему вдруг стало обидно, что какая-то девчонка летает сама по себе, без крыльев, а он только прыгает, как дрессированный дельфин.— А приземляться как же?

— А я никогда не приземляюсь. Лечу все быстрее, быстрее, уже задыхаюсь от ветра. А когда уже совсем не вздохнуть — просыпаюсь... Ой, змей! Смотри какой!

Ниже края обрыва кланялся на все стороны круглый, как тарелка, змей, к длинному хвосту которого были привязаны вилка и ложка.

— Отец обедать зовет.— Артем поднял ласты.

— Здорово! — Стелла даже в ладоши захлопала от восторга.

— Удобно. Его отовсюду видно, даже из леса... Приходи к нам.— Он показал вниз: — Видишь, во-он, где верстак во дворе. Только бабке своей не говори — не пустит... Ну, пока! — Артем качнулся на козырьке и спрыгнул вниз.

— Разобьешься! — взвизгнула сверху Стелла.

Артем только засмеялся, съезжая на осыпающемся песке. Уж с этого-то обрыва он и без крыльев слетит!

На столе под липой лежали огурцы, большие и пустобрюхие, как дирижабли. Рядом воздушными шарами надулись пунцовые помидоры. Под мамиными ножом этот воздушный флот быстро превращался в салат. У мамы было «революционное настроение».

— Сумасшедший дом! — бормотала мама, в сердцах стуча ножом.— Все не как у людей! Один на речке целыми днями торчит, другой в футбол все ботинки изорвал, третий, как дитя, змеями балуется... Когда все это кончится?

Отец повесил «обеденного» змея рядом с другими сигнальными и с необыкновенным усердием принялся переставлять с места на место миски, подмигивая Артему за маминой спиной. Леке, видно, уже досталось за ботинки — он ожесточенно сопел, ковыряя пальцем сухую липовую кору.

— Лестница в подполе прогнила. Третий месяц одно и то же талдычу — все без толку. Мальчишкам змеев — пожалуйста, а лестницу — некогда!.. А вы что как просватанные? Квас несите!

На заднем дворе Артем откинул тяжелую крышку подпола, спустился вниз, постоял, пока глаза привыкнут в полутьме. В холодном подполе пахло сырой землей и прелью. Слева и справа длинными рядами выдвигались из темноты стеклянные банки с соленьями, как войско подземного царства. В глубине подземелья, уперев руки в толстые бока, сидел подземный царь.

Артем бесцеремонно снял с царя деревянную шляпу и зачерпнул полный бидон березового квасу.

— Слышь, Лека!

— Чего? — Ушастая Лекина голова появилась в квадратном проеме подпола.

— У тебя бывает так, что во сне — будто летишь?

— Ага,— радостно растянул Лека щербатый рот.— С печки на пол, гы-ы... А чего?

— Ничего. Держи.— Он протянул Леке бидон.

А лестница действительно прогнила...

Ели окрошку под липой. Мама все еще хмурилась, поэтому ели молча. Только стук деревянных ложек по дну.

— А к Рубль-штуке девчонка приехала,— сообщил Лека.— Страшная! Рот как у лягушки.— Он рястянул рот пальцами до ушей.— И жубы торщат...

Артем положия ложку и через стол дал Леке щелбана в лоб. Тот заревел, будто только того и дожидался. Реветь Лека умеет, копит, копит слезы в глазах, а потом как хлопнет ресницами — слезы фонтаном!

— Хватит! — стукнула мама ладонью по столу.— На ферме нервотрепка и дома покою нет!

— Он весь день сегодня чумовой! — заголосил Лека.— Пристал, когда в подпол ходили, говорит: «Ты летаешь во сне-е-е?..»

— Ну, Лека, леща схлопочешь.

А мама вдруг заулыбалась, впервые с утра.

— Ладно, летчики. Вернусь, чтоб лестница новая была. Артем, курам пшена брось.

Мама ушла на ферму. Лека умчался, сверкая грязными пятками, со змеем под мышкой. Отец вытащил из подпола лестницу, застучал молотком.

Артем взял миску с пшеном, вышел на задний двор. Куры, распустив крылья, бросились на пшено, клекоча от жадности, теснясь, запрыгивая друг на дружку. Артем кинул горсть в сторону, и следом покатился пестрый, теряющий перья, клекочущий ком.

И что за птица такая — курица? Крылья есть, значит, все-таки птица, значит, сродни и стрижу, и ласточке-вилохвостке. Только бродит целыми днями по земле, роется в грязи. Про крылья вспоминает, чтоб первой к пшену успеть. Променяли небо на даровое пшено...

Артем забрался на крышу, лег спиной на горячую черепицу, закинул руки за голову.

В жарком безоблачном небе неподвижно стоят змеи. Вон и Лекин, коробчатый, с хвостом из красной маминой ленты. Скольких змеев Артем сделал, а вдруг надоело с земли нитку тянуть — самого потянуло туда, в жуткую и радостную высоту...

Порхают ласточки: замрут на секунду — и вниз, затрепещут снова острыми крылышками — и вверх. Вниз-вверх, вниз-вверх, будто рисуют волну в небе.

Стриж распахнул крылья и кружит, не снижаясь. Это оттого, что площадь крыльев больше.

Руки — те же крылья, только площадь мала, чтобы удержать человека в воздухе. Закон физики.

Жжет спину черепица, пощипывает грудь солнце. Будничные земные звуки остались внизу, а здесь тихо. Только флюгер поскрипывает да чуть слышится отцовский молоток: тактак, тактак...

— Пап! Может змей человека поднять?

Молоток умолк. Отец задумчиво смотрит на сына.

— В принципе может.

— А без принципа?

— Нужен очень большой змей. Нужен очень большой ветер. Чем сильнее ветер, тем прочнее должен быть змей. Чем прочнее змей, тем он тяжелее. Чем он тяжелее, тем сильнее должен быть ветер...

Артем махнул рукой и снова откинулся на спину. Сказка про белого бычка. Чем сильнее, тем прочнее; чем прочнее, тем тяжелее. Если бы так, как Стелла,— разбежаться, раскинуть руки... Но так не бывает. Закон физики.

Отец, стуча протезом, поднялся по лестнице, сел рядом.

— Змей — то же крыло,— сказал он.— Только неподвижное. Чтобы подтолкнуть его вверх, нужен ветер.— Он поднял одной рукой журнал, а другой показал движение ветра.— А если наоборот: воздух неподвижен, а движется крыло? Каков результат?

— Тот же,— неуверенно сказал Артем.

Отец усмехнулся и раскрыл журнал.

Артем рассматривал тонкие ниточки чертежа, высокие колонки цифр.

— Планер? — восторженно выдохнул он.— Настоящий планер?

Отец прищурил рыжие смеющиеся глаза:

— Осилим?

— Спрашиваешь!

— Давай «общий сбор»!

Артем скатился с лестницы, схватил огненно-красного змея и выбежал на улицу. Как только сигнал общего сбора, звеня нитью, поднялся над крышами, со всех концов поселка, размахивая мокрыми ластами и деревянными шпагами, к Артемову двору устремились мальчишки.

Когда мама поздно вечером вернулась с фермы, двор был засыпан мелкими золотыми опилками и широкими медовыми

СХЕМА

стружками. Во всех углах двора пилили, сверлили, строгали, резали, чертили, долбили, шпаклевали и клеили, а посредине на козлах покоилось странное сооружение, напоминающее скелет небольшого ископаемого чудища.

Мать оглядела юных мастеров, высунувших от усердия кончик языка, и привычно вздохнула.

— Что на этот раз? — спросила она.

— Пранел! — радостно закричал Лека.— Всамделишный! Летучий!

— Что ж ты, на этой... сенокосилке летать думаешь? — спросила она у Артема.

— Для того и строим,— буркнул тот, не отрываясь от работы.— Отойди, мешаешь...

Мама еще раз печально оглядела двор и громко сказала:

— На ужин — пшенная каша. Надеюсь, никто не возражает?

Работали до первых звезд. Лека бегал вокруг, раскинув руки, и восторженно кричал:

— Лечу-у! Лечу-у!

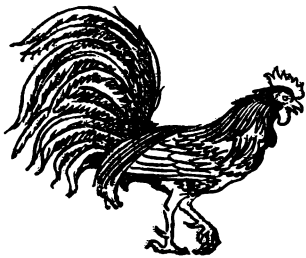
Потом он спланировал в груду мягких стружек в углу двора и уснул.

Когда ребята разошлись, отец отыскал его и перенес на кровать.

— Лечу-у...— пробормотал Лека сквозь сон. В волосах его путались стружки.

— Лети, лети,— сказал отец, накрывая его одеялом.

●



Наутро — и каждое следующее утро,— едва таял туман под солнцем, строители собирались в Артемовом дворе. Скелет планера быстро обрастал деталями. Все мальчишки умели читать чертежи, и каждый работал на своем месте: в сарае, на верстаке, под липой.

Размахом крыльев планер заполнил весь двор. Лека сидел в кабине, гудел и стучал пулеметом — играл в воздушный бой.

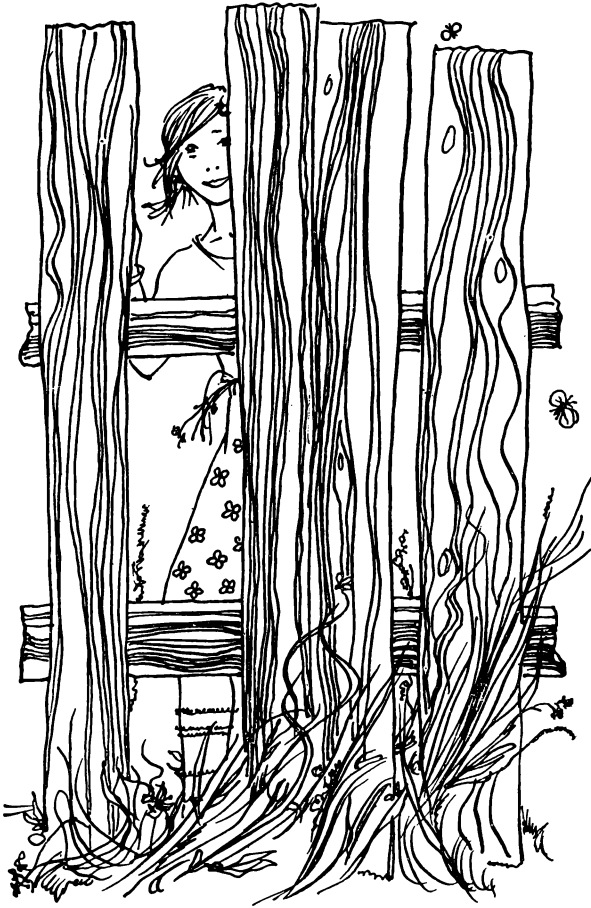
Полотна на обшивку не было, решили клеить из обрезков. На заднем дворе на костре из стружек варили клей в ведре. Артем на старом мотоцикле объезжал дома, собирая ненужное тряпье.

Постепенно скелет из струганых реек скрылся под обшивкой, и планер стал похож на птицу, неведомо как залетевшую в поселок. Узкие длинные крылья уже ловили сильный порыв ветра, и, казалось, только мальчишеские руки удерживали их на земле...

В один из вечеров, когда работа уже подходила к концу, у калитки притормозили красные «Жигули», вышла Стелла. Красивая женщина за рулем осмотрела планер и юных мастеров, улыбнулась и проехала дальше.

Стелла подошла к забору.

— Твоя машина? — спросил Лека.— И ни капельки не завидно. Зато у нас пранел есть. Заходи,— милостиво разрешил Лека, отворяя калитку.



Артем с отцом натягивали капроновый рулевой тросик. Ребята, оставив работу, разглядывали девчонку.

Артем кивнул и, глядя в землю, сказал:

— Это Стелла...

— А я — главный змеевод,— сказал отец.— Змей Горыныч... Ну-ка, Стрелка, подержи вот здесь...

Новое имя здорово подошло девчонке. Артем даже обиделся на отца — за то, что сам не смог придумать такого. Белка-Стрелка.

— Веселый у тебя отец,— шепнула Стрелка.— А я его боялась.

— Карповна небось наговорила? Говорила, что сумасшедший?

Стрелка виновато кивнула.

— Сама она сумасшедшая,— сказал Артем.— Знаешь, за что отца не любит? Он ведь не только змеев делает. Он всем в поселке приемники чинит, машинки всякие швейные, а денег не берет... Понимаешь? Ей рубль покажи — она с обрыва прыгнет, а он ни копейки ни разу не взял. Вот она и бесится... «У него,— говорит,— пенсия — чего ж ему дурака-то не валять, безногому...»

— А что с ногой?..

— «Лесные братья» прострелили... Он тогда в Литве жил. Война только кончилась. А он все леса вокруг знал, его истребители проводником взяли... «Лесные братья» однажды в деревню пришли, когда наших никого не было,— хотели убить, а потом самый главный у них говорит: «Мал еще, пускай живет, а чтоб за нами больше не бегал — метку оставим». И прямо в колено из пистолета... А отец ведь летчиком хотел стать. В училище просился, говорил: Маресьев без двух ног летал. А ему говорят: тогда война была, другое дело. И Маресьев уже летчиком был, когда ноги потерял... Отец в Литву больше не вернулся, здесь остался...

— Я не знала...

— Карповна знает. А все равно разное выдумывает... А ты скоро к морю?

— Не знаю... Бабка ругается каждый день. Говорит, мы на ее деньги живем, заставляет в теплице работать...

— Пробуй! — крикнул отец.

Артем перегнулся в кабину и двинул рукоять взад-вперед. Планер согласно качнул рулями вверх-вниз.

— Порядок,— сказал отец, улыбаясь.— Дай бог погоды — завтра полетим... По ангарам!

Мальчишки нехотя, оглядываясь на замершую в синих сумерках белую птицу, разошлись по домам.

— К ветру,— сказал отец, задумчиво глядя на пунцовый закат.

— А где же летать будете? — спросила Стрелка.

— Хочешь, покажу? — Артем выкатил из сарая мотоцикл.— Садись!

— Осторожно, Стрелка,— улыбнулся отец.— Это лихач известный.

Стрелка, придерживая подол платья, устроилась на высоком заднем сиденье. Артем передним колесом открыл калитку, лихо прокатил по улице и выехал на берег.

Свежеющий ветер засвистел навстречу, он забрался под Артемову рубашку, надул ее пузырем. Мотоцикл грохотал, распугивая чуткую тишину вечернего луга. Эхо возвращалось от дальнего берега. Бледно-желтое пятно света прыгало впереди. Артем добавил газу и с разгона взлетел на пригорок, так что тяжелый мотоцикл прогарцевал на одном колесе.

Стрелка ойкнула сзади и обхватила его за плечи. Артем захлебнулся встречным ветром. Сквозь рубашку он чувствовал теплые Стрелкины ладони. Мотоцикл разогнался, переднее колесо то и дело отрывалось от земли, ловя извилистую белую тропинку. Тропинка уходила вверх, и казалось, что можно по ней подняться прямо к первым звездам, мерцающим над верхушкой холма.

Артем ждал, что Стрелка вскрикнет от страха или попросит потише, но она только крепче сжимала его плечи.

На крутом взгорье Артем остановился и заглушил мотор.

— Испугалась? — снисходительно спросил он.

— Вот еще,— независимо повела плечом Стрелка. Она спрыгнула с мотоцикла и огляделась.

Обрывистые берега до краев были полны темнотой. Внизу чуть слышно позванивала на перекате река. В низинах тяжело ворочался, поднимался туман. Далеко на три стороны расступались луга. Ни звука не было кругом, только ветер редкими, сильными порывами набегал из темноты.

— Вот отсюда,— сказал Артем.— Главное — проводов нет. Облетаемся — можно будет через реку. Хоть до самого города.

Стрелка молчала, глядя в темноту. Ветер с силой вскидывал ей волосы, открывая тонкую шею.

— Мама говорит: когда человек летает во сне, он растет,— сказала она.

— Что я, маленький, что ли?

Стрелка улыбнулась:

— Когда мне это первый раз приснилось, давно, еще год назад, я подумала: может быть, люди произошли от птиц и во сне это вспоминают... А потом подумала: каждый от своей птицы...

— А ты?

— Не знаю. Хотелось бы, чтоб от ласточки.

— А Карповна — от курицы! — засмеялся Артем.

— А ты — от сыча! — досадливо сказала Стрелка.— Такой же злой!

Странный народ девчонки. Стрелка — то маленькая, беззащитная, как бельчонок, а через минуту — слова поперек не скажи...

— Сыч здорово летает... Стрелка!

— Что?

— Ну и что, что море? Большая река. Что у нас, хуже, что ли? — вдруг невпопад сказал Артем.

— А ты море видел?

— Нет.

— Море — это море. Оно ни на что не похоже, ни на какую реку. А уж на вашу и подавно.

Артем молча развернул мотоцикл и завел мотор.

— Садись! Ласточка...

— Ты что, обиделся? — Она подошла совсем близко, чтобы перекричать грохот мотора.— Я еще на обратном пути приеду, в августе. Хорошо?

Вот опять говорит, как взрослая с ребенком...

Артем кивнул. Они поехали обратно к поселку, и снова Стрелкины ладони лежали у него на плечах. Старый мотоцикл, грохоча, летел сквозь ночь, желтое пятно света плыло впереди, луна катилась по кромке другого берега, и ничего больше не хотел Артем, как ехать и ехать вот так без конца, жадно дыша холодным росистым воздухом и чувствуя за спиной девчонку...

Дома он завел мотоцикл в сарай и через окно залез в свою комнату. Лека спал, раскрыв рот. За стеной негромко переговаривались родители.

— Хорошо, конечно, что мальчишки при деле,— говорила мама.— Стройте хоть дирижабль... Но посадить сына на эту... летающую лестницу?..

— Привыкай, мать. Сын взрослеет, все равно возле юбки его не удержишь.

— Да мало ли что может случиться! Развалится эта штука в воздухе...

— Мало мы в детстве руки-ноги ломали?.. Ничего с нами не случилось — заросло и забылось... Вот когда с детства крылья ломают — это навсегда. Да не бойся ты, сам сперва опробую...

Потом Артем заснул. И приснился ему замечательный сон.

Будто в солнечный день идет он по крутому склону к реке, а ноги сами собой все быстрее несут его вниз, и все реже касается он земли, все выше взлетает, и на каждом шагу обрывается все в груди от сладкого страха... И вот — сам не заметил как — летит

над рекой безо всяких крыльев, и крик застрял в горле горячим комом. Мелькают внизу крыши и верхушки деревьев — все быстрее, быстрее, быстрее...

Артем сел на кровати, перевел дыхание. Сердце стучит на весь дом. Лека спит, тихо улыбается. Первый утренний свет за окном. По-комариному зудит самолет в сером небе. Планер раскинул крылья, ждет.

Артем зарылся лицом в подушку, даже глаза ладонями закрыл. Но нет сна. Кончился сон.

●

Утром стих сильный, порывистый ветер, потянул низовой, мятный, с полей.

Отец весело командовал, покрикивал на ребят и часто, волнуясь, потирал руки. Мальчишки облепили планер, разом подняли, и, мелко перебирая десятками босых ног, планер поплыл над улицей. Будто мурашки торжественно тащили мотылька в муравейник.

Стрелка шла рядом, держась за кончик узкого крыла. Артем ехал сзади на мотоцикле, перекинув через плечо плетеный капроновый трос.

За поселком планер прицепили к мотоциклу, и он поехал по траве, придерживаемый за крылья. На взгорье его развернули навстречу ветру. Отец еще раз проверил педаль, которая сбрасывала трос, покачал рулями. Надел мотоциклетный шлем, сел в кабину и пристегнулся брезентовым ремнем.

— От винта! — скомандовал он.

Мальчишки разбежались и остановились поодаль, сжимая потные от волнения кулаки. Белый планер остался один на зеленом склоне. Артем гонял мотор на холостом ходу, глядя в зеркальце на отца. Тот поднял кверху большой палец:

— Поехали!

Артем натянул трос и стал понемногу увеличивать скорость. Планер поехал по склону. Артем дал полный газ.

Он видел в зеркальце, как отец плавно потянул рукоять на себя. Подпрыгнув на бугорке, планер чуть оторвался от земли... И тотчас ударился брюхом о землю.

Артем затормозил.

— Так я и знал,— растерянно бормотал отец, выбираясь из кабины.— Так я и знал... Обшивка-то не цельная, лоскутная. Одного клея сколько. Лишний вес. Перетяжелили... Давай еще раз...

Планер вернули на место. Но и вторая попытка кончилась тем же.

Отец, совершенно расстроенный, снял шлем.

— Не судьба, значит,— сказал он.— Твое счастье, Артем. Лети.

Отец сел за руль, а Артем, поджав ноги, устроился в тесной кабине. У него чуть-чуть похолодело в груди и занемели кончики пальцев, по сверху на него смотрели мальчишки и Стрелка. И он неторопливо надел шлем, пристегнулся, поерзал туда-сюда, садясь поудобнее, опустил на глаза очки, показал большой палец и взялся за ручку управления.

Краем глаза он увидел широко распахнутые Стрелкины глаза и крикнул срывающимся голосом:

— Поехали!

Планер толчком сдвинулся с места и заскользил вниз по склону все быстрее, быстрее, быстрее... Артем потянул к себе вдруг ставшую упругой ручку, планер зыбко качнулся, и он увидел справа удаляющуюся крылатую тень. И знакомый сладкий страх перехватил дыхание — Артем понял, что летит. Летит наяву!

Он вспомнил про трос, потянулся к педали. И в этот момент планер мягко опустился на землю.

Отец остановился. Издалека, размахивая руками, бежали мальчишки.

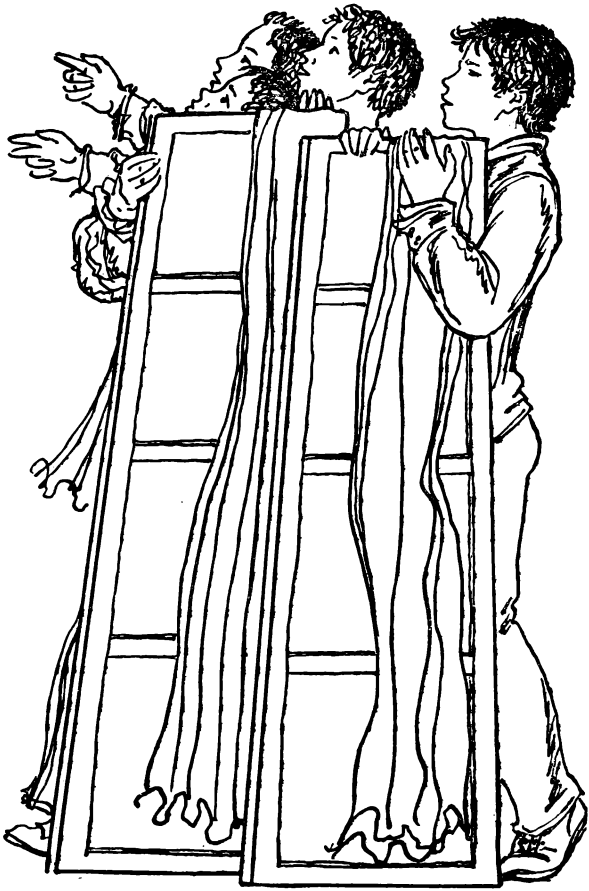
— Не может быть! — закричал Артем.— Ведь чуть-чуть! Ты видел? Чуть-чуть!

Он выскочил из кабины и стал отрывать кожаную подушку сиденья и спинку. Подбежали ребята, показывая, насколько он поднялся над землей.

Планер отбуксировали к месту старта, Артем сел на жесткие доски и торопливо махнул рукой. Сидеть на досках было больно, Артем чувствовал все толчки планера о землю. Но теперь он терпеливо ждал, пока отец выжмет из мотоцикла всю мощность старого мотора. Только когда земля перед ветровым щитком размылась в зеленую полосу и планер стал высоко подпрыгивать на кочках, Артем быстро подтянул рукоятку к самой груди.

Крылатая тень ушла из-под днища... и замерла в отдалении. Артем весь вытянулся вверх; казалось, не будь ремня, он сам взлетел бы прямо из кабины. Но упрямая тень забежала под крыло, и днище заскрипело по траве.

Артем долго сидел в кабине, опустив голову. Потом, ни на кого не глядя, отстегнул ремень и встал. Ступив на землю, он



вдруг почувствовал страшную усталость, такую, что колени задрожали.

— Какой-то десяток килограммов,— сочувственно сказал отец.

Неожиданно обнаружилось, что уже полдень и воздух докрасна раскален солнцем.

Снова вернулись на взгорье и стали решать, что делать. Трое старших ребят были одного веса с Артемом, младших сажать в планер отец отказался.

— Стрелка! — сказал Артем.

Стрелка стояла чуть в стороне, прикусив согнутый палец. Она странно, искоса посмотрела на Артема.

— Повезло тебе,— сказал он.

Отец покачал головой.

— Ей можно! Она... Нет, правда ей можно. Скажи, Стрелка!

Стрелка чуть заметно кивнула.

Пока Артем застегивал на ней ремешок шлема, она молча смотрела на него широко распахнутыми глазами. Шлем был ей велик, ее маленькое беличье личико казалось еще тоньше. Из-под шлема смешно торчали во все стороны волосы.

Артем пристегивал ее к спинке и торопливо объяснял:

— Главное, без рывков. Плавно на себя. Как сбросишь трос — сразу садись, на первый раз хватит.

Отец тронул с места, и Стрелкина голова в огромном шлеме качнулась над бортами кабины. В конце склона планер оторвался от земли и легко пошел вверх.

— Летит! — в восторге завопил Лека.

Но планер, описав дугу, вернулся на землю.

— Эх, много каши съела,— с сожалением бросил кто-то из ребят.

Отец в который раз вернулся на старт, высадил Стрелку, оглядел притихших ребятишек.

— Ну, что носы повесили? Сейчас посмотрим, на что он способен. Не зря же работали!

Он оттянул ручку до упора и заклинил ее.

Почти с места планер пошел вверх. Отец резко затормозил и сбросил свой конец троса.

Чуть качнув крыльями, будто прощаясь, планер быстро набирал высоту. Замерев, затаив дыхание, смотрели ему вслед мальчишки. Белая птица легко парила в высоте, куда не мог подняться ни один самый лучший змей... Там, в высоте, она встретила ветер и стала, разворачиваясь, снижаться.

— Возвращается! — крикнул кто-то.

Планер действительно возвращался. На взгорье уже радостно запрыгали, замахали руками, будто подзывая его, когда планер вдруг повалился на крыло и нацелился прямо в толпу ребят.

Еще некоторое время все стояли в оцепенении, потом кто-то закричал: Атас!

Мальчишки бросились врассыпную. А планер перевалился на другое крыло и устремился за Лекой.

Бедный Лека, выпучив глаза, оглашая окрестности ревом, несся по полю, а сверху его настигал неуправляемый планер. Наконец Лека споткнулся и упал, разбив нос. Планер просвистел у него над головой, ударился в землю и покатился колесом, ломая крылья.

Вокруг восторженно кричали, спорили, на какую высоту поднялся планер, а потрясенный Артем все смотрел на груду обломков и клочья обшивки. Потом он повернулся и побежал вниз, к реке.

У самой воды его догнала Стрелка.

— Как здорово...— начала она. И замолкла, часто заморгала черными, беличьими глазками.

— Эх ты, ласточка! — закричал сквозь слезы Артем.— Все из-за тебя! Думаешь, я не видел, как ты рули прижимала? Перетрусила!

— Да, я испугалась,— растерянно сказала Стрелка.— Я же девчонка...

— Курица ты, а не ласточка! — крикнул Артем.— Курица, как и твоя бабка. Все вы одинаковы! — И он побежал дальше, растирая кулаками злые слезы.

До ночи он бродил под песчаным обрывом. Слезы то кончались, то сами собой брызгали из глаз, и тогда он ложился навзничь и закидывал голову вверх.

Когда он подошел к дому, отец возился у верстака, строгал ступеньки для новой лестницы. Одновременно с Артемом с другого конца улицы к калитке подбежала Карповна. Она быстро переступала короткими ногами, переваливаясь с боку на бок, и уже издалека заголосила:

— Что ж это такое делается, люди добрые? Что ж делается-то! Да сколько ж терпеть-то его можно, а? Ребенка ж на минуту без глазу не оставь! Внучка из города приехала — и ей проходу не дает! Второй час девка отойти не может, ревмя ревет! Летать он, блаженный, вздумал! Да своих детей хоть сам в гроб заколоти, что ж ты до нормальных людей цепляешься?!

По всей улице из окон выглядывали хозяева и дачники.

— Смотрите на него, смотрите! Он и ваших летать научит! Что молчишь? Сказать нечего? Я это тебе так не оставлю, я управу-то на тебя найду! Найду! Я напишу куда следует! Житья не стало от сумасшедшего! Я тебя в психушку-то упеку!..

Отец, сгорбившись, застыл у верстака. С крыльца сошла мама.

— Слышала? — негромко спросил отец.

— Как тут не услышать!

Артем подумал, что она сейчас тоже закричит про сумасшедший дом, но мама вдруг притянула к себе отцовскую голову и поцеловала его в лоб.

— Эх ты, главный змеевод,— сказала она.

И от ласкового материнского голоса, от сгорбленных отцовских плеч, от того, что высоко-высоко таяли последние лучи заходящего солнца, и непонятно, от чего еще, Артему снова захотелось плакать.

Он обошел дом и забрался в окно своей комнаты. Лека поднялся ему навстречу.

— Артем, а куда следует писать?

— Никуда не следует. Спи.

Лека лег, потом опять приподнялся на локте и сказал:

— Я им все шины проколю. И выхлоп забью картошкой!

— Спи. Народный мститель...

Наутро, еще до восхода, Артем ушел на реку. Он закинул удочку под перекатом, воткнул удилище в песок и сел на корточки, глядя на далекий заречный лес.

В эти первые рассветные часы кажется, что смотришь вдаль в бинокль и потихоньку наводишь его на резкость. Сначала очертания и краски будто смазаны туманом. Но вот краешек солнца показался над горизонтом, туман тает, проясняется даль, и вот уже каждый листок заречного леса различим в прозрачном, студеном воздухе. Пройдет немного времени, солнце высушит росу, заструятся от земли горячие испарения, и снова смажутся, потеряют резкость очертания и краски заречных далей.

Больше всего Артем любил эти утренние часы студеной прозрачности воздуха.

Изредка леса вздрагивала, длинный поплавок из куриного пера ложился на воду. Артем снимал с крючка красноперку или разъежившегося ерша и бросал рядом на влажный песок.

Солнце поднялось выше. Над водой повисли радужные стрекозы, похожие на мыльные пузыри. Ожил песчаный обрыв: длинной вереницей потянулись в заречные луга темно-золотые осы, падали грудью к самой воде и взмывали, трепеща острыми крылышками, береговые ласточки.

Над поселком поднялся змей в виде буквы «А». Отец звал к себе, но Артем остался на берегу. Змей призывно покозырял на все стороны и исчез.

ОТРЕЛКА
АРТЕМ
ОЛЕКА
САША
МАША
АРТЕМ

Вскоре показался на берегу сам отец. Он неторопливо подошел и сел рядом, вытянув протез и обхватив руками здоровую ногу.

— Клюет?

Артем кивнул на уснувшую рыбу.

— На что ловишь?

— На червя,— неохотно ответил Артем.

— На опарыша лучше бы пошла.

Артем промолчал. Он видел, что отец пришел не за тем: под мышкой у него торчал свернутый в трубочку журнал.

— А Стрелка где?

— Мне что за дело?

— Славная девчонка,— сказал отец, будто не расслышав Артема.

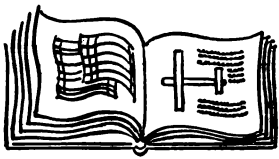
Помолчали. Артем бросил на песок бьющуюся красноперку и вытер об штаны липкую рыбью кровь.

— Зря мы сразу за планер взялись,— сказал отец.— Я виноват, сам захотел на старости лет на землю сверху поглядеть... Это только во сне: шел, шел — и полетел. Птенцы и те понемногу учатся...— Он развернул журнал и повел пальцем по тонким нитям чертежа.— Дельтаплан. Почти что змей, только без привязи.

Артем, не выпуская из рук удилища, скосил глаза в чертеж.

— Опять из лоскутов клеить? — ворчливо спросил он.

— Зачем из лоскутов? Купим пленки, все как у людей будет... Ну как, осилим?



«Осилили» дельтаплан быстро, в несколько вечеров. Каркас выгнули из старых дюралевых труб, срастили муфтами. Работали вдвоем в сарае, кроили пленку на заднем дворе. Леке, чтоб не звонил по поселку, растолковали, что мастерят большой змей. Лека взял «честное летческое», что и ему дадут подержать за веревочку, и, успокоенный, гонял целыми днями в футбол, дожидаясь, когда будет готов новый змей.

Час испытаний выбрали ранний, час предрассветной прозрачности воздуха. Вдвоем с отцом они вынесли дельтаплан из сарая. Только владелицы коров, выйдя в этот ранний час из дому с подойником, видели их, идущих по слепым еще улицам поселка,— волочащего ногу седого мужчину и мальчишку с неведомой птицей в руках.

Был порывистый ветер, и за поселком дельтаплан вдруг стал рваться из рук, будто почуял небо после тесного, темного сарая. Шли молча. На взгорье Артем надел шлем и пристегнулся к трапеции.

Солнце только показало макушку из-за горизонта, и каждая травинка до самого дальнего перелеска была очерчена удивительно точно и ясно.

Артем взялся за трапецию, глубоко вздохнул, стиснул зубы и побежал вниз по склону.

Удивительная легкость вдруг появилась в теле. Толкнувшись, он надолго, как на «гигантских шагах», зависал в воздухе, и каждый шаг становился легче, дальше, выше. Опустив

ногу, он не коснулся земли, и дельтаплан мягко, настойчиво потянул его вверх. Артем будто держал за лапы большую птицу, и птица уносила его в небо.

Он лег грудью на трапецию. Внизу, чуть покачиваясь, плыла земля, синяя лента реки. Артем сдавленно засмеялся. Он мог смеяться, кричать — он был один здесь, в небе. Он пожалел, что нет внизу ни ребят, ни Стрелки.

Артем стал жадно разглядывать землю, он никогда не видел ее отсюда. Он увидел отца, следящего за ним из-под руки, и пестрые крыши поселка. Еще он увидел ярко-красные «Жигули», беззвучно ползущие по другому берегу. И еще он увидел порыв ветра: ветер опрокидывал травинки серебристой изнанкой кверху, и серебряная волна быстро приближалась по зеленому лугу.

Артем навалился на левую руку, чтобы встретить ветер в лицо. Припав на левое крыло, дельтаплан стал описывать широкий круг, но ветер налетел раньше. Сильная птица прянула вверх, вырвалась наконец из Артемовых рук, и он беспомощно повис на ремнях.

Он упал на отмель, едва прикрытую водой, и так ударился плечом в песок, что выбило воздух из груди. Дельтаплан накрыл его сверху.

— Больно? — спросил Лека.

Артем чувствовал боль, но как-то далеко, будто сквозь сон.

— А почему в сказке ключница, а у тебя ключица? — спросил Лека.

На плече Артема и через грудь лежали тугие бинты. В носу щипало от острого запаха нашатыря. Врачиха ушла, наказав лежать, и теперь слово взяла мама. У нее было «революционное настроение».

— Сумасшедший дом! — ворчала она.— Все люди как люди, только вы — перелетные птицы. Почему лестницы в подполе нет? На крыльях ваших за картошкой летать? Сегодня же в печку все ваши деревяшки! Где это видано, чтобы сына со спокойной душой калечить? Пока я жива — в первый и в последний раз!

Отец деловито переставлял с места на место стулья и за маминой спиной подмигивал Артему. Он успел шепнуть, что дельтаплан цел, только трапеция погнулась. И даже обшивка не порвалась.

Артем закрыл глаза. Он все еще будто летел над землей, чуть покачиваясь.

— Спишь? Гости к тебе.

В комнату вошла Стрелка, остановилась у дверей, настороженно глядя на Артема. Волосы были у нее аккуратно расчесаны на стороны и собраны в два пушистых хвоста. Стрелка

была в нарядном белом платье с красным воротничком и поясом.

Лека хмыкнул, сполз со стула и вразвалочку пошел к двери.

— Чего это ты... нарядилась? — спросил Артем.

— А мы уезжаем.— Стрелка подошла ближе, встала у кровати, теребя пушистый хвост.

— К морю?

— Ага.

Артему было неудобно, что он лежит перед ней такой беспомощный. Он нахмурился и сказал грубо:

— Ну и езжай к своему морю!

Стрелка помолчала, опустив глаза.

— А я видела, как ты летал...

— Правда?! — Артем даже приподнялся на кровати, но в груди так больно кольнуло, что он закусил губу.— С самого начала?

— Нет, ты уже в воздухе был... Больно?

— Ерунда. Честное слово, видела?

— Ага. А когда ты упал, бабка сказала: «Вот и долетался...» А я прямо на ходу выскочила, даже ногу разбила. Вот.— Она приподняла подол платья и показала содранную коленку.— Но ты на другой стороне упал...

— Поздно ветер заметил.

Стрелка понимающе кивнула. Накрутила пушистый хвост на палец и отпустила.

— Похоже? — спросила она.— Ну... как во сне?

— Похоже,— усмехнулся Артем.— Сначала бежишь, потом летишь. Даже крыльев не чувствуешь, будто сам по себе... Только во сне никогда не падаешь...

Стрелка молча глядела на него сверху своими черными, беличьими глазками. И от ее взгляда и молчания Артем вдруг неудержимо стал краснеть. Он отвернулся к стене и сказал глухо:

— Ну, чего ты... Иди...

— Я приеду в августе,— сказала Стрелка.

— Приезжай...

— Ну... я пойду?

— Иди.

Артем обернулся ей вслед. Как только затихли легкие Стрелкины шаги, в комнату просунулась ушастая Лекина физиономия.

— Целовались? — уничтожающе спросил он.

Артем погрозил ему кулаком. Закрыл глаза и тотчас снова почувствовал, как покачивают его над землей большие крылья. И страшно, и легко, и так весело, что хочется смеяться неизвестно чему.

А в голове — непонятные слова: «Я летаю во сне, ты летаешь во сне... Я летаю во сне, ты летаешь во сне...» Потом и другая строчка придумалась. Получилось так:

Я летаю во сне, ты летаешь во сне,—
Значит, были когда-то мы птицами...

Артем открыл глаза и испуганно огляделся — не вслух ли он говорил? Не мужское это дело — стихи сочинять...

●

В. Романов

Маленькая ночная серенада

Повесть

Когда я слышу эту музыку, не мелодию, а именно музыку, то сердце мое вздрагивает, будто кто-то горячей ладонью касается холодного лба и я, пробив головой морозное окно трамвая, на глазах изумленной публики уношусь к далекой голубоватой звездочке на небосклоне.

Еще не вечер. Не удивляется лишь моя мама, она смотрит, что продают у гастронома на остановке, готовая по первому подозрению сорваться с места. Ее спрашивает рыжая нахальная соседка с зелеными глазами:

— Это не ваш усвистал?!

Мама устало смотрит мне вслед, вздыхает, бормоча:

— Ну вот, так и знала!..

А рыжая соседка таращит и таращит мне вслед свои глаза из крыжовника.

Впрочем, у гастронома продают зеленый горошек в железных банках, и мама не знает, то ли дожидаться меня, то ли бежать занимать очередь.

Но я надолго. Вернусь лишь после ужина — котлеты на плите, борщ в холодильнике,— как будто я для того и возвращаюсь, чтобы поесть. Нет, я не поэтому возвращаюсь. Просто все когда-то кончается...

Для начала достаточно пустяка — ржавой патронной гильзы или блестящей никелированной трубки; важно лишь за что-то ухватиться воображению, а дальше — на помело!

У нее было непривычное имя: Агнесса. Люба, Маша, Люда — все терялось в одном ее имени — Агнесса. Потом пришла наша Раиса («Григорьевна» добавляли, когда отпра-

шивались с уроков или узнавали, будет ли контрольная), посмотрела на нее влажными, сочувственными глазами и сказала:

— Я буду звать тебя Аня, хорошо?!

Белобрысый, с рыжими веснушками Коньков почему-то захохотал, и все посмотрели на него, как на больного, а Агнесса милостиво пожала плечами и сказала:

— Как хотите.

Я тут же запротестовал (про себя, конечно), но, видимо, все с этого и началось: что это за Аня?! Скажешь: «Агнесса!» — и ветер свистит в ушах, точно летишь с крутой горы на лыжах. Но все тут же стали звать ее Аня, а Коньков первый придумал: Нюра, и наши переростки иначе после этого к ней и не обращались: Нюра. Она поначалу фыркала, хмыкала, а потом привыкла. И стала откликаться. Даже я один раз, забывшись, назвал ее «Нюра» и ужаснулся самому себе: боже, до чего я дошел?! А через год все уже забыли, что ее зовут Агнесса, да и вообще перестали ее замечать, только я, как истукан, смотрел на нее во все глаза, и все мне в ней нравилось: чуть вздернутый носик с тремя веснушками, светло-голубые глаза, светлые, точно позлащённые солнцем, волосы и постоянная привычка сжимать, прикусывать губы, будто все время что-то болит... Но этого никто не замечал, потому что она постоянно улыбалась, и обязательно всем лицом; оно вспыхивало, точно изнутри кто-то лампочку включал. Но этого, кроме меня, никто не видел, и никого, кроме меня, сам факт ее существования не приводил в восторг, а я жил и жил с этим чувством, тащился за ней до булочной, словно меня и впрямь каждый день посылали за хлебом, приходил в класс на час раньше, когда она дежурила, сидел, смотрел, как она поливает цветы, вытирает доску, подбирает бумажки, не обращая на меня никакого внимания, точно меня с о в с е м нет на свете. Временами я даже задумывался: отчего все так происходит?.. Какая на меня напала болезнь, что я точно привязанный хожу за Агнессой? Коньков, например, и знать ее не знает. Съедает по две котлеты за обедом, умеет хрюкать и, как обезьяна, лазить по канату, а я — ни того, ни другого, ни третьего! Мама обычно вздыхает и говорит:

— Ну в кого ты такой уродился?! В дядю Васю, что ли?.. Из него тоже слова клещами не вытянешь! Как с тобой жена будет жить? Сбежит на второй день!..

Я представлял себе этот второй день, и мне становилось страшно. Нет, жены пока не надо, вздыхал я...

Я возвращался домой всегда по скверу. Деревья молчали, и фонари сквозь голые осенние ветки блестели, как большие капли. Я бы мог, конечно, с ней заговорить, но что я ей скажу?..

«Агнесса, у меня болезнь: я хожу за тобой как привязанный». И рассказать-то про это никому нельзя. Правда, каждый раз, когда я это говорил себе, клены насмешливо фыркали. Я им надоел уже со своей историей. А что делать? Не сам же я привязался! Я проверял тысячу раз: стóит Агнессе появиться, как голова моя так и поворачивается к ней. Я пробовал ее не поворачивать. Держался два урока, но потом так разболелась шея, что весь следующий урок я только и глазел на Агнессу.

Вот так я жил, пока моя соседка Покусаева не сказала мне:

— Хватит глазеть в сторону этой тощей мымры! — и огрела для порядка «Географией» по башке. Я сник и стал думать о другом, точнее, хотел было подумать о другом, но, как только я начинал думать о другом, мысли мои тотчас огибали острый угол и гуськом бежали к ней, к ней, к ее вздернутому носику и светло-голубым глазам, в которых все просвечивало до самого дна.

Черноволосая и пышная телом Покусаева на следующем уроке сказала мне, что Нюрка совсем доходяга и до седьмого класса не дотянет — у нее порог.

— Какой порог? — не понял я.

— Страшный,— вздохнула Покусаева.— От него умирают...— Она немного помолчала и добавила: — А я тебе марку принесла.

— Какую? — через паузу спросил я.

— «Союз» — «Аполлон». Ты же собираешь про космос?..

Я собирал марки про космос, но брать «Союз» — «Аполлон» мне не хотелось. Покусаева положила марку на мою половину парты, будто дело было решенное, и стала слушать Раису о Пушкине.

Марка была старая, с загнутым уголком. Видимо, Покусаева купила ее давно и все время терзалась мыслью, кому отдать: мне или математику Толе Баранову, который тоже собирал марки про космос? Но мои воздыхания по Агнессе ее все же допекли. Причем Покусаиха никак не могла взять в толк: как это можно любить дохлую Нюрку, которая и до седьмого класса может не дотянуть, в то время как ее, Покусаиху, просто распирает от избытка здоровья, но никто по ней не вздыхает!..

— «Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный! Пора, красавица, проснись...» — закатив глаза, пела Раиса.

Покусаева дослушала куплет до конца и больно долбанула меня в бок. Я взял марку.

Первый раз я шел домой с тяжелым чувством. Точно я предал Агнессу. Марка, словно кирпич, оттягивала мой портфель. «Всех предателей бросают в кипящую смолу,— говорила еще раньше мне бабушка.— Это страшно. Представь вот: огромный

котел с кипящей смолой. Тебя приводят, спрашивают: «Предавал?» А соврать нельзя. И если предавал — бросают в котел, и ты бултыхаешься, захлебываешься в этой смоле...» Бабушка вздыхает, расчесывает волосы. «Так сваришься ведь сразу, и все!» — дрожа от страха, говорю я. «Так это ж в аду! — возражает бабушка.— Там души человеческие. А душа не умирает. Но если предавал — гореть в кипящей смоле!» — «И боль чувствовать?!» — шепотом спрашиваю я. «А как же! — просто, словно речь идет о горчичниках, отвечает бабушка.— Но ведь ты не предавал?..» — «Нет»,— облегченно вздыхаю я. «Ну так чего бояться?! Не предавай, только и всего. Хуже этого не бывает. У нас никто в роду не предавал. Отец, покойный, говорил, царство ему небесное: «Много грехов на мне, даже тяжкий один грех есть, а вот предательства не совершал...»

Бабушка умерла два года назад. Был июнь. Я качался на качелях, взвизгивал от удовольствия — так нас раскачивал с Витюшкой дядя Коля, его отец. Был вечер, солнце заходило. Мама позвала:

— Иди домой.

Обычно я долго не шел, пока мама уже не грозилась наказать меня в воскресенье, но тут почему-то слез и пошел домой. Я даже сам удивился. Думал, сейчас приду и скажу: «Ты видишь, сразу же пришел, давай сорок копеек на мороженое», но, как только зашел, мама посмотрела на меня заплаканными глазами и сказала:

— Бабушка умерла...

Я долго не мог этого понять, но потом вдруг подумал: бабушка ведь не предавала, значит, ей там будет полегче... И еще подумал: я тоже никогда предавать не буду!

Что же теперь?.. Котел с кипящей смолой?! Я вздохнул, вытащил марку, долго ее рассматривал через лупу. Верхний уголок по-прежнему топорщился, я хотел его расправить, а он взял и оторвался. После этого мне стало легче: какая же марка с оторванным уголком?! После этого я уже со спокойной душой разорвал марку пополам. А обе половинки еще пополам.

На следующий день я принес половинки в класс и выложил их перед Покусаихой.

— Нечаянно,— пробормотал я, слушая ее долгое грозное сопение.

Покусаева тупо и молча смотрела на разорванную марку, потом взяла учебник географии (с таблицами он был самый толстый) и так звезданула меня по башке, что я свалился на пол.

Раиса даже все слова о Пушкине позабыла. Ее большой влажный рот открылся, и она долго так стояла с открытым ртом. Потом сказала:

— На́таша, он тебя обижает?..

— Можно, я пересяду? — грозно проговорила Покусаева.— Иначе я за себя не ручаюсь!..

— Да, пожалуйста,— пролепетала Раиса.

Покусаиха пересела к Люське Желниной, и они стали там вдвоем плести против меня интриги.

Я оглянулся, увидел Агнессу, но она только закусила губу и грустно улыбнулась в ответ. Улыбка была такая: симпатичный мальчик, а влюбился в толстую и необразованную Покусаиху, которая совсем не понимает тонких чувств.

После уроков Раиса подозвала меня и, глядя мне прямо в глаза, спросила, зачем я обижаю Наташу. Я с жалостью посмотрел на Раису и подумал: чему их только в пединститутах учат, если они элементарных вещей не понимают?! Впрочем, подумал так, мимолетно, ибо сколько я себя помнил в школе, мы всегда жили одной жизнью, учителя — другой. Сближали нас только оценки. Конечно, те, которые нам нравились. Все разговоры по душам, диспуты о дружбе, культпоходы в кино с каждым разом отдаляли нас друг от друга, и я помню, как месяц назад забыл Раисино отчество. Я хотел спросить, что это была за пуговица у Дантеса, благодаря которой французик остался жив. Наши пластмассовые от щелчка разваливаются! Я поднялся, громко сказал:

— Раиса...— и умолк. Умолк, обнаружив, что забыл Раисино отчество. Поэтому я постоял и сел.

Повисла пауза, и Раиса, сама не зная, как себя вести, спросила:

— Ты что-то хотел мне сказать?..

— Нет, ничего,— ответил я.

Раиса покраснела. Коньков заржал, ему понравилась моя хохма, а Желнина тут же решила, что я влюбился в Раису и при всех хотел объясниться ей в любви. Ни о чем другом Желнина, конечно, не могла подумать.

Ночью, лежа в постели, я воображал себя Мухаммедом Али, но об этом, естественно, никто не знал, я воображал, как Агнессу окружает стая хулиганов, они пристают к ней, она падает в обморок, но тут появляюсь я, в своей красной курточке, спокойный, с легкой улыбкой на лице.

«Ребятки, пойдем бай-бай?» — предлагаю я. «Ну, ты, козел!» — кричит один из них.

«Тиха!» — поднимает вверх руку Леня Постников, по кличке Валет. Он съездил на месяц в Одессу и теперь говорил с лихим одесским говорком, что мгновенно принесло ему бешеную популярность. Леня был худой, с козлиной шеей, с лицом, обсыпанным угрями, и я втайне даже жалел его. «Тиха! — обрывает ропот Леня.— Мальчик пришел спросить, как ему жить дальше. Что тут плохого?!» Все гогочут. «Серый, объясни мальчику наш распорядок дня!»

Серега Бобров, плотный, без шеи, с круглой, маслянистой, как блин, мордой, выходит ко мне, морщится, накачивая себя злобой.

«Вонючка!» — цедит он, замахивается и... летит к ногам Валета.

«Это еще что такое?!» — дико таращится Валет, свистит, но через минуту вся компания валяется на земле.

Мои удары точны, неотразимы, сокрушительны.

«Ты шо, боксер?» — обалдело шепчет оставшийся один Валет. «Мухаммед Али»,— скромно говорю я. «Мог бы и предупредить»,— вздыхает Валет, пожимает мне руку и уходит...

Да, я совсем забыл: а где же Агнесса? Она убежала?! Ну уж нет, так не пойдет! Она просто отошла и с восхищенными глазами стоит в сторонке. Сейчас она бросится мне на шею... Я вздыхаю, натягиваю на себя одеяло и со спокойной душой засыпаю. Подвиг я совершил. Еще один подвиг ради Агнессы.

Но, как ни странно, стоит мне о чем-нибудь подумать, как тут же все это происходит. Я уже давно заметил эту свою особенность, точно сверху кто-то наблюдает в щелочку, а потом и говорит: «Ах, он хочет быть Мухаммедом Али?! Ну что ж, пусть будет!»

Еще на переменке я увидел Жилку-Желнину возле Чинарика из «Д». Они жили в одном дворе, а Чинарик был заядлый драчун, по каждому пустяку пускавший в ход кулаки. Так вот, едва я заметил Жилку с Чинариком в буфете — она угощала его томатным соком,— как сердце мое упало. За стакан томатного сока да за кокетливую улыбку этой дуры Жилки, у которой страсть всем покровительствовать, точно она герцогиня Бургундская, этот придурок изобьет кого хочешь! Так оно и случилось. На следующей переменке Чинарик уже вертелся около нашего класса, поглядывая на меня, точно прикованного к своей парте.

— Тебя Чинарик зовет,— небрежно, через плечико сообщила мне Жилка, проходя мимо меня.

Это слышали все, и тут уж надо было подниматься, хотя я дрожал от страха как осиновый лист. Даже Коньков посмотрел на меня и перепугался, открыл «Ботанику» и стал зубрить виды почв.

Чинарик с Бобром (он же Серый или просто Серега Бобров) стояли в конце коридора, и я не спеша (я очень старался идти не спеша) подошел к ним.

— Чево надо?! — нагло спросил я.

И тут я очень постарался спросить нагло, так, словно я в самом деле Мухаммед Али (я даже пожалел, что не захватил жвачку с собой!), а не какой-нибудь Мурзик, как все запросто

звали меня в классе. Я очень старался, но меня трясло, как в ознобе, и Чинарик тут же это просек, глазки его заблестели, и он сыто, как кот, зевнул.

— Ты чо девочек обижаешь? — гнусаво спросил меня Чинарик.

— Каких девочек? — не понял я.

— Таких! — Чинарик плеснул на меня злобой.

— Никого я не обижаю! — резко сказал я.

— Они, значит, врут! — стал распаляться Чинарик.

— Да врежь ты ему,— лениво сказал Бобер.

На мое счастье, в другом конце коридора показался директор с какой-то экскурсией — у нас по всему коридору висели огромные щиты с правилами поведения и рисунками на эту тему, но, кроме директора и экскурсий из гороно, ими никто не интересовался. Поэтому Чинарик сразу сник и прошипел:

— После уроков поговорим! Не вздумай смыться — хуже будет! Понял?

— Понял! — с готовностью сказал я, и Чинарик даже удивился.

Следующим уроком была ботаника, и Коньков сразу же спросил, чего они хотят.

— Избить,— спокойно ответил я, и он от страха чуть язык не проглотил.

Он долго молчал, потом прошептал:

— Тебе страшно?..

— Страшно,— сказал я.

— И что?..— спросил он.

— А что? — не понял я.

— Ну, ты что? — снова спросил Коньков.

— Что «что»? — обозлился я.

— Ты что... будешь драться? — набрав побольше воздуха, спросил он.

— А что еще делать? — ответил я и вдруг подумал: «А действительно, что, я стоять буду, а они меня лупить?! Ну уж нет,— сказал я себе.— Фигоньки! Чтоб эта Жилка потом ходила и нос кривила?! Да я умру лучше!»

Я только представил себе, как эта Жилка приказывает Чинарику с Бобром избить Агнессу и эти придурки ее бьют, девочку с больным сердцем! А я буду смотреть со стороны?! «Куда в тебе подевался Павлик Морозов? — спросила бы в такую минуту Раиса.— А Олег Кошевой куда исчез?!» «Как же ты воевать пойдешь? — спросила бы меня бабушка.— Поймают тебя, будут мучить, ты все и расскажешь?! Предашь?!» Опять в тот же котел с кипящей смолой! Я вздохнул. Я вздохнул и сказал себе: «Нет, так жить нельзя...»

Я представил себе, что Чинарик и Бобер фашисты, и мне стало легче. «Ну уж я ему врежу!» — подумал я. У меня даже

кулаки зачесались. Потом я немного подумал и сказал себе: «Нет, кулаками толстого Бобра не прошибешь. Надо головой. Она у меня крепкая, хоть орехи коли, как любила говорить бабушка (это когда я со второго этажа, с подоконника выпал)». Так я рассуждал спокойно лишь потому, что впереди было еще два урока, а значит, можно было отдохнуть и даже поверить в чудо, что драки не случится.

Но чудо не упало с неба. Уроки кончились, и белобрысый Коньков мгновенно ускакал домой, насмерть перепугавшись, что я попрошу его пойти со мной. Я просто представил себе: а если б все это случилось с ним, я бы пошел?.. Я долго думал над этим вопросом, словно и в самом деле его хотели избить Чинарик с Бобром, а не меня, и в конце концов решил, что я пошел бы. И это меня приободрило.

— Мурзик, там тебя ждут,— последней выходя из класса, промяукала Жилка.

А Покусаиха посмотрела на меня с такой надеждой, что, скажи я ей: «Люблю тебя, Покусаева!» — она тут же бы закрыла меня своим телом. Но я ничего не сказал. Я промолчал, но бросил на Покусаиху такой ненавистный взгляд, что она как ошпаренная выскочила из класса.

Я поднялся, сложил учебники в портфель, как вдруг услышал: кто-то бежит по коридору. И сразу узнал Конькова. Только он один мог так топать. Я засиял, как самовар. Дружба на всю жизнь — решил я и уже приготовился выложить ему эти слова, но он, вбежав в класс, запыхавшимся голосом объявил:

— Они тебя за забором ждут, велели передать, чтобы ты быстрей шел, у них времени на тебя нет, а то голову оторвут... Я побежал! — И он умчался.

Я даже сел на место, обалдев от такого сообщения. «Как у него язык повернулся, как он согласился?!» — кричал я в душе, но шаги утопали, а крик разбился о мое сердце.

За окном сеял мелкий, колючий дождь. Ну, погоди, Коньков, дотянется до тебя беда, взвоешь, прибежишь ко мне, трус одноклеточный! «А что я ему скажу? — подумал я.— Скажу: «Помнишь, весной, когда меня били, где ты был?! Ну где?! Где?! Не помнишь!.. Ты сбежал!.. И я сбегу!..» Я помолчал, упиваясь своим превосходством, но потом вспомнил слова бабушки о предательстве и решил, что это тоже будет предательство, и решил, что я все-таки пойду с Коньковым, но дружить с ним не буду. Не достоин он дружить со мной. «А кто достоин? — спросил я.— Кто?..»

Кроме Агнессы, ни одного имени больше не появилось на языке.

Надо идти. Я взял портфель и потащился к раздевалке. И снова испугался, представив, что Бобер вмажет мне своим

кулачищем. Стало так страшно, что я даже остановился и почти минуту стоял в коридоре не в силах сдвинуться с места. «Неужели я трус?!» — закричал я. «Нет»,— вздохнул кто-то в душе, и я потащился снова в раздевалку.

На школьном крыльце, поджидая меня, стояли Жилка с Покусаевой. Покусаева, увидев меня, повернулась и пошла к воротам — так ей стыдно стало, а Жилка все свои глаза проела, глядя на меня. Я так разозлился, что сказал:

— Ну что, ноги оторвать?!

Жилка, не ожидавшая такого выпада, раскрыла варежку, и желтые глаза ее вмиг потухли.

— Чеши отсюда, пока жива! — выдал я ей и смело двинулся к забору (откуда у меня только смелость взялась, я даже не понял!).

Завернув за забор, увидев промерзших Чинарика с Бобром, я бросил портфель в сторону и с ходу, выставив вперед голову, понесся на Бобра. Бобер, не ожидавший вообще никакого сопротивления, а уж от меня первого, так растерялся, что застыл на месте. Удар пришелся точно в его маслянистый блин. Он охнул, вскрикнул и полетел на землю. Брызнула кровь, он дико заорал, закрыл лицо руками. Чинарик стоял ни жив ни мертв.

— Ты чо, ты чо?! — забормотал он.— Очумел, что ли?!

— А чего вы?! — испуганно пролепетал я.— Чего вы-то?!

— Иди отсюда! — прошипел Чинарик.

И я, воспользовавшись столь лестным предложением, тут же смотался, наткнувшись у самого забора на Жилку с Покусаихой, окаменевших от звериных воплей Бобра. Увидев меня, они вконец перепугались. Видимо, сначала они подумали, что это я ору, но, столкнувшись со мной нос к носу, они впали в столбняк, а у Жилки снова отвалилась челюсть.

— Дуры! — выпалил я и ушел домой.

На следующий день я как ни в чем не бывало пришел в школу. Коньков, не обнаружив на моем лице ни одной царапины, долго не отваживался спросить про драку, пока я сам не спросил его:

— Чо вчера-то убежал?!

— Когда? — прикинувшись дурачком, переспросил Коньков.

— Ну, вчера, после уроков?!

— Так у меня это...— Он и не знал, что ответить.— У меня это...

— Испугался! — хмыкнул я.

— Ага,— признался он, и ему полегчало.— А они били тебя?..— заикаясь спросил он.

— Это я их бил,— небрежно ответил я.

— Ты?! — у Конькова даже веснушки полопались от удивления.— Как это ты?!

— А я каратист,— прошептал я, и Конькова точно тюкнули мешком по голове: он уже поднял верхнюю губу, чтобы сыронизировать на этот счет, но не смог.— Не боись,— сказал я и похлопал его по плечу. Так покровительственно похлопал.

На второй переменке прибежал Чинарик. Вид у него был всклокоченный. Увидев меня, он дружески поманил пальцем. Коньков сжался, точно сейчас будут бить его. Я вышел медленно, показывая всю свою небрежность по отношению к Чинарику и оттолкнув даже Жилку, стоявшую в проходе. Жилка, не ожидавшая толчка, рухнула на парту и заплакала. Коньков обмер от таких заявочек, а я пожалел, что толкнул Жилку. «Дура, она и есть дура»,— вздохнул я.

Чинарик потащил меня в угол.

— Бобра в больницу увезли, у него нос треснул,— воровато зашептал он.— Ему повязку наложили, он дома сидит и нож точит. Пришьет он тебя за это дело!..

Я похолодел, и минуты две не мог прийти в себя.

— А при чем здесь я? — пробормотал несчастный мой язык.

— Как?! — завопил Чинарик.— Я, что ли, ему нос сломал?! — Он заорал это на весь коридор, так что из класса даже высунулся Коньков.

— Не надо было лезть на кого не надо! — громко, чтобы слышал Коньков, сказал я.— Я каратэ занимаюсь и кун-фу, так что еще легко отделались!..

— Чево, чево?! — озлился Чинарик.

— На тебе показать?! — нагло заявил я и встал в стойку.

— Кончай! — тут же стихая, примирительно сказал Чинарик.— Надо было раньше говорить!..

— Да вы бы все равно не поверили,— вздохнул я.

В коридоре, у окна, стояла мрачная Покусаиха. Прилипнув к дверям, дрожал Коньков. Чинарик ушел, а я, возвращаясь в класс, шутя толкнул Конькова. Он почему-то полетел на пол, вывихнул палец и заревел.

— Ты что, теперь всех бить будешь?! — закричала мрачная Покусаиха.

— Всех,— почему-то сказал я.

Коньков продолжал выть, а Покусаиха не знала, что ответить. Всхлипывала Жилка.

— Иди к врачу,— сказал я Конькову, который, как куклу, держал свой палец.— А то распухнет и писать не сможешь! Понял? Иди!

Коньков кивнул и поплелся к врачу. Я победно взглянул на Агнессу, но она посмотрела на меня так жалобно и печально,

что я остолбенел: ей было плохо! Еще недели две назад, когда запалило весеннее солнце, в классе образовалась такая духота, что Агнесса побелела и попросила открыть окно, но Жилка так разоралась, когда соседка Агнессы Лысякова, Лысая, как мы ее звали, бросилась его открывать, что Агнесса не выдержала и ушла в коридор. Теперь она снова сидела белая, как мел, и черными, сумасшедшими глазами смотрела на меня.

— Открыть окна! — нечеловеческим голосом закричал я, так что Жилка первая бросилась открывать свое.

Через секунду уже ветер гулял по классу.

— А теперь все марш в коридор! Быстро! — закричал я, и все заспешили в коридор.

— Перемена кончается,— попробовала было возразить Лысая, но я сделал такие глаза, что она тут же испарилась.

— Кто дежурный?! — взревел я.

— Я,— пролепетал малыш Зюськин.

— Встать у дверей и никого не пускать! — приказал я.

— А если учитель?..— пробормотал он.

— И учителей гнать в шею! — распоясался я.

Агнесса с трудом поднялась из-за парты, но я сказал ей:

— А ты сиди!..

— Спасибо,— прошептала она и улыбнулась. И с такой нежностью посмотрела на меня, что вот тогда-то я в первый раз взмыл в воздух и, набирая скорость, понесся к далекой голубоватой звездочке на небосклоне.

Совсем ошалев от полета, я, заслышав звонок, подошел к двери и стал ее держать, лишь бы Агнесса подольше подышала свежим воздухом — он бы смыл с ее щек мел, и легкий румянец, пусть еле заметный, выступил бы на ее лице... Так думал я, держа дверь и чувствуя, как уже рвется в класс физик, стучит, грозится всякими словами и дергает ручку.

— Пусти их,— покраснев, сказала Агнесса, и я, обрадованный этим румянцем, отпустил дверь.

Физик рванул что есть силы и рухнул в коридоре на пол. Все захохотали. Озлобленный и красный как рак, физик ворвался в класс, готовый меня придушить, он уже схватил меня за шиворот, чтобы вести к директору, но я вырвался и рявкнул:

— Приказ гороно: санитарная пятиминутка! Чего за шиворот-то хватаете?!

Физик тупо посмотрел на меня и спокойно сказал:

— Все по местам! Закрыть окна!..

Потом он вызвал меня отвечать и, с удовольствием влепив мне двойку, повеселел.

— Что, Мурзин, разболтались?! Дошли?! — бодро сказал он.

— Дошел,— ответил я.

— Ну давай, давай,— усмехнулся он.

— Даю,— сказал я, и он с такой ненавистью взглянул на меня, что даже почернел.

Зато Агнесса, когда я оглянулся, снова улыбнулась мне в ответ, и я, пробив окно, на весь урок улетел к далекой звездочке. Все равно я никогда не буду физиком, решил я, и пусть он лопнет от злобы, как тухлый помидор!..

Ночью, заново переживая все случившееся, вслушиваясь в ночные шорохи, вглядываясь в звездное небо, я думал, что случилось чудо, и ждал появления хвостатой кометы, которая должна была прочертить букву «а» над моим домом. Но комета не появилась.

Наутро, примчавшись в школу, я жадно ловил взгляды Агнессы, но она чувствовала себя уже хорошо и о чем-то оживленно болтала с Лысяковой, недоуменно поглядывая на меня, так что Жилка с Покусаихой просто млели от счастья. «Ну что, получил?!» — восторгалась хитрая, кошачья мордочка Жилки.

— Так тебе и надо! — мрачно сопела Покусаиха.

На втором уроке она вернулась ко мне и, тяжело сопя, выложила мне марку с Юрием Гагариным. За этой маркой я гонялся давно, но взять ее — означало примириться с Покусаихой, простить им злодеяние, которое они против меня сотворили, а главное, предать Агнессу. Хоть она и не смотрела в мою сторону и снова повергла меня в муки, от которых душа моя, легковерная и ищущая любви душа моя, разрывалась на части от такого внезапного равнодушия, все же я-то думал только о ней, об Агнессе. «Нет, я не прыгну в кипящий котел со смолой»,— сказал я себе и вернул марку.

Солнышко припекало все сильнее, я первый стал ходить без шапки, заявив Конькову, что каратисты всегда ходят без шапки, чему Коньков, у кого веснушки попросту залепили все лицо, поверил и тоже стал ходить без шапки. Теперь он слушался меня безоговорочно и все время поддакивал мне, даже если я нес какую-нибудь ахинею, типа того, что в Сахаре выпал снег. Наша географичка Инна, совсем молоденькая еще, стала вдруг улыбаться на каждом уроке, и скоро мы узнали, что она ждет ребенка. Физик неожиданно стал отращивать бороду и постоянно теребил свой маловолосный подбородок, потому что борода у него получалась жидкая и он очень переживал по этому поводу. Раиса приходила, садилась, зыркала за окно и, расплываясь в счастливой улыбке, вздыхала:

— Весна!.. Надо же, весна!..

И мрачная Покусаева тоже расплывалась. И на следующий день несла мне новую марку, которую я бесцеремонно отвергал.

Тогда, отчаявшись, Покусаиха написала мне письмо. Оно было длиннющее, про любовь и с орфографическими ошибками.

Покусаиха написала: «Мне снится твои облик безпрерывно». Я содрогнулся от ужаса, представив свой облик в ее снах. Агнесса видела все эти притязания Покусаихи и почти не смотрела в мою сторону, сидела грустная и поникшая.

В один из этих дней Раиса объявила нам, что в воскресенье приезжает московский скрипач, он будет выступать с оркестром, и мы все идем на концерт. Надо принести по пятьдесят копеек. Что тут началось! Все загалдели, закричали, требуя свободы по воскресеньям, а Коньков сказал, что у него от одного щенка зуб ломит.

— При чем тут щенок? — спросила Раиса.

— При том,— сказал Коньков,— что скрипка — это когда воют сто щенков!

Раиса удивилась, а мы захохотали. Я подмигнул, поощрив Конькова на такие хохмы.

— Я знаю, это Кузнечик, Юрий Кузнечик! — вскочив, заговорила Агнесса.— Он лауреат международных конкурсов, у меня есть его пластинка, это замечательный скрипач!

Мы почему-то захохотали еще громче.

— Ну вот, только насекомых не хватало! — подбавил жару Коньков.

— Да, действительно, приезжает Кузнечик! — попыталась перекричать нас Раиса, но мы уже лежали, хохоча, под партами. Тогда Раиса покраснела.

— А его что, в коробочке возят?! — схохмил снова Коньков, радуясь, что я хохочу громче всех.

Мы завыли, а Раиса стала хлопать ладошкой по столу, потом стукнула так, что чуть не заплакала от боли. Мы умирали от ржачки. Надо было отливать нас водой, но у Раисы сообразительность была на нуле. Наконец она дождалась, пока мы выдохнемся, и суровым голосом объявила:

— Мы послушаем концерт, а потом вы напишете сочинение на тему: «Музыка в моей жизни».

— А у меня нет жизни,— устало пробурчал Коньков.

Мы снова хотели посмеяться, но зазвенел звонок. Я, умаявшись от смеха, взглянул на Агнессу, но она с такой злостью обернулась в мою сторону, что я чуть не упал с парты, словно меня снова Покусаиха долбанула «Географией» по башке. «За что? — молча проговорил я.— Ведь я же спас тебя, помнишь?..» — «Ненавижу и буду ненавидеть всю жизнь!» — молча ответила Агнесса, и настроение мое тут же испортилось.

«Какое хрупкое существо человек! — вздохнул я.— Достаточно взгляда — и можно умереть». Коньков хохмил безостановочно, надеясь на мои похвалы, но я сказал ему: «Заткнись!» — он заткнулся и тоже скис. «И все вот так по цепочке,— подумал я.— Дойдет до последнего, и он уж обязательно умрет. Неужели

нельзя придумать какой-нибудь выключатель?! Чувствуешь, что сейчас задохнешься от боли, взял, выключил организм, пусть остывает, а так перегореть недолго! Неужели она возненавидела меня навсегда?..»

После школы я встретил Бобра, он был с нашлепкой на носу. Я думал, он полезет в драку, но он хмуро посмотрел на меня и отвернулся. «Ну и дурак!» — сказал я про себя. А Конькову сказал:

— Видишь, что значит каратэ!

— Чем это ты ему? — спросил Коньков.

— Мизинцем,— вздохнул я.

— Мизинцем? — удивился Коньков, и я почувствовал, что он не верит.

Я остановился.

— Хочешь, попробуем,— сказал я и боевито выставил мизинец.

Коньков со страхом посмотрел на мизинец, проглотил слюну и сказал:

— Не надо.

На следующий день мы принесли деньги. Раиса выложила на стол 28 конвертов, и каждый выбрал свой конвертик.

— Не пересаживаться! — строго сказала Раиса.— Кому с кем выпало, пусть с тем и сидит!..

Через полчаса Коньков уже знал, кто с кем сидит, и по секрету сообщил мне, что Покусаиха поменялась с Уткиной, чтобы сидеть со мной, а он выменял у Зюськина Агнессу, пообещав малышу японский календарик.

— На,— протянул он мне билет с местом рядом с Агнессой, но я не спешил его брать.— Ты что, не хочешь?..— удивился он.

— Не знаю,— пожал плечами я, но билет взял.— Уж лучше с Агнессой, чем с Покусаихой,— равнодушно сказал я.— Агнесса хоть не сопит!

Но сколько бы равнодушия я ни выказывал перед Коньковым, сердце вмиг затрепыхалось, и я почти всю ночь не спал, представляя, как мы будем сидеть вместе. Потом я провалился: мне приснилась Покусаева, которая сказала: «У нее порог, а эта болезнь заразная; посидишь с ней, и у тебя будет порог!» Я уже хотел сказать Покусаихе, что она воспитанница дурдома, но тут меня разбудила мама.

С замиранием сердца я пришел в одиннадцать тридцать в филармонию и, встретив Конькова, спросил:

— А Агнесса ни с кем не поменялась?..

— Вряд ли,— ответил Коньков.— Она же не знает, что ты с ней будешь сидеть...— Он ответил чистосердечно, и я долго смотрел на него.

— А если б узнала, поменялась, что ли?! — с обидой спросил я.

— Конечно! — уверенно ответил Коньков.— Вот Покусаиха почему к тебе рвется?..— спросил он.

— Почему? — не понял я.

— Потому что ты на нее поль внимания, фунт презрения. А когда...— Коньков выдержал красноречивую паузу.— Тогда и все наоборот!

— Что наоборот? — обозлился я.

— Тебе надо пожестче с ней! — вздохнул Коньков.— Вот она любит музыку, а ты нет! Ну и покажи ей, что тебе музыка ни к чему, пусть она к тебе подстраивается, твое мнение уважает, а то распустили их!..

Я обалдел. Когда это Коньков успел всех этих премудростей набраться?! Я даже хотел спросить: «А как это показать, что мне музыка не нравится?» Но тут мы увидели малыша Зюськина, который облизывал вафельный стаканчик с мороженым, и бросились наверх, чтобы тоже купить, но мороженого нам не хватило. Тогда мы ринулись вниз, в буфет, и набили карманы конфетами «Гусиные лапки».

Когда я пробирался на свое 28-е место, то решил, что Коньков все-таки прав, потому что когда я с Жилкой повел себя грубо и нагло, то она тут же присмирела и, как сказал Коньков, моментально положила на меня глаз, а это значит: чем больше бьешь, тем больше любят, как говорили в старину, и сегодня ничего не изменилось... Конечно, насчет битья и порки по субботам Коньков загнул, а вот то, чтобы к тебе подстраивались,— это верно!

Свет уже погас, и Агнесса, увидев меня рядом с собой, даже отодвинулась — так ей стало неприятно, что меня вконец разозлило.

— Где твой жучок? — насмешливо сказал я, и Агнесса тут же побледнела.

Взглянув влево, я увидел плутовскую рожу Конькова, который мне подмигнул, а я в ответ показал ему кулак. Покусаиха сидела мрачнее тучи.

На сцену вышли скрипач и ведущая в длинном платье. Она объявила Генделя, все захлопали, и я стал ждать Генделя, но вместо этого скрипач заиграл, Агнесса подалась вперед, а я недоуменно захлопал глазами, завертелся, не понимая, почему не вышел Гендель. Может быть, он в кулисах потерялся?..

— А где Гендель? — не вытерпев, спросил я у Агнессы.

Агнесса вспыхнула и ничего не ответила. Некоторое время я с удовольствием рассматривал ее профиль, забыв о Генделе, но Агнесса зыркнула на меня сердитым взглядом, и я вспомнил о конфетах. Вытащив горсть «Гусиных лапок», я протянул Агнессе.

— «Гусиные лапки»! — прошептал я.

Она посмотрела на меня, как на идиота, и снова уткнулась в скрипача. Я пожал плечами, развернул конфетку и оглянулся на Конькова. Тот сосал сразу две, и щеки у него раздулись, как у клоуна. Я тоже раздул щеки и вдруг увидел, как изо рта Конькова, словно торпеда, вылетает конфета. Коньков поймал ее и снова засунул в рот. Я попробовал сделать так же, но конфета улетела за шиворот соседа, сидевшего впереди.

— Перестань сейчас же! — покраснев, прошептала Агнесса и мученически посмотрела на меня.

«Вот уже хорошо!» — подумал я, видя, как Агнесса смиряется с моим мнением относительно музыки.

Сосед сначала сидел неподвижно, но потом осторожно полез рукой за воротник и выудил оттуда мою конфету.

— Безобразие! — шепотом ужаснулся он, оглянулся на меня, но я сделал такое удивленное лицо, что он тут же осекся и стал шарить глазами по соседним местам.

Я вздохнул и решил для приличия немного послушать музыку и поглазеть на скрипача: надо же сочинение писать!

Кузнечик так уматывался со своей скрипочкой, лицо у него постоянно дергалось, точно он хотел схватить зубами смычок. Я даже хмыкнул от удивления, после чего последовал резкий взгляд Агнессы. «Хорошо,— подумал я,— нервничает, через каждые пять минут смотрит на меня, значит, Коньков прав». Я оглянулся и увидел, что теперь уже они оба — и Коньков, и Покусаиха — сосут конфеты и раздувают щеки. «Спелись! — ревниво подумал я.— Вот чего стоит ее любовь! А Коньков, Коньков! Хитрюга, сердцеед, лица из-за конопушек не видать, а туда же еще!..» Взгляд мой невольно упал на Раису, и я обомлел: она спала! Она сидела с закрытыми глазами, делая вид, что слушает музыку, а на самом деле попросту спала! Ничего себе!

— Наша Раиса спит! — доложил я Агнессе, но она сделала такое зверское лицо, что я даже отодвинулся в угол кресла и снова взглянул на Раису. Сомнений не было: она спала! — Уморилась,— почему-то вслух сказал я, сам того не желая, и сосед, в которого я выпустил конфету, недоуменно оглянулся.

Тогда я тоже решил поспать. Повернулся на бок, подложил ладошку под щеку и захрапел. Понарошку, конечно. Проснулся тотчас от резкого толчка в бок.

— Уходи отсюда! — отчаянно прошипела Агнесса и с таким отчаянием на меня взглянула, что сразу же мне разонравилась.

К счастью, Кузнечик последний раз что есть силы хватил смычком по струнам, и музыка тут же кончилась. Я даже рассмеялся. Негромко, конечно. Тут все вскочили, закричали «браво», стали бешено аплодировать, и я тоже для порядка

вскочил и что есть мочи заорал «браво», так что сосед мой снова выкатил на меня свои глупые глаза.

Агнесса сидела бледная, злая и подавленная.

— Я видела, как вы хлопали,— улыбаясь, сказала мне в перерыве Раиса,— и очень рада, что музыка вам нравится...

— Да, Кузнечик — виртуоз! — кивнул я.

— Замечательный скрипач! — поддакнула Раиса.— Просто открытие для меня!..

В это время к нам подошла Агнесса и попросилась пересесть к Люсе Желниной.

— Никаких пересаживаний! — категорически возразила Раиса. Она взглянула на меня и улыбнулась.— К тому же Саша очень точно чувствует музыку, мы сейчас с ним об этом говорили!..

Агнесса побледнела и сразу же оглохла от злости. Я даже пожалел на миг, что поменялся с Коньковым: эта Агнесса все впечатление от музыки портит; как сочинение писать?! Но через пять минут, когда я увидел Агнессу одиноко сидящей на банкетке в фойе, сердце мое сжалось от боли, будто меня выкинули с девятого этажа. Кого не сбрасывали с девятого этажа, тот не поймет, как это лететь в предощущении, что сейчас от тебя останется мокрое место.

Потом я услышал, как Коньков спрашивал у Раисы, куда девался Гендель, и Раиса, посмеявшись, объяснила, что Гендель — это композитор, он жил давно-давно и умер уже. Мне стало жалко Генделя, который давно умер и не знает, что мы с нетерпением ждали его выхода. И себя мне тоже стало жалко, темного и необразованного, как Покусаева, мне даже захотелось отправиться жить на Луну, чтобы учителя потом всем говорили: «Вон, видите, Мурзин сидит, это его за тупость туда отправили!..»

Прозвенел третий звонок, погас свет, и ведущая объявила:

— Моцарт. «Маленькая ночная серенада».— И ушла.

Я подумал: «Стоит так торжественно объявлять маленькую серенаду, к тому же ночную!»

Оркестр долго настраивался, потом все стали кашлять, и я решил тоже покашлять. Агнесса на меня уже не смотрела. Она смотрела в себя. Было душно, и я вдруг вспомнил про ее порог, но спросить, плохо ли ей, не решился. Я только встревожился, замолчал и стал напряженно вслушиваться в наступившую тишину. Кузнечик замер, и оркестр заиграл.

И вдруг странная, таинственная сила вырвала меня из восьмого ряда, унесла ввысь, в ту самую летнюю ночь, к голубой звездочке на небосклоне, которую я открыл для себя совер-

шенно неожиданно, хотя она горела и до меня за тысячи лет и кто-то так же, как я, улетал на эту далекую планету.

Рано или поздно Земля становится слишком маленькой и хочется улететь в другие миры. Я не знаю, отчего так происходит, отчего все так хотят верить в летающие тарелки и прочие чудеса, которые рано или поздно обязательно сбудутся, хотя бы потому, что их ждут, знаю лишь, что ни Конькову, ни Покусаевой этого никогда еще не хотелось, но верю, что настанет мгновение, и они заболеют этой странной болезнью, которая называется «порог»...

Коньков, однажды послушав меня, спросил:

— Ты космонавтом хочешь быть?

— Нет,— ответил я.

— А чего тогда тебя улететь тянет?..

— А почему собаки на Луну лают? — спросил я.

— Не знаю,— пожал плечами Коньков.

— Вот и я не знаю...— Я помолчал и вдруг сказал: — Я, наверное, с другой планеты прилетел...

— С какой? — не понял Коньков.

— Меня обменяли, мама рассказывала. Была страшная буря, а утром она почувствовала, что я — это не я...

— Как это?!

— Так... Прилетели на тарелке. Ребенка, которого родила мама, забрали туда, а меня подложили к ней. Биологический эксперимент.

— Так это не твои родители? — обалдело спросил он.

— Да,— помолчав, тихо сказал я.

— А ты кому-нибудь говорил?..

— Тебе первому...

— И каратэ оттуда?..

Я кивнул.

— И тоска.— Я показал на голубоватую звездочку.

— Что теперь делать? — спросил Коньков.

— Ждать,— ответил я.— Они прилетят за мной.

— И ты вернешься?! — У Конькова даже перехватило дыхание.

— Не знаю... Я так уже привык здесь... Только иногда нападет эта тоска — и не знаешь, куда деться. Возвращусь туда, буду по Земле тосковать...

— И по ней...— Коньков мотнул головой в сторону булочной, мимо которой мы проходили, но имел в виду он Агнессу.

Я только вздохнул и снова стал молчать.

— Мне даже плакать иногда хочется,— сказал я, и тут слезы действительно навернулись на глаза, точно я навсегда прощался с Землей.

И Коньков тоже проглотил комок, вставший у него в горле.

И после этого я уже всерьез поверил в свою историю и всерьез заболел далекой планетой, похожей издали на голубую звездочку. И всегда, когда мне становилось тяжело или очень легко, радостно, я пробивал головой чистое стекло и улетал в те места, где родился...

Музыка оборвалась, все захлопали. Агнесса даже встала, а я сидел оглушенный и не мог подняться. До конца второго отделения я просидел, заговоренный этой непостижимой музыкой, похожей на ту планету, где я родился. Агнесса бросала на меня любопытные взгляды, но я не смотрел в ее сторону.

Когда все повскакали с мест и, толкая друг друга, заторопились домой, я один остался сидеть в пустом зале. Коньков первым достиг раздевалки, первым выскочил на улицу, радуясь своему освобождению. А я остался пленником музыки. Потом все долго ждали меня, озираясь по сторонам, пока Агнесса не сказала тихим голосом, что я уже ушел, она видела... Коньков присвистнул и погрустнел: оказывается, я перехитрил его, чему он очень огорчился и долго удивлялся в понедельник.

Я сидел в пустом зале, наблюдая за тем, как музыканты укладывают инструменты, буднично перебрасываясь репликами о буфете, вечернем концерте и утренней репетиции. Потом ушли и они. В тишине зала звенела «Маленькая ночная серенада», и я летел навстречу своей звезде...

Спустившись вниз, в раздевалку, через час, я с удивлением обнаружил, что еще день, солнечно и на улице звенят трамваи. Агнесса ждала меня на углу, и я ничуть не удивился ее появлению, я только спросил у нее:

— Все ушли?..

Она кивнула, и мы вдвоем пошли по улице, потом по скверу. Около ее дома мы остановились, и она сказала:

— Домой что-то не хочется...

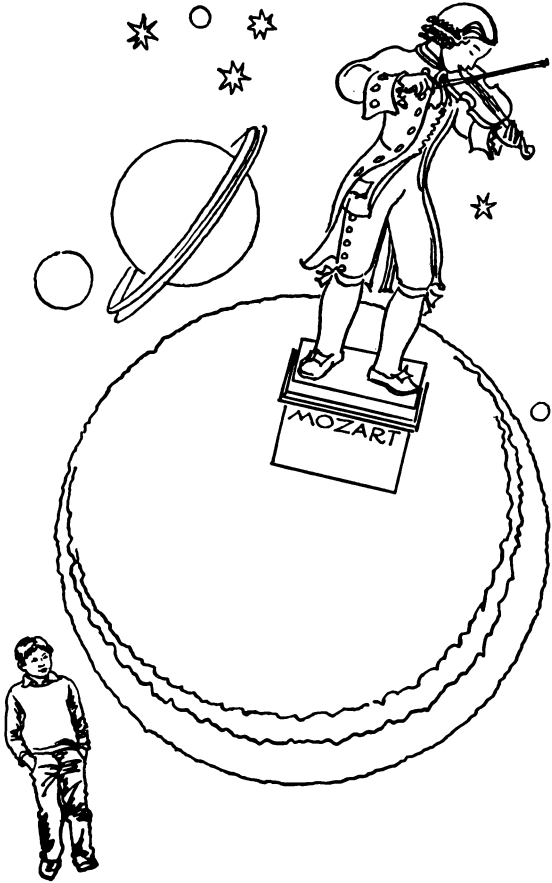
И мы двинулись обратно. В филармонии уборщица мыла пол, было тихо и пусто...

А на улице бушевала весна. Деревья мололи всякую чепуху, и я не сразу понял, что с л ы ш у их разговор, и остолбенел лишь тогда, когда они заговорили о нас, о том, что он столько ждал этой встречи, а теперь не может вымолвить ни слова, о том, что и Агнесса растеряла все слова, хотя многое хотела ему сказать...

Деревья болтали о нас, не умолкая, а я стоял как истукан посреди сквера, глядя на нее.

— Ты слышишь?..— спросила Агнесса, и я кивнул.

В сочинении я написал, что великий композитор Моцарт начал писать музыку в пять лет, что он написал пятьдесят симфоний, много опер и других произведений, и все это за тридцать


MOZART

пять лет жизни, а мне уже тринадцать, и я до сих пор дурак дураком, но уши мои, как два клейких листочка, начинают распускаться и слышать то, что Моцарт услышал в пять лет. И что если из меня что-нибудь выйдет путное, то первый памятник, который я поставлю на своей голубой планете, будет памятник Моцарту. Раиса была на седьмом небе от счастья и влепила мне пятерку. Она читала мое сочинение в классе, в учительской, на районной конференции, где выступала с докладом и делилась опытом эстетического воспитания детей. О Раисе после этого написали в газете, избрали ее депутатом райсовета, и она вышла замуж...

Коньков долго ходил потрясенный моим признанием и, не выдержав, после того как ему поставили тройку за сочинение, в котором он прославлял «Гусиные лапки», помогающие избежать воя ста щенков, попросил взять его с собой. Я, конечно же, пообещал.

После этого прошло еще две весны и два лета, я вытянулся и еще больше погрустнел, а Покусаиха потолстела, и у Жилки совсем пожелтели глаза. Они по-прежнему люто ненавидели Агнессу, зато мы с ней почти не расставались. Порой Агнесса вдруг бледнела, и я бросался открывать окна и двери, впуская в дом ветры и метели. Однажды она мне призналась:

— Врач сказал, что я буду жить долго, только вот детей мне нельзя будет иметь...

Она грустно смотрела на меня, ожидая, что я ей скажу, а я пожал плечами и сказал:

— Ну и что?! Подумаешь!.. Лишь бы жить долго!..

После этого она как-то замкнулась, и я долго не мог понять, что с ней происходит. Но потом она отошла...

Наступила осень. Она пришла теплая, многолистная, листья засыпали все улицы, и листопад длился почти месяц. Мы ходили с Агнессой в парк, слушали, как смеются деревья, и тысячи колокольчиков падали вниз. А в самый предзимник в вечернем воздухе, точно на серебряной пластине, я увидел грустное, улетающее от меня лицо Агнессы. Я еще ей показывал его, но она ничего не увидела.

Через месяц ее не стало. Она сильно простудилась, у нее был страшный жар, и отказало сердце. Так объяснил врач.

А через полгода мне приснилось, что меня привели к огромному, кипящему смолой котлу, и чей-то голос, ясный, отчетливый, спросил меня: «Как же ты мог предать ее?!» Я перепугался, закричал: «Я не предавал! Я не предавал!..» — но вокруг возмущенно поднялись тысячи голосов, и от тяжелого гула я чуть не оглох.

Чья-то жесткая рука подняла меня, вознеся над кипящим котлом, готовая вот-вот разжаться, я уже почувствовал, как

горячий пар обжигает мои пятки и горло перехватывают судороги, я закричал что есть сил и проснулся.

Синяя зимняя ночь ломилась в окно. Сна не было. Я долго лежал с открытыми глазами, глядя в замерзшую ночь, и вдруг вспомнил тот последний разговор, когда Агнесса вернулась от врача...

Она доверила мне свою самую главную тайну, она рассчитывала на мою помощь, а я даже не понял, зачем этот разговор про детей! Будто кто-то пыльным мешком огрел меня в ту минуту. Я оглох и ничего не услышал — не услышал того искреннего признания в любви, о котором уже мечтал, глядя фильмы и читая книги. Видимо, не всегда дано человеку слышать самое тайное и сокровенное — слышать и понимать. И неужели так легко, так незаметно можно предать, что некому будет потом простить тебя?..

Наутро падал снег в косую линейку, подходил к концу март, и не было конца зиме.

●

Е. Габова

Тайкина ТАЙНА

Повесть

Как всегда, во вторник (среду, пятницу) у Нади Кирушевой — секция. Надя любила свою секцию. В легкоатлетический манеж прямо летела. Правда, на занятиях в последнее время она испытывала легкую грусть и понимала, отчего она возникала: на секцию больше не ходил Алеша Веселкин — Веселка, как звали его ребята.

Веселкин-Веселка ужасно взрослый. Уже закончил десятый. После десятого из секции вроде бы механически выбывают. Но Алеша еще ездил летом в спортивный лагерь. Когда возвращались из лагеря домой, на Север, Веселка доехал только до Москвы, остался там сдавать экзамены в институт.

Не поступил и весь сентябрь занимался легкой атлетикой, самый старший в старшей группе. А в октябре перестал приходить, и Гриша Медведев, Алешин сосед, сказал, что их друга забирают в армию. При этом сообщении он выразительно посмотрел на Надю, а потом ей подмигнул.

Так Надя поняла, что Алеше уже восемнадцать. Ей же было на пять лет меньше. Поэтому она заставляла себя не думать об Алеше: слишком уж он взрослый.

А думать хотелось. Думалось. Особенно по ночам, перед тем как заснуть.

На секцию Надя опоздала: ребята уже разминались на улице. Сбоку стоял тренер, Аскольд Иванович (ребята звали его Аскофен), с футбольным мячом под мышкой.

— Надежда! — сказал он, когда она проходила мимо, и сделал строгое лицо.— Опаздываешь, ай-яй-яй.

Надя поздоровалась, рассмеявшись — очень уж не шло стро-

гое выражение добряку Аскофену,— и прошла в манеж переодеваться. Снять куртку, брюки, остаться в спортивном костюме — вот и все переодевание. Надя вжикнула молнией куртки, и в маленькую, с квадратным окошком под потолком раздевалку влетела Тайка Семенчина. Глаза у нее были такие, что Надя даже испугалась. Словно случилось что-то невероятное.

Тайка прижала спиной дверь и выпалила:

— Надька, тебя у школы Веселкин ждал, да-да!

Это свое «да-да» Тайка совала куда попало, словно с ней вечно собирались спорить.

Надю бросило в жар:

— Когда?

— Сегодня, после пятого урока.

— У нас шесть было.

— Вот-вот, шесть.— Тайка посмотрела на Надю укоризненно, словно это она была виновата в расписании.— Ну, в общем, Веселка тебя не дождался, да-да, и велел передать...— Тайка полезла в свою мягко шуршащую куртку, висевшую на вешалке, и вытащила из кармана сложенную узкой полоской бумажку.— На!

Записка!

Надя встала спиной к Тайке, которой следовало бы сразу исчезнуть, но она и не думала испаряться, и развернула бумажку.

«Надя, я ухожу в армию. Пиши мне по адресу: Хабаровский край, в/ч 4212, Веселкину Алексею. Я буду очень ждать».

Подписи не было. Так ведь ясно: Алеша.

Что творится с девчонкой, когда она получает записку от парня, который нравится ей? Лихорадочно бьется сердце, потеют ладони. И хочется поделиться радостью со всеми вокруг, и даже с Тайкой «да-да», ревниво следящей за Надиной реакцией. Тайка пыхтела-пыхтела за Надиной спиной, а потом нетерпеливо спросила:

— Чего там, а?

Надя, отводя взгляд, протянула ей записку.

Семенчина прочла и как-то ехидненько ухмыльнулась.

— Ну-ну,— сказала она,— поздравляю. Да-да...— И уже спокойная вышла на улицу.

Аскофен дал задание: мальчишкам семь кругов вокруг стадиона, девочкам — пять.

— Потом поиграем в футбол,— добавил тренер.

Когда погода была хорошая, не лил дождь, ребята занимались на улице.

Во время бега Надя все думала о записке и вспоминала лето в спортивном лагере. Они бегали вместе с Тайкой «да-да», и Тайка не мешала ей думать. Вообще во время бега они почти никогда не разговаривали: разговор затруднял дыхание.

НАДЯ
+
АЛЕША
НАДЯ
АЛЕША

Впереди маячили десятиклассницы Тамара с Олей — взрослые, поэтому красивые и важные. Тамара с Олей считали семиклассниц Надю и Тайку мелочью, и если разговаривали с ними, то снисходительно. Надю бросало в жар, когда она представляла, как смеялись бы Тамара с Олей, узнай они о записке. Надя крепче сжимала в кулаке твердую бумажную полоску.

С деревьев слетали последние листья. Под ногами их было уже гораздо больше, чем на ветках. Осень стояла необычно сухая, и опавшие листья были похожи на сухое печенье. Они приятно шуршали под ногами.

Веселкин был высокий и тощий. Его нос, пожалуй что, длинноват, глаза, пожалуй что, небольшие, карие. Рот маленький, крепкий. От нижней губы к подбородку шел крутой изгиб. Что в нем было примечательного, так это ресницы — длинные, прямые и разноцветные: среди черных ресниц встречались светлые, почти желтые. Эти странные ресницы притягивали к себе не только Надин взгляд. Многие у Алеши спрашивали:

— А чего у тебя ресницы разноцветные?

Веселкин отвечал тоже вопросом:

— А чего у тебя нос прямой?

Или спрашивал чего-то про глаза. Сразу все отставали. Правда, как будто Веселкин знал, отчего у него такие ресницы.

Сначала Алеша Наде не нравился. Она считала его совсем некрасивым. Стала присматриваться только тогда, когда заметила, что Веселка ее вроде того что защищает. Нет, даже не защищает, никто Надю не обижал, а опекает, что ли...

С легкоатлетами в лагере были еще и гимнасты. Они называли ребят с легкой атлетики легкими котлетками. Одна гимнастка, девятиклассница Ленка, не очень симпатичная, лицо у нее прыщавое, однажды Наде сказала:

— Слушай, легкая котлетка, а ты прыткая: Веселку у меня отбила!

Они вместе выходили из городской столовой, где питались по талонам. Надя так удивилась этим словам, что споткнулась на ровном месте. Не нашлась что Ленке ответить. «Отбила»... Ленка сильно выразилась. Надя мальчишек стеснялась, стала бы она кого-то там отбивать!

Вот после этого и стала к Алеше присматриваться. Да, точно, Алеша ее среди девчонок выделял. Играют, например, вечером в «картошку». Во-первых, Алеша чаще всего пасовал мяч ей, Наде. Во-вторых, когда она попадала в круг, в число «картошек», и ее очень уж сильно «окучивали», он басил:

— Ну уж совсем. Полегче нельзя?

Однажды днем, после тренировки, они купались, и Надя поплыла на остров, что был на середине озера. Тренер испу-

гался, закричал, чтобы Надя немедленно вернулась. Но Надя свои силы прекрасно знала и не подумала возвращаться. Тогда следом за ней вплавь бросился Веселкин. Вряд ли ему тренер велел.

Веселка ее немного не догнал, она спокойненько дотянула до острова и легла на горячий красноватый песок. Минуты через две на берег выбрался Веселка, лег неподалеку и, отдышавшись, обронил:

— Ну, ты уж совсем... Чего Аскофена пугаешь?

Он скосил на Надю один глаз — другой был сощурен от солнца. Среди кончиков черных ресниц торчало несколько желтых.

— Разве я плохо плаваю? — спросила Надя.

— Нет, хорошо.

— Зачем же за меня бояться?

— Ты маленькая.

— Тринадцать лет — маленькая?

— Да, маленькая,— ответил Алеша очень серьезно. Встал, направился к воде — высокий, сутуловатый.— Поплыли обратно, если отдохнула. Отдохнула? — Он обернулся к Наде с тем же сощуренным взглядом.

И хотя Наде не хотелось покидать так быстро маленький необитаемый островок, она пошла за Веселкиным.

Плыть рядом с Алешей оказалось очень спокойно. То есть ей и одной не было страшно, но одной нет-нет да и приходило в голову, что глубина под ней, наверно, ого-го какая, и от этой мысли, а не от воды становилось холодно. А вот с Веселкой об этом нисколько не думалось. Надя перевернулась на спину и поплыла так. Над собой она видела клубы сероватых облаков, нагроможденных друг на друга, похожих на заснеженные Кавказские горы. Вокруг этих громадных облаков было беспечное голубое небо, такое голубое, словно облачные горы обложили сплошными лепестками незабудок. Хотелось плыть рядом с Веселкиным как можно дольше и все смотреть на эти серо-белые облака.

Доплыли до пляжа. Алеша сразу отошел к мальчишкам, Надя — к девочкам. Аскофен стоял рядом с парнями. Он погрозил Наде пальцем и сердито сказал:

— Я, Надежда батьковна, несу личную ответственность за каждого ребенка.

У Аскольда Ивановича добрейшее лицо. Оно выражает прямо-таки кроличье добродушие. И вообще он похож на кролика — два его верхних зуба выдаются над нижними. Когда он пытается говорить что-то строго, тем более — сердито, это кажется неестественным и всегда вызывает улыбку.

Вот и сейчас Надя улыбнулась, взглянув на тренера. Ответила в оправдание:

— А я уже не ребенок, Аскольд Иванович.— Она распустила хвост, чтобы просохли волосы.— Тут вообще все уже большие.

— Все большие, а ты — ребенок.

— Она не ребенок,— поправил Гриша Медведев.— Она, Аскольд Иванович, заметьте, рыбенок. Смотрите, волосы как у русалки.

Все взглянули на распущенные Надины волосы, и Алеша, конечно.

Надя покраснела и побыстрее легла на покрывало, расстеленное на песке, чтобы сделаться как можно незаметнее.

Вообще-то, правда, Надя с Тайкой были в лагере самые младшие, если не считать Федьку-белобрысика, сына начальника лагеря, и гимнастку-второклашку Вику, которую взяли сюда за выдающиеся спортивные способности. Полненький Федька и вертлявая будущая чемпионка (все называли ее Вичкой) были в лагере «детьми полка» и вытворяли все, что хотели.

Да и всем в спортивном лагере нравилось. Тренировки два раза в день — спортсмены бегали кроссы, учились грести, устраивали соревнования. И свободного времени хватало: ходили в лес за черникой и земляникой, гуляли по маленькому, утопающему в зелени белорусскому городку. В прошлом году Надя ездила в пионерский лагерь и поражалась, насколько в спортивном жизнь была интереснее, чем там, в пионерском, где то и дело слышались окрики воспитателей и вожатых, всегда что-то запрещающих. Там даже за ворота нельзя было выйти.

А здесь — раздолье, работа телу и отдых душе. И никто никуда удирать не собирался, и стражей-дежурных у ворот не было, да и ворот не было. Луг, палатки, спортивные сооружения для гимнастов — бревно, кольца, трапеция, футбольное поле,— вот и весь лагерь. А вокруг лес. Гуляй где хочешь. В свободное время можешь в город пойти — до него километра два по лесной дороге; можешь в лес. Даже Федька на пару с Вичкой одни уходили в лес, возвращались с перепачканными черникой рожицами.

Надя с Алешей тоже собирали чернику. С ними еще девчонки были — Тайка с Тамарой, но Веселка не обращал на них внимания, словно их и не было вовсе. Наде было даже немножко неудобно. Веселкин набрал горсть ягод «с домиком», наклонился над Надей — она собирала чернику, сидя на корточках,— и поднес горсть к Надиным губам:

— Ешь.

Надя уже объелась черникой, но обижать Алешу не хотелось. Она съела ягоды прямо из его большой ладони. И конечно, вся перепачкалась. В лагере взглянула в зеркало — щеки в фиолетовых разводах, ну точно как у малышки Вички. С запозда-

нием покраснела: таким-то клоуном она торчала перед Веселкиным.

Однажды после тренировки Надю отрядили на базар за абрикосами. За ней увязался Алеша.

— Я тоже абрикосов хочу,— серьезно сказал он и поморгал разноцветными ресницами.

Он был вообще серьезный. Даже слишком. Не смеялся и тогда, когда все хохотали, например, над каким-нибудь анекдотом. По натуре он был не Веселка.

— Ну, пошли,— согласилась Надя, а сама всю дорогу стеснялась с ним идти: Веселкин казался ей ужасно взрослым, ужасно большим, а она себе рядом с ним маленькой такой девчушкой, вроде Вички. В городке прохожие на них с интересом оглядывались.

Абрикосов накупили полную полиэтиленовую сумку — они тут продавались дешевые. Купили на всех «легких котлеток». Эту тяжеленную сумищу нельзя было тащить за ручки — сразу бы порвались, и Веселка нес ее, прижав к животу. В лагере их встретили бурными возгласами, а гимнастка Ленка скорчила гримасу:

— Смотрите, у этой малышки собственный носильщик?

Алеша вытащил из сумки здоровенный, покрытый нежным пушком абрикос и с торжественным видом подал Ленке.

— Спасибо,— засмущалась она, и взгляд ее стал чуточку добрее.

Вечером того же дня Надя услышала такой разговор. Уже был отбой, все разошлись по палаткам, а Надя дежурила за вечерним чаем, поэтому задержалась.

Из палатки, в которой жили Алеша, Гриша Медведев и Женя Липин, слышались голоса. Почему-то Надю эти голоса приостановили. Почему-то... Да нет, просто хотелось узнать, о чем разговаривают мальчишки, и особенно то, что говорит Алеша. Сегодня он вызвался сходить с ней на базар. Почему?

И вот Алешин голос:

— А мне, сами знаете, Надя нравится.

Говорили о девчонках.

Все в Наде замерло.

— Да уж знаем, знаем,— со смешком ответил Гриша Медведев.— Ты за ней, Веселка, как хвостик бегаешь. Извини, Лешка, это глупо — она же маленькая.

— Пять лет — разве большая разница? — удивленный голос Алеши.— Ну да, сейчас много кажется. А для семьи?

— Для семьи? — Гриша хохотнул.— Куда хватанул!

— А что? — серьезно спросил Алеша.

— А то, что рано об этом думать. Знаешь, сколько еще дев-

чонок будет? Для семьи... Ну и заехал! — смеясь, удивлялся Гриша.

— Мне много не надо. Мне одна нужна — на всю жизнь.

У Нади сердце заколотилось так, словно она пробежала спринтерскую дистанцию.

Тут же раздался голос Жени Липина:

— Это какая Надя?

Видно, то, что сказал Алеша, было настолько необычно, что даже Женя отвлекся от собственных мыслей.

Этот Женька-гимнаст был странной личностью. Ничего вокруг не замечал. Знал только трапеции да книги. Этот чудак, как только приехал в лагерь, записался в городскую библиотеку, каждую неделю притаскивал оттуда кучу книг.

— Не знаешь? — удивился Веселка.— Черненькая, с длинными волосами. Личико у нее еще такое круглое.

— Не обращал внимания,— ответил Женя.

— Обрати,— сказал Алеша.— Только не сильно, а то рассержусь.

Надя шла к своей палатке в полной темноте, со скачущим сердцем.

Теперь-то уж она ясно знала: нравится Алеше. Серьезно нравится. Раз он о семье говорил. И что на всю жизнь. Это он, конечно, слишком.

Еще она немного расстроилась. Значит, у нее круглое лицо? Она этого не знала. Всегда думала, что круглое лицо — плохо, круглое лицо должно быть только у толстых. А она не толстая, наоборот. Но раз такое лицо нравится Алеше, наверно, оно неплохое.

— Тайка,— спросила она в палатке,— у меня что, круглое лицо?

— Не знаю,— ответила Тайка.— Наверное, у всех лица круглые, да-да. А что? Это тебе Веселка сказал?

— Никто не сказал.— Надя пожалела, что спросила у Тайки: Семенчина все сразу связывала с Алешей.

Не так уж она и ошибалась.

Назавтра Надя глаз не смела на Веселку поднять. Избегала его. Больше ни разу не путешествовала с ним на базар или в лес. Ездили на экскурсии — в автобусе садилась подальше, хотя он взглядом приглашал сесть рядом.

И вот записка.

Будет ли Надя писать Алеше? Да он-то нравится ли ей? То, что он некрасивый,— совершенно точно, так и девчонки говорили, Тамара с Олей, а эти старшеклассницы разбираются в красоте. Но был у Веселки один такой взгляд, когда он смотрел чуть исподлобья, и глаза у него при этом становились как бы

больше,— вот тогда он казался Наде красивым. А еще он был добрым. Однажды в лагере Федька-белобрысик прицепился к Алеше клещом, чтобы Веселка с ним поборолся — очень любил Федька со старшими бороться,— и порвал Алеше модную рубашку, пуговицы так и полетели. Веселкин не отшвырнул Федьку, как это бы сделал другой парень, а только сказал:

— Ну, ты уж совсем,— и стал собирать пуговицы.

И Федька с ним по траве ползал и тоже собирал эти беленькие пуговицы, а потом Алеше предложил:

— Давай я рубашку папе отнесу, пусть он ее зашьет.

— Да я уж сам,— улыбнулся Алеша.

Он исподлобья глянул на Надю (она была тут же, читала Женькину книжку). И Наде так захотелось попросить у него рубашку и зашить самой... Может, Алеша тоже этого хотел, поэтому и посмотрел на нее. Но она не посмела.

Потом Надя всю смену жалела, что не попросила эту светленькую рубашку. Веселка, наверно, решил, что она ничего не умеет, даже шить.

Как жаль, что Алеша стоял на углу школы, ждал ее и не дождался. Как жаль, что у них было шесть, а не пять уроков. И надо же было пройти мимо Алеши Тайке Семенчиной. Тайка училась с Надей в одной школе, в параллельном седьмом. Если бы Алеша не увидел Тайку, он бы дождался ее, Надю.

Она соскучилась по нему и была, в общем-то, удивлена, что по ней не скучает Веселка. Не приходил на секцию, значит, не скучает. А говорил такое...

Дома Надя показала записку маме. Пока мама читала ее в маленькой комнатке, Надя стояла в прихожей и смущенно глядела на нее, высунувшись из-за дверного косяка. Было стыдно. Конечно, ведь ей только тринадцать, а Веселкину... ужас! Сейчас мама скажет, что они никак не подходят друг другу. Для дружбы не подходят, не то что для чего-то большего. Под «большим» Надя подразумевала любовь. В тринадцать лет говорить о любви и даже думать о ней, по мнению взрослых, рано, но Надя думала, как думали одноклассницы и думала Тайка «да-да». Надя стыдилась этих дум, поэтому пряталась от мамы за косяком.

Мама прочла записку и подняла на Надю глаза — она сидела на диване и пришивала петельку к новому полотенцу. Спросила:

— Он тебе нравится?

Надя пожала плечами и спряталась за косяком совсем.

— Не знаю,— пробормотала она оттуда.

Голос ее был смущенный, то же смущение мама прочитала в глазах, когда Надя снова показалась из-за косяка. Мама поняла: нравится.

— Ну и будешь писать,— решила мама.— Только вот что странно... Где ты там, Надя? Покажись.

Надя высунула из-за косяка глаз и нос.

— Странно, что он тебе адрес оставил. Обычно ребята адресов не знают. Не знают, где будут служить.

— А он почему-то знает,— уверенно сказала Надя.

Она ни на минуту не сомневалась, что адрес Веселкина правильный, что служить он будет именно там, в далеком Хабаровском крае, на реке Амур. Река широкая-широкая, на одном берегу наша страна, на другом Китай.

— Что ж, может, для кого-то есть исключения.— Мама пожала плечами.— Может, кто-то и знает.

— Мама, а это ничего, что он такой...— Надя еще больше засмущалась и стала сгибать от волнения пальцы так, что они затрещали,— что он такой взрослый. Он же на пять лет старше! — Последнюю фразу Надя прямо выпалила от страха.

— Нет, это ничего,— сказала мама и откусила нитку.— Лишь бы вы друг друга уважали и берегли.

— Да я, мам, не понимаю еще ничего. Он ведь некрасивый. Ни капельки. Некоторые девчонки говорят, что он вообще урод.— Надя поморщилась, вспомнив, как раз Тамара сказала: «Веселкин, извините, урод».

— Главное, дочка, не красота. Красивых людей вообще мало.

— А что главное, мама?

Мама положила сложенное полотенце на колени и стала его поглаживать. Она сама задумалась.

Помолчали. Потом мама сказала, чуть качнув головой:

— Главное? Ну, может быть, доброта. Этот Алеша добрый?

— Да-да. Добрый.

— Вот и пиши. Вот и дружи.

Мама у нее замечательная. Все понимает. Другая бы раскричалась: не смей писать, нос не дорос и всякое такое. Никогда мама не смеялась над Надиными проблемами, никогда не называла их детскими и смешными. С первого Надиного класса они вместе решали, как следует относиться к мальчишкам, которые обзываются, грубят; как помириться с подругой, с которой поссорились из-за пустяка; что делать, если учительница несправедливо кричит на тебя, а ты не можешь ей тем же ответить и очень стыдно перед ребятами, что на тебя кричат. Обо всем этом они говорили с мамой, и одноклассницы Наде завидовали: «У тебя мама мировая!»

Правда, плохое в маме тоже было. Она, видно, уставала на работе и часто возвращалась домой сердитая, и еще у них что-то не ладилось с папой, они иногда неделями не разговаривали друг с другом. Это Надю очень мучало, больше всего на свете ей хотелось тогда помирить родителей. Но вот уж во что ей не разрешали вмешиваться, так это в их отношения. Здесь было полное табу.

На следующий день по дороге в школу Надя представила, как Веселкин стоял на углу. Вот здесь, под большим, распластавшимся над школьной крышей тополем. Длинный, тощий, в бело-голубой куртке. Сутулился, как обычно. Быть может, курил. В последнее время он стал покуривать. Аскольд Иванович про это узнал и Алешу прорабатывал: мол, с этим недостатком больших успехов в спорте не достигнешь. Алеша отвечал, что он не курит, а балуется, здоровью это не повредит, а со спортом он завязывает: скоро в армию.

— Армия — это, брат, тоже спорт. Да еще какой! — ответил Аскофен.— Наши кроссы тебе семечками покажутся.

А бегал Веселка хорошо, даже очень. В прошлом году был чемпионом своей автономной республики, ездил на Всесоюзные соревнования и занял там четвертое место.

В школе, около кабинета истории, Надя встретила Тайку. Та усмехнулась. Надя не придала значения этой усмешке.

Через два дня Тайка подошла к Наде со своей подругой. Подругу звали странным именем — Густя. Раньше Надя думала, что Густя — это прозвище от фамилии Густищева или Густова. Нет, оказалось, фамилия. Ну вот. Подвалили они к Наде на перемене между географией и черчением, и Тайка с той же усмешечкой спросила:

— Ну что, написала Веселкину?

— Так ведь рано еще,— ответила Надя. На этот раз ей не понравилась Тайкина усмешечка. И вообще, почему она спрашивает об этом при подруге? Уже разболтала.— А с чего ты, Тая, взяла, что я ему писать буду?

— Разве не будешь?

— Подумаю.

Тайку этот ответ озадачил.

— Как же, надо писать, да-да,— поучающе сказала она.

— Напишу.— Надя двинулась к кабинету черчения. Оглянулась, на ходу бросила: — Когда нужно будет.

А сама подумала: да, напишет, но позже. Может, Алеша еще и не уехал, еще в городе. А если уехал — мчит в поезде в дальнюю дорожку, в Хабаровский край. Туда ехать-то дней десять.

Конечно, можно было точно узнать, уехал Алеша или нет. Спросить у Гриши Медведева. Как сосед, он должен знать. Но Надя боялась Гришу, ведь он обязательно спросит:

«А тебе зачем?» — посмотрит с насмешкой, а потом подмигнет.

Нет уж, подождет Надя месяц и напишет, уж тогда Веселка точно на месте будет. В форме солдатской. Надя никак не могла представить Алешу в форме: очень уж фигура у него была невоенная — длинная, нескладная, совсем даже и не спортивная.

А кроссы ему действительно там пригодятся.

Через неделю Тайка и Густя стали терзать Надю каждый день: «Написала? Написала? Написала?»

Надя уже пожалела, что показала записку Тайке. Но тут же подумала: ну и что, что показала? Как будто Тайка-пронырa ее раньше не прочла. Записка же не в заклеенном конверте была, да и вообще не в конверте. Развернуть и прочесть ничего не стоило этой любопытной Варваре.

И чего они спрашивают с эдакими хитрыми рожицами, словно знают то, чего Надя не знает? Сначала Надя нормальным голосом отвечала: «Нет, еще не написала...», «Еще нет...», «Нет!».

А потом ей совсем надоело и при очередном расспросе она девчонкам нагрубила:

— Не писала и не подумаю. Вам-то что?

— Да нет, ничего, просто...— Тайка переглянулась со своей Густей, дернула ее за кончик рыжеватой толстой косы, они почему-то прыснули и убежали.

Прозвенел звонок на историю, и на этом уроке в Надю впервые вкралось сомнение. Чего девчонки все время спрашивают? Чего они рассмеялись сейчас? Может, думают, что Веселка не ответит? Смеются над тем, что он такой взрослый и она ему, такому взрослому, писать собралась? А может, правда не писать?

Опять двадцать пять. Сколько мучалась этим вопросом, решила, что все, напишет, и опять — сомневаться?

После истории кто-то подергал Надю за рукав. Она стояла с одноклассницами у подоконника, они обсуждали, как получше поздравить с днем рождения Юрку Шекунова, веселого, доброго мальчишку.

Надя обернулась. О господи — опять Тайка! Ну и приставучая...

— Надь, поди-ка на минутку.

Надя уже хотела зашипеть на нее, да передумала. Сейчас Тайкино лицо было не насмешливое, а какое-то совсем другое, виноватое, что ли?

Отошли.

— Надь, ты Веселкину не пиши. Да-да.

То пиши, то не пиши. Пойми эту Семенчину.

— Почему?

— Потому что, понимаешь... адрес там придуман. Да-да.

Как придуман? Значит, мама права: не знают призывники своих адресов. Что же, Алеша пошутил? Соврал? Но зачем?

— Как придуман? Почему?

— Не знаю.— Тайка пожала полными плечами и с невинной улыбкой добавила: — Извини, но это мы с запиской пошутили.

— Что? Пошутили?

И тут до Нади дошла наконец вся истина: не было никакой записки. Вернее, она была, но не от Веселки.

От Тайки.

Треснуть бы ее по лбу. Надя больше не взглянула на Тайку, а то, чего доброго, не сдержалась бы. Стрельнула глазами по стоящей поодаль Густе, которая, видать, трусила сейчас подойти, издали наблюдала, без усмешки. Трусиха. А Тайка — подлая, подлая, больше никакая. Как здорово притворялась: «Чего там, а?» Артистка!

Надя отвернулась от Тайки, сузила глаза. Сердце бешено колотилось. Ее обманули. Она сорвала зачем-то лист стоящей на подоконнике герани и стала растирать между пальцами. Кто-то из одноклассниц поморщился на резковатый запах:

— Чем это пахнет?

Прозвенел звонок, и Надя как-то механически побрела в класс. Так плохо ей еще никогда не было.

Алеша не писал ей записки. Наверно, он вообще не вспоминал о ней, а она-то... она-то все о Веселкине думала — и все из-за этой записки. Вспоминала летние дни, а записки не было, не писал ее Веселкин и не стоял на углу под тополем, ожидая Надю.

Тайка, Тайка писала записку, рисовала своим аккуратным почерком, даже не изменяя его. Ведь Алешиного почерка Надя не знала, как не знала и Тайкиного. Наверно, Тайка умирала от смеха, представляя, как Надя будет писать по липовому адресу и потом ждать ответа.

За что же она так с Надей? За чернику из Алешиной ладони? За облака над озером, над ней и Алешей? За костер в лагере в последний день, когда они с Веселкой сидели рядышком и он выкатывал ей веточкой печеную картошку? В тот вечер Тайка как-то странно, скучно глядела на Надю с Алешей. Аскофен протягивал ей картофелину, а она не замечала, пока тренер не сказал: «Тая, я перед тобой, как мамка с соской!»

Ничего плохого Надя Тайке не делала. На секции они считались подругами, все же из одной школы, к тому же ровесницы. Да и правда, Надя считала, что у нее с Тайкой самые дружеские отношения. За что же она так отплатила?

Ну и Тайка!

Чего сейчас-то созналась? Совесть, что ли, проснулась? Или девчоночья душа не могла больше носить в себе тайну?

После занятий Надя прошлась по тому месту, где, по ее представлению, стоял Алеша, и сильно прошаркала этот пятачок подошвами, словно зачеркивала видение, несуществующий Алешин след. Весь оставшийся день ей хотелось плакать.

Назавтра был вторник. Плюнуть бы на секцию. Но Надя пошла. А то бы Тайка торжествовала: вот как, бедняжка, переживает!

На этот раз сознательно опоздала. Не желала в маленькой раздевалке с Тайкой встречаться.

Ребята разминались на тренажерах. Тайка качала пресс. Ее светлые волосы развевались из стороны в сторону, когда она наклонялась и выпрямлялась.

Раздевалка была пуста. Через приоткрытую дверь Надя услышала, как тренер весело кому-то сказал:

— О-о, кто к нам пожаловал!

Кто-то негромко поздоровался, а затем послышались возгласы ребят:

— А мы думали, ты уже в строю: ать-два, ать-два!

— Веселка, почему тебя не забрали? Мой братан уехал.

И еще кто-то что-то говорил.

У Нади опять проявилось сердце. Алеша. Алеша. Алеша. Как хорошо, что он пришел! И как страшно! Как тянуло выскочить навстречу! И как страшно! Записка! Конечно, Надя понимала, что Алеша о ней ни слухом ни духом, но все равно было стыдно: ведь Тайка-то знала. Она была здесь.

Ребята разговаривали с Веселкой и время от времени смеялись.

Наде тоже хотелось смотреть на него и смеяться. Но там Тайка. Пусть не думает, что Надя от Веселки без ума, пусть не воображает. Может, не будет так жестоко шутить.

В раздевалку просунулась Тайкина рожица. Легка на помине.

— Надька, Веселка пришел, не слышишь?

— Уйди,— буркнула Надя. Она видеть Тайку не могла. Голубоглазое Тайкино лицо с ухмылкой полных губ вызывало в ней сейчас только отвращение.

— Вот ненормальная, выйди.

— Отстань.

— Ты что, из-за записки? — Тайка показалась в дверях вся — в синих спортивных трусиках и красной футболке.— Чудачка, он же ничего не знает! Да-да!

— Скройся с глаз.

— Ну и зря.— Тайка поджала губы и испарилась. Обиделась.

Надино сердце прыгало и прыгало. Снова вспомнился лагерь и потом поезд. Как весело возвращались они домой, один за другим приканчивая взятые в дорогу арбузы... Как дружно провожали Алешу в Москве, а он, вздернув на плечо сумку, уходил от них в пасть подземного перехода. У самой пасти Алеша оглянулся, помахал ребятам и посмотрел на Надю отдельно от всех.

Выйти? Не будет Веселка разговаривать вечность — Аскофен не разрешит. Алеша скоро уйдет.

Как же хочется его увидеть. Эти его разноцветные ресницы.

«Да я не к Веселкину подойду, а ко всем! — отчаянно решила Надя.— Подойду, да и все!»

Она быстро натянула на спортивные шорты брюки и услышала, как Тамара громко сказала:

— Надя-то? Да она вроде приходила.— И она закричала на весь манеж: — Надька, где ты? — И тихо, Алеше: — Наверное, в раздевалке.

Видно, Алеша спросил о ней. Надя поняла это, и ей захотелось спрятаться.

— Надька! — закричало сразу несколько голосов.— Кирушева!

— Тут тобой солдаты интересуются! — Это насмешник Гриша.

Алеша стоял у входа, куда плохо попадал свет. Он был в маленькой спортивной шапочке, бело-голубой ветровке, сутулился.

Надя подошла, робея.

— Привет,— сказал Алеша.

— Здравствуй.

Ребята стояли и смотрели на Надю с Веселкой. Тренер заметил это и прогнал всех на беговую дорожку.

Они остались один на один. Надя стояла, опустив голову, как провинившаяся.

— Как живешь? — спросил Алеша.

— Нормально.

Что еще ответишь? Не расскажешь же про Тайку с ее дурацкой запиской. Не расскажешь и о том, как часто она думала о нем.

Надя оглянулась и увидела, что Тайка не бегает вместе со всеми, а стоит у стены и смотрит на них с Алешей. Встретившись с Надиным взглядом, она зачем-то посмотрела на свои ладони и принялась на них дуть.

— А я в армию ухожу,— сказал Алеша.

— Знаю. Я думала, ты уже ушел.

— Я в деревне у бабушки с дедушкой был. С ними прощался.

Вот почему он не заходил! Надя обрадовалась.

— Служи хорошо,— сказала Надя и взглянула на Веселку впервые в этот день.

Она тут же увидела его разноцветные ресницы, но скорее увидела в воображении, ведь здесь, у входа, вдали от окон, было почти темно. Надя быстро опустила глаза, потому что ее смутил взгляд Веселки — пристальный-пристальный. Он смотрел на Надю ее любимым взглядом — чуть исподлобья, когда глаза становились у него больше. Еще больше казались они в полутьме.

— Придешь меня провожать? — спросил Алеша.— Утром, в субботу.

— Мы в субботу учимся.

— Значит, не придешь? — Алеша помолчал, потоптался.— Ну, тогда я пошел? — Он сказал это с какой-то вопросительной интонацией, словно спрашивал у Нади разрешения, можно ли ему уйти.

Надя кивнула — можно, но Веселка не уходил.

— Мы около Дворца культуры «Металлист» собираемся,— сказал он и повторил: — Утром, в восемь утра.

— У нас уроки,— прошептала Надя, носком кеда чертя невидимые линии на резиновом полу.

За Веселкиным захлопнулась дверь, и Наде захотелось броситься вслед и закричать: «Я приду, Алеша! Я с уроков сбегу, но приду! Ты жди!»

Но она стояла у входа и тупо смотрела в пол.

Неслышно подошла Тайка.

— Уходит? — спросила она.

Надя кивнула. Она уже нисколько не злилась на Тайку. Да ну ее. Глупая она, больше никакая.

— Когда? — спросила Тайка.

— В субботу, в восемь. У «Металлиста».

— Ну-ну. Да-да.

В пятницу после уроков, краснея и бледнея, Надя подошла к классной руководительнице. Ирина Федоровна сидела за столом и пересчитывала деньги, которые ребята сдали ей в столовую на обеды.

— Что, Надя? — спросила она, досчитав и запихнув деньги в большой, похожий на косметичку кошелек.

— Ирина Федоровна, можно мне завтра пропустить два первых урока?

— Какие?

— Алгебру с геометрией.

— Ну, Кирушева, самые важные. У тебя и так геометрия хромает. А что стряслось?

Конечно, Надя знала, что классная о причине спросит. Заколебалась: что ответить? Соврать? Вот уж чего Надя не любила, так это вранья. Соврешь — как будто что-то несвежее съешь: надолго противно делается. Сказать правду? А если классная засмеется?

— Мне надо одного парня в армию проводить.

Взмах пушистых Ирининых ресниц. Удивленный взгляд ее светлых глаз. Красивые глаза у классной руководительницы, и вообще она красивая.

Ирина Федоровна ожидала услышать от Кирушевой все что угодно, только не это. Надя относилась к мальчикам не так, как остальные девчонки. Записок им не писала, на дискотеках не танцевала. Ирина Федоровна считала ее даже чуть недоразвитой в этом отношении. А тут — здрасьте пожалуйста — «парня в армию»...

Классная окинула Надю с головы до ног. Перед ней стояла тоненькая, с огромными блестящими глазами девочка. Длинная шейка выступала из белого воротничка. Вид дикарки. Такой Ирина Федоровна представляла Белу из повести Лермонтова.

«Парня в армию... Ладно бы спрашивала десятиклассница. Интересно, ее родители знают?»

— А не рано тебе, Кирушева, знакомых в армию провожать? Может, подрасти еще надо?

Надя молчала, смотрела вниз. Красивая Ирина Федоровна, а не поймет.

— Мама об этом знает?

Надя кивнула.

— И что же она?

— Разрешает.

— Зря,— как отрезала Ирина Федоровна и сухо добавила: — Хорошо, раз мама разрешает, я тоже разрешу.— И подумала: «Я бы своей не разрешила».

Ранним субботним утром фойе Дворца культуры было набито битком. Стриженые призывники такие ушастики. Парни все веселые в отличие от грустных родных. Если среди девушек-провожающих еще встречались оживленные лица, то среди родителей — ни одного. У матерей заплаканы глаза. Где-то в углу странно для такой рани играла, взвизгивая, гармошка. Но скоро и она замолкла,— очевидно, тоже опечалясь.

Многие парни были с гитарами. Почему-то гитары казались Наде верными подругами этих без пяти минут солдат. Более даже верными, чем девушки,— все ли дождутся парней?

Один паренек, веселый, как все, держал на руках маленькую девочку. Девочка была в белом платочке, с надутыми губками. Наверное, не выспалась, ее принесли сюда, едва разбудив. Парень целовал девочку то в щечки, то в губки, то в лоб, а она отталкивала его пухлой ручонкой.

— Какой папаша молоденький! — сказала рядом с Надей какая-то женщина и покачала головой.

И Надю как громом ударило: папаша! Этот мальчик-призывник — отец! А вот и мама девочки рядом — сама еще совсем девчонка, не старше Тамары и Ольги с секции по виду.

Надя испугалась. Значит, и у Алеши могла быть уже дочь или сын? И могла быть жена? Боже, какой он взрослый! А что здесь делает она, Надя?

Надя стала протискиваться к выходу, чтобы убежать, и тут увидела Алешу.

Он, сутулясь, стоял в той же голубой шапочке, в которой три дня назад приходил в манеж. Куртка другая, старенькая. Что на ногах — не видно. Вряд ли кроссовки. Наверное, какие-нибудь старенькие кеды.

Кроссовки, кеды... Надя рассердилась на себя. Об этом ли думать в такие минуты? Лезут в голову глупости.

Подойти к Веселке Надя не решалась — с ним были его родители. А сам он посматривал по сторонам,— может, искал ее, Надю.

Алешины родители были оба низенькие, коренастые. Алеша высокий — не в них. У мамы лицо заплакано. Отец улыбается, глаза у него голубые-голубые, даже из Надиного угла это видно. У него такие же голубые глаза, каким было небо вокруг облаков, когда они с Алешей плыли по озеру. А у Алеши глаза темные — мамины... Вот его мама снова заплакала, вот Алеша улыбнулся, обнял ее, что-то говорит, успокаивает. Как редко он улыбается и как хороша его застенчивая улыбка!

«Подойди к нему»,— шептал Наде внутренний голос, но она боялась и то и дело привставала на цыпочки, чтобы видеть Веселку с родными.

Все повалили к дверям. Надя вышла последней.

На площади перед Дворцом культуры устроили митинг. Надя плохо слышала, о чем говорили. Она потеряла Алешу и искала его глазами в толпе. Казалось, стоит ей сейчас увидеть Алешу — она к нему обязательно протолкнется. До нее долетали обрывки фраз: «Служите достойно...», «Солдаты с Севера никогда не подводили...».

Она увидела Алешу, когда призывники стали рассаживаться в автобусы. Алеша стоял чуть сбоку от входа в автобус, рядом с какой-то девушкой. Его родители были поодаль, а девушка

adid

близко. В куртке, джинсах. Откуда она взялась здесь? Что за девушка? Значит, Алеша пригласил на проводы не только ее? Вот как... Хорошо, что Надя не подошла. Попала бы в неловкое положение. Молодец, что не подошла.

А куртка у девушки такая же, как у Тайки Семенчиной. И кроссовки, между прочим, тоже, с яркими голубыми задниками.

Ой, да это Тайка!

Вот зачем она спрашивала у Нади, когда Алеша уходит.

Пришла без приглашения, сама. Отчаянная.

А зачем, спрашивается, пришла?

Чтобы испортить настроение Наде? Мало ей записки. Смотри-ка, беседует с Веселкой как ни в чем не бывало, улыбается. А она, Надя, даже подойти трусит. И ведь знает, что Алеша ждет ее, а трусит.

Да почему же она боится? Кому нужен ее страх, ее глупое стеснение? Ведь чувства эти не только ей делают плохо, но и другому!

Надя набрала в грудь побольше воздуха и, расталкивая толпу (иначе не получалось), ринулась к Алеше. Но пока она пробиралась, во всех машинах зафырчали моторы, и Веселка прыгнул на подножку. Надя подбежала к дороге, когда мимо проплыл уже третий автобус. Алеша был во втором. Вот еще один автобус, и еще, а вот уже ничего нет, только туман застилает глаза.

Тайка тронула ее за плечо. Надя сразу поняла, что это она. Кто еще может быть?

— Возьми,— говорила Тайка и протягивала Наде что-то.

«Что-то» было маленьким и белым. Носовой платок? У Нади есть свой. Она вынула из кармана платочек и вытерла мокрые глаза. Туман сразу рассеялся.

— Возьми,— повторила Тайка,— он велел передать.

Что это? Опять записка? Надя недоверчиво смотрела на сложенный квадратом листок. Не надоест же Семенчиной глупостями заниматься. Кто ей сейчас поверит?

Надя пожала плечами и отвернулась от Тайки.

— Я подошла, потому что тебя не было,— сказала Тайка, вновь очутившись перед Надиным лицом.— Да-да. Если бы ты была с ним, я бы не подошла, да-да. А так он стоял грустный, я и подошла...— Тайка бормотала, словно оправдывалась. Записку она по-прежнему держала в протянутой руке.— А я уроки прогуляла и вообще в школу сегодня не пойду. Не могу в школу. Ну возьми, Надя, ну пожалуйста, это правда от Алеши.

Она почти насильно всунула в Надину руку записку и пошла прочь.

«Надя, жалко, что ты не пришла, я ждал. Но ничего. Может, ты мне захочешь писать. Адрес тебе передаст Гриша, а пока не знаю, где буду служить. И твоего адреса не знаю. Пиши мне. Алеша».

Алешин почерк совсем не был похож на Тайкин — мелкий, плохо разборчивый. К тому же, наверное, спешил, когда писал. Пока Надя разбирала записку, Тайка успела уйти далеко. Она шагала сгорбившись, и по ее спине Надя вдруг поняла, что Тайка тоже любит Алешу.

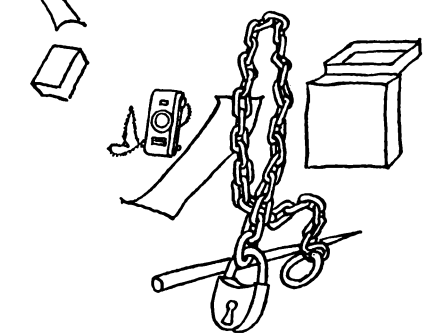
И еще поняла, что Тайке хуже, чем ей.

●

А. Ефремов

СКВОЗНЯКИ

Повесть



одумаешь — дверь сама открылась. Если человек до шестого класса доучился, его такими пустяками не удивишь. Во-первых, в нормальной школе двери сами собой не то что открываются-закрываются — в нормальной школе они самостоятельно с петель соскакивают, а во-вторых, если по каждому пустяку останавливаться, то сам ничего выдающегося не совершишь — все другие расхватают.

И пошел бы Шурка своим путем, если бы не этот ветер из учительской. Шурке даже показалось сначала, что не ветер это совсем, а что подошел к нему сзади кто-то и щекочет Шуркин затылок теплым своим дыханием. В учительской чем-то погремели, и неизвестный голос произнес:

— Небо-то, Александра Михайловна, небо! И голубое, и синее, и даже зеленое чуть-чуть.

И такой это был голос, что Шурке немедленно захотелось увидеть зеленое небо. Он подошел к двери в учительскую и приоткрыл ее осторожно.

Теплый, мокрый ветер пробежался по Шуркиным коротким волосам, затек под распахнутую рубашку.

— А вы бы отошли от окна, Виктория Николаевна. Весенние простуды, они знаете...

Ну о простудах — это Александра Михайловна, Шуркина историчка, а вот про небо... Неужели еще одна Виктория Николаевна в школе объявилась? Шурка просунул голову в дверь подальше, поглядел туда, откуда летел на него ветер. Перед распахнутым окном стояла их, 6-го «Б», классная. В учительской больше никого не было, и получалось, что это она, их Виктория Николаевна, говорила про зеленое небо. И этот волшебный голос тоже, выходит...

Теплый ветер обдувал Викторию Николаевну, волосы ее летали вокруг головы и светились.

— Весна же,— снова сказала она своим необыкновенным голосом, и Шуркина нога сама пролезла в приоткрытую дверь.

— Да уж вижу, что весна, вся школа ходуном ходит.— Александра Михайловна придвинулась к окну и зачем-то понюхала ветер, который летел мимо нее к Шурке. Она осторожно выглянула на улицу и вдруг придвинулась к самому подоконнику.— Кондратьева! — закричала она, высунувшись из окна.— Ты, значит, так болеешь, да? А вырядилась-то! — Она обернулась и увидела Шурку, который уже двумя ногами стоял в учительской.— Явление следующее. Тебе, Севостьянов, чего?

Виктория Николаевна поймала свою летающую прическу и тоже повернулась к Шурке.

— Ну? — спросила она его, как будто вызывала на геометрии к доске.— Что тебе, Севостьянов?

Она что-то быстро сделала со своими волосами, и они лежали теперь гладкие и блестящие, и ветер летел только к Шурке, как будто он остался один в большой комнате.

— До свидания,— сказал Шурка, и ветер на прощание подтолкнул его в затылок.

На улице ветра не было. Шурка постоял на школьном крыльце, посмотрел, как тают на кирпичной стене снежные лепешки. «В снежки играли,— подумал он.— А интересно, откуда в учительской ветер брался?»

— Шурка! Севостьянов! — Лариса Кондратьева махала из-за угла.— Ты, Шурка, спишь, что ли? Я тебя зову, зову...

Он спустился с крыльца, подошел к Ларисе.

— Ты уроки записал? Ой, да не стой ты тут! Иди сюда. Представляешь, историчка на меня чуть из окошка не выскочила. Думаешь, очень мне надо, чтобы она орала? Вырядилась я ей не так...

— Да слышал я.— Шура шагнул за угол и остановился на краю длинной, широкой лужи напротив Кондратьевой.— Ого! Ну, ты, Ларка, даешь! Александра на тебя в следующий раз точно выскочит.

— Ах-ха! — Кондратьева прошлась по своему берегу лужи, встала к Шурке боком.— Нормальные брючата? — Солнечный луч поскользнулся на блестящей фирменной блямбочке и запрыгал по луже между льдинками.— Папаша на обед приехал, приволок. Слушай, а девчонки все где?

Два старшеклассника прошли боком между стеной и Ларисой. Обернулись.

— Ну чего молчишь? — Лариса аккуратно заложила руку в карман, повернулась к Шурке лицом.— Ушли все, что ли?

За углом в школьную стенку бухнул мяч, и кто-то прыгнул.

— Раз,— сказали за углом.

Севостьянов обошел лужу, выглянул.

— Степанюк,— сказал он Ларисе,— младшую свою прогуливает. Эй, Степка, давай сюда! Мы тут стоим.

— Два,— сказала Зоя Степанюк.— Ты, Анька, подпрыгивай! Не растопыривайся, а подпрыгивай, чтобы мячик под тобой летел.— Оглядываясь на сестру, Зойка зашла за угол.— Ой! — сказала она совершенно без звука. Одними губами прошептала. Зойка сняла очки, потерла их об шарфик.— Ой, Ларка, ты же вся теперь в фирме! И девчонок никого нет. Хоть ты, Шурка, скажи! Здорово, да?

— Хм,— сказал Шурка и раздавил каблуком кусок льда.

— Не понимает, не понимает ничего! Анька, Анюта! — закричала Степанюк.— Кончай скакать, иди сюда.

Довольная Лариса сделала безразличное лицо, плечом дернула.

— Ой, да ну тебя, Зойка! Вечно ты шум поднимаешь. Ну чего тут?

Анюта с прижатым к животу полосатым мячом вышла из-за угла, остановилась около сестры.

— Анют, скажи, какая у нас Лариса красивая. Красивая, да, Анют? Ну скажи.

— Бух,— сказала Анюта Степанюк отчетливо.— Плюх! — Она подняла над головой свой полосатый мяч и кинула его в середину лужи.

— Анька! — завизжала Зоя и рванулась за мячом.

Шурка стер капли с лица рукавом. Лариса стояла, расставив руки, как на просушке. Вода стекала у нее по лицу, и на щеках оставались серые полоски. Она посмотрела себе на ноги, провела ладонью по брюкам. Капли размазались и соединились в большую серую кляксу.

— Ларисочка! — Степанюк хлопала глазами и никак не догадывалась протереть заляпанные грязью очки.— Ты знаешь что? Ты не размазывай. Оно высохнет и само отпадет.

— А? — Кондратьева отвела глаза от своих брюк.— Что само? Что, кретинка очкастая?! — Она подскочила к Анюте, схватила ее за шиворот и стала трясти.— Мало вам, идиоткам, места, что ли? Одеться же из-за вас прилично нельзя! Сама в мамашиных обносках ходишь, так думаешь, и другие так же?!

Степанюк дернула Аньку к себе:

— Пусти, слышишь, пусти! — Подхватила плавающий в луже мяч.— Кончай, Анька, ныть. Нагулялись!

За углом Анюта ревела и, наверное, вырывала у сестры руку.

— Чего ты? — сказал Шурка Ларисе.— Чего ты, Ларка? Маленькая же она. Ей же никакой разницы, фирма там, не фирма... Да очистишь ты потом, чего психовать-то?

— Дурак! — сказала Кондратьева громко. Она стерла грязные следы и шмыгнула носом.— Все вы тут идиоты. Меня отец

SOD
SVING
DIOR
SVI
USA
WE

в нормальную школу устраивал, только я на автобусе ездить не захотела. Вот и сижу тут с вами, с оборванцами.

Лариса обогнула лужу и пошла через баскетбольную площадку к своему дому. Около щита с заржавленным кольцом обернулась, выкрикнула вздрагивающим голосом:

— Видеть вас не могу, так и знай!

Напротив Шуркиного парадного на скамейке у песочницы сидела Зойка.

— Ну, чего? — сказала Зойка.— Кондрашкину свою утешал? На задних лапках прыгал?

Шурка сел перед ней на край песочного ящика.

— Сама-то тоже охала-ахала...

— От такого прикида заахаешь. А чего она на Аньку накинулась? Я же Анюту потом еле успокоила. Все кастрюли ей дома выдала. Гремит теперь.— Зойка улыбнулась в сторону, как будто увидела там что-то, снова повернулась к Севостьянову.— Ты этой Кондрашкиной скажи, что я ей в следующий раз весь прикид чернилами оболью, специально вот куплю и оболью!

Может, Шурка и не догадался бы, кто ему перед пятым уроком кнопку на парту пристроил, только Валерка Аверьянов после звонка так к двери рванул, что тут бы любой первоклассник сообразил. Шурка догнал Аверьянова в коридоре, притиснул к стене.

— Пусти,— сказал Аверьянов.— Отцепись. Кидается тут на людей... Да отцепись ты, говорю! Вон Кондрашкина тебя дожидается.

— Севостьянов,— сказала Лариса.— Ты, Шурка, Аверьянова отпусти. Куда Аверьянов от тебя денется?

— Точно,— сказал Аверьянов.— Ну куда я денусь? — И убежал по коридору.

Лариса взяла Шурку за руку, отвела его в сторону, достала из-за спины полиэтиленовый пакет.

Вот.— Она двумя руками приставила шуршащий пакет к

Шуркиному животу.— Отдай Степке. Пусть не думает, что я совсем уже... Ну чего ты? Трудно тебе, что ли? Она сегодня от меня с утра шарахается прямо. Что я, за ней гоняться буду?

Шура отодвинул мягкий, блестящий пакет к Ларисе:

— В классе сиди. Не будет Зойка шарахаться.

Степанюк стояла у окна. Внизу, на тротуаре перед школой, воспитательница перетаскивала детсадовскую группу через лужу. На одной стороне малыши сосредоточенно стояли в очереди, на другой толкались и брызгались.

— Хоть бы помог кто-нибудь,— сказала Зойка,— они только с виду маленькие, а на самом деле знаешь какие тяжелые.

— Зойка,— сказал Шура,— пошли, Зойка, в класс. Дело, понимаешь, есть.

Около самой двери откуда-то взялся Аверьянов. Шурка показал ему из-за спины кулак. Аверьянов сделал вид, что кулака не видал, и тоже пролез в класс.

— Зойка...— начал Севостьянов, и вдруг он сообразил, что не знает даже, о чем говорить.— Тут вот Ларка... Ждет, в общем... Ты не бойся!

Девочки стояли друг перед другом, и глаза у Зойки за очками были узкие-узкие.

— Хорошо, что сказал.— Это она говорила Шурке, а смотрела прямо на Кондратьеву.— А то я уже испугалась, прямо домой бежать хотела.

Аверьянов за своей партой перестал шевелиться и вытянул шею.

— На! — сказала Лариса.— Возьми! — Она оглянулась и покраснела. Ребята уже собрались в классе.— Да возьми ты, это для Аньки твоей.

Степанюк приоткрыла пакет, вытащила лямку с блестящей пряжкой.

— Что это?

— Ой, да кто так смотрит-то? — Лариса перевернула мешок, встряхнула его над партой.— Говорю же тебе — бери. Не пожалеешь.

— Прелесть какая! — сказал кто-то из девчонок за спиной у Ларисы.

— Ну ведь правда же! — Кондратьева быстро обернулась, лицо у нее совсем расправилось, она заговорила быстро: — У нашего Димки размер уже другой, а что носил, так и не видно почти.— Лариса раскинула комбинезон на парте.— Анька в него прямо вцепится, я тебе, Степка, точно говорю. У нее же ничего такого никогда не было.

— Сколько? — спросила Зоя тихо.

— Брось ты, Степанюк, я тебе так отдаю. Что, у нас денег на новое нет, что ли?

— Даром отдает,— сказали сзади.— Бери, дурочка!

Зойка собрала комбинезон в мягкий синий ком и бросила в мешок.

— Ерунда,— сказала Кондратьева,— на нем хоть сиди — не сомнется.

— На тебе! — Шуршащий пакет ударил Ларису в лицо и шлепнулся на пол.— Подавись своими тряпками! — Зойка растолкала ребят, пошла вдоль колонки.— С папашей своим вместе подавись!

Ни на кого не глядя, она подхватила свою сумку, зацепила плечом оказавшегося у нее на пути Пикуса и вышла.

— Эх, Ларка! — хлопнул Шура по парте ладонью.— Знал бы, что ты такое устроишь, ни за что бы Степку в класс не привел. Ну чего ты устроила? Извинилась бы, и дело с концом.

— Идиоты вы! — сказала Лариса сквозь зубы.— Кому эти ваши извинения нужны? — Она оттолкнула одного, другого, стояла перед Шуркой красная, злая.— Зойка твоя сама не знает, чего ей надо. Может, у ее Аньки сопливой комбинезон такой есть? Ну скажи, Севостьянов, скажи, есть? Я же Аньку так, потрясла немного, и все. Чего ж мне теперь, наш видик ей тащить? — Лариса посмотрела на Шуру, пожала плечами.— Ну ладно, принесу я ей еще чего-нибудь. Уж на нее-то у нас старого шмотья хватит.

— Так ты, Ларка, чего? — спросил Данька Колосов. Он забрался на парту и говорил теперь прямо в Ларисину макушку.— Если бы ты, Ларка, Аньку в лужу посадила или там Степку по голове шарахнула, ты бы что, два комбинезона принесла или целый телевизор, может?

Лариса подняла голову:

— Ну да. А извиняться — это, между прочим, каждый может, только пользы от этого никакой.

Аверьянов протискался к ней, нагнулся, подставил спину.

— Давай, Ларка, тресни меня разок, можешь даже два. Я всякий дефицит ужас как люблю. А извиняться совсем не надо, не волнуйся.

Лариса отвернулась.

— Дурак!

— Нет уж, ты погоди!

Лариса посмотрела вверх. Данькины сивые лохмы висели над ней угрожающе.

— Так ты чего? Пока у тебя барахло или что там еще не кончится, ты с нами что хочешь делать будешь?

И надо бы Ларисе остановиться, но выскакивали слова одно за другим, будто и ей в затылок дул какой-то ее ветер. Она отвернулась от грозной Данькиной прически.

— А что, зря мой папаша заколачивает? Или, думаешь, если он больше твоего в пять раз имеет, так мне на себя две пары джинсов напялить, а кошку икрой кормить?

Никто не отвечал Ларисе, а она поворачивалась от одного к другому и говорила быстро, как будто боялась, что перебьют сейчас.

— Да зачем деньги тогда? Для одной еды, что ли? Так вон медведя в зоопарке вообще бесплатно кормят. А людям деньги для удобства нужны, чтобы что захотел, то и сделал.

Шурка стоял за спиной у могучего Вальки Пикуса и только краешек Ларискиного уха видел — красную мочку с золотой сережкой-капелькой. Он отпихнул тяжелого Пикуса, просунулся вперед и снова почувствовал, как тепло и щекотно стало затылку от неведомо откуда дующего ветра.

— Врешь, Ларка.— Он взял Ларису за локоть, повернул ее к себе.— У нас в квартире Чучундра Семеновна. Знаешь, какая вредная! Как в свою комнату вселилась, так сразу всем гадости делать стала. Обругает на кухне по-всякому, обзовет, а потом кусочек студня на тарелочке тащит: «Отведайте, отведайте!» Да у нее и не брал никто! А как один раз извинилась по-нормальному, совсем другое дело стало. Что ли, ты, как она, будешь Зойку на шмотки покупать?

Шурка еще не слышал, чтобы у них в классе была такая тишина. Потом, не выдержав всеобщего молчания, Валерка Аверьянов вдруг заорал:

— Милиционер родился! — и хлопнул по висевшей у него на животе сумке так, что большая буква «А» из написанного шариком слова «Adidas» отпечаталась на его ладони.

Когда Севостьянов остался в классе один, а Валька Пикус уже третий раз просунул голову в дверь и сказал, что он уже все и что больше ждать не будет, Шурка медленно пошел к своему месту и хотел взять портфель, как вдруг что-то зашуршало у него под ногами. Он нагнулся, вытащил завалившийся под парту мягкий полиэтиленовый пакет. Скомканный комбинезон наполовину вывалился из него, и след Шуркиного ботинка виден был на строченых лямках. Он встряхнул мешок, примял растопорщившуюся ткань и, подскочив к свободному от цветов подоконнику, распахнул окно.

— Пика! — Шурка перегнулся через карниз, свистнул.— Пика, я сейчас!

— Нечто произошло, как мне кажется.— Александра Михайловна оглядела взъерошенный класс, кивнула Перцеву, чтобы он вешал карту, и чуть-чуть внимательнее посмотрела на ближние парты.— Нервы,— ска-

зала Александра Михайловна.— Теперь даже у первоклассников нервы. Видимо, все-таки магнитные бури.— Потрогала двумя пальцами затылок, подождала, пока коротенький Перцев напрыгается с картой, привстала на носки сама и накинула веревку на торчащий из стены костыль.— Начнем, пожалуй.

Валька Пикус перестал глазеть на Зойку, нагнулся к Шуркиному уху.

— Не останется,— прошептал он.— Хоть что ей говори — уйдет.— Шепот у Пикуса был такой же могучий, как и все остальное.

Александра Михайловна напряглась, прислушиваясь, замолчала. Пикус еще раз посмотрел на Зойку и уже молча пихнул Шуру локтем. Шурка осторожно повернул голову. Зойка сидела, прижав пальцы к глазам. Она часто делала так на последнем уроке — глаза, наверное, уставали,— только сейчас-то она не отдыхала совсем! Маленькие, злые красные пятна так ясно видны были на Зойкиных щеках и подбородке, как будто ударил ее кто-то по лицу сильной, широкой ладонью. Шурка Севостьянов вспомнил, как на прошлой перемене он размахивал полиэтиленовым, с яркой картинкой пакетом, как пихал его Кондратьевой в парту и как Кондратьева выхватила мешок оттуда и запустила шуршащий полиэтиленовый ком прямо Шурке в физиономию. Все тогда кричали и толкались, только Зойка так и сидела. А все показывали на нее и Ларку и кричали друг другу...

Шура подумал еще, что Зойка, наверное, долго не будет с ним разговаривать. Ведь, если бы не он, все кончилось бы вчера, и не было бы этого базара на переменке, и Аверьян со своими дурацкими шуточками не вылезал бы. Только этот проклятый теплый ветер — ну кому про него расскажешь? — дул откуда-то в Шуркин затылок, как тогда около учительской, нужно было открыть какую-то дверь и увидеть что-то важное...

Зойка протянула руку, и Шуре показалось, что очки ее сейчас полетят на пол, он даже привстал над партой.

— Убери руку,— сказал сердитым шепотом Аверьянов, и Шурка только теперь заметил, что упирается локтем в аверьяновскую парту.— Убери, говорю, руку! Александра увидит — в момент вызовет!

Зойка Степанюк надела очки, взяла у Татьяны Дрозд половину пластика жвачки и слушала теперь, что Танька рассказывает ей в самое ухо.

— Да уберешься ты? — Рассвирепевший Аверьянов с силой пихнул Шуркин локоть.

Какая-то мелочь посыпалась с парты на пол.

— Совсем развинтились,— сказала Александра Михайловна. Она стояла, скрестив на груди руки, и Пелопоннесский полуостров свешивался из-за ее плеча как нечесаная борода.— Тебе,

Аверьянов, что, слушать меня не интересно? Ты скажи, скажи, у нас теперь все говорят.

Аверьянов беззвучно пошевелил губами, глотнул громко. И тут в коридоре зазвенело. Александра Михайловна подцепила карту указкой, подала ее Перцеву, подождала немного и двинулась из класса. Маленький Перцев положил карту на плечо и, как ленивый оруженосец, поплелся за историчкой в учительскую.

— Давай,— сказал Пикусу Шурка.— Да шевелись ты, Пика, разбегутся же все сейчас.

Раскачивая парту коленками, Валя Пикус выскочил в проход, затопал к двери. Шурка подождал, пока Пикус укрепится как следует у хлипкого косяка, взобрался на сиденье.

— Эй! — сказал он, посмотрел сверху на класс и подумал, что не знает, как говорить дальше. Обычно это выходило просто: «Эй, парни!» — или еще что-нибудь такое. А тут...

— Шурка! — заорал от двери Пикус.— Слышь, Шурка, они, ёк макарёк, щекочутся! Ты скорее давай!

— Пусти, вредный Фикус! — сказала староста Оля Плужникова. Она уперлась спиной в Аверьянова и притискивала его к Пикусу.— Я точно знаю — никакого собрания сегодня не положено. Щекочи его, Аверьянов, щекочи, мне на секцию сегодня!

— Эй! — крикнул Шурка еще раз.— Эй, слышите? Все!

И стало тихо. Даже Аверьянов перестал вырываться. Стоял притиснутый к Вальке и не шевелился. Из коридора между растопыренными Валькиными коленями пролез Перцев.

— Во дают,— сказал он,— а в учительской Виктория говорит, что никакого собрания у нас...

— Ага! — закричала Плужникова.— Ага! Что я говорила! А ты, Севостьянов, со своим Фикусом просто с ума сошел.

— Видали, все ему понадобились,— сказала Лариса,— а сам-то без Пики и не может ничего.— Она в дверях не толкалась, стояла у стенки, сумкой своей покачивала.

— Вот тебе! — Красный от натуги Валька вывернулся вбок и показал Кондратьевой свой знаменитый кулак.— Попадешься ты мне, Кондрашкина!

— Все! — сказал Шурка.— Все, Пика. Ну их. Еще уговаривать их...

— Да,— сказал Пикус,— уговаривать...— И перестал упираться в косяк.

Плужникова в это время как раз собралась с силами, и они с Аверьяновым вывалились в коридор. Вывалились и тут же вернулись.

— Это про что, интересно, уговаривать? — спросила растрепанная староста Плужникова.— Устроили тут с Пикусом, а теперь говорить не хотят. Что, мы ждали зря? Аверьянов, скажи!

Аверьянов на всякий случай отошел от Пикуса и ничего не сказал. Зойка Степанюк молча встала из-за парты, подошла к Пикусу, легонько его толкнула.

— Степка! — крикнул Шура.— Не уходи, Степка! Слышишь?

Зойка остановилась, посмотрела на Шуру через плечо, головой тряхнула. Перетянутый узкой тесьмой Зойкин хвост взлетел над плечом, мелькнул в приоткрытой двери и пропал.

Шурка вырвал из парты сумку, забросил ремень на плечо, махнул Пикусу.

— Пошли, Пика. Они же ничего слушать не хотят, им же домой надо, у них суп стынет.

— Эх, ты! — сказала Таня Дрозд.— Обидно же Зойке. Ну чего ты к ней пристал? Суп еще какой-то припутал.

— Да не припутал я, не припутал! А только нельзя так дальше, понимаете? — Шурка опять сбросил сумку.— Ну ведь кто с нами что захочет сделать, тот то и сделает! — Он посмотрел на дверь, как будто Зойкин темно-рыжий хвост еще не исчез в пустом коридоре, и опять вдруг почувствовал свой ветер.— Вот скажи, Аверьян, чем ты Перцева лучше или меня? Почему у тебя кроссовки есть, а у нас нету? А у Ларки почему шмотья столько?

Татьяна постучала себя кулаком по лбу:

— Спятил ты, Севостянов, честное слово, спятил. Кому что купят, у того это и есть.

— «У того и есть»...— передразнил Шурка Татьяну.— А мы-то сами-то? Ну кто скажет, что он других лучше? Или, может, хуже?

Валька Пикус давно уже не стоял в дверях, шумел вместе со всеми около Шуркиной парты. В распахнутую дверь заглядывали изредка ребята из других классов, минуту-другую вслушивались в общий галдеж и снова пропадали в пустом коридоре.

— Ну ладно,— прокричалась наконец сквозь общий шум Таня Дрозд.— Ладно, Шурка, вот я не хуже и не лучше. Ну и что?

— То самое! Если ты как все, пусть у тебя и будет все, как у всех, и чтобы ничего лишнего.

— Это же со смеху помереть,— сказала Лариса. Она сидела в стороне от всех за пустой партой.— Ха-ха-ха! Нам сейчас Севостьянов расскажет, как все по-честному должно быть.

— Нет,— сказал Шурка.— Мы все вместе. И все тогда по справедливости будет.

— Давай, давай.— Лариса отвернулась к двери.— Свое отдавать дураков нету.

Шурка поднял яркий полиэтиленовый пакет:

— А это кто вчера оставил?

Таня Дрозд потыкала в мешок пальцем.

— Ну и что? Ларка его забыла, может. Да все равно не разрешат. И самим жалко будет...

— Что не разрешат, что? — Пикус выхватил у нее пакет, с шумом скомкал его.— Жалко ей... Вечно ты, Дроздиха, панику наводишь.

— Да ты, Валька, лучше скажи, что вам с Севостьяновым чужих шмоток захотелось. А то придумали — по-честному, по справедливости... И нечего мне кулаки показывать, не боюсь.— Лариса снова отвернулась и даже уши зажала.

— Эх, ты,— сказал Шурка,— Кондрашкина! Вот смотри.— Он запустил руку в свою сумку.— Как решим, так и будет. Он аккуратно положил на парту фотоаппарат.— На день рождения подарили, слышишь, Ларка? Вот теперь решим, чтобы я отдал кому-нибудь, и отдам. Главное, чтобы все вместе, а то ходим друг на друга злые, а чего злимся, сами не знаем. Ну?

— Нормальненько,— сказал Перцев.— Только, пока мы решать будем, кому что достанется, как бы нашему барахлу ноги не приделали. В сберкассу его сдавать, что ли?

Он взял фотоаппарат, навел его на Ларису и стал крутить объектив. Навел не торопясь на резкость, щелкнул. Лариса сделала рожу и высунула язык.

— А я вчера пленку вынул,— сказал Шурка и спохватился.— Ну при чем тут сберкасса? Сами не придумаем, что ли?

— И завидовать никто не будет,— сказал Пикус.— Чего завидовать, если все вместе договорились? — Он дождался своей очереди и с большим удовольствием разглядывал через объектив сердитую Ларису.

— Не наигрался, ребеночек,— сказал кто-то, и Пикуса оттолкнули от Шурки.— А спросят родители, где твой фотик?

— А я объясню.

— Так они же за это тебя...

— Ну и пусть.

— Так они ж тебе ни фига не купят больше.

Шурка вертел головой, отвечал быстро.

— Так ведь и всем так же. Нужно только договориться нам как следует, чтобы железно было.

— Ага! — крикнул Перцев. По причине маленького роста его оттеснили от Шуркиной парты, и он суетился за тесно сдвинутыми спинами.— Только вы слышите, эй? Главное не договориться. Главное...— Он снова ввинтился в толкучку.— Главное — где все барахло лежать будет. У кого?

Староста Плужникова растопырила острые локти, протиснулась вперед:

— Можно я? Вы только не смейтесь. В учительской ящик с крышкой есть.

— Ой, не могу! — застонала над своей партой Лариса.— Сейчас они, кажется, договорятся.

— Ну чего вы? — Оля Плужникова протолкалась поближе к Шурке, встала рядом с ним, руками в парту уперлась.— Ну чего вы? В него же не полезут никогда.— Волосы у Оли растрепались, длинный завиток свисал со лба, и она дула на него и встряхивала головой.— Во-первых, учительская все-таки, а во-вторых, у него на крышке такая гипсовая балда с бородой. Не поднять, честное слово.

Шурка молча смотрел на Плужникову.

— Видали? — сказал Аверьянов.— Староста-староста, а разбирается.

— Так ты чего? — спросил Шурка.— Ты, что ли, Плужникова, согласна?

Она заморгала, поймала двумя пальцами надоедливую кудряшку.

— Только, слышишь, Севостьянов, нужно, чтобы все подряд не тащили, нужно, чтобы такое несли, чего у других нету. А то, знаешь, сам какую-нибудь ерунду притащит, а у самого дома хоть комиссионку открывай.— Плужникова вдруг замолчала, будто спохватилась.— Только у меня и нет ничего вроде...

— Темни, темни,— сказал Пикус.— Все у тебя есть. Только попутают тебя, ёк макарёк, около этого сундука.— Пикус поднял глаза к потолку, по локоть запустил руку в карман.— Вот я сейчас,— сказал он и совсем перегнулся на сторону.— Уже я...— И потянул руку из кармана.

Сначала грецкий орех со стуком упал на пол, потом перекрученный носовой платок высунулся наполовину. Валька дернул, в кармане затрещало что-то, и длинная, с крупными звеньями цепочка — прямо не цепочка, а цепь настоящая — потянулась за его пальцами.

— У тебя, Фикус, что? — спросила Плужникова.— У тебя сторожевая собака в кармане, да?

— Сторожевая,— сказал Пикус.— Сейчас тебе полноса оттяпает.— И поднял перед собой цепь. Маленький, облезлый ключик болтался на цепи.— Во! — объявил Пикус.— У нас во дворе будка. Трансформаторная бывшая, а ключ у меня только.— Он посмотрел сверху на старосту.— Это тебе, Плужникова, не в учительскую лазить. Тоже мне придумала — сундук с балдой.

— Дураки,— сказала Кондратьева.— Идиоты ненормальные.

— И ничего не дураки,— ответила Оля.— Сама ты, Ларка... Тебе, Дрозд, чего?

— А магнитофон нести?

— Ну уж на фиг! — сказал ехидный Перцев.— Видел я твою шарманку, Дроздилина. Он же у тебя раз в год по обещанию похрипит чего-нибудь, а потом в нем половину потрохов менять надо. Пускай лучше Кирпичников свой плэйер тащит. А то он у нас один такой — с музыкой на ушах.

— Не боись — принесу.— Кирпичников поискал глазами затерявшегося в толкучке Перцева.— Про себя не забудь.

— Ну и дурак.— Лариса встала из-за парты.— Слушать вас противно. Уйду, и все.

Она жикнула молнией своей сумки и пошла к выходу. Перед раскрытой дверью, как вратарь, стоял Перцев. Для окончательного сходства он присел, развел в стороны локти.

— Врешь! — сказал Перцев. Ладони у него были выставлены вперед, пальцы растопырены.— Никуда ты не уйдешь и не расскажешь никому. Поняла? — Оглядываясь через плечо, Перцев попятился, уперся спиной в косяк.— Мы все как откажемся с тобой в одном классе учиться! И никто тебя в свой класс не захочет! Съела?

Лариса вернулась на место, села молча.

— Ну? — Неугомонный Перцев подлетел к ее парте.— Ну чего уселась? Думаешь, все отдавать будут, а ты так посидишь? Ты у нас, Ларочка, первая своим барахлишком тряхнешь.

Кирпичников подошел к Ларисиной парте, зашептал что-то Генке Перцеву. Генка закивал головой и вдруг крепко ухватил Ларисино запястье.

— Видали? Все видали? Ты, Шурка, на ее часы посмотри! — Генка дернул Ларисину руку вверх.— С калькулятором часики. Нам с тобой такие не купят.

Лариса медленно высвободила руку из стиснутых Генкиных пальцев, расстегнула блестящий браслетик, глядя Шурке в глаза, положила часы на парту.

— Ну как, все у вас теперь одинаковые? Или еще что-нибудь снять? — Отодвинула Перцева и ушла.

— Вот так ни фига себе! — сказал Аверьянов, когда Ларисины шаги отзвучали в пустом коридоре.— Ведь как захотели, так и вышло. Мы же теперь такого наделаем...

Идти между гаражами выходило короче. Шурка разбежался, перепрыгнул похожую на Балтийское море лужу и пошел вдоль железных гаражных стенок. За поворотом около доски с объявлениями стояла Кондратьева. Она стояла на бетонном поребрике, а рядом, подложив тощий портфель, сидел Киса. Бегать от Кисы было бесполезно. Шурка остановился, перехватил поудобней сумку.

— Кису прогуливаешь?

Киса не выносил, когда его называли Кисой. Он заворчал, уперся руками в мокрый бетон, начал подниматься.

— Ты не выдрючивайся,— сказала Кондратьева.— Сам ведь соображаешь. Ты, Севостьянов, лучше сразу отдай.

— А Киса у тебя как? Наемник или доброволец?

— По-хорошему отдай,— сказал Киса.— А то я тебе за добровольца полную реконструкцию организма сделаю.

— Какие ты, Киса, слова знаешь! — Шура отпрыгнул, и Кисин кулак только чуть-чуть задел его по уху.— Недолет,— сказал Шура.

Кондратьева забежала сбоку.

— Отдай, Севостьянов. Ну чего тебе, больше всех надо? Он же бить начнет. Все равно же потом отдашь.

— Будет тебе долет.— Киса заскакал по-боксерски.— Все отдашь. Как миленький.— Он вдруг оказался совсем рядом с Севостьяновым и, резко дернувшись, ткнул кулаком.

— Ух, гад! — Согнувшись пополам, Шурка дождался, пока вернулось дыхание.— Ну, Киса, рожа...— Следующий удар пришелся сбоку. Шурка замычал и сел на асфальт.

— Ты, Ларка, подожди, сейчас я ему рыло песочком начищу...— Киса зачерпнул горсть песку, потянул Шурку за волосы, задрал ему лицо кверху.

Бенц! От удара Ларисина сумка раскрылась, будто треснула. Разная мелочь брызнула под ноги ребятам. Крепкая Кисина голова дернулась туда-сюда.

— Дура,— сказал Киса спокойно. Высыпал песок на Шуркины брюки, потрогал макушку.— Больно же, углом же по тыкве.

— А ему не больно, думаешь? — Ларисино имущество сыпалось из раскрытой сумки прямо ей под ноги.— Дурак здоровый! Тебя что просили? Тебя попугать просили. А ты что? А ну иди отсюда, жлобина!

— Во! — Киса покрутил пальцем около своей надежной головы.— Следующий раз сама разбираться будешь.— Взял свой плоский, как блин, портфель, плюнул и ушел.

— Больно, Севостьянов? — Лариса присела около Шурки на поребрик.— Я ж не знала, что ты так... Я думала, ты Кису увидишь и отдашь. Ну отдал бы, правда. Подумаешь, пошумели.

Шурка вдохнул, выдохнул.

— Как он мне сунул, а, Ларка! Надежные у тебя, Кондрашкина, кадры. Только нету у меня ничего, нечего мне отдавать. Доходит? Ты ушла с Кисой договариваться, а Пикус все в свою будку поволок. И завтра потащим, когда остальные принесут. Валька нормально придумал. В этой будке — как в сейфе.

— Ой, глупый какой! Да ты бы сказал, что у тебя ничего нет, я бы Кису сразу гулять отправила.

— Не в том дело. Тебе, Кондратьева, не понять.— Шурка еще раз вздохнул осторожно, встал.— Ты не расстраивайся, Киса мог сильнее двинуть. Пока.

— Не врн, Валька,— сказал Генка Перцев,— просто ты, как бегемот, тяжелый.

Пикус балансировал перед дверью трансформаторной будки на перекошенном, осклизлом ящике и старался попасть ключом в замок. Наконец он приспособился, в большом, похожем на гирю замке заскрипело, дужка лязгнула. Валька спрыгнул с ящика в лужу, уцепился за край железной двери.

— Заржавела, ёк макарёк! — сказал он, краснея от натуги.— Я ее и вчера-то еле открыл.

Дверь вдруг взвыла страшным железным голосом, затряслась и открылась.

— Тихо вы! — замахал руками Перцев.

— А все равно.— Пикус отодвинул вторую створку.— Тут слышать некому.

Две глухих, из почерневшего кирпича стены углом сходились перед раскрытой трансформаторной будкой. С другой стороны будку отгораживал от двора высокий каменный сарай.

— Тут раньше инвалиды пуговицы делали и еще ерунду какую-то.— Пикус кивнул на заколоченные подвальные окна.— А из будки к ним электричество шло. Инвалидов потом выселили — из-за этих пуговиц, ёк макарёк, весь дом трясся. А будка осталась. Семка Викинг в этой будке свою «Яву» держал.

— А Викинг почему?

— А он фарцовщик был. По шведам фарцевал, по норвежцам... А когда засыпался, мотоцикл толкнуть успел, а ключ мне оставил. Он еще не скоро вернется. Вы погодите, я свечку сейчас достану.

В темной просторной будке на шершавом полу стоял длинный ящик. Пикус прикрыл скрипучую дверь, зажег свечу. На боку у ящика черной краской были нарисованы зонтик и рюмка.

— Сюда давай,— сказал Пикус.— Открывай, Аверьян, открывай, он незапертый стоит.

Шурка и Аверьянов пристроились около ящика на коленях. Аверьянов вынимал из своей сумки шуршащие газетной бумагой свертки и подавал Шуре.

— Осторожней,— сказал он и передал увесистый пакет.— Смотри, по своему фотику не грохни.

— Да уйдешь ты или нет? — Добровольный сторож Перцев шумел на улице у прикрытой двери, отгонял кого-то.— Тебя тут не хватало. Ну чего толкаешься? Чего ты?

Створка сдвинулась с места, взвыла. Желтый огонек свечки заметался. В нешироко раскрывшуюся дверь протиснулась Лариса, за ней, едва не свалившись с подставленного ящика,— растрепанный Перцев.

— У, трактор! — Перцев сделал шаг к ящику, зацепил рукавом свечу.— Кондрашкина! Думаешь, часики отдадим? Фигос под нос! Будешь теперь как все!

Пикус в темноте гремел коробком, тихонько ругаясь, чиркал спичками. Когда огонек вытянул кверху свой острый язык, Лариса подошла к ящику, присела вместе с ребятами.

— Еще вот.

Опустила на дно маленькую коробочку.

— Реликвия семьи Кондрашкиных,— сказал Перцев от двери. Он уже вышел на улицу и держал свой мопед за заднее колесо, заталкивал его в будку.— Фамильный перстень со слабительным. Ну долго вы еще? Вот как придет кто-нибудь...

— Чего ты, Севостьянов, уставился, Перцева не знаешь? — Лариса ногтем подцепила крышку.— Смотри.

— Да ты, Ларка, чего? Это твое, что ли? Ну все равно искать же будут, спрашивать дома начнут.

— Думаешь, испугаюсь? Думаешь, один ты можешь? Клади.— Она подала коробочку Шурке.— Клади, клади, а то Генка сейчас с ума сойдет.

— Да скоро вы? — метался у двери Перцев.— Там около сарая мужики какие-то.

И снова Валька Пикус забалансировал на хлипком ящике, скрипнул ключом в замке, соскочил на землю. Все пятеро с каменными лицами прошествовали через двор, а Перцев для пущей конспирации даже насвистывал что-то дрожащее.

На другой стороне улицы, на растрескавшемся асфальтовом пятачке клубился почти весь класс. Кто-то из девчонок нарисовал куском кирпича корявые квадраты, двое или трое прыгали, остальные делали вид, что не смотрят через дорогу.

— Идут! — закричала глазастая Таня Дрозд и перестала скакать.— Все идут, и Кондратьева с ними.

— Спецгруппе привет! — сказал длинный Кирпичников и хлопнул Шурку по спине.— Ну как? Плакали наши вещички? А чего у Фикуса пузо белое?

Валька Пикус сокрушенно уставился на свой перемазанный живот, сильно по нему хлопнул.

— Там враг какой-то мелом дверь разрисовал, а я ее двигал...

— Брось пылить.— Аверьянов возился рядом со своей сумкой.— Дома очистишь.— Он вытащил свое имущество, прижал

книги к груди подбородком и потряс перевернутую сумку.— Ну нету же,— сказал он так жалобно, что Пикус и правда перестал чистить на него свою куртку, а все остальные немедленно обернулись.— Слышь, Шурка, мы же дневник в ящик сложили. Я тебе все подавал и его подал, а ты, ворона, не посмотрел, что кладешь. У меня же четверка сегодня по геометрии. Мне же без дневника не поверят! Мне же Виктория никогда четверок не ставила!

Шурка секунду подумал, заглянул в пустую аверьяновскую сумку.

— Сам ворона,— сказал он.— Было у меня время за твоим дневником следить. Иди теперь, вытаскивай его из будки.

— Да-а,— заныл Аверьянов,— а засекут если? Там во дворе мужики какие-то шастают.

— Ой, да бросьте вы.— Оля Плужникова вытащила из-под Валеркиного подбородка книги, пихнула их ему в сумку.— Надо Валерке новый дневник купить — вот что. Ну, подумаешь, Виктория ему четверку еще раз поставит. Никто и слова не скажет — не с парой же он потерял.

Данька Колосов вытащил из кармана мятую кепочку.

— Подайте, граждане, на дневник инвалиду среднего образования.— И головой своей лохматой затряс, заковылял от одного к другому.

Около канцелярского магазина Оля пересчитала мелочь, рассыпала ее в две горсти. На новые дневники хватило бы всем присутствующим.

— Талант у тебя, Данька,— сказала Оля.— Будешь теперь на всё, на всё деньги собирать.— Она звякнула мелочью.— Может, торт купим, а?

Когда Валерка Аверьянов с новым дневником в руках и с сопровождающими по бокам и сзади вышел из магазина, Зойка с Татьяной Дрозд стояли около витрины, и у Зойки на пальце висела коробка с тортом.

— Во, видали! — Аверьянов распахнул дневник.— И четверочку сюда!

Зойка наклонилась, придержала пальцем очки, потом посмотрела на Валерку и улыбнулась:

— Как будто только что учиться начали, да, Аверьянов? А мне каждый раз, пока дневник чистый, кажется, что ничего плохого там не будет.

Пока Аверьянов шевелил губами над чистыми страницами, Плужникова отцепила коробку с тортом от Зойкиного пальца и напала на Шурку.

— Эх, ты! — возмущалась она и поднимала коробку с тортом к самому Шуркиному носу.— Сам придумал, чтобы всем поровну было, а у самого ножа нет. Как делить будем? Я, может, от целого торта кусать не умею!

Кирпичников просунул руку из-за Олиного плеча, ковырнул коробку согнутым пальцем.

— А так?

Остальные предложения были не лучше. Разгневанная Плужникова наскакивала на всех по очереди и так размахивала тортом, что, когда она снова оказалась около Шурки, Шурка неожиданно для себя сказал:

— Может, ко мне, а? — и перехватил раскачивающуюся коробку.

Кто-то спросил неуверенно:

— Все, что ли?

Шура на минуту призадумался, но выскочивший сбоку Перцев все за всех решил:

— А чего не все-то, чего не все? Мы теперь только все. И ты, Кондрашкина, давай. Отрежем тебе розочку с ягодкой!

В мрачной прихожей Шурка сразу пропал, только слышно было в темноте, как он дышит где-то рядом и водит ладонью по обоям. Потом что-то мягкое упало, и под высоким потолком вспыхнула маленькая пыльная лампочка. Шурка поднял с пола огромное пальто с вешалкой-цепочкой, повесил его на крючок.

— Соседи,— объяснил он,— выключатель переставили. Ты, Генка, давай в комнату всех веди.— Пошарил в кармане и бросил Перцеву ключ.

Оля Плужникова поставила коробку на широкий, низкий подоконник, потрогала завитушку на латунной оконной ручке.

— Какое у них все...— Оля подошла к большим настольным часам.

Стрелок у часов не было, но зато над циферблатом замахивался мечом чугунный пузатый самурай.

— Нет, правда, откуда это, Генка? Ведь дорогие же...

— «Откуда, откуда»... Они тут сто лет живут. Накопилось. Эй! — закричал он вдруг, повернувшись к Ларисе.— Ты, Ларка, на этот стул не садись!

— Громче, Перцев, кричи, а то не услышу. Что я, не понимаю? Стул же как из музея.

— Э,— сказал Перцев и с размаху шлепнулся в огромное кресло. Только остренький его нос высовывался из-за спинки.— Какой музей? При чем тут музей? У него задние

ножки просто так приставлены, соображаешь? Совсем не приделаны.

Ручка на двери в коридор зашевелилась, по двери стукнули, и в комнату, пятясь, вошел Шурка. В руках у него опасно вздрагивала стопка блюдец, в кармане звякало. Он остановился, закрутил головой по сторонам. Первой сообразила Зоя. Она подхватила рассыпанные на маленьком круглом столике книги, переложила их на диван, сдвинула на край вазочку с засохшей гвоздикой. С остановившимися от осторожности глазами Шурка аккуратно брякнул посудой о столик.

— А чего два раза ходить? — сказал он, вытаскивая из кармана ложки.— Точно, Степка?

Музыка в соседней комнате грянула так неожиданно, что Генку выкинуло из кресла, как из катапульты. Он стукнулся в Зойкину спину, отскочил, плюхнулся на диван. Блюдце с мультипликационными зверятами выскользнуло из Зойкиных пальцев, разлетелось осколками по полу. В соседней комнате запрыгали, закричали что-то вразброд. Шура перескочил осколки, крикнул в соседнюю комнату с порога:

— Тихо! — В комнате перестали кричать.— Шнур, Кирпичников, выдерни! Там выключателя все равно нет.

Музыка резко оборвалась.

— Делать нечего, да? — спросил Шурка.

Аверьянов скакнул по инерции без музыки.

— Это он все,— ткнул пальцем в Кирпичникова.— Нам без него до розетки достать разве?

— Иди,— сказал Шурка,— руки длинные, будешь торт делить.— Подошел к телевизору, наклонился к его раскрытым потрохам, понюхал.— Я его модернизировать хотел, а он теперь как радио работает. Ничего не показывает, зато звук мировецкий!

Кирпичников делил. Зойка с Генкой стояли рядом и следили, чтобы получалось по-честному. Он надавливал ножом на кремовые завитушки и замирал с поднятой рукой. Перцев смотрел на торт, потом на Зойку и толкал Кирпичникова в бок. Иногда Перцев брал ложку, прицеливался, отхватывал от какой-нибудь розочки пару лепестков и перекладывал на соседний кусок.

— Ага? — спрашивал он в таких случаях Зойку, и Зойка, придерживая очки, кивала.

Про чай сообразили, когда от угощения остались только липкие пальцы.

— Тоже мне,— сказал Валерка Аверьянов,— делители. Кто же торт без чая лопает? — Он поставил блюдечко на пол около дивана.— Давай хоть музыку из телевизора. Хоть побесимся. Давай, давай, он у тебя нормально орет.

Один за другим переходили ребята в соседнюю комнату, останавливались около подопытного телевизора. Подняв глаза к

потолку, Шура нащупал сзади невидимую какую-то рукоятку. Нащупал, повернул ее осторожно. В динамике хрустнуло. Потом из тихого, мягкого шелеста пророс скрипичный голос, прерываясь и вздрагивая.

— Что за шум? — спросил Валька Пикус. Он стоял в дверях и на виду у всех нахально доедал неизвестно откуда взявшийся кусок торта. Облизал блюдечко, поставил на телевизор: — Ты, Шурка, музыку давай, а то завел симфонию.

И Аверьянов подскочил, дрыгнул своими кроссовками:

— Давай музыку!

Шура покрутил невидимую ручку еще. И тут стало тихо. Так тихо, что Валерка перестал подскакивать. Стоял перед телевизором и ждал. И все ждали. Потому что в этой тишине, невидимые для ребят, были люди. Кто-то откашливался, как будто у него запершило в горле, скрипели какие-то дверцы, и слышно было звяканье железа, будто кто-то складывал в сумку инструменты. Эти люди говорили только что о чем-то важном, а теперь замолчали, потому что Шурка Севостьянов засек их своим ненормальным телевизором. Потом дверцы скрипнули еще раз, захлопнулись, и зазвучал голос:

«Ну-ка, известно тебе, что это такое?»

Краем глаза Шурка увидел, что Зойка даже вздрогнула. Такой это был голос — будто темным вечером тебя окликнул кто-то из подворотни.

«Да, сэр,— отозвался вздрагивающий мальчишеский голос.— Это пистолет, сэр».

«А теперь посмотри-ка сюда,— продолжал первый.— Вот порох, вот пуля, а вот кусок старой шляпы для пыжа. Если ты хоть слово скажешь, когда мы выйдем из дому, пуля сразу будет у тебя в голове».

Шура опустил ручку настройки. Слова тут же потонули в треске и свисте, казалось, динамик не выдержит страшного шума и немедленно лопнет.

— Шурка, рожа! — Оля вскочила со своего места.— Ты чего? Они его там убивают, а ты какое-то трещание включать будешь?

— Да уж,— сказал Перцев,— шуточки у тебя... Не видишь, что ли, слушают все! А ну крути назад!

Шура легонько повернул рукоятку. Шум оборвался.

«Вставай, негодяй! Вставай, не то я размозжу тебе всю башку!»

Пикус, приоткрыв рот, опустился у двери на корточки. Шура нагнулся к нему и пошевелил пальцем перед носом. Пикус моргнул, показал кулак, но рта не закрыл.

— Здравствуйте, товарищи радиослушатели! — раздалось над головой.

Шурка выпрямился. В дверях стоял его отец.

— Это что за конгресс? — спросил он и поставил Вальке на колени портфель.

Пикус немедленно вскочил, и портфель с грохотом обрушился на пол.

— Да погодите вы, чего разбегаетесь?

Ребята обтекали Севостьянова-старшего, оглядывались с сожалением на телевизор, подхватывали с полу портфели и сумки, выходили в прихожую.

— Эй, молодежь! Никому же не мешаете. Сидите себе... Ты-то, Гена, куда? — у самой двери на лестницу он придержал за плечо Перцева.

Перцев сделал отчаянное лицо и повозил ладонью по горлу.

— Ну честное слово, Петр Васильевич, пора. Общественные поручения всякие, и за картошкой тоже.— Он уже шагнул за порог, но вспомнил что-то, задержался.— Чуть не забыл. Здравствуйте, Петр Васильевич!

«...Стойте, Сайкс, здесь это не поможет. Еще словечко, и я сам с тобой расправлюсь — хлопну тебя по голове. Шуму никакого не будет, а дело надежное и все по-благородному. Ну-ка, Билл, взломайте этот ставень».

Дверь во вторую комнату была открыта, и казалось Шурке, что эта страшная компания выйдет сейчас оттуда, переговариваясь сдавленными голосами и озираясь.

— Ушли, значит...— Отец подошел к Шурке сзади, взял его за локоть.— А все-таки, знаешь, со звуком у тебя не все в порядке.

собенно в классе никто не кричал. Голоса из-за двери гудели ровно, слитно, а когда Кондратьева вошла, стало почти тихо. Кирпичников поднял над всеми руки и сделал движение, как будто ловил Ларису.

— Да-да,— сказал Генка Перцев,— пускай рассказывает. У Кондрашкиных вся аппаратура фирмовая, на ней чего хочешь поймать можно. Не то что у меня. Крути не крути — все про посевную.

— Это так ты, Генка, вчера за картошкой ходил? — Лариса бухнула свою сумку на парту.— Ладно уж, скажу... Ничего я не поймала. Пускай Шурка рассказывает, что там дальше было.

— Так я же и говорю: отец сказал, что по низкой частоте помеха лезет, ну, я и паял там... Не слушал ничего.

— А может, сегодня вторая серия? — Аверьянов оглядел всех.— У кого программа есть?

Кончилось там все.— Шурка уселся за свою парту, вытащил тетрадь из сумки.— Я потом включил. Ну, проверить... А там говорят — конец.

А мы напишем,— сказала Таня Дрозд неуверенно.— Может, по заявкам как-нибудь?

Какие тебе, на фиг, заявки?! — разозлился вдруг Перцев. Не знаем же, что там было!

Лариса расстегнула сумку, не говоря ни слова, с силой хлопнула по парте толстой, тяжелой книгой. Так она и придумала вчера, когда рылась в книжном шкафу. Выложить, и все. Пускай удивляются.

Аверьянов, не оборачиваясь, уселся на край Ларисиной парты, зацепил книгу ладонью, придвинул к себе, взвесил на руке.

Во батон!

Подумал немного и хлопнул Колосова по взъерошенному затылку. Колосов схватился за свою прическу, сделал страшные глаза и вцепился в книгу. И тут Лариса не выдержала. Она столкнула со своей парты Валерку Аверьянова, вырвала у него книгу и, не удержавшись, стукнула ею по веселой Валеркиной голове. Так разозлилась!

- Дураки! - Она подравняла выпадающие из книги страницы.— Я же для всех искала... Целый же вечер в шкафу копалась, пока нашла.

Зойка вынула книгу из Ларисиных стиснутых пальцев, перелистывала ее на парте осторожно... Потом нагнулась, поправила очки, медленно повела пальцем по странице.

— Это она? Она, Ларка, да?

— Да ну вас! Что дальше, что дальше...— Лариса захлопнула книгу.— А сами по башке, да?

Распухшая от времени, с затертым названием и растрескавшимся переплетом книга лежала рядом с учебниками в ярких полиэтиленовых обложках, и казалось, что это просто пачка старой бумаги, забытая кем-то на парте. Длинная рука высунулась из-за Ларисиного плеча, раскрыла книгу на середине.

— Уйди, Кирпич, не лезь! — Лариса стукнула Кирпичникова по пальцам.

— Да-а,— сказал Колосов,— книжечка.— Он потрогал свой затылок.— Только это же психом надо быть, чтобы столько страниц читать. Из этой книги серий двадцать сделать можно.

Кто-то все-таки взял книгу с парты, и она пошла по рукам. Придерживая толстый корешок, ребята листали шершавые плотные страницы. Плужникова увидела зажатый листами клочок бумаги, раскрыла заложенное место.

«— А теперь посмотри-ка сюда. Вот порох, вот пуля, а вот клочок старой шляпы для пыжа. Если ты хоть слово скажешь, когда мы выйдем из дому...»

Это было именно то, что выловил вчера Севостьянов своим телевизором. Слова у Оли выходили отчетливые, как команды на уроке физкультуры, она положила тяжелую книгу на плечо Генки Перцева и придерживала Генку свободной рукой, чтобы не ерзал. Генка морщился и закрывал ухо тетрадкой.

— Репродуктор,— сказал он наконец.— У нас около балкона такой висит. В праздник хоть из дома беги.

— Глупый ты,— спокойно сказала Оля и перевернула страницу.

— Погоди.— Шурка забрал у Оли книгу, и довольный Перцев тут же ускакал на всякий случай подальше.— Так ведь все до конца можно... Ну вместе вслух прочитать. У меня же места сколько — все сядем.

Пикус раздвинул народ, взял у Шуры книгу, заглянул на последнюю страницу. Номер у страницы был такой, что он только и сказал: «Ёк макарёк!» — да свистнул протяжно и громко.

— Соловей! — раздался вдруг знакомый голос. Покачивая указкой, у доски стояла Александра Михайловна.— Иди к доске. Соловушка ты наш упитанный...

И так-то тротуар был узкий, а тут еще лужи. Пикус ловко обежал тетеньку с апельсинами в кошелке и со всего маху угодил ногой в воду.

— Ёк макарёк! — сказал Пикус.— Я ж не нарочно, Плужникова.

— Бегемот! — сказала Плужникова и мутные капли с куртки стряхнула. Потом уцепилась за рукав Севостьянова.— Ты, Шурка, не беги, а то тебя ненормальный Фикус затопчет. Совсем уже...— И пальцем около шапочки покрутила.— Правда, Севостьянов, чего тебе торопиться? Тебя же и так все ждать будут.

Еще несколько человек обогнали их. Оля головой покрутила, огляделась.

— Ты, Севостьянов, здорово придумал.— Она посмотрела на Шуру сбоку, подождала.— Из наших никто бы так не догадался.

Шурка схватил Плужникову за локоть у самого края лужи.

— Смотреть же надо, а то распелась — «придумал, догадался»... Если бы не Валька, еще неизвестно, как получилось бы.

— Ой, да, Севостьянов, ладно тебе, сложили бы мы вещички и без Фикуса где-нибудь. Подумаешь — будка.

Они разошлись и метров десять шли по разным берегам длинной лужи.

— Слушай,— сказала Оля, когда они снова оказались рядом.— Ты как, всех человечков уже ловишь?

Шурка даже остановился.

— Каких человечков, Плужникова? На тебя что, весна действует?

— На меня ничего не действует, понял? А с человечками это японская игра такая — коробочка с дисплейчиком. На дисплейчике человечки из дома выпрыгивают, а их ловить надо. Из Сингапура привезли.

— Ну тебя,— сказал Шурка.— Было мне там время человечков твоих ловить. Сложили в ящик — и все.

— Конечно,— сказала Плужникова.— И темно там было. Ага? Смотри, Севостьянов, уже все около твоего парадного стоят.

Когда все расселись у Шуры в комнате и Таня Дрозд, устроившись на широком, низком подоконнике, раскрыла книгу и совсем уже собралась читать, Данька Колосов вдруг выскочил из кресла. Он подошел к Татьяне и захлопнул книжку у нее в руках.

— Тихо! — объявил Данька и, хотя все и так молчали, еще раз повторил: — Тихо! — Как будто собирался фокус показать или встать на голову.— Предложение! — Он сказал это совсем деревянным голосом и руку неловко вытянул в сторону Шурки.— Предлагаю, чтобы у нас для Шурки Севостьянова было звание. Лорд-хранитель барахла!

Пошумели, потопали одобрительно, а Генка Перцев, чтобы уж как следует было, свистнул и Шурке подмигнул. Данька вытянул Севостьянова на середину.

— Ну, давай, Шурка, цепь. Раз ты у нас лорд, без цепи нельзя. Чего смотришь? У Вальки же ключ на цепи был.

И тут чего-то безо всяких Данькиных призывов тихо стало, даже девчонки перешептыванья свои бросили. Шурка полез по карманам, потом сумку вывернул на диван, потом опять по карманам, а Колосов стоял рядом и повторял:

— Точно на цепи был... все видели,— и зачем-то придерживал Шурку за локоть.

— Во! — сказал наконец Шурка Севостьянов и вытащил цепь с ключом из-за пазухи.

Он стоял с вывернутыми карманами, а Данька сыграл на губах что-то торжественное и набросил цепь на Шуркину шею.

— Эх,— вздохнул Данька,— шикарная цепь. Жаль, ключ поганенький. Надо бы его куда-нибудь, чтобы в глаза не бросался, что ли.— А сам облезлый ключик поправил, чтобы

посередине Шуркиного живота висел, и покрутил Шурку всем на поглядение.

И все опять заговорили, и Таня Дрозд на своем подоконнике страницами зашелестела.

Валя Пикус сидел на полу около пианино, упирался спиной в лакированное дерево. Колени к подбородку подтянуты, лицо в колени втиснуто, мягкие щеки с двух сторон на нос налезли. Шурка подумал, что это просто удивительно, что Валька до сих пор не заснул. И ведь книжка-то совсем не детективом оказалась! Таня остановилась перевести дух, и Пикус вздохнул, заерзал, и в рояле что-то отозвалось, какой-то между деревянными стенками звук возник. Тихий-тихий.

— Шурка...

Шура сначала подумал, что ему кажется,— так тихо его позвали.

— Шурка,— зашелестело опять около уха.

Неловко скрючившийся Кирпичников глядел из-за спины Севостьянова туда, где сидела Татьяна. Он смотрел на нее не отрываясь и как будто даже слушал, но, стоило Шурке отвернуться, зашептал опять:

— У Перца мопед где? Да не крутись ты, ты перед собой шепчи, я услышу. Вы с Валькой его тогда в будке заперли или как?

Таня, видно, услышала шепот, подняла глаза, и Кирпичников замолчал ненадолго. Потом придвинулся еще ближе, снова зашептал горячо из-под прижатой ко рту ладони:

— Слушай, пока вы там придумаете, кому да что, ты мне тарахтелку дай. На два дня, Шурка, а? Прямо сейчас...— Он опять переждал.— Как все от тебя свалят, так и... Ключ-то ведь у тебя. С меня на штатовские мультики билет. Сечешь?

Глядя в пол, Шура медленно повел головой из стороны в сторону. Кирпичников отодвинулся, потом опять задышал в Шуркино ухо:

— Нормальненько, лорд-барахольщик. Прошел проверочку.— И стулом своим загремел — отъехал от Шурки.

Книгу Лариса уносить не стала. Она уже стояла одетая, когда Шура спохватился, забежал в комнату и тут же выскочил в прихожую с книгой. Лариса только махнула зажатой в кулаке перчаткой — не то от книги отмахнулась, не то с Шуркой попрощалась: «Пока!» — схватила Татьяну под руку, и только дверь хлопнула. Шура положил книгу на облезлый подзеркальник. Один Перцев остался в прихожей. Стоял на одной ноге, привалившись к стенке, возился со шнурками. Не глядя на Шуру, он завязал шнурок, встал нормально.

— Слышь, Шурка.— Поднял голову, посмотрел, как по растрескавшемуся потолку медленно ползет муха.— А, Шурка, Кирпич ведь тебе плэйер отдал? Дай мне дня на три. Я тебе...

— Да с ума вы посходили, что ли? Договаривались же, сами же...

Перцев покраснел и перестал рассматривать муху. Он уставился в Шуркины тапки, забубнил торопливо:

— Ты не подумай чего-нибудь... У меня Жорка, брат младший, в больницу загремел с аппендицитом. Он там ноет все время, а матери с ним нельзя. Ему на недельку плэйер только, ключ-то ведь у тебя. Кто проверит? Слышь, Шурка, он ничего такого не сделает, через неделю назад втихую положим, и все.

Шурка вдруг подумал, что Перец же ничего не слышал, что читала, сидя на подоконнике, Татьяна, что он все время только и думал, как ему медленней всех одеваться, и как остаться одному с Шуркой, и что говорить... и так дико показалось Шурке, что красный, вспотевший от волнения Генка ждет его, Шуркиного, решения, так это было странно, что он испугался, отступил к вешалке, не глядя, нашарил куртку.

— Конечно, если брат.— Несколько зубчиков внизу выпали, и молнию было непросто застегнуть.— Конечно, если аппендицит, если аппендицит, то обязательно...— И резко, одним движением вздернул замок под самое горло.

Севостьянов с Пикусом открывали форточки. Пересохшие полоски бумаги на окнах лопались оглушительно и повисали, раскачиваясь. Сквозняки веселыми струйками вытягивались вдоль коридоров, и разноцветные пылинки быстро крутились в косых солнечных столбах. На четвертом этаже, на площадке, маялся у раскрытого окна Киса.

— Кисы любят свежий воздух,— сказал Шурка.

Что ни говори, а с Пикусом было как-то спокойнее. Киса обернулся и, странно съежившись, шарахнулся в сторону. Шура изумился: конечно, Валентин Пикус не последний человек в школе, но чтобы Киса так шарахался...

— Ты чего пугливый стал? — спросил Шурка.

Киса отодвинулся еще.

— Станешь тут...— сказал он, внимательно следя за Пикусом.— Станешь тут, когда у вас весь класс ненормальный. Так и ходят толпой, так и шастают. Ну вас.— И боком, боком — вниз по лестнице.

Ребята высунулись в окно.

— Знаешь,— сказал Пикус,— ну чего нам сегодня избучительно устраивать? Найдем где посуше, по шарику постукаем, а?

В немытом стекле рядом с Валькиной головой возникло отражение. Пикус постучал костяшками по отражению, обернулся.

— Явилась, да? Проверять пришла, да?

Староста Плужникова втиснулась между мальчиками, прикрыла глаза ладошкой, поморгала на солнце. Внизу, на школьном стадионе, по сморщенным от ветра лужам скакали солнечные зайцы. Пикус отколупнул кусочек окаменевшей оконной замазки, неловко замахнулся над Олиной головой. Под баскетбольным щитом поднялся и опал крохотный фонтанчик.

— Имейте в виду,— объявила вдруг Оля.— И ты, Севостьянов, не отказывайся. Подумаешь, один день не почитаем...

онечно, всех перекричал Валерка Аверьянов. Он так старался, что даже прохожие оборачивались, и тогда Лариса сказала:

— Ну, как хочешь. Ты, Аверьянов, столб уговорить можешь.

— Конечно,— сказал Перцев,— он у нас неформальный лидер. Слышишь, Аверьян, ты предложение-то свое скажи.

— В зоопарк,— сказал Валерка с трудом.

Он, наверное, и сам не сообразил, как у него этот зоопарк сказался. Выдохнулся как-то.

— Ёк макарёк! — сказал Пикус.

Он-то точно знал, что ни про какой зоопарк Аверьян и не думал. Просто отдышаться человеку не дали. Он уже протянул руку, чтобы пихнуть Валерку как следует, но Плужникова вдруг отпихнула Аверьянова в сторону.

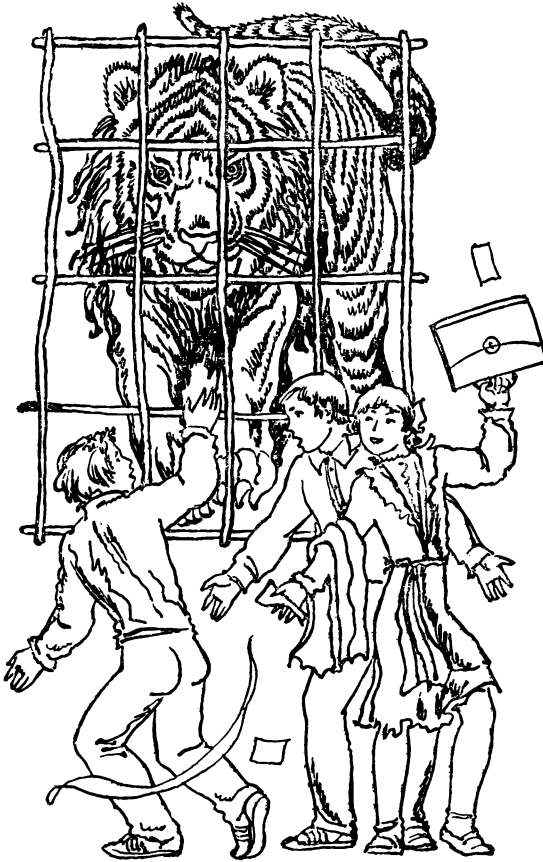
— Все идем! — объявила Плужникова.— Я, может, в зоопарке сто лет не была. А ты, Перцев, чего? Ты куда, Перцев?

— Фиг с ним,— сказал Кирпичников,— мы и без Перца очень прекрасно сходим.

— Кормить будем,— сказала Зойка, придерживая пальцем очки на переносице.— И Аньку я возьму тоже.

— Кормить нельзя,— сказал сверху Кирпичников,— я в прошлом году страусу полватрушки кинул, а меня метлой. Как врага какого-нибудь...

— Знаю я тебя, Кирпичников, ты же своей ватрушкой прямо в страуса залепил. Сам доесть не мог — и залепил.—



Лариса стояла перед Кирпичниковым подбоченясь и задрав голову.— Зверей мясом кормить надо. Если мясом — никто не погонит.

Точно,— сказал Валерка,— мясом — это дело. Там на зверское мясо желающих ого сколько!

В зоопарке на дорожках стояли глубокие, чистые лужи, а возле клеток пахло цирком. Кирпичников под присмотром Оли Плужниковой тащил на вытянутых ладонях мягкий пакет с фаршем и время от времени останавливался около какой-нибудь клетки. Оля смотрела на зверя, будто собиралась немедленно купить его, и тащила Кирпичникова дальше. За ними прыгали через лужи остальные. На плечах у Пикуса сидела Зойкина Анюта. С ее резиновых сапожек в карманы Пикусовой куртки капала вода. Зойка скакала рядом, хватала сестренку за розовые пальцы.

Правда, хорошо, Анька? Правда, здорово?

– Пусть ухи отпустит,— отвечал Пикус мрачно, у меня запасных нету.

– Вот! — сказала Оля внезапно.

Она остановилась перед большой клеткой, и разогнавшийся Кирпичников уткнулся в Олину спину пакетом. Остальные выб рали в огромной луже места помельче и тоже остановились.

Бедненький,— сказала Оля и подергала Кирпичникова за куртку: давай, мол, пакет разворачивай.

В дальнем углу темноватой клетки зашевелилась внушитель пая мохнатая куча. Заспанный медведь подошел к решетке, почесался о толстые прутья. Ветер подхватил клок бу рой шерсти, сорвал его с решетки и посадил на рукав Кирпични кову.

Олька,— сказала Лариса,— давай, может, собаку ено товидную покормим, а то она все бегает, бегает. И лужи там нету.

Голодная была бы, не бегала бы,— обиделась за медведя Оля. У мишки от голода волосы выпадают, а ты про лужу... Она отвернула край пакета, помяла пальцем фарш.— Ну,— сказала Кирпичникову, кидай, специа лист!

Все стояли вокруг длинной садовой скамейки. Кирпичников подобрал с газона прошлогодний кленовый лист и вытер перемазанные фаршем пальцы. Валерка Аверьянов погрозил кулаком кому-то в воротах зоопарка.

— Подумаешь, их медведя фаршем покормили...

— Да-а,— сказала Зойка,— покормили... А правда, куда его теперь?

— Только про своих медведей и думаете,— сказал Аверьянов.— Умные-то люди из фарша котлетки жарят и сами лопают.

Тут все посмотрели на Шурку, а Зойка потянула Анюту с плеч Пикуса. Анюта отпустила красные Валькины уши, топнула своими сапожками в мокрую землю.

— Кушать теперь хочу,— объявила она громко.

— Ох! — сказала Зойка.— Кормили мы, Анюта, медведя, кормили, а про тебя забыли.— Она присела перед лежащим на скамейке пакетом.— Это же знаешь как жарить надо. Ого-го! — И тоже посмотрела на Шурку.

— Да вы чего? — рассердился Шура.— Вы чего думаете: сковородки у меня нет?

Сначала из кухни прогнали Пикуса с Валеркой. Они покидали мясные комки на холодную сковороду и уже залезли в соседский стол за спичками, когда явилась Лариса. Лариса надела фартук Шуриной мамы и велела прекратить партизанщину.

— Ну, все! — сказала Лариса.— Уведи их, Шурка, в комнату, пускай они там бесятся.

Она велела Шурке достать масло и грохнула сковороду на плиту. Очень скоро в кухне запахло горелым.

— Доигрались.— Лариса нагнулась к плите, понюхала.— К сковородке снизу фарш прилип.

Шурка подбежал к высокому окну, вскочил на батарею, распахнул форточку. Где-то в конце коридора хлопнула дверь.

— Порядок.— Лариса тыльной стороной ладони придержала улетающие за сквозняком волосы.— Теперь все вытянет. Ты, Шурка, масло дашь или нет?

Зойка неслышно вошла в кухню, остановилась у стола.

— Ты иди,— сказала Лариса Шурке.— Иди, иди, а то они у тебя в комнате все ваши интересные штучки разгрохают и стулья поломают. Ты только скажи Аверьянову, чтобы он за хлебом сгонял, а то как фарш деньги сдавать, так у него нету, а как котлеты лупить, так он первый.

— Ага,— сказал Севостьянов,— пускай и масло возьмет, а то пропало у нас масло без вести.

Когда Шура вышел, Лариса повернулась к Зойке.

— Давай лепить, Степка, а то чего нам Валерку ждать.

Она положила аккуратную круглую котлетку на посеченный ножом кусок фанеры; наклонив голову, посмотрела, как возится с фаршем Зойка.

— Слышишь, Степка, ты руки под краном намочи, ровней получаться будет и к рукам не пристанет.— Захватила пригоршню фарша, похлопала по ней ладонью.— Сюда бы еще молока чуточку — вот вкуснятина получится. Аньке бы твоей понравилось.

Зойка, молча наклонив голову, прихлопывала ладонью по мясу, темно-рыжие волосы, свесившиеся ей на лицо, шевелились от слабого сквозняка, и Лариса вспомнила почему-то историю с комбинезоном. Вспомнила, как вот так же молча стояла перед ней тогда Степка... Вспомнила и в первый раз за эти дни подумала про комбинезон. «Во дела! — удивилась про себя Лариса.— Наплевать мне на него, что ли? Или все-таки Степка?..» Лариса подняла от стола голову, посмотрела в пушистый Зойкин затылок.

— Степка! — позвала Лариса.— Да Степка же!

Зоя посмотрела на нее, на свои перемазанные фаршем пальцы.

— Что, Ларка, совсем у меня не получается, да?

Лариса протянула руку, сняла у Зойки с очков прилипший кусочек мяса.

— Нормально,— сказала она,— ты только сильно не шлепай.

Выдающийся Шуркин телевизор гремел на всю квартиру, и уже кому-то тесно стало в севостьяновских комнатах, кто-то топал и хохотал в коридоре.

— Спятили,— сказала Зойка.— Хорошо хоть, все соседи на работе.

— И чего коммуналки ругают? — Лариса держала на ладони последнюю котлетку, любовалась на нее.— Ну, смотри, Зойка, у

кого, кроме Шурки, такой тарарамчик устроить можно? Нет, ты скажи, скажи?

В прихожей раздался звонок. Вопли и топот стихли, и даже телевизор стал как будто орать потише.

— Ага! — сказала Лариса.— Будет вам сейчас дискотека.

Загремели крюки и засовы, хлопнула дверь, и, как будто после гола на стадионе, разом закричали все, кто толкался в прихожей.

— Нет,— покачала головой Зойка.— Это Аверьянов вернулся. Вот слушай, слушай.

Сквозь общий крик до кухни теперь ясно доходил Валеркин голос. Валерка торопился, и слов поначалу было не разобрать. Потом вдруг стало тихо, и девочки расслышали приглушенную изгибами коридора скороговорку Аверьянова.

— Я иду, а он, рожа, перед витриной балдеет! И никого же перед собой не видит, никого!

И голос Пикуса. Погромче и помедленней:

— А вот я с тобой, ёк макарёк, воспитательную работу-то проведу!

Девочки взглянули друг на друга, Лариса отлепила от ладони котлету, шлепнула ее на фанерку и стала распутывать фартучные тесемки. Зойка шагнула к кухонной двери, задержалась, ожидая Ларису. И обе бегом кинулись на голоса.

Около облезлого трюмо с мутным зеркалом толкались мальчишки, и Оля Плужникова, уцепившись за чей-то локоть, тянула его на себя, пыхтела сосредоточенно.

— Пусти его, Валерка! Пусти, тебе говорю, вредный Аверьянов!

Аверьянов мелькал за спинами, и видно было, что он тоже намертво в кого-то вцепился.

— Эй! — крикнула Лариса.— Вы тут чего, пятый угол ищете?

— Десятый! — ответил Аверьянов, попятился и, растолкав спиной мальчишек, вырвался из круга.

Генка Перцев, упираясь в пол, тащился за ним, молча отцеплял от себя Валеркины руки. Музыка в комнате оборвалась, из распахнутой двери в коридор выскочил Кирпичников. Он с ходу оторвал Перцева от разъяренного Валерки, толкнул его к стене.

— Шурка! — закричал он и почему-то стал шарить по Генкиной куртке.— Севостьянов! — Он сорвал что-то с шеи у Перцева, потряс перед Шуркиным лицом какой-то коробочкой на шнурке.— Видал? Видал? — напирал он на Шурку, а Генка Перцев в растерзанной куртке прижимался к стене, хватался за разъехавшуюся молнию.

Шура растерянно обернулся к девчонкам, и тут рядом с ним возник Аверьянов.

— Ключ проверь, Шурка! Он же, хитрый гад, плэйер из Пикусовой будки стащил! У-у, рожа! — Валерка Аверьянов в съехавшей набок шапочке с кисточкой обернулся к Перцеву, замахнулся на него сумкой.— Я масло купил, потом — за хлебом. Выруливаю из булочной, а этот около спортивного магазина стоит. Я ему еще кричать стал, я ж думал, он просто, бестолочь, прозевал все на свете. Кричу ему: «Перец, Перец!» — а Перец и не шевелится. Я-то сначала не догадался, а потом вижу у него на ушах эти...— Разгорячившийся Валерка забыл нужное слово и несколько раз хлопнул себя по ушам ладонями.

— Наушники,— подсказала Плужникова, которая на всякий случай так и держала Аверьянова за рукав.

— Точно! — подтвердил Аверьянов и опять потянулся к Перцеву.

Оля повисла у него на руке, уперлась ногами в пол. Валерка вздохнул и опустил руку.

— Подхожу ближе — балдеет, рожа! Куртку расстегнул до половины, чтобы плэйер всем видно было, и млеет. А я этот плэйер сразу узнал. Он сбоку ободранный. Кирпича плэйер!

— Не был он ободранный,— сказал Кирпичников угрюмо.— Это еще разобраться надо, кто его ободрал.

— Генка,— сказала вдруг Зоя,— ты что, из-за этой штуки замок сломал?

— Плакали наши дефициты.— Кто-то негромко сказал это и присвистнул.

— А? — Кирпичников как будто проснулся. Он оглядел ребят, почему-то подмигнул Ларисе и вдруг хихикнул.— Чего смотрите? Пусто там теперь. Растащили же все. Без замка же.— Он чуть-чуть поклонился, развел руки в стороны.— Спасибо, дорогой товарищ Перец, что тебе мой плэйер понравился.— Он сдернул с шеи Перцева наушники.— Теперь у вас полное равенство. И запирать ничего не надо.

— Нет, мужики! — Генка откачнулся от стенки, шагнул к ребятам.— Нет, слышите?

— Да погоди ты,— сказал Шура.— Это я ему плэйер дал, а дверь опять запер. Цело там все.

И опять кто-то свистнул.

— Ну он же мне про брата говорил. Что брат в больнице.

— «Брат, брат»...— махнул рукой Валерка.— И ни в какой он не в больнице. Видел я его сегодня. Мы же договаривались, Шурка. Все вместе. А ты?

— Всем одеваться! — скомандовала неожиданно Плужникова.— Все туда пойдем, все проверим. Аверьянов ведет Перцева.— Она оглядела тесно набитую прихожую.— Или нет? Сам, Перцев, пойдешь?

Перцев громко, на всю переднюю, вздохнул и взялся за дверь.

— И никуда я не денусь,— сказал он.— Я вас на улице подожду.

Всю дорогу до будки почти бежали. Валерка Аверьянов семенил рядом с Перцевым, пихал его иногда кулаком в бок, приговаривал: «Ну, Перец, ну, рожа! Музыки ему захотелось!» Шура оказался впереди. Он несколько раз оборачивался, выискивал глазами Пикуса, но Пикус тащил на плечах Анюту, и они с Зойкой отстали. Одна только Лариса, с трудом поспевая, шагала рядом. Шурка поглядывал на нее искоса, все ждал, что она заговорит, но Лариса молчала. Так и дошли.

Когда до будки оставалось несколько шагов, Перцев отпихнул Валерку и первым оказался перед железной дверью.

— Вот,— сказал он.— Никуда ваше добро не делось. Пожалуйста.— Постучал по двери тяжелым замком и отошел в сторону.

— Мне теперь, конечно, плевать,— сказал Кирпичников и снял наушники.— Только пускай Шурка откроет. Замок, между прочим, тут и раньше висел.

— Открывай, Севостьянов, открывай.— Таня Дрозд подошла к Кирпичникову, повертела плэйер.— Кирпичников свою музыку на место положит.

— Ха-ха! — Кирпичников погладил висящую на груди коробочку.— Ты, Дрозд, за меня не беспокойся, у меня и так все на месте. Смори лучше, как бы вам сейчас пустой ящик не достался.

Данька Колосов молча потянул из Шуркиного кулака цепь, подошел к будке и, не вставая на ящик, начал возиться с замком. Глядя в сторону, он нащупывал что-то в замке, потом застыл на секунду и с трудом повернул ключ. Замок от собственной тяжести раскрылся и повис наперекосяк. Колосов взялся за дверь снизу, потянул на себя, и, как в первый раз, железный лист задрожал и с воем тронулся с места. В полумраке у дальней стены заблестел никелированный рулем Генкин мопед.

— Стоит,— сказал Колосов.— Везет тебе, Перец!

— А вот мы сейчас увидим, кому тут везет.— Кирпичников обошел Даньку, уперся руками в высокий порог будки и легко запрыгнул внутрь. Он подошел к ящику, ухватился за ручку и, пятясь, подтащил его к порогу.— Берись, Колос!

Вдвоем они вытащили ящик из будки и аккуратно поставили на сухое место.

— Пустой? — раздался голос старосты Плужниковой.— Ну чего ты, Кирпич, молчишь?

Не говоря ни слова, не нагибаясь, Кирпичников подковырнул запоры носком ботинка, потом повернулся к Шуре, показал на ящик пальцем.

— Давай, лорд-хранитель, вскрывай.

Шура не то плечами пожал, не то поежился, подошел к ящику.

— Хоть бы, хоть бы, хоть бы...— сказала Зойка и сжатые кулаки к подбородку прижала. Она хотела сказать шепотом, а вышло почему-то громко.

Все обернулись к Зойке, и тут стукнула откинутая крышка, и Лариса, немедленно очутившаяся рядом с Шурой, произнесла звонко и торжествующе:

— Ага, Кирпичников! Ага! — Присела, держась за край ящика.— Видите же, цело все, цело! Да сними ты свои затычки! — Она выпрямилась и потянулась к наушникам Кирпичникова.— Будешь теперь притворяться, что не слышишь ничего.

Кирпичников зло дернул головой, но наушники на шею скинул. Потом обогнул ящик и стал лицом к ребятам.

— Эх, вы! — сказал он.— Так ведь еще хуже получается. Ведь получается, что Севостьянов правду сказал. Не ломал Перец никаких замков. Где ему, дохлятику, замок сломать! Ему Шурка мой плэйер дал. Ключик-то у него. А чего он еще нашустрил? А сколько он с Перца за мой плэйер взял? Мы, как придурочные, все в этот сундук сложили, а он, как умный, пункт проката открыл.

— Да ты, Кирпич, что?! — Шура протолкался к ящику, остановился прямо перед Кирпичниковым.— Да ты знаешь, что за такое бывает?

Кирпичников как будто и не слышал. Перевел дух, круто развернулся к Генке.

— Чего молчишь? Сколько Шурка в день берет?

— Ну, ты, ёк макарёк, не очень-то...— Валька голос подал, но к Шурке проталкиваться не стал. Так и стоял около Зойки.— Сами же договорились.

— Договорились? Да умные с дураками для того и договариваются, чтобы навар иметь.

Шурка коротко вскрикнул и резко выкинул вперед кулак с зажатым в нем ключом. Данька сзади схватил его за руку, только цепь хлестнула Кирпичникова по плечу.

— Пусти,— сказал Шурка.— Ну слышишь, пусти!

Колосов оглянулся на Пикуса и выпустил Шурку.

— Ты говори, Кирпич, говори.— Он встал к Севостьянову боком, следил за ним внимательно.

— Хватит,— сказал Кирпичников,— наговорились. Мы теперь тут инвентаризацию устроим.— Он присел над ящиком и

смотрел туда, как на витрину, как будто выбирал для себя что-то.— Эх,— сказал он, не поднимая головы,— прямо универмаг.

— Вон какой ты, Кирпичников, хитрый.— Опять Лариса оказалась около ящика.— Обманул Перец Шурку — всем же ясно, а ты теперь еще чего-нибудь придумать хочешь. Тебе же, Кирпич, до смерти жалко, что кто-то твоим барахлом просто так попользовался, кто-то твой плэйер распрекрасный в руках подержал.

Кирпичников и не повернулся даже. Он в ящике коробки и сверточки перебирал, постукивал там легонько.

— Молчишь? — сказала Лариса и оглянулась на ребят.— Нечего тебе говорить. Не придумал ты про Шурку ничего! Хоть до завтра над этим сундуком сиди, хоть сам в него залезь.

Чем-то Кирпичников щелкнул в ящике два раза и застыл. Он посидел так немного и вдруг поманил Ларису пальцем.

— А тут, Ларка, и придумывать ничего не надо. Во, смотри!

Он поднялся над ящиком и Шуркиным фотоаппаратом потряс.

— Ну, ты смотри,— сказал Колосов,— оптика все-таки, стекло.

— А как же, конечно, оптика,— согласился Кирпичников и осмотрелся.— А ну, Перец, шагай сюда. А ты, Данька, смотри, чтобы Севостьянов махаловку не устроил.— Он подал Перцеву фотоаппарат.— Ну как, заряжен?

Перцев уперся пальцем в гашетку, взвел затвор, на Шурку покосился. Кирпичников носком ботинка постучал по ящику.

— Ты, Перец, долго соображать будешь?

— Ну, заряжен,— сказал Перцев, глядя в сторону.— Взводится туго, и счетчик работает.

— Ага.— Кирпичников забрал фотоаппарат у Перцева, футляр закрыл, кнопками щелкнул.— Слышишь, Кондрашкина? Все слышите?

— Эх, ты, Севостьянов.— Таня Дрозд тоже заглянула в ящик.— Ну, было тебе фотографировать охота, так чего, потерпеть не мог, что ли?

— А я не обязан, слышишь, Танька! — Голос у Кирпичникова стал отрывистый, резкий.— Не обязан я верить, что Шурка фотик для себя брал. Он что, сам мой плэйер слушал? А? Ты не смотри, что Перец молчит, как язык проглотил. Ему тоже сознаваться неохота. А только брал с него Шурка за мой плэйер. Брал! Брал! Брал! Шизик он, что ли, с Перцем за так связываться?

— Да вы чего, ребята? — Шура поворачивался к одному, к другому. Наткнулся на Генку.— Да ты-то, Перец, чего молчишь?! Ведь врет он! Ведь сами же все сюда сложили. Палкой вас, что ли, в эту будку гнали?

Колосов увидел, что Шурка ни на кого не кидается, успокоился.

— Брось ты, Севостьян, чего заводишься? Охота было Ларке хвост прищемить, вот и согласились. А чего она, правда, выпендривается все время?

Лариса ни слова не сказала, только вздохнула глубоко, и глаза у нее стали холодные и злые.

— Не пыхти, Кондрашкина,— сказал Аверьянов.— Я вот никакой тебе хвост прищемлять не собирался.— Он даже кулак к груди прижал.— А просто скучно. А как Шурка придумал, так еще никогда не было.

— А ты, Аверьян, четко просекаешь.— Теперь Кирпичников говорил спокойно и рассудительно.— Бестолочи мы, что на Шурку накинулись.

— «Мы»...— сказал Валерка.— Замычал тут. Вечно ты, Кирпич, вывернешься.

— Ну, я. Ладно. Я! Шурка же идею какую подбросил. Если бы этот дурень,— он ткнул в Перцева,— если бы он с плэйером не попался, стриг бы Шурка бабки только так! И у чужих бы стриг, и мы бы ему давали. Идея — великое дело.

Никогда еще столько людей не слушали Кирпичникова. Он говорил, говорил и совсем никакого внимания не обратил на оказавшуюся у него за спиной Ларису.

— И не фиг нам на Шурку злиться! Вот Генке, балбесу, за то, что такое дело провалил, можно по шее организовать. А Шурке вообще благодарность надо. Эй, Плужникова! Давай от лица коллектива...

Двумя вытянутыми руками сильно и резко Лариса толкнула Кирпичникова в спину пониже лопаток. Кирпичников замахал руками, повалился на раскрытый ящик. Лариса забарабанила кулачками по узкой, костлявой спине.

— Врешь ты все, Кирпич! Рад, что тебя слушают, и врешь! А Шурка точно хотел, чтобы все по справедливости было. Шурку Киса бил, а он с Кисой и говорить-то не стал. А вы Кирпичу верите?! Шурке же самому ничего не надо. И на фарш знаете кто сегодня больше всех сдал? Ну, знаете? Чего молчите?

Выставив перемазанные в жидкой грязи руки, Кирпичников поднялся с ящика.

— Дура ты, Ларка. Потому и сдал, что бабки завелись. Что? Нет, скажешь?

Лариса неловко замахнулась на Кирпичникова и вдруг заплакала, отвернувшись.

— И надо было тебе, Ларка, выступать? — Шура подошел, потянул ее за рукав.— Иди вот к Зойке. Чего теперь дергаться? Сама же видишь, им же так больше нравится. Им же охота, чтобы я куркулем был.

— Ладно тебе,— сказал Данька.— Он нагнулся над ящиком,

высматривал там что-то.— Обидели его, можно подумать. Говорит же Кирпич, что тебе благодарность надо. Точно, Кирпич?

— Угу, благодарность. А нам — вещички. Раз ты, Шурка, не мог свой бизнес по-тихому делать, хватит с тебя и благодарности. Делай теперь со своим фотиком что хочешь, а я со своим плэйером знаю, что делать.

Он отошел от ящика, снял с шеи плэйер, поднял перед собой.

— Эй, братцы-кролики, кому музыку? — Поднял плэйер повыше, чтобы всем видно было.— Без шуток говорю. Машинка отличная, ее даже Перец своими корявыми ручонками не заломал. Ну? Пятера в неделю, Шурка! — Кирпичников повернулся к Шуре, хихикнул.— Слышишь, Шурка? Тебе за четыре дам. За ценную идею рубль скину. Ну, как хочешь.

Оля Плужникова бочком присела у ящика, выхватила оттуда что-то.

— Вот.— Она привстала на цыпочки, махнула зажатым в ладони предметом перед Кирпичниковым.— Я тебе японскую игру, а ты мне плэйер, а?

Кирпичников взял у Оли японскую коробочку, подавил на кнопки. На крохотном дисплее метались, прыгали человечки.

— Не,— сказал он,— сама играй. В такие игры старостам полезно играть.

Данька засмеялся.

— Пятера в неделю,— повторил Кирпичников.— Кто богатый?

— Эй,— крикнул Данька Колосов.— Я же хотел...— Он выуживал что-то свое из сундука и не заметил, как Валерка оказался около Кирпичникова.— Я же...— крикнул он еще раз, но Аверьянов уже держался за плэйер.

— Беру,— сказал он и потянулся к наушникам.— Беру, беру.

— Ой, дурак,— произнесла Лариса спокойно,— совсем же дурак.— Она уже не плакала, только глаза были красные и распухшие.

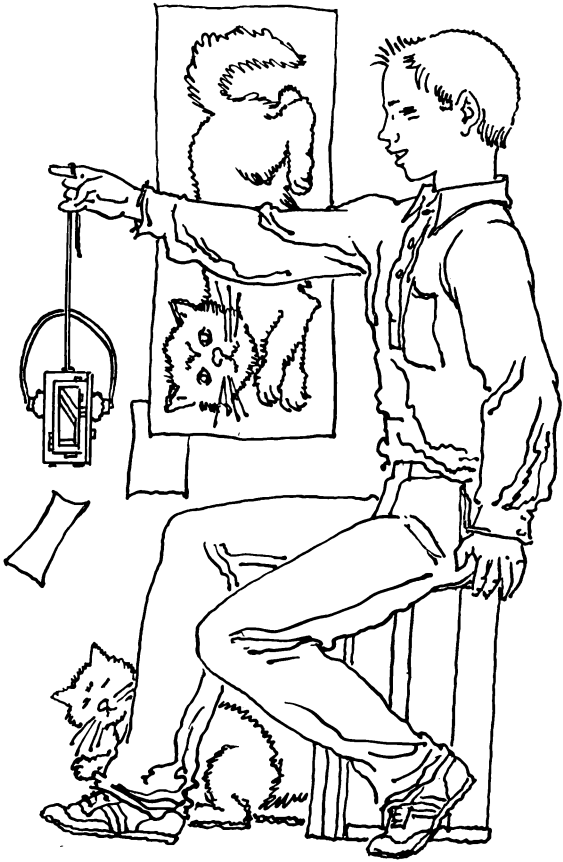
— Ладно уж,— сказал Кирпичников.— Для первого раза можно. А надо бы с тебя, Аверьян, рябчиков семь снять, не меньше.

Валерка толкнул скомканную денежку в подставленную ладонь, набросил на шею черный, витой шнурок.

— Нажимать-то хоть знаешь куда? — Кирпичников разгладил пятерку на ладони.— В кроссовках ты деньги таскаешь, что ли? Вон дырку в середине протер.

Валерка пристроил оранжевые наушники к красным от холодного ветра ушам, поправил плэйер, чтобы музыкальный прибор не проваливался под куртку, чтобы на виду был.

— Улет,— сказал Колосов.— С такой штукой даже Аверьян на человека похож.



Аверьянов прибавил громкость и с остановившимся лицом сел на край ящика.

— Кирпич, а Кирпич.— Данька не отводил глаз от оранжевых наушников-затычек.— Только чтобы я следующий, а?

Кирпичников молча показал Даньке семь пальцев и медленно направился к Перцеву. Перцев, который совсем уж успокоился и решил, что про него забыли, снова засуетился. Он отступил поближе к Никусу и на всякий случай прикрылся локтем.

— Брехун несчастный,— сказала молчавшая до этого Зойка.— Нечего к нам примазываться. Катись давай к Кирпичу.

Анюта высунулась из-за Пикуса и тоже высказалась:

— Кирпич! Кирпич! Э-э-э! — и язык показала.

Кирпичников взял Генку под локоть и тоже согласился:

— Все, Перец, точно. Ты теперь со мной рассчитываться будешь. Плэйер брал? Гони монед. Тоже мне авантюрист-самоучка.

— Гони, гони,— сказал Колосов.— Будешь знать, как чужое хапать.

А Оля даже перестала свою игру Татьяне демонстрировать.

- Вот именно, Перчище. Пускай Кирпич на твоем мопеде три дня, нет — целую неделю пускай ездит. Такой тебе штраф.

Ребята один за другим подходили к ящику, наклонялись, выбирая свое, заглядывали друг другу в руки, расходились группками.

Шурка смотрел, как Анюта процарапывает тонкой черной веткой в мягкой земле канавку между двумя лужами. Она ни на кого не обращала внимания, бубнила себе что-то под нос и трудилась. Шурка раскрыл чехол фотоаппарата, посмотрел на счетчик. Потом попятился немного, присел и навел на Анюту массивный черный объектив.

— Анюта! — позвал он тихонько.— Да повернись ты, дошкольный ребенок.

Зойка резко дернула сестренку за руку.

— Мало тебе, Севостьянов, да? Хочешь, чтобы эти опять завелись?

Шура убрал фотоаппарат от лица, поднялся, завозился с тугими кнопками футляра.

— А ты веришь? Ты думаешь, я вроде Кирпича, да? — Кнопки щелкнули, как будто выстрелили. Шура с силой отпустил аппарат, ремешок у него на шее дернулся, натянулся.— Ну и как хочешь. Может, думаешь, фотик тебе сейчас предложу? Ну так бери, бери! На! — Шура сдернул с шеи футляр, размахивал им перед Зойкой.— Давай бабки! Где твоя пятера?

Оттого что Пикус молчал с тех самых пор, как ребята собрались у будки, про него все забыли, и Шура даже вздрогнул, когда кто-то сзади притиснул ему локти к бокам.

— Ну, ты, Шурка, ёк макарёк, даешь. Нашел на кого кидаться.

Шурка присел, вывернулся и оказался нос к носу с Пикусом. Пикус ни с того ни с сего покраснел и совсем Шуркины руки выпустил. Потом он оглянулся на Зойку, покраснел еще больше, забормотал:

— Ты, Шурка, к Зойке не цепляйся, и ты его, Зойка, не доставай. Я фотоаппарат брал.— Пикус пару раз вдохнул-выдохнул.— Ага, Зойка, я! А Шурка и не знал ничего. Я ж ему не говорил, что Семка Викинг мне два ключа оставил. И я не полез бы в будку, а только братан в отпуск по ранению приехал, позарез его снять нужно было. Чего вы молчите? Ну пошли ко мне, пошли, он сейчас дома сидит. Проверьте!

Шурка подумал, что это просто удивительно — такую речь Валька сказал, а своего любимого «ёк макарёк» не вспомнил ни разу. Он опять повесил фотоаппарат на шею.

— А чего пленку не вынул?

— Так я его еще раз хотел... оттуда. Когда Леха уезжать будет.

Шурка махнул рукой и повесил аппарат на могучую Пикусову шею.

— Все равно теперь. Финиш.

— Да, Шурочка? — Лариса как из воздуха перед Шуркой образовалась.— Это им финиш.— Она тряхнула головой на разошедшихся по двору ребят.— А мы сейчас на память фотографироваться будем.— Подошла к сидящему на краю пустого сундука Аверьянову.— Видали? Как дома расселся.

Валерка не двинулся. Музыка валилась ему в голову с двух сторон, он шевелил бровями и поглаживал корпус плэйера.

— Совсем от счастья онух. А ну! — Лариса уперлась плечом в Валерку, навалилась...

Лучезарно улыбаясь, Аверьянов съехал с ящика, едва не шлепнулся на землю и застыл неподалеку. Лариса замахала руками:

— Зойка, Шурка! А ты, Фикус, снимай давай!

Потом Шурка забрал аппарат у Вали, а Пикус долго усаживался на ящике. Девчонки чуть не свалились — так ему много понадобилось места. В последний момент Анюта скорчила рожу. «Ну, вредина!» — подумал Шурка, однако выдавать Анюту не стал.

— Чего теперь-то? — спросил Пикус, когда они с Шурой запихнули ящик в будку и повесили на железные двери похожий на гирю замок.— Все теперь, что ли?

— А как же? — Зойка оглядела ребят.— Там же осталось... Мы же так и ушли, бросили все.

— Вороны мы! — объявила Лариса громко и даже приставила Пикусу палец ко лбу.— Одна Зойка и вспомнила.

— Котлетки! — загудел Пикус, а Шура засмеялся и несильно заехал ему в бок.

— Только живо! — скомандовал он.— А то Чучундра Семеновна с работы придет — будут нам тогда котлетки. Валька, Анюту на плечи бери, быстрей будет.

Наверное, у Перцева в мопеде было специальное стреляющее устройство. Кирпичников сделал круг по двору, и голуби повалились с крыши от грохота и мотались над мокрым, грязным асфальтом. Валерка Аверьянов услышал что-то сквозь свою музыку и снял наушники. Кирпичников стоял перед ним, упираясь в руль двумя руками. Он покрутил ручку, агрегат вздрогнул, пальнул пару раз оглушительно.

— Ну чего? — спросил Кирпичников.— Счастливый теперь? Захочешь кассету сменить, только скажи — договоримся.— Он пригнулся к Валеркиному уху: — Ты на Перца посмотри.— Показал глазами в дальний конец двора и резко вертанул ручку газа.

Одиноко стоявший у дворовой арки Генка обернулся на знакомый грохот, шагнул было к ребятам, но тут же отвернулся и медленно пошел прочь.

— Не любит,— сказал Кирпичников и сбросил газ.— Не был бы дурак, так ходил бы с моим плэйером сколько влезет. А все-таки здорово Севостьянов придумал,— покрутил около головы растопыренной пятерней.— Я и не думал, что у Шурки репа работает. Такой, думал, дурачок... Как все. А он, смотри ты...— Подумал немного.— А все равно дурачок. Нашел с кем связаться — с Перцем. Конечно, все завелись, как узнали.

Аверьянов оглядел двор. Маленькими группками ребята стекались к длинной, низкой арке, уходили, переговариваясь.

— Э! — сказал Валерка.— Куда они все? Данька! — крикнул он.— К Шурке же собирались. Котлеты же.

Мрачный Данька подошел, встал рядом.

— Слушаешь? — спросил он, глядя мимо Аверьянова.

— Антракт,— ответил Валерка.— Сильно громко сделал. Обалдел даже. Хочешь попробовать? По мозгам бьет — только так! — Он протянул наушники Даньке, но резко перегнувшийся через руль Кирпичников треснул Валерку по руке.

— Ты, Аверьян, к Даньке не лезь. Данька на следующей неделе свою пятерку отдаст.

— Да чего я...— сказал Валерка.— Да ничего я. А Шурка с Пикусом где?

— Опять завел,— сказал Данька угрюмо.— Котлеты лопать ушли. На фиг они тебе?

— Да не знаю я... Только сначала-то к Шурке все хотели.

Кирпичников потянул мопед за руль кверху, пристукнул передним колесом по асфальту так, что булькнул бензин в бачке.

— Хотели, хотели — перехотели! Тебя что, Аверьян, дома не кормят? Ну, с этими хоть понятно. Ларка со Степкой в Севостьянова по уши, Пикус у него со второго класса шестерит. А ты-то чего? У тебя же целую неделю фирмовая вещь будет. Мало — так еще потом...

— Ну, не очень-то тут...— сказал сердитый Данька.— Мне потом.

— Да какая разница! — Кирпичников хлопнул ладонью по блестящему рулю.— Тарахтелку эту у Перца возьмешь. Кинешь ему треху — и вперед. Ему и трехи-то много. А ты — «котлеты, котлеты»... Пускай Фикус эти котлеты ест.

Отталкиваясь ногами, раскачиваясь, он проехал несколько шагов, мотор затарахтел, закашлял.

— Ты, Аверьян, соображай! — перекричал железное чиханье Кирпичников.— Ты же теперь человек. А у них там чего? — И покатил, запрыгал по асфальтовым колдобинам.

Брызнула из-под колес мутная вода, и исчез Кирпичников в темной подворотне.

— Пока,— сказал Данька.— Ты не очень-то выпендривайся, а то замочат где-нибудь, а плэйер — с приветом.— Руки в карманы вбил и пошел.

Валерка посадил наушники на место, включил музыку. В наушниках закричали, залязгали. «Здорово!» — подумал Аверьянов. Он взялся за сумку, чтобы убрать вязаную шапочку — наушники с нее все равно сваливались,— дернул молнию. Вкусный хлебный запах закружился вокруг набитой музыкой Валеркиной головы.

— Ёк макарёк! — неожиданно для себя сказал Валерка любимыми словами Пикуса.

«Я же Шурке хлеб с маслом не отдал»,— сообразил он.

— Я же, пока эту бестолочь Перцева ловил, забыл же все на свете. Ёк макарёк! — повторил еще раз и прикрутил громкость.— Данька! Эй, Данька! — закричал он и побежал через двор.

Колосов стоял уже в самом конце длинной, темной, похожей на туннель арки.

— Во, Данька, смотри,— сказал Аверьянов и растопырил свою сумку перед Колосовым.— Видишь, хлеб остался, а внизу масло еще.

— Ну и ешь,— сказал Данька равнодушно.

— Ой, ну при чем тут ешь? Это же меня Шурка в магазин

посылал, а я отдать забыл. Я, как Перца увидел, вообще все забыл. Отдать ведь надо, а?

— Ну, не ешь,— спокойно согласился Колосов.

Валерка разозлился:

— Ешь, не ешь!.. Раскомандовался тут! — Задернул молнию с треском и совсем уже другим тоном: — Слушай, Данька, пошли, мы это дело им вместе отнесем, пошли.

— Ни фига,— сказал Колосов.— Перетопчутся. Шурка с Перца бабки снял: на хлеб с маслом хватит. Тоже еще тимуровца нашел — Пикусу харчи таскать. Тебе охота, ты и иди.— И зашагал на улицу.

И Аверьянов вприпрыжку рядом.

— Ну, погоди, погоди, Данька. Ну, одному-то мне как-то не того... Я же Перца с плэйером притащил, а теперь сам с плэйером приду.

— А ты сними.— Данька неожиданно остановился, даже руки из карманов вынул.— Или мне на хранение отдай.

— Ух ты какой! — возмутился Аверьянов.— Чего это я снимать да отдавать буду, когда я заплатил? Нормальненько придумал...

Данька сплюнул, опять затолкал руки в карманы и ушел.

«И надо мне было к Перцу цепляться! — подумал Валерка.— Ну стоял себе и стоял и не мешал же никому». Он вспомнил, как замечательно выглядел Генка с плэйером перед блестящей витриной, и совершенно неожиданно подумал, что он бы смотрелся ничуть не хуже, а развалиться, облокотясь спиной на поручень перед витриной и распахнув куртку, он мог бы и получше какого-то хилятика Перца. Из громыхавшей в голове музыки как будто всплыло: «Магазин-то — рядом с Шуркой! Магазин-то — рядом!» Валерка поправил плэйер, чтобы был виднее. «Ну и нормально. Хлеб с маслом отдам, а потом у магазина приторчу».

Невысокого роста, квадратный парень больно зацепил Аверьянова локтем. Валерка отлетел к краю тротуара, забалансировал на гранитной бровке. Парень остановился рядом, улыбался не по-хорошему, ждал. Под мышкой у него был зажат обшарпанный черный магнитофон с дурацкими разноцветными кнопками. Валерка вспомнил Колосова: «Такому замочить — раз чихнуть», отошел метров на десять, обернулся. Квадратная спина и отставленный локоть мелькали между прохожими. «Потолкайся со своим тробиной, потолкайся!» — подумал Валерка злорадно и пошел медленнее. Ему вдруг показалось, что торопиться совершенно не обязательно. Прохожие поглядывали на схваченную наушниками Валеркину голову, на симпатичную коробочку на витом шнурке поверх распахнутой куртки, а он крутил туда-сюда регулятор громкости, и от этого в наушниках получалась совершенно новая музыка.

На переходе горел красный, и Валерка остановился вместе со всеми. Теперь до Шуркиного дома было рукой подать, и он опять вспомнил Колосова. «Сниму я, как же...» Вдоль проспекта вместе с машинами летел холодный, совсем не весенний ветер. Все стояли застегнутые, с поднятыми воротниками, кое-кто в зимних шапках. Валерка посмотрел через дорогу, где виднелась Шуркина крыша с тоненькими жердочками антенн, и почувствовал, как полощется у него под курткой ветер. «Ладно,— сказал Валерка себе и стал ловить концы молнии.— Там, у витрины, ветра не бывает, расстегнусь еще».

Когда до нужного парадного оставалось всего ничего, холодный ветер так закрутился вокруг Аверьянова, что он достал свою шапку и натянул ее прямо на наушники. «Зря снимал, дурак,— обругал он себя.— Сразу надо было шапку поверх надевать. И слышно лучше».

Перед севостьяновской дверью он погладил себя по груди. Плэйер не выпячивался совсем, как будто его и не было там, под курткой. Валерка вздохнул и стал высматривать на двери нужную кнопку. «Масло на буханку положу,— соображал Валерка,— суну ему — и привет». «Волобуева»,— разобрал он коряные буквы на прилепленной под розовой выпуклой кнопкой бумажке. «А чего мне, спрашивается, с Шуркой связываться? Позвоню этой Волобуевой.— Валерка снова посмотрел на бумажку.— Еще и проще: всего один звонок. Не то что этому Шурке хитромудрому — целых три. Ей все и отдам. Пускай Севостьянову передает».

Он уже нацелился пальцем в кнопку Волобуевой, но вдруг подумал, что Волобуева человек неизвестный и нужно очень внимательно слушать, работает ли ее звонок с такой несерьезной розовой кнопкой. Валерка сковырял с ушей наушники, поводил подбородком.

«Конечно, мешают»,— сказал сам себе, расстегнул чуть-чуть куртку и затолкал наушники под воротник. Но то ли у Валерки в голове набралось слишком много музыки, то ли звонок и вправду был с дефектом — в первый раз он не услышал ничего; тут же прижал кнопку второй раз — опять вроде бы тихо. Только с третьего раза расслышал Аверьянов, как дзинькнуло за дверью. Он отступил на полшага, достал хлеб и только начал соображать, что сказать соседке, как вдруг дверь распахнулась, и Шурка Севостьянов сгреб его вместе с буханкой.

— Балбес! — зашипел Шурка и потащил его в комнату. Это же Чучундрин звонок, ей же один раз только. Твое счастье, что она Ларку с Зойкой в кухне воспитывает.

— Хлеб вот,— сказал ошалевший Валерка на пороге комнаты.— И масло.

— Здорово,— сказал Шура.— А я думал, Валька слопал, а сказать боится.— Он забрал хлеб и убежал на кухню.

В комнате около поставленных на пол часов хлопотала Анька. Она пыталась закрыть желтой ленточкой смешной, победно выпяченный живот самурая. Не расстегиваясь, Валерка сел на диван. Кто-то возился во второй комнате, и он позвал Анюту совсем тихо:

— Анюта-а! — Моргнул ей двумя глазами сразу и расстегнул куртку.

Когда Анюта подошла, он водрузил ей на голову наушники. Лицо у девочки стало удивленным. Она взобралась на диван, уселась рядом с Валеркой. Тогда Аверьянов покрутил туда-сюда громкость, и Анюта захохотала.

— Еще! — кричала она.— Еще!

Из второй комнаты вышел Пикус.

— Ух ты! — сказал он.— Я тебя, Анька, целый день на шее таскал. Дай послушать.

Анюта руками показала, чтобы Пикус нагнулся, надвинула ему кое-как наушники и ускакала к голопузому самураю.

Провод от наушников натянулся, и Валерке стало неудобно. Он снял плэйер и положил Пикусу на колени.

— Ага,— сказал Пикус и тут же начал мучить регулятор громкости.

Валерка снял куртку и уже собрался стянуть с Пикуса наушники, как вдруг в коридоре послышались шаги.

— Так,— сказала Лариса и прикрыла дверь.— А вот я, Аверьянов, скажу Кирпичу, что ты нам музыку слушать давал, а деньги себе брал. Что тогда? Что ты делать будешь?

Валерка посмотрел по сторонам, застегнул на рубашке верхнюю пуговицу, покашлял.

— А я масло принес.

— Видели мы это масло,— сказала Лариса.— У тебя в сумке помойка, наверно. На это несчастное масло налипло всего — в руки взять страшно. Иди вот соскабливай, а то его в масленку положить нельзя.— Она потянула наушники с головы у Пикуса.— Иди, иди, а то Чучундра Семеновна заскучала.

— Ёк макарёк! — сказал Валька.

Наушники съехали у него с головы, хлопнули по носу.

Аверьянов вышел из комнаты. Слышно было, как в далекой кухне кто-то говорит скрипуче и монотонно. «Чучундра»,— сообразил Валерка. Он с опаской сделал несколько шагов по темному коридору. «А с плэйером даже и лучше. Такая чучундра разве даст музыку как следует врубить?» В кухне стукнула форточка, и навстречу Валерке потянуло теплым сквозняком. Скрипучий голос заговорил громче и быстрее. Аверьянов вытянул руку, чтобы не удариться в темноте об угол, и зашагал по коридору. К Зойке шло подкрепление.

С. Иванова

НЕ ГОВОРИ НИКОМУ

Повесть

Глава 1

— О поздавшие, приготовили дневники! Дома забыл? А голову ты дома не забыл?

Господи, до чего же громкий голос у завучихи Капитолины...

Успела! Звонок звенел уже в тот момент, когда Аня влетела в класс, обогнав бредущую к ним на урок пожилую литераторшу Веру Игнатьевну.

«Пришла в класс со звонком» — такое замечание написала она Ане в дневник когда-то давно, еще в третьем классе. Аня была тогда, как многие третьеклассницы, ужасная плакса. Приходит домой и с ревом показывает маме дневник. А мама ничего понять не может: «С каким звонком? Откуда ты его взяла? Зачем в школу потащила?»

— Здравствуйте, дети. Садитесь. Что было задано на дом? — Вера Игнатьевна начинает так каждый свой урок.

Иногда Ане становится интересно: в самом деле Вера считает их 6-й «Б» детьми или так, прикидывается? Или просто привыкла к такому обращению за сто лет своей педагогической деятельности?

— Стихи Михаила Юрьевича Лермонтова, не так ли?

Вериных уроков в школе никто не боится. Все знают, что спрашивает она исключительно по алфавиту. Анина фамилия — Ерофеева. Ее вызывали на той неделе. Позавчера были Лимонов и Литвинова. Сегодня начнут с Морозова.

...Вот идет он, Морозов, по проходу меж рядов подпрыгивающей, смешной походкой.

Аня вертится на стуле, совершенно не зная, чем бы заняться. В школе вечно так. Книжку достанешь — еще отберут. Рожи в тетрадке рисовать — надоело.

— «Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною...»

Аня пытается сосредоточиться. Сосредотачиваться надо на конкретном. На том, к примеру, что видишь перед собой...

А он ничего парень, этот Славка. Не вредный. Когда месяц назад они всем классом решили собраться и Аню сделали ответственной за музыку, потому что у нее магнитофон хороший, Морозов помог ей притащить его в школу. И что уж совсем удивительно — даже обратно отнес.

— «Нет, вам наскучили нивы бесплодные... нивы бесплодные...»

— «Чужды вам страсти и чужды страдания»,— подсказывает Вера, постукивая указкой по столу.

— А, да-да... «Вечно холодные, вечно свободные...»

Бедный Морозов. Бедные тучки. Бедный Лермонтов.

— Лермонтов, томящийся в неволе николаевской России, в безвременье черной реакции...

Интересно, когда Вера произносит эти ужасные фразы, предполагает она, что о литературе можно говорить совсем иначе? А может быть, ей просто начихать?

«Увы, увы — болезнь головы!» — пишет Аня на листке бумаги и протягивает Машуне Гадаловой, своей соседке по парте.

— Ты кого имеешь в виду, Морозова? — шепчет Машуня.

Аня кивает:

— И его тоже. И всех нас. Ты заметила, какими кретинами мы делаемся на уроках? Ужасно тупеем!

Это их любимая тема — о том, как и почему они ненавидят школу. Но сегодня Маша явно не в настроении. Она берет Анину записку и пишет на обороте: «Анька, у меня к тебе важное дело. Надо поговорить. Давай на большой перемене, хорошо?»

— Что-то случилось?

Глава 2

— На большой перемене,— шепотом отвечает Машуня. На большой перемене они забрались на чердак. Удивительно романтичное место — сломанные стулья, разбитые доски... Страшные тени, стоит только шевельнуться, дрожат по углам!

Нет, ничего из ряда вон выходящего Аня от Машуни не услышала. Ведь это только одна Вера считает их детьми. И то, как предполагала Аня, не считает, а просто повторяет по инерции: «Дети, дети, дети...»

— Знаешь, это так странно, но мне сейчас кажется, что я его раньше не замечала. А теперь, может быть, он так изменился? Но мне кажется, что лучше его никого нет. И я так хочу, чтобы он узнал... И так страшно...

Маша так торопливо бормотала, что Аня не сразу поняла, о ком идет речь.

— Господи, ну что ты! Ну, Морозов, Морозов...

— Кто-о? — Аня еле сдержалась, чтобы не хихикнуть. Морозов, забывающий стихи, зевающий на уроках, да разве он хоть чем-нибудь отличается от других мальчишек их класса?

Не то что, к примеру, девятиклассник Кириллов, похожий, по общему мнению, на молодого Маккартни. Аня и имени-то его не знала, но, когда она видела этого Кириллова, ей становилось как-то не по себе. Скрылся бы уж с глаз... Ну, или, в крайнем случае, подошел, сказал бы что-нибудь. Аня вообще редко

ХА-ХА-ХА

думала про этого Кириллова. Что тут думать? И так ясно: ну какое ему до нее дело?

— Нет, ну а вдруг я ему совсем не нравлюсь? Ну скажи...

Машуня стояла, прижавшись затылком к треснувшей доске, на которой кто-то нарисовал веселую физиономию. Машунина физиономия была в тот момент тоскливая-тоскливая.

— Да ты у нас красавица! А он что? Нос курносый, уши оттопыренные... Ум — как у Буратино...

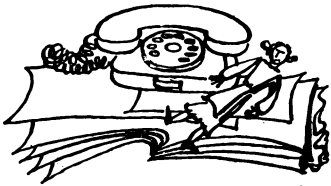
— Перестань, Анька. Зачем я только тебе сказала!

— Да шучу я!.. Не волнуйся, придумаем что-нибудь.

— Только смотри: никому ни слова.

— Какой разговор...— сказала Аня.

●



Глава 3

Снег не падал — лился наискосок сплошным белым потоком. Аня торопилась, мчалась, то и дело путаясь в подоле пальто и надвигая на глаза шапку.

Дверь в квартиру Конкордии всегда открыта. Ее страшно раздражают звонки. Конкордия считает, что их подсознательное ожидание портит нервы, и без того никуда не годные,— у современного-то человека!

И в самом деле, ну что звонить? Пришел — заходи.

— Кон-кор-ди-я-а!

— О, привет, привет! — Конкордия откладывает книгу и, поеживаясь, спрыгивает с дивана. Нос у нее распухший, глаза красные, горло обмотано шарфом.— Болею вот. Как в том анекдоте: «Мышка, ты что такая маленькая?» — «Ну, болела я!»

Аня хохочет. Конкордия вовсе не маленькая. Она замечательная — худая и длинная. Метр семьдесят пять — американский стандарт. Аня ее немного ниже — она просто акселератка...

А Конкордия красивая. Даже в простуде, в этом куцем шарфе, в неказистом свитере домашней вязки...

Конкордия идет ставить чайник. Аня — за ней.

— Я советую тебе держаться от меня подальше,— говорит Конкордия.

Аня пугается:

— С чего бы это?

— Да, господи, из-за гриппа. Я, как ты понимаешь, заразная. Мне уже все равно. А тебе жить.

— А твои дни, стало быть, сочтены?

Ну разве это не чудо, что можно, как с равным, разговаривать с вполне взрослым человеком? Ане никак не привыкнуть к этому, никак не перестать этому радоваться. Можно говорить что хочешь, шутить как вздумается, не боясь, что одернут, дадут тычка.

— Да уж,— ухмыляется Конкордия,— жизнь, грубо говоря, проходит, как меж пальцев течет песок. И повсюду козни. Вы не представляете, уважаемая мадемуазель Ерофеева, какие трудности подстерегают простого обывателя, ну, допустим, меня, когда он желает всласть поболеть. Представляешь, звонят с работы и достают. Срочно, мол, приезжай.

— А что случилось-то?

— Да какое-то им там письмо на меня пришло. Ну совершенная чушь. Мальчик один, про которого я недавно написала, не по физике, оказывается, двойку получил, а по химии. Ну, я перепутала. Если бы он получил пятерку, а я бы написала, что двойку,— это еще понятно. А тут...

— И что ты?

— Села на телефон. Позвонила в школу — извинилась. Родителям — извинилась. Мальчик, слава богу, на уроке был... Потом нашей редактрисе...

— Тоже извинилась?

— Еще не хватало! Она пожурила меня за рассеянность, обрадовалась, что все улажено. Пожелала выздоравливать! Причем поскорее.

— Ну, выздоравливай!

— Да уж все к тому располагает!.. А вообще, Ань, что я пудрю тебе мозги нашими взрослыми глупостями? При случае любой в редакции скажет: «Ах, как это непедагогично! Мало того, что вы курите в кабинете,— а ведь тут бывают юнкоры! — так вы еще посвящаете их в свои личные проблемы!»

— Да, Конкордия, ты зарабатываешь у меня дешевый авторитет! — смеется Аня.

Ей страшно нравится это слово — «непедагогично». Оно означает свободу — то, что и связывает их с Конкордией.

— Кон-кор-ди-я-а! — Ане нравится так вот длинно, нараспев произносить это экзотическое имя.

— Ау! У тебя что-то случилось?

Еще в тот самый момент, когда Аня обещала никому не говорить о Машиной страшной тайне, мелькнула в ее голове замечательная мысль: надо бы посоветоваться с Конкордией.

Ну кому она проболтается? Не редактрисе же своей.

И потом, она взрослый, опытный человек. Старше их на двенадцать лет — на целую жизнь!

Машунина история в изложении Ани оказывается на редкость короткой и бедной. Конкордия слушает и почему-то все усмехается. Аня чувствует себя слегка уязвленной:

— Ты что смеешься? Думаешь, какие мы дурилки картонные, да?

— Да что ты, Ань! (Ах вот почему Конкордия все ерзала — ей мешала зажигалка в заднем кармане джинсов. Она со стуком кладет ее на стол.) Видишь ли, если бы люди знали, что делать в подобных случаях, жизнь стала бы гораздо проще. И скучнее. А вот ты сама как бы поступила?

— Я — никак,— быстро отвечает Аня.— Потому что, мне кажется, это такое чувство, о котором никто, кроме тебя, не должен знать. Даже этот человек. А вдруг ты вовсе и не любишь? Возьмешь и разочаруешься — как тогда объяснить? А вообще...— Аня внезапно мрачнеет.— Все эти чувства — вещь в нашем возрасте нежелательная, потому что отвлекает от уроков.

Но, положа руку на сердце, хотела бы Аня, чтобы ее отвлек от уроков девятиклассник Кириллов?

Ну еще бы!

Впрочем, про Кириллова не знает даже Конкордия.

— Ну-у, Анечка,— вздыхает она,— этак можно договориться до того, что любовь нежелательна, как ты выражаешься, вообще всю жизнь. То одно, то другое... Послушай...— Конкордия встряхивает головой, откидывая волосы на спину.— А может, пусть твоя Маша письма ему пишет?.. И не подписывается. Подписываться в такой ситуации, как я понимаю, страшновато.

— А потом?

— А потом видно будет. Может, он догадается. Или само пройдет. Рассосется... Эй, глубокомысленное существо, ты чай-то пей. Жасминовый! — говорит Конкордия.— А впрочем, что-то в твоих рассуждениях есть. Во всяком случае, они гуманны. С заботой, так сказать, о благе человека...

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле...

Глава 4

«Здравствуй, Слава.

Может быть, это глупо, но раньше, когда я слышала твое имя, оно казалось мне совсем обычным. А однажды, когда тебя окликнули на перемене, мне показалось, что твое имя ожило. Что будто бы волны накатились на берег: Слава, Слава...

Мне всегда так радостно и так грустно почему-то, когда я вижу тебя...

Только, пожалуйста, не показывай это письмо никому. И так страшно.

Счастливо».

«Здравствуй, Слава.

Прошло несколько дней, как я написала то свое письмо; может быть, ты еще и не получил его. А я снова пишу тебе.

Я ничего не знаю о тебе.

Я знаю, что у тебя черные волосы и зеленая куртка на рыбьем меху, знаю, как ты смотришь на уроке в окно, когда тебе становится скучно.

Я видела в твоей раскрытой сумке томик Грина. И все...

Наверное, будь на моем месте Шерлок Холмс, он бы уже все знал про тебя. Но я не Холмс...

Интересно, нравится ли тебе Грин? Я читала его. Правда, немного.

Особенно мне понравился такой рассказ — «Фанданго». Реальное там сливается с невероятным, а в конце вообще такая путаница...

Слава, я вчера загадала, что если наша Вагонетка придет в школу в малиновом платье, то что-то произойдет. И действительно, была физика, и она пришла в малиновом и еще, помнишь, у тебя что-то про механические силы стала спрашивать.

Я совсем-совсем ничего о тебе не знаю.

Это так грустно.

И еще — я ведь ничего толком не могу рассказать о себе. Ты ведь тогда догадаешься, кто тебе пишет.

Только, пожалуйста, не смейся надо мной.

Счастливо».

«Здравствуй, Слава.

Знаешь, последнее время ничего мне не лезет в голову. Учебники валятся из рук.

Как я все это ненавижу! И зачем только эти знания, эти сведения из разных наук, когда главное непонятно — как жить?

Знаешь, Слава, я бы так хотела приносить радость — а ничего не получается.

У моей подруги своя жизнь. Родителей раздражают мои тройки.

Слава, ты на меня не сердишься, что я тебе навязываюсь со своими неприятностями? Просто мне так хочется все тебе рассказывать...

Счастливо».

...Как тяжело сочиняется каждое письмо, с каким количеством исправлений, черновиков! А самое легкое — писать адрес на конверте.

Адрес, тайно подсмотренный на последней странице классного журнала (Маша специально вызвалась после урока отнести журнал в учительскую).

Морозов Вячеслав Сергеевич, было написано там, пол мужской, год рождения 1975, национальность — русский, партийность — пионер, место работы родителей — какие-то там НИИ из множества непонятных букв.

Недавно Машуня сказала про адрес Ане — что это единственное, что она пишет Славе уверенно и просто. Аня вспомнила эту фразу через несколько дней:

— А ты крута, Машунь. Просто как Тютчев Федор Иваныч. Тот то же самое говорил, когда письма писал жене.

Аня ужасно образованная. Как она научилась цитировать, ссылаться на великих! Если бы Аня в кого влюбилась, ей бы не надо было писать какие-то там письма, чего-то бояться. Аня личность.

Не то что она, Маша. Серая птичка. Белая мышь. Тихая троечница. Никто...

Маша берет со стола маленькое зеркало и тщательно рассматривает себя.

Ф-фу! А Аня еще сказала, что она красавица. Глазки бесцветные, водянистые, нос в веснушках...

Правда, в их 6-м «Б» все не красавцы. Прыщавые какие-то, нелепые. Даже Аня — хоть она и умная...

Все, кроме, разумеется, Морозова... Кроме Славы — с его чудесными черными кудрями, с карими глазами, мечтательно глядящими за окно.

И еще, думает Маша, кроме Гороховой. Но та — особенная, как бы не из их класса.

У нее своя жизнь — какие-то жуткие пэтэушные компании, там, Маша слышала, курят и пьют. Мама Гороховой — уборщица в соседнем магазине — жаловалась на родительском собрании, что Катька несколько раз даже домой ночевать не приходила.

— Выгоню ее из дома, выгоню поганой метлой! — говорила гороховская мать Вагонетке, их классной.— Никакого сладу! Уж вы бы хоть на нее повлияли...

А Вагонетка отвечала, что основное воспитание ребенок должен получать в семье, а в школу он идет получать знания.

Маше об этом рассказывала мама. Она страшно перепугалась и строго-настрого запретила дочери даже приближаться к этой Гороховой.

Очень они с Машкой друг другу нужны!

«Горохова, конечно, ужасная, но хорошенькая. И Сонечка Вимберг ничего,— грустно думает Маша.— И Баскина. И Вероника... Как это она рассказывала про один день рождения: «Когда я вошла, все просто упали...»

...— Ляжешь ты спать сегодня или нет? — Мама появилась на пороге сердитая, щурящаяся от света, зябнущая в ночной рубашке.— Завтра всем вставать ни свет ни заря. Совсем скоро отупеешь и нас с отцом в могилу сведешь.

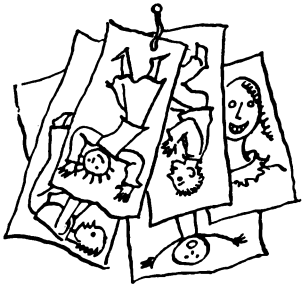
— Ой, сейчас, мам, я уже ложусь.

Ну не виновата она, что не приносит радости никому — даже своим родителям.

Уставшим от жизни, почти пожилым. Они надеялись, что Маша будет им опорой. А она засыпает над умными книгами, витает в облаках... У нее нет интересов.

Главное, завтра с утра не забыть опустить в почтовый ящик письмо.

Там, на пути в школу, за углом.



Глава 5

— Сережа, я тебе уже сто раз сказала: «Вставай, вставай!» Ну как об стенку горох! Конечно, если являться домой за полночь...

— Ой, Нин, оставь меня в покое.

— Да не трогаю я тебя! Можешь вообще убираться на все четыре стороны.

— Нин, не выводи меня из себя!

— Ох, ну ты, Сережа, и свинья!

Почти каждое утро Слава просыпается под эти крики. Кричит в основном мама, точнее, не кричит, а говорит таким громким, визгливым, неприятно высоким голосом — «маленьким», как называет его папа. Последнее время Слава редко видится с папой — почти что по одним выходным. Тот часто приходит домой, когда Слава уже спит.

Он как-то спросил отца, чего ты домой-то, мол, не идешь, работы, что ли, много? А он сказал, что да, много, проект сдаем срочный. Но Слава почему-то не поверил. Наверное, потому, что очень уж быстро папа это сказал, как бы ухватившись за Славину версию. И интонации у него были какие-то странные — словно оправдывался.

Слава поднимается с кровати, ползет в ванную. Он включает воду посильнее, чтобы не слышать родительской перебранки, особенно неприятной спросонок... Но даже сквозь шум воды доносятся их голоса:

— Я опаздываю на работу. Если ты сейчас же не встанешь...

— Иди, Нин, не трать на меня нервы...

— У меня уже нет нервов, Сережа, у меня из-за тебя вместо нервов канаты.

Отключиться, забыть про то, где он, зачем, почему. Как замечательно бежит вода, какие красивые брызги летят с ладоней, какое — почти проснувшееся, почти бодрое — глядит на Славу из зеркала его отражение. Нет, все еще будет хорошо, они станут жить весело и дружно, как раньше.

«Значит, жить нам нужно весело и дружно»,— вертится в сонной Славиной голове слащавая детская песенка. Ладно, аутотренинг окончен. Теперь надо... Слава вспоминает вчерашнюю прерванную сном мысль. Надо решить, что же ему делать. Надо ведь что-то делать, надо искать эту девочку! Интересно все-таки, кто же это? Слава в тысячный раз перебирает в уме всех троечниц класса. Много их, много... Может быть, Наташка Забродина? Нет, ей и двух слов не связать. Сидит на уроке и все лошадей рисует. Целые табуны. Красиво получается. У нее даже прозвище такое — Коняга... Может, Сонечка Вимберг? Маленькая такая, «живенькая», как папа говорит. Хорошо бы, чтобы Сонечка. Но она поет в хоре радио, у нее то репетиции, то гастроли, и нет ей дела ни до чего, кроме хора.

— Слава, ты что там, уснул? — Папа наконец пробудился и стучится в ванную.

— Ой, пап, доброе утро. Входи, я уже.

Какое счастье — наконец-то перестали вопить! Перестали вопить — зажужжали. Папина бритва, мамина кофемолка.

Слава идет в свою комнату. У него хорошая комната. Веселая. На обоях бабочки. На стеллаже солдатики, он в них играет часто, когда никто не видит.

Мама один раз застукала армии в самый разгар боя. Хмыкнула, пожала плечами:

— Ты что, Славик, в детство впал?

— Да ну,— забормотал Слава,— это Кныш приходил.

Кныш — Алик Кнышев — Славин друг. Кныш и вправду к нему приходил поиграть, но в тот день у него тренировка была, по каратэ.

— Ладно уж, играй, чего там...

Мама в последнее время стала ужасно грустная. Придет вечером с работы, сядут они со Славой ужинать, а разговор не клеится. Мама что-нибудь спросит — про школу там, про ребят,— Слава начинает рассказывать, а мама сидит, кивает и смотрит сама как-то сквозь.

Или придет иногда в его комнату, поглядит, что за книжку он читает. «Да,— говорит,— Швейк — это чудесно... Лем — очень его люблю... Конан Дойль... Рада, что тебе нравится».

Недавно мама спросила у Славы, что он из Грина читал. «Алые паруса»? И только? Жаль, жаль...»

Слава открыл томик Грина, и одним из первых ему попался рассказ «Фанданго». Слава целый день читал его — украдкой на уроках и потом, дома,— и все радовался, будто с ним, а не с гриновским героем происходят все эти приключения. И Слава весь день помнил — не вспоминал, а именно помнил — про то первое письмо, которое сначала почему-то его обозлило, показалось идиотским розыгрышем. Он вдруг почувствовал, что это не розыгрыш. И что будет второе письмо.

Вечером мама вынула из ящика газеты и оставила их на холодильнике. Слава развернул «Вечерку». Как хорошо, что он опередил маму — ведь там, между страницами, лежало письмо!

— Завтракать, Слава, завтракать! — кричит мама.

— Ну что, малыш, как твои дела? — спрашивает папа у входящего на кухню Славы. Гладко выбритый, пахнущий одеколоном утренний папа — с чашкой кофе в одной руке, с сигаретой в другой.— Как твое «ничего»?

— «Ничего» как всегда. Грызем гранит науки. Со страшной силой.

Папа всегда говорил со Славой слегка иронично, но последнее время Славе стало казаться, что этот тон для папы — средство защиты. От чего, от кого?

— Слава, ты опоздаешь,— торопит мама.— Время, время.

Слава бежит в прихожую.

...Ну что же это все-таки за девочка?

Зойка Баскина? Шумная, крикливая, пальцы вечно в чернилах. Всегда все устраивает, организовывает: «Ребят, давайте на праздники соберемся!..», «Ребят, давайте свалим с алгебры!..», «Давайте в лес пойдем, с палатками; 6-й «А» ходил, а мы что, лысые?».

Нет, не она.

— Сережа,— доносится с кухни мамин голос,— ты бы хоть сказал мне — сегодня тебя ждать?

— Ой, Нин, я не знаю даже. Я позвоню.

— Господи, ну куда ты позвонишь?

— На работу тебе.

— Ну на какую работу. Я на объекте весь день.

— Тогда ты мне позвони.

— Господи, это ж невозможно!..

Может быть, Машуня Гадалова? Но Машунин взгляд бывает устремлен, как правило, в двух только направлениях: либо на ее подружку Ерофееву (умная Ерофеева, сочинения пишет лучше всех), либо в зеркальце под партой. Что она там такого нашла — ну никак оторваться не может?.. В общем, как говорит папа, эта Машуня — «пирожок ни с чем».

О, а может, это Кэтрин Горохова? Красотка? Как она один раз пришла в школу намазанная, а Вагонетка повела ее мыться...

Нет, это уже полный бред.

— Ну, я пошел,— говорит Слава.

— Пока,— говорит мама.

— Давай,— говорит папа.

...Вероника Чиж? Они когда-то ходили в одну группу в детском саду, а Вероника относится к нему как к старому приятелю. Да еще немного свысока так с ним разговаривает — словно она уже большая, шестиклассница, а он все еще дошколенок. «Так уж,— думается Славе,— устроена человеческая психика. Не принимает она перемен. А перемены-то происходят».

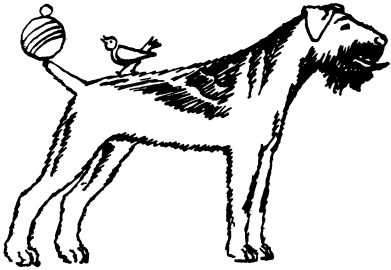
Найти, отыскать. Это похоже на игру в прятки, только никто ведь не прячется. И эта девочка здесь, в их классе.

— Морозов, ты что все вертишься? — делает ему замечание Вагонетка. (Слава соображает, что он уже на физике, что начался урок.) — Надо выйти — подними руку я не зверь, отпущу.

— Нет-нет, спасибо,— рассеянно отвечает Слава под хохот класса. (Сейчас бы обернуться, посмотреть, кто смеется, кто нет!)

Сам, в одиночку, он ничего не придумает. С кем бы посоветоваться? С папой? С мамой? Исключено. Что они в этом понимают! Да они его просто засмеют.

С Аликом!



Глава 6

По календарю уже давно была обещана зима. Но снег подолгу лежать не хотел, город не хотел из цветного становиться черно-белым. Шел дождь, и небо не замерзало.

То ли из-за странной такой погоды, то ли еще по каким обстоятельствам, то ли по одному, но очень значительному обстоятельству, именующемуся Конкордией, Аня заметила, что не только бегает по городу, как бегала всегда, но иногда даже летает. Не очень долго, совсем невысоко, но все-таки...

Когда подходил ее трамвай и дребезжал, чавкал — по маленьким улицам, огибая садики с чугунными оградами и детскими грибками, заворачивая за углы и соскальзывая с мостов,— находило, накатывало на нее ожидание.

Как песок, взболтанный в стакане воды, оседает на дно, так ее ожидание оседало в тусклый полумрак скрипящих шкафов с потускневшими зеркалами, на полки сладко и затхло пахнущих старых книг.

Это был дом Конкордии.

В начале учебного года Аня написала письмо в детскую газету. Дурацкое такое было письмо — про то, что у них класс недружный и как, мол, всех подружить?

Теперь Аня с иронией вспоминает про этот свой «синдром Чебурашки». Каким неискренним было ее послание! На самом деле Аню интересовал никакой не класс, а она сама. Друга у нее не было, вот в чем дело.

Даже Машуня — она, конечно, хорошая, своя,— но разве с

ней Аня могла быть до конца откровенной? Аня чувствовала, что нет, не могла, что Машуня — просто приятельница. Этакое взрослое словцо, мамино, пахнущее маминими духами, маминым утренним кофе — быстрым, мамиными телефонными разговорами — долгими.

Анино письмо попало в руки Конкордии.

Как все-таки хорошо, что в школе не проходят ни Тютчева, ни Баратынского, ни Ахматову — никого из тех поэтов, которых в тот вечер, гуляя вместе с Конкордией по городу, Аня впервые услышала от нее!

Тот день был очень солнечный. Повсюду продавали яблоки. Ане так и запомнилось: запах яблок и Конкордия, несущаяся по высокой траве вслед за своей эрдельтерьерихой Вяли на одном с собакой дыхании. Они принеслись в какое-то специальное место для выгула собак, на дикий, не убранный в камень, а оставленный одуванчикам и лопухам склон маленькой городской речки. И Вяли, на радостях кувырнувшись в речку, выскочила оттуда — вся в мазуте. А Конкордия сунула в открывшийся от изумления Анин рот большой белый одуванчик...

Мама называет Конкордию — инфантильная. Это означает, что вроде как Конкордия подделывается под ребенка, в данном случае — под нее, под Аню. «Эта твоя инфантильная красотка...» В первом и последнем Анином рассказе про Конкордию, про то, как они гуляли по городу, маму больше всего задело, что Конкордия красивая.

Как бы Аня хотела, чтобы они познакомились, чтобы Конкордию можно было звать к ним в гости. Мама бы тоже полюбила ее. Но нет, ничего не выйдет. Мама с шести лет растит Аню одна и никогда ничего для нее не жалеет. А тут...

Она сердится, потому что ревнует,— так понимает Аня.

Как же все-таки отличается Конкордия от других взрослых! Они — все без исключения — считают, что раз они взрослые, значит, лучше и умнее. А у Конкордии нет и тени превосходства.

Одни учителя чего стоят. Эта Вера с ее «черной реакцией», завучиха Капитолина, вечно орущая и угрожающая, бегающая во время контрольных взад и вперед по классу и стреляющая глазами во все стороны — как бы кто-нибудь чего-нибудь не списал. Их англичанка, по прозвищу Вобла, которая прямо на уроках ходит в школьную столовую покупать продукты для своей семьи. Один раз воблу принесла — так и повелось.

Хороших учителей Аня видела только по телевизору. А живьем — ну ни разу.

А Конкордия — она вообще не учитель. Она инфантильна. Она непедагогична. Она — друг. Она — Анина тайна.

Аня сидит за своим столом, думает обо всем этом, и тишина

звенит у нее в ушах, потому что уже неделя, как мама не разговаривает с Аней.

«Ну подумаешь,— снова и снова рассуждает Аня,— опоздала на два часа. Пришла вместо шести в восемь. Ну, не в восемь — полдевятого».

Аня ложится ничком на тахту, закрывает глаза и в который раз представляет себе, как это было...

Играл битлзовский «Эбби Роуд», тек, как по шершавому стволу смола. Конкордия сидела чуть ссутулясь, сцепив на коленях смуглые пальцы. И Аня, глядя на нее, почувствовала, что сейчас эта минута пройдет,— и как жить потом, в этом знании о счастье, как заставить себя ежедневно общаться с неблизкими, непонимающими? Конкордия казалась ей в тот миг странной птицей, залетевшей неведомо откуда, прекрасной, всесильной,— нет, этого Ане не объяснить! Как бы она хотела, чтобы всегда длилось это, всегда смотреть на нее, сидящую неловко и неподвижно, слышать ее нежный, хрипловатый голос:

— Знаешь, мой милый, вот я одна и страшно радуюсь этому. У Омара Хайяма, древнего мудреца, была такая мысль: ты лучше будь один, чем с кем попало. А это страшно интересно — быть самой с собой. Вчера пошла гулять вечером — и столько удивлялась! Эти верхушки деревьев... Они разгуливали в небесах, говорили о чем-то, чем-то возмущались...

Когда Аня оторвала свой взгляд от Конкордии и взглянула на часы, было уже бессмысленно звонить маме и что-то объяснять. Но она все-таки позвонила.

— Мам, я в редакции, задержалась тут немного, уже еду.

Ничего не ответив, мама повесила трубку.

С того вечера прошла неделя. Всю эту неделю Аня пыталась ласково глядеть на маму, перед ее приходом готовила салат, чтобы маме не приходилось самой тереть и нарезать овощи. Все без толку. Бойкот.

Нет, Аня больше не может этого терпеть. Она слезает с тахты, идет в мамину комнату.

Как там говорила Конкордия, что она цитировала из толстой индийской книги?.. «Изгоним всякий страх... красные перья какого-то там ужаса... желтые перья изменчивой дрожи... зеленые перья...»

— Мам, ну прости меня. Я больше не буду.

— Что ты не будешь? — Мама поднимает глаза от вязанья. Разноцветный полосатый свитер вяжет Ане мама. Красные, желтые, зеленые полосы...

Нет, не может Аня смотреть в мамино лицо. Она перед мамой — приходит Ане в голову,— как царевич Алексей перед Петром на картине художника Ге.

— Я не буду больше опаздывать. Буду приходить, когда сказала.

— Да приходи когда хочешь. Мне-то что...

— Ну, мам, пожалуйста, прости.

Молчание.

— Ты на меня еще сердишься?

— Ты понимаешь, Ань,— говорит наконец мама подчеркнуто сухим тоном.— Я все могу простить. Одного не терплю — когда меня обманывают.

— Но я не обманывала.

Аня поднимает глаза и видит, как презрительно мама на нее смотрит.

— Ладно, оставим этот разговор. Я звонила в редакцию в седьмом часу, и там не было ни одной живой души.

Аня вздыхает:

— Хорошо. Я была у Конкордии. Дома.

Может быть, именно сейчас стоит рассказать маме про Конкордию — и она поймет все-все, и Анину вынужденную ложь тоже.

— Понимаешь, она такая... она знает, как надо жить. Она не суетится, она созерцает жизнь. Она мне стихи читала, книги всякие. Да нет, все это не то... Я... ну как бы сказать, я как будто все время сплю, сплю, а когда приезжаю к ней — просыпаюсь. Она...

Аня взглядывает на маму и замолкает на полуслове — так холоден ее взгляд!

— Ладно, иди,— устало говорит мама.

Аня чувствует, что прощена.

— Мам, скажи, ты разрешаешь мне ездить к Конкордии?

— Езди, езди. Мне-то что! Доездишься.

— Мам...

— Я тебе уже все сказала.

Глава 7

В 6-м «Б» произошло чрезвычайное происшествие, равного которому школа не знала.

Вера Игнатьевна, почтенная учительница русского языка и литературы, убежала с урока.

Еще звонок только прозвенел, еще опоздавшие неслись сломя голову в классы, как вдруг дверь кабинета литературы распахнулась, и — цок-цок-цок — застучали по паркету торопливые каблучки Веры Игнатьевны. Вера Игнатьевна почти бежала, и 6-й «Б», вывалившийся вслед за ней в коридор, кричал вслед ей: «Вернитесь! Не уходите! Ну куда же вы?» — и тоже почти бежал.

Все произошло в одно мгновение.

— Здравствуйте, дети,— как всегда, сказала Вера Игнатьевна, ставя на стол свою большую черную сумку.— Я проверила ваши диктовки. Сейчас я вам их раздам.

Вера Игнатьевна заглянула в сумку и нахмурилась. Потом надела очки, наклонила голову и посмотрела повнимательнее. Вынула из сумки какие-то книжки, тетради. Диктовок не было.

— Что же это такое? — забормотала она.— Я не могла забыть. Вчера вечером проверила и сразу же положила в сумку.

Класс замер. Удивление, жалость, безразличие и полное непонимание того, что происходит,— вот что выражали лица 6-го «Б».

ДЕЖУРСТВО

— Вера Игнатьевна, вы получше посмотрите! Может, завалились куда! — выкрикнула Баскина.

— Нет, Зоя, я хорошенько посмотрела. Диктовок нет.

— Да вы их, видать, дома оставили,— рассудительно сказал Миша Пеков.— Бывает.

Тут Вера Игнатьевна выпрямилась и торжественно посмотрела на 6-й «Б».

— Дети,— произнесла она,— я прощаюсь с вами. Я человек пенсионного возраста. У вас будет другая учительница русского языка и литературы. Всего вам хорошего.

И, схватив сумку, Вера Игнатьевна выбежала из класса.

При упоминании о какой-то мифической новой учительнице (еще не легче! Дадут какую-нибудь злыдню! Вредину молодую!) 6-й «Б» как ветром сдуло со своих мест и вынесло в коридор. Даже самые неповоротливые вылезли из-за парт и заспешили за Верой. Слава тоже ринулся вместе со всеми. Но Кныш с силой дернул его за пиджак.

— Погоды! Не суетись. Останемся пока здесь.

Слава послушался. Что делать? Раз послушался, придется и другой. Семь бед — один ответ. В голове у Славы все скакало, сердце взлетало и падало. Пятнадцать минут назад они с Аликом, закрывшись в туалете, судорожно перебирали листочки с диктантами, только что выкраденные из учительской. Слава стоял на стреме, Кныш, озираясь, вошел в учительскую. Он открыл Верину сумку, быстро в ней пошарил и, нащупав пачку исписанных листков, сунул за пазуху. Их не видел никто! Учителя как раз только что удалились на совещание к Капитолине.

Листки дрожали в Славиных руках, слова прыгали перед глазами. О, вот они — знакомые неровные буквы!

Славе сделалось жарко. Перехватило дыхание. Маша! Он растерялся. Он чувствовал много всего сразу: облегчение, радость, что вот нашлась, легкое разочарование (Машуня?), удивление (ничего себе «пирожок ни с чем»)...

— Ну что, нашел свою Джульетту? — заржал Кныш.

Кныш уже второй год развивал в себе серьезные мужские качества, как то: физическую силу, смелость, презрение к опасности и девчонкам. Он старался всегда действовать решительно. И только услышав от Славки беканье-меканье про какие-то там письма, которые неизвестно кто ему пишет, а вот бы узнать кто, он сразу придумал простой и смелый ход.

— Ты что? Это же воровство! — запричитал тогда Славка. Ясное дело, испугался.

— Я беру это на себя! Посмотрим — и сразу назад положим! — и Алик похлопал Славу по плечу.

Но когда они направились обратно к учительской, там уже был физкультурник Павел Семеныч, яростно накручивавший телефонный диск.

— Але, это прачечная? — прокричал он в трубку. Поднял глаза и увидел в зеркале мальчишек, затаившихся у двери.— Минуточку! — Паша зажал трубку рукой, обернулся и сердито спросил: — Вам чего, мальчики?

— А-а, мы так просто...

— А просто, так не мешайте!

«Все пропало, все сорвалось из-за этого Паши. Теперь им обоим хана... И Веру обидели ни за что ни про что...» — лихорадочно думал Слава.

Они были в классе совсем одни.

— Та-ак,— Кныш огляделся.— Ты — к дверям, быстро! — И он сунул злополучные листочки под стопку книг. Теперь задача была одна: догнать своих и незаметно к ним примкнуть.

Свои оказались рядом — на лестнице. Они шумно толпились вокруг Веры Игнатьевны. Та пыталась спуститься, но ей не давали — ей преградили путь.

— Вера Игнатьевна, не уходите! — вопил двоечник Лимонов.

— Нам не нужно другой учительницы. Мы привыкли к вам! — стонала Вероника Чиж.

— Ну Вера Игнатьевна, ну пожалуйста! Ну вернитесь! — умолял, почти плакал 6-й «Б».

— Вера Игнатьевна, правда, вернитесь. Мы же вас любим! — проговорила Аня Ерофеева.

Рядом с ней Слава увидел перепуганную Машуню.

— Да-да,— пробормотала Машуня.

Вера повернулась к Ане и внимательно посмотрела на нее. Аня выдержала Верин взгляд.

— Это правда, дети?

— Ну да!

— Мы любим вас!

— Возвращайтесь! — закричал 6-й «Б».

Цок-цок-цок — застучали назад по коридору Верины каблучки. Вслед за ней, шаркая, сопя, тихо переговариваясь, плелся 6-й «Б».

Глава 8

— Снова-здорово — ветер в голове,— так Машина мама сказала дочери, в очередной раз застав ее за любимым занятием.

Взволнованно, напряженно вглядывалась Маша в лицо девочки из зазеркалья, стараясь высмотреть в нем что-то, чего она пока не знала, но о чем, быть может, догадывалась. Мама вошла в комнату внезапно, и Маша не успела прикрыть зеркальце толстым учебником географии.

Если бы мама только знала, какой ветер в Машиной голове расшумелся! Ветрило! Он разметал, как ненужный сор, всю ее тоску и скуку.

Тайна раскрыта, она, Маша, рассекречена. Что-то теперь будет!

Слава смотрел на нее! Ну конечно, не явно, не в открытую, но Машка ясно видела, как он замешкался, стоя у доски на геометрии и рисуя параллелепипед. Доска вымытая, чистая, стеклянная, весь класс отражается в ней. Он, наверное, думал, что она не заметит, как он глядит на нее, а она увидела, увидела!

— Снова-здорово — ветер в голове...— напевала себе под нос Машуня. Она твердо пообещала маме тотчас заняться науками и даже сказала, что вот уже принялась за них и что может объяснить близко к тексту, чем африканские слоны отличаются от индийских.

— Хочешь, расскажу? — спросила Маша.

— Нет уж, ты лучше дальше учи.

«...Нет, он, конечно, просто так не подойдет ко мне,— думалось Маше.— Но что-то должно произойти!»

Сегодня зеркальце было льстиво к ней. Уже и не таким бледным лицо казалось, и не такими тусклыми — глаза.

А Слава тем временем бегал по своей пустой квартире в поисках совка и веника.

Кто-то — ну кто, как не мама с папой, скорее всего, конечно, мама — разбил сегодня с утра на кухне пару тарелок. Да так и не убрали. Этот домашний театр! Слава еще с порога увидел осколки на полу, и так ему тошно стало. Сел он на табуретку прямо в пальто. Сел, машинально разглядывая осколки с маленькими красными цветками и зелеными листиками, и стал думать, как странна и неправильна жизнь его родителей и что нельзя так жить, да долго этого и не будет: никто не выдержит — ни папа, ни мама,— и что вряд ли ждет их былое «весело и дружно», а вместо этого придется ему, как два года назад Кнышу, предстать с папой и мамой перед судом, и судья (Кныш рассказывал) будет спрашивать, с кем из родителей он хотел бы остаться.

Тьфу, тьфу, тьфу, лучше не думать об этом. Может, еще обойдется...

Слава взглянул на лужу, натекшую с его ботинок, и заставил себя пойти раздеться. Надо все убрать, пока не пришла мама, навести чистоту, «порядок на Балтике», как говорил дедушка. Нет, если бы дед был жив, он никогда бы не допустил, чтобы они так жили!

— Савва! Вениамин! — кричал Слава, ища совок и веник. Это были дедушкины шутки, такие дурацкие и милые. Как позабыто теперь все это...

Савва нашелся под тахтой, а Вениамина не было. И Слава начал собирать осколки руками. Пока собирал, порезался, потом долго прикладывал к пальцу сухую ватку — в стенном шкафу, где аптечка, ничего кровоостанавливающего не было... Зато там лежал веник.

И вот он так стоял посреди кухни с этой ваткой, и кровь все текла — довольно глубокий был порез,— и все старался уверить себя, что нет, не один он на всем белом свете, что есть у него и мама с папой, и верный друг Кныш. И эта смешная Машуня, найти которую он так хотел и в этих поисках на такие, прямо скажем, гнусные ухищрения пускался, а теперь нужно только вконец осмелеть, и...

Как же это все-таки случилось? Как вышло, что Маша стала важна для него? Ведь еще совсем недавно она казалась ему такой же девочкой, как остальные. Нет, даже не такой же... Ведь он часто болтал с Вероникой, а Сонечка — смешливая, бойкая — ему даже нравилась. Или вот на Ерофееву он

тоже внимание обращал — Аня внушала уважение своим независимым видом и еще тем, что была не болтлива — говорила редко, но метко, даже мальчишки боялись ее острого языка.

А Машуня... Она казалась Славе такой тихой, неприметной. Девочка из толпы.

Но когда Слава узнал, что именно Маша пишет ему эти письма, он поневоле стал приглядываться к ней. Он ловил себя на совсем новых ощущениях, которых раньше не испытывал ни к кому из девочек, даже к Сонечке. Сонечка была похожа на куклу — такая всегда аккуратная, нарядная, как фарфоровая.

Слава вспомнил, как на днях Маша ссыпалась на алгебре — забыла, чему равно $(a+в)^2$. Он так хотел ей подсказать, но испугался чего-то, да и потом — слишком уж далеко от доски он сидел. И Маше поставили двойку, и она пошла на свое место такая несчастная, и Слава увидел, что глаза у нее на мокром месте. Ему очень захотелось утешить ее, как-то успокоить. Мол, ерунда это, все когда-нибудь двойки получали. А главное, формула простая — выучить ее пара пустяков.

А в другой раз, столкнувшись с Машей в раздевалке (оба они мгновенно спрятали глаза, отвернулись друг от друга и даже разбежались по разным углам)... Ну вот, так в тот раз он все-таки успел заметить, какая странная у нее шуба — из каких-то пестрых, разных кусков сшитая: черных, рыжих, бурых,— наверное, из Машиных детских шубок. Не такая, как у всех, была шуба, непохожая. Слава увидел ее и обрадовался бог весть чему. Удивительно милая шуба...

И еще один был случай, на русском, когда они проходили некие хитрые сказуемые и Вера велела им придумать примеры. Вызвали Машу, и та сказала:

— Ежик скатался в колобок.

Все захихикали, и Вера тоже сказала:

— Садись, Гадалова. Это неграмотно.

А Славе Машино предложение ужасно понравилось, даже понравилось — не то слово. Оно показалось ему, как говорят взрослые, трогательным. Слава раньше таких слов даже в мыслях не употреблял. А тут — нá тебе.

А смотреть на нее он боялся. Вдруг заметит? Что тогда? Глупо, в общем-то.

Интересно, думал Слава, а вдруг она все поняла? Писем-то больше нет. А вдруг это все-таки был розыгрыш?

Кровь наконец перестала идти.

Слава открыл холодильник, поискал там, нашел картошку и стал есть ее прямо из кастрюли, макая в майонез. А чтобы жизнь уж совсем счастливой показалась, включил радио. Там кто-то пел козлиным голосом старую, застойную песню:

Девятый класс. Молчит звонок.
Апрельский луч упал на стены.
Как долго тянется урок.
Впервые ждешь ты пе-ре-ме-ны...

Класс был вовсе не девятый, луч далеко не апрельский, но про уроки была правда, и перемены, вновь подумалось Славе, надвигались с устрашающей быстротой.

●

Глава 9

— Ладно, Ань, три к носу. Материнский гнев — что весенний снег: много его выпадет, да скоро растает,— так отреагировала Конкордия на Анин рассказ про маму.

Они сидят вдвоем в полутемном журналистском буфете, пьют коктейли через соломинку и болтают.

— А как там поживает наша Маша? Все еще пишет письма своему красавцу? — спрашивает Конкордия.— Помнишь, как мы с тобой смеялись — я еще про Тютчева вспомнила,— когда ты рассказывала, как она кайфует, надписывая адрес на конверте?

— Ага... Знаешь, там такая история! Машка эти письма писала-писала, сама причем, я предложила помочь, она отказалась! А Слава, конечно, захотел просечь, кто же это ему, голубчику, пишет. И тут позавчера у нашей литераторши Веры пропали диктанты — из сумки прямо! И она убежала с урока, а мы за ней — догонять! Ки-но! Я почти сразу поняла, что это Славочка поработал, потому что они с Аликом — это дружок его, дебильный такой,— чуть позже из класса выскочили. Ну, Веру мы вернули, старуха растрогалась, только что не рыдает. Села за стол — ба-ба-ба, а листочки-то на столе! Под книжками лежат — мальчишки подложили.

— Ого! И что Вера?

— Она ничего не поняла. Сказала: «Ах, вот они. Бываю, бываю рассеянной...»

— А как Машка?

— Она сначала тоже не въехала, но я ей быстро все объяснила — что это ее разлюбезный почерки сличал. И тут она так перепугалась!

— Писем, конечно, больше не пишет?..

— Какие там письма! Она в его сторону взглянуть-то боится.

— А Слава?

— Виду никакого не подает, но иногда тоже так посматривает...

— Влюбленно?

— Так как-то, по-особенному.

Конкордия так внимательно слушала Аню, что даже забыла про свой коктейль. Полосатая соломинка дрожит у ее полуоткрытых губ.

— Н-да... Вот это сюжет... Сюжет для небольшого рассказа. «Письма незнакомки». Я всегда говорила, что, сколько себе голову ни ломай, круче, чем в жизни происходит, все равно не выдумаешь. Нет, жизнь, жизнь надо ловить! — Конкордия говорит это как бы уже не Ане, а самой себе.— Ох, как же все меня достало! — Конкордия долго пытается выловить языком ягодку из коктейля.— Сиди тут в газетенке, копайся в чужом дерьме, на эти письма кретинские отвечай.— Интонации Конкордии неожиданно стали злыми.— Ну, все, Ань,— устало, с вялой улыбкой говорит она.— Мне надо бежать. В материале еще конь не валялся. Разленилась я совсем. А ты позвони на той неделке, милый. И с мамой не ссорься.

Они выходят в редакционный коридор, и Конкордия, чмокнув Аню, взлетает вверх по лестнице.

— Пока, душа моя!

...Серые, серые, тоскливые дни без Конкордии. Мама довязала свитер, а что толку? Конкордия бы оценила, сказала бы что-нибудь смешное и милое, как может только она.

Аня день за днем скучает на уроках, машинально переписывая что-то с доски, с неохотой отвечая, слушая Машунин щебет — все о Славе, о Славе. Да ну их всех!

Наспех сделав уроки, она слоняется по дому без дела, листает любимые книги, но и они наводят грусть, потому что напоминают о Конкордии.

Кон-кор-ди-я-а!

Однажды вечером в Аниной квартире раздается телефонный звонок.

— Ань, ты не спишь? — Это, увы, Машуня.

— О, приветик!

— Ты не поверишь, какое событие! — пищит Машуня в трубку, явно зажимая ее рукой, чтобы родители не слышали.— Слава — ты представляешь? — письмо мне подсунул.

В карман шубы. Я днем не заметила, а сейчас пошла варежки из кармана вынуть, чтобы заштопать, и увидела!

— Да иди ты!

— Да, и он пишет, что мы с ним должны встретиться. Завтра, после уроков, в парке у ДК.

— Ну во-о-ще!

— Ой, я так волнуюсь! Что я ему скажу? Буду дура дурой.

— Да перестань, Машка. Все будет хорошо, и мы поженимся, как говорится. (Опять Конкордиево выражение — ох, какая тоска!)

— Ладно, Анька, ты меня немного утешила. Пока...

Кто бы ее утешил, Аньку?

●

Глава 10

На следующий день первым уроком в 6-м «Б» была физика. Только Вагонетка вкатилась в класс, только раскрыла журнал, только произнесла наконец ужасное «К доске пойдет...», поводив по списку учащихся остро отточенным карандашом, как дверь распахнулась и на пороге появилась разгоряченная Капитолина. В вытянутой руке она держала газету.

«Ого,— подумала Аня,— Конкордиева газетка-то».

— Людмила Альбертовна! — заявила Капитолина прямо с порога.— Я должна отнять у вас какое-то время!

— Простите, Капитолина Ивановна.— Вагонетка нахмурилась.— Может быть, на перемене? У меня сегодня сложная тема.

— Мы дадим вам дополнительный урок! — властно сказала Капитолина.— А то у нас тут тоже вышли кой-какие сложности. И разобраться с ними следует безотлагательно. Вывести кой-кого на чистую воду.

Класс зашумел: что еще случилось?

— Тихо! — закричала Капитолина.— Устроили тут анархию. Развели болото.— И она стукнула кулаком по столу, куда Вагонеткой был специально высажен двоечник Лимонов.

Лимонов скорчил плаксивую рожу и, обернувшись к классу, задрожал мелкой дрожью. Все засмеялись. Капитолина снова стукнула кулаком по столу:

— Прекратить кривляние! Все замолчали!

6-й «Б» послушался.

— Итак,— начала Капитолина,— мы все помним, какое

безобразие произошло у вас тут с Верой Игнатьевной. Когда заслуженная учительница вынуждена покинуть класс во время занятий. Это вам не баран чихнул. Это вы святая святых затронули. Пропадают работы учащихся, потом находятся. Мы сразу заподозрили: что-то в 6-м «Б» не так, что-то неладно. Трясет как на вулкане.

Ане всегда доставляло удовольствие слушать речь Капитолины — дурацкую смесь канцеляризмов, высокопарностей, поговорок, бог знает чего. Особо удачные выражения Аня даже записывала и читала потом Конкордии. Как они смеялись!

Но сейчас Ане было не до смеха. Страшные мысли пронеслись в ее голове. Неужели! Нет, не может быть...

Она оглянулась. На соседней колонке, побледневшие, замершие, сидели Слава и Алик. Маша вжала голову в плечи, со страхом глядя на Капитолину.

— И вот сегодня я открываю газету...— Капитолина потрясла ею в воздухе.— А я, не думайте, слежу за прессой, слежу... Как же без нее в наши дни? Без нее и не перестроишься. И что же я вижу? На странице третьей... так... вверху написано: «Разговор о самом главном». О самом, слышите, главном! И дальше — название: «Письма незнакомки».

У Ани все внутри рухнуло. Это же ее слова! Неужели? Нет, нет, нет...

Кон-кор-ди-я-а!

— Я прочту вам выдержку из этой статьи. Так сказать, моралите. Оно очень правильно схватывает суть. Итак: «Не хочется читать вам, ребята, никаких нравоучений — мы все устали от них. Поверьте одному: нужно научиться вслушиваться в свои чувства. Задумываться — а не причинит ли мой поступок обиды, боли другому человеку? Это нелегко, но именно это и значит — взрослеть! Ежедневный труд души — вот главное. Как сказал поэт: «Душа обязана трудиться — и день, и ночь, и день, и ночь...» Всю статью я зачитывать вам не буду. Ибо,— Капитолина сделала эффектную паузу,— ибо герои ее — перед вами. Пусть они сами все расскажут. Вставайте, вставайте. Раньше надо было стесняться.

6-й «Б» зашумел, завертелся. Капитолине снова пришлось с силой стукнуть кулаком по столу:

— Замолчать! Просто зла на них не хватает! — объяснила она свой жест притаившейся у дверей в лаборантскую и перетирающей какие-то колбы Вагонетке.

— Продолжайте, продолжайте, Капитолина Ивановна! — бросила Вагонетка, явно заинтересованная всем происходящим.

И Капитолина, ободренная своей коллегой, с новой силой стукнула по столу, потому что класс не утихал.

— Каратистка, елы-палы! — буркнул себе под нос Кныш.

— Что ты, Кнышев, там бормочешь? К тебе все это впрямую

относится. Кнышев и ты, Морозов, подымайтесь... Вот, полюбуйтесь, ребята, на своих одноклассничков. На этих отшельников общества. Это они совершили... что такое, я спрашиваю, как не воровство? Это они чуть не довели до удара учительницу, которой в ноги должны поклониться: «Спасибо вам, Вера Игнатьевна, что вы нам жизнь посвятили!» Совесть есть у вас или что, я спрашиваю?

Алик и Слава стояли, опустив головы.

«Гадость, гадость мы сделали,— стучало в голове у Славы.— И зачем я только послушался этого Кныша?.. Все теперь насмарку. Маша видит, что я гад, вор. Все теперь, все, все. А интересно, откуда в газете-то узнали? Ах, не все ли равно? Тайное всегда становится явным. Так говорит папа...»

Мысли у Славы разбегались, ловить их не было никаких сил. Он сегодня плохо спал: папа пришел домой поздно ночью, когда мама уже обзванивала вытрезвители и морги и пила корвалол. Слава вспомнил этот запах и почувствовал такую жалость ко всем: к маме, к папе, к Алику, к себе. К Маше...

«Кто нафискалил?» — такая мысль, единственная и требующая ответа, возникла в крепкой голове Кныша.

«Неужели это она? Нет, она не могла, не могла»,— плясало в Аниной голове, и все плыло перед глазами, все застилалось пеленой, и в этой пелене ей слышался родной Конкордиев голос, улыбались ее внимательные глаза.

А Маша вообще уже не могла толком ни о чем думать, ей только хотелось, чтобы все это поскорей кончилось, а ведь все, наверное, еще только начинается, сейчас к ней приступят, без нее не обойдется, ведь там, в названии, было слово «письма».

— Капитолина Ивановна, простите, но ведь диктанты нашлись,— вдруг сказал молчаливый отличник Соколов.— Вера Игнатьевна по забывчивости...

— Ошибаешься, голубчик,— перебила его Капитолина.— Тут, в статье, все написано. Выкрали тетради, а потом — хоп — назад вернули. Все-е-е написано, нет только фамилий и номера школы — ну, это и хорошо, а то нам еще позора на всю область не хватало.

— Интересно, и с какой целью вы это сделали, молодые люди? — подала голос Вагонетка.— Урок хотелось сорвать? Неужто учеба вам, простите за выражение, так обрыдла?

— Не-ет, Людмила Альбертовна, учеба тут ни при чем.— На лице Капитолины появилась слащавая улыбка.— Тут у нас дела сердечные. Перед вами, ребята,— Капитолина обернулась к классу,— еще одна героиня сидит. Вот уж от тебя, Маша... да-да, Гадалова, я к тебе обращаюсь... я никак этого не ожидала. Нет, конечно, кто против дружбы девочки и мальчика? Я — обеими руками «за»! Помогать в учебе, в спорте, в труде, в пионерской работе. Не хихикай, Горохова, я о девочках говорю,

к тебе это не относится. Ты у нас отрезанный ломоть... Так вот, ребята, Гадалова хотела подружиться с Морозовым. Что в этом такого? Так нет — и тут выверт. Пишет ему анонимные письма. Вот он и стал сличать почерки. А помогал ему в этом Кнышев, которому, я вообще не понимаю, что было сюда соваться. Но наш пострел везде поспел. Вернемся опять к Гадаловой. И что это ты, Маша, могла такое написать, когда вся в тройках увязла? Вот тройки бы исправила, тогда...

Капитолина не договорила — Маша выскочила из-за парты, бледная, мокрая как мышь:

— Да не нужен он мне! Я просто посмеяться над ним хотела. Тоже предмет любви — нос курносый, уши оттопыренные. Ум — как у Буратино.

И Машка выскочила из класса.

6-й «Б» оцепенел.

Капитолина, для которой безвыходных ситуаций в жизни просто не существовало, на минуту потеряла дар речи. Вагонетка хмыкнула, собрала колбы и ушла в лаборантскую.

Слава, который по приказу Капитолины все еще стоял, как стойкий оловянный солдатик,— Слава грохнулся на стул и, не видя вокруг себя уже никого, уронил голову на руки.

Алик тоже сел и положил Славе на плечо свою тяжелую, братскую руку. Но Слава дернулся и скинул ее.

— Ничего, ничего,— наконец пришла в себя Капитолина, – на ошибках, как говорится, учатся. Главное — сделать соответствующие выводы.

«Нет, не может быть, чтобы она...— шептала себе Аня. – Наверное, просто рассказала кому-нибудь в редакции, а они...»

— Капитолина Ивановна, скажите, а кто автор этой статьи? — Аня произнесла это как можно более безучастным тоном.

— Автор? Лаврова. Кэ Лаврова какая-то. И откуда они только узнали, я ума не приложу. Фантастика! Но мы не будем это углублять, ребята. Мы это замнем.

Глава 11

«Конкордия! Я хотела написать тебе «милая» или «дорогая», или еще как-нибудь, как думала о тебе совсем недавно. Но после того, что случилось... Я любила тебя! Я же не мотыль какой-нибудь, не бабочка, это у них жизнь короткая и чувства, наверное, быстро меняются. Я же любила тебя, я весь мир любила за то, что в нем есть ты,— и теперь все это рухнуло...

Это все равно как в одном фильме: там у мальчика был волчонок, и мальчик очень его любил, а какой-то человек украл его, и мальчик бросается искать, бежит в горы, в дом этого человека, и вот видит: стоит во дворе его волчонок и доверчиво так на него смотрит. И мальчик тоже радостно смотрит на волчонка, зовет его и вдруг дико кричит, потому что видит, что из волчонка сделали чучело...»

...Сначала Аня решила Машку догнать. Когда раздался звонок, она кубарем слетела с лестницы, сбив с ног (да черт с ним, не до него!) девятиклассника Кириллова.

— Откройте гардероб, пожалуйста! — крикнула Аня нянечке.

— Ишшо чего! — заворчала она.— Одна прискакала, как бешеная коза. Пустите, говорит, не то щас умру. Ту выпустила: видать, заболела она. А ты, девк, иди учись, не придуривайся!

А в самом деле, сообразила Аня, ей-то как раз и надо остаться. Чтобы никаких подозрений не было... И она пошла на

английский. Вобла дала им переводить текст про неких Стоунов, придуманных авторами книжки для чтения, а сама села читать английский детектив. Но тут из-за двери выглянула Воблина подружка, директорская секретарша.

— Лиле-ок! — позвала она, и Вобла тотчас ускользнула.

Стоуны тут же были забыты. Кто во что горазд, шестиклассники принялись обсуждать недавнее происшествие, поскольку Машка исчезла в неизвестном направлении, а Слава и Кныш изучали французский.

— Нет, я просто не понимаю,— возмущалась Вероника Чиж,— существует же понятие гордости. Женской гордости, в конце концов.

— Да брось ты, Вероник! — захихикала Баскина.— Татьяне Лариной можно, а Машуне нашей нельзя, да?..

— Ха, сравнила!..

Вероника с Баскиной все спорили, мальчишки кидались друг в друга жизнеописаниями Стоунов, кто-то принялся снова переводить, но Аня, заткнув уши, все продолжала писать письмо Конкордии:

«Конкордия, ты предательница. Ты не та, за кого себя выдавала. Это не укладывается в голове. Чушь какая-то...

Конкордия, помнишь, как ты однажды сказала кому-то по телефону, что ты просто уверена, что доля цинизма необходима в твоей работе. И что если умирать с каждой старушкой и плакать с каждым мальчишкой — вас просто не хватит. Ты сказала, что сочувствие, сопереживание — это хорошо в меру. Что поставил точку — и забудь об этом, возродись, ты сказала, из пепла, как птица Феникс.

Теперь я понимаю, что уже тогда мне все было ясно про тебя...»

На геометрии, на русском, на литературе Аня пишет и пишет это письмо. Гнев подгоняет, вдохновляет ее — ведь она нашла виновницу этой ужасной истории, и теперь ее долг — сказать все начистоту.

«Конкордия! Как ты могла? В школе все поняли, устроили дикое судилище. Зачем ты написала это? Почему не посоветовалась со мной?

Ты, наверное, думаешь, что ты одна на всём свете такая — редкая, как твое имя? А остальные — быдло, да?»

Тут Аня споткнулась — не слишком ли ее занесло? Не пережимает ли она в своем гневе?

Аня поднимает голову, видит Веру, что-то заунывно вещающую у доски про Тараса Бульбу, оглядывается, видит Славу, тоскливо глядящего прямо перед собой, клюющего носом Кныша. А где-то сейчас Машуня...

Ане становится так обидно за них!

Но разве не она сама еще неделю назад так презрительно

отзывалась о них в разговоре с Конкордией? И та говорила: «Как я тебя понимаю!» Да она же просто поддакивала Ане!

Внезапное открытие осеняет ее. И Аня решительно выводит:

«Конкордия, я догадалась, зачем ты дружила со мной. Ну, вернее, делала вид, что дружишь. Ты просто меня использовала. Собирала материал! Конкордия, Конкордия! Ты больше не друг. Тебя больше нет!»

Когда дело было сделано и письмо брошено в почтовый ящик, Ане на миг показалось, что во всем она разобралась, все расставила по своим местам.

Но что-то еще мешает, не дает покоя — какая-то непонятная, необъясненная горечь. Что это?

Она слоняется по городу, заходит в незнакомые дворы, кормит голубей, кроша мамины бутерброды, рассеянно разглядывает витрины магазинов.

Конкордия предательница. Предательница, предательница... Какое страшное слово. Как страшно, что она называет так человека, который еще вчера был для нее всем. Да что теперь говорить! Конкордия гнусно предала ее, разгласив ее тайну. Ее? Ее подруги!

Стоп. Аня вдруг обмирает. Это же она поклялась Маше никому не выдавать ее тайну. Она, она, Аня! Это из-за нее произошел весь сегодняшний ужас! Это она во всем виновата!

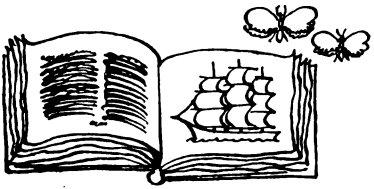
Аня останавливается и стоит — на сумрачной полузаснеженной улице, среди немых домов с облезшей штукатуркой; стоит и смотрит на землю, на вялую, полинялую траву, на отпечатки голубиных лап...

Как теперь жить? Как жить с этим ощущением вины, невыносимым, внезапно свалившимся на нее?

Как ей теперь чувствовать себя человеком?

Аня бродит и бродит по чужим дворам, греется в чужих парадных, потом выходит на вечерний уже проспект и сливается с толпой — неулыбчивой, усталой и тоже бесконечно чужой.

Как жить, зная, что совершил такое... Аня думает, думает и не находит слов — она не привыкла говорить таких слов о себе!



Глава 12

— Маша?

— Да, Ань, это я.

Весь вечер Аня промаялась, таскаясь по квартире из угла в угол — то с куском батона, то с каким-то маминым журналом. Не хотелось ничего.

Она сейчас же скажет обо всем Маше! И пусть они со Славой помирятся!

— Маш, ну как ты там! Але!

— Ой, Ань.— Машуня тяжело вздыхает. И молчит.

— Маш, ты чего молчишь?

— Ань, я не знаю, что сказать. Мне плохо очень.

— Ну что ты, Маш! У тебя не было другого выхода!

Маша опять вздыхает.

— Это Капитолина во всем виновата, Капитолина! — кричит в трубку Аня.— Ну как она не понимает, что нельзя так унижать человеческое достоинство!

— Капитолина...— горько усмехается Маша.— Да при чем тут она? Я сама во всем виновата! Она такая и есть, чего еще-то от нее ждать. А я...

— А что ты, Маш?

— Да я его предала, понимаешь? Он не простит меня!

— Да простит, чего! Помнишь, как он на тебя смотрел?

— Смотрел! Да разве такое прощают!

Они обе замолкают, и Ане кажется, что Маша ждет от нее

каких-то очень важных слов. Аня собирается с духом. Сейчас, сейчас она выговорит эти слова... Еще секунду...

— Маш, але, ты меня слышишь?

— Да.

— Маш, а как ты думаешь, а в газете-то как узнали?

— Не знаю...

— Понимаешь, только мы четверо и были в курсе,— произносит Аня, и душа ее уходит в пятки. Ну как, как сказать? Это же невозможно...— Ты не думаешь, я надеюсь, что это я сделала?

— Ты что, Ань, издеваешься? Ты мой друг, ты мой единственный друг. Ты вне подозрений. Я не знаю, мне кажется, это просто совпадение. Это было испытание судьбы, и я не выдержала его.

Больше как-то не о чем говорить. Они прощаются, и Аня, положив трубку, идет в ванную, запирается там, не включив света, и плачет.

— Аня! Что ты там делаешь, в темноте? — спрашивает из-за двери мама.

— Ни-че-го...— всхлипывает Аня.

— Что случилось?

— Ни-че-го...

— Может быть, ты мне расскажешь?

Аня молчит. Ей очень хотелось бы поговорить с мамой, ведь, если бы она сейчас все рассказала маме, стало бы легче. И мама бы облегченно вздохнула: вот избавились наконец от этой ужасной красотки, я тебе сразу говорила, не водись с ней, баба девке не подруга.

Аня представляет себе этот разговор и пугается его — ведь это было бы еще одно, новое предательство. Предательство того, чего теперь нет, но что было, было — дом Конкордии, ее мысли, ее книги, ее взрослая жизнь, куда была так доверчиво впущена Аня.

И пусть теперь уже не склеить эту чашку, пусть сквозь трещины проливается вода, а на зубах скрипит фарфоровая крошка... Аня шепчет себе все это, и ей становится нестерпимо жаль себя.

— Анечка,— говорит из-за дверей мама.— Может быть, я позвоню тете Ире? И мы сходим к ней, а?

Это еще что за новости! Тетя Ира — мамина приятельница — детский психиатр.

Аня выходит из ванной, обнимает маму.

— Да ну что ты, успокойся! Это у меня издержки переходного возраста.

Нет, ничего она маме рассказывать не будет. Аня уходит в свою комнату и долго стоит у окна...

Там, во тьме, в огнях города, вспыхивающих и гаснущих,

Ане мерещится чужая жизнь, спокойная, радостная и этим такая враждебная ей.

Где-то там Машуня, где-то Слава...

Откуда Ане знать, что они сейчас делают, каково им! Ясно, что невесело.

И в самом деле, Машка сидела в углу дивана в обнимку с любимой куклой — клоуном Валерой — и все пыталась сосредоточиться и что-то понять в неразберихе и кошмаре прошедшего дня. Найти обрывок нитки, размотать этот клубок... Но орал включенный на полную громкость телевизор — отец, глуховатый, его смотрел,— и мысли Машины путались, и клубок не хотел разматываться. Одна только мысль была Маше ясна: о Славе — что все теперь кончено, ничего не исправить, и поделом, поделом ей.

А Слава — о, опять этот крик, эти хлопающие двери, этот запах корвалола! — Слава сидел в своей комнате все над тем же томиком Грина и уже полчаса читал одну и ту же строчку.

— Нина! — доносилось из-за стены.— Я не хочу терять твою дружбу! Давай расстанемся друзьями.

— Друж-ба! Убирайся отсюда, я видеть тебя не могу! — услышал Слава мамин голос, и стук падающих предметов, и какой-то шум в коридоре, и громкий щелчок замка.

Глава 13

Три дня спустя, придя с работы, Анина мама сказала дочери — как бы между прочим:

— Кстати, сегодня утром тебе звонила Конкордия.

Аня замерла. Значит, Конкордия уже получила письмо!

— Она просила тебе передать, чтобы ты вычеркнула ее координаты из своей записной книжки.

— Так и сказала — «координаты»?

— Так и сказала.

Аня стоит, опустив голову, не шевелясь. А чего она хотела-то, на что рассчитывала, сочиняя такое послание? Аня уже не знает. Больно, ей просто больно.

— Что, доигралась со своей куклой? — язвительно спрашивает мама.— Теперь, я надеюсь, ты мне все расскажешь?

Да все что угодно она сделает, лишь бы прошла эта обида, эта боль.

Аня рассказывает долго, сумбурно, перескакивая с одного на другое, повторяясь. Она в подробностях описывает свои чувства, внутренне пугаясь этого: ведь так она разговаривала только с Конкордией! Но если уж говорить, то говорить все.

И когда уже не остается у Ани от мамы совсем никаких тайн, она произносит — как бы против своей воли, как бы назло самой себе, чтобы все в их разговоре было именно так, как она себе представила:

— Видишь, мам, как ты была права. Ну, что не надо с ней водиться! А я, дура, тебя не слушалась.

Как Аня противна самой себе в эту минуту!

— Да-а... — вздыхает мама. — Ну, хорошо, что ты все поняла. А только Маше не стоит об этом рассказывать!

— Почему?

— Потому что ты потеряешь хорошего, верного друга.

— Но, мам, разве дружба может держаться на лжи?

— Ой, Ань, это твои двенадцать лет в тебе говорят. А в жизни все так перемешано...

— И Славе не надо рассказывать?

— И Славе.

Аня вдруг чувствует, как жутко устала за эти дни. Она почти не спала три ночи. Аня валится на кровать и, засыпая, успевает подумать — как жаль, что она уже не прочтет Конкордии свой стишок... Впервые ведь сама сочинила... Интересно, понравился бы он Конкордии или нет?.. А впрочем, и неинтересно — нет уже никакой Конкордии... А что осталось?.. Что-то ведь еще осталось... Как бы это назвать... «ее развенчанная тень»... Откуда это?.. Не важно, из каких-то чудесных стихов...

Мама вошла в Анину комнату, когда Аня уже спала, и машинально, как бы пытаясь защитить ее от каких-то неведомых грядущих напастей и бед, подоткнула со всех сторон ее одеяло.

А стихотворение Анино было вот какое:

Жил-был на свете человек.
По городу он шлялся.
Он мог заплакать невпопад
И невпопад смеялся.
Он был то там, то сям, то тут —
Средь битых и средь бьющих.
И вечно лез, и вечно лез
Он в самой жизни гущу.
Он был то тихим мудрецом,
То лицедеем, то глупцом,
То он друзей за все корил,
То он с врагом своим острил.
Он не подлец и не свинья.
Он просто ищет свое «я»,
И почему-то это я...

Аня спала, и снилось ей что-то сумбурное, тревожное, незапоминающееся, какие-то картинки к этим ее стихам.

А в это время ее подруга Машуня, взволнованная, взбудораженная, красная, в сотый раз перечитывала письмо, найденное по дороге домой в кармане шубы.

«Здравствуй, Маша.

Это я, Слава Морозов, тебе пишу. Ты, наверное, удивляешься. Потому что я, наверное, должен был бы обидеться на тебя тогда, после того, что ты мне сказала. Но я не обиделся.

Я потом подумал, что это была уловка, что ты так сказала

просто для Капитолины и для ребят. Я на тебя не сержусь, и ты на меня не сердись, ладно?

И про тот случай с диктантами тоже не думай — ну, что я вор. Мы хотели только посмотреть и положить обратно.

Но вообще-то это было глупо. И сейчас я придумал бы какой-нибудь другой способ...

А что касается Кнышева, что он знал про письма, то ты не обижайся. Он — могила!

А знаешь, Алик стал выяснять, откуда в редакции про все это узнали. Он туда позвонил, поговорил с теткой, которая писала статью. Она сказала, что это не про нас, что это чистый вымысел. И даже посмеялась — надо же, какие совпадения бывают!

Алик ей не поверил. Он готов разбираться дальше. Но как — он не знает.

А мне кажется, что может быть, что это совпадение. Знаешь, как тогда, с «Фанданго». Я ведь читал этот рассказ в тот день, когда — вечером уже — получил твое второе письмо. И там как раз было про «Фанданго».

Как у тебя настроение? У меня плохое — из-за того, что произошло в классе, и еще из-за того, что папа теперь с нами не живет. Он будет приходить. Только не говори никому про это, это секрет.

Маша, ты ведь правда мне писала не для того, чтобы посмеяться?

Маша, если ты действительно сказала тогда неправду, а правду — в письмах, то я хочу встретиться с тобой. Приходи в среду после уроков в парк у ДК, к самому входу. Как в прошлый раз было условлено.

Я тогда туда пришел, но тебя не было.

Пока. Слава».

Маша все вглядывалась в эти строчки, все пыталась понять, как же он смог, как решился простить ее.

А Слава, забыв про все, играл в это время сам с собой в солдатики. Он ввел в бой сразу две враждующие армии, и обе их почему-то жалел, и ломал голову, как бы обойтись без жертв и закончить все миром...

О писателях

Меня попросили рассказать об авторах этой книги.

Честно говоря, я считаю это лишним. Во-первых, подозреваю, что ты, читатель, все эти наши предисловия и послесловия не читаешь, и правильно делаешь: ведь в книге и так все написано. А во-вторых, все самое главное о писателе можно прочитать в его повести.

То есть как писатель выглядит, сколько ему лет, есть ли у него дети, любит ли он футбол или хоккей,— этого, конечно, там нет. Но есть другое, самое важное,— о чем у писателя душа болит. А что она болит, ты, читатель, не сомневайся.

Только совсем какой-нибудь глупый человек может думать, что писать книги — одно удовольствие: мол, сел себе за стол писатель, выдумал что-нибудь из головы и написал себе. Книгу пишут не из головы, а из души, а душа выдумывать не умеет: так она устроена, что что-то в ней печалится, плачет о людях; и что там, в душе, у писателя есть, про то он и пишет, а как только попробует соврать и написать про то, чего в душе у него нет, так и не получается ничего. Ну, или получается, но только очень плохо, так, что и читать противно.

А еще ведь надо найти слова такие, так их собрать в предложения, чтоб все было понятно и интересно. Впрочем, что я тебе рассказываю, уж ты-то, читатель, должен это знать — задают же тебе в школе сочинения и на вольную тему, и на подневольную, так что насчет удовольствия и того, что сделать это запросто, ты, полагаю, не заблуждаешься. С другой стороны, может, разумеется, возникнуть резонный вопрос: чего ж он, писатель, пишет, если в этом нет удовольствия? Никто ж его не заставляет, не стоит над ним с ремнем, не грозит не пустить гулять, пока не напишет...

Тут надо честно сказать, что все не так просто. Удовольствие есть, особенно когда пишешь и что-то получается. Даже тайну открою: и когда не получается — тоже. И страшно, конечно, очень, потому что никогда не знаешь, получится или не получится. В общем, так уж устроен писатель, что надо ему сказать то, что на душе у него, а иначе он чувствует себя несчастным и ему кажется, что жизнь проходит зря. Короче говоря, не может он не писать. И вот он приходит с работы и начинает работать. Вечером, а то и ночью, когда все его домашние лягут спать... «С какой еще работы? — спросишь ты, читатель.— Он же писатель, пусть на работе и пишет». Если ты думаешь, что писатель только и делает, что сидит и пишет, то ты ой как ошибаешься. Писатель довольно часто работает кем угодно, только не писателем. Тут надо кое-что объяснить.

Как человек становится писателем? Живет себе, учится в

каком-нибудь институте на инженера или врача или работает, допустим шофером, и вдруг начинаются с ним странные странности... Ему вдруг хочется писать. И не умеет он, и не понятно, откуда это желание появилось, а вот хочется — и все! Как бы это объяснить попонятнее... Ну, вспомни: пришла весна, и вдруг в один прекрасный день ты ни о чем не можешь думать, а только о том, что надо собрать велик и помчаться по родным улицам, чтоб скорость, чтоб ветер в лицо!.. И ничего больше тебе сейчас не надо. Но, несмотря на это страстное твое желание, в школе тебя не освободят от занятий и дома тебе скажут: сначала сделай уроки, а потом катайся. Вот и с писателем то же самое, особенно с начинающим. Так уж устроен мир, что в нем надо работать, зарабатывать деньги на еду, на одежду, за квартиру платить. А не так, что если тебе захотелось писать, то, Бога ради, пиши и ни о чем не думай. Тем более что это еще бабушка надвое сказала, что выйдет из твоего писания,— может, одна глупость. Поэтому многие писатели ходят на работу, где зарабатывают деньги на жизнь, а пишут после работы, по ночам. Сообрази и то, читатель, что даже у талантливых людей начинает что-то получаться вовсе не сразу. Бывает, пишешь-пишешь, а такая ерунда выходит, что обидно до слез. Сколько лет пройдет, сколько бумаги и чернил будет изведено, пока из человека, которому вдруг захотелось писать, получится писатель — ну, то есть такой человек, который не просто пишет, а пишет так, что интересно читать: и смешно, и грустно, и жалко, что книжка уже кончилась...

Что же рассказать тебе о писателях, которые написали эту книгу? Самое главное ты уже знаешь, если дочитал ее до конца: у них болит душа за тебя, за то, каким человеком ты вырастешь. Жмотом, влюбленным в разнообразные красивые шмотки или чутким к чужой боли, обиде? Отважишься ли ты заступиться за историю своего отечества, за родной язык или смолчишь, чтобы не получить замечание в дневник?

Авторы этой книги люди хорошие — умные, добрые, чего и тебе желают.

Как человек становится писателем? Тайна сия велика есть. Каждый по-своему. Инженер-корабел Андрей Ефремов жил себе и знать не знал, что суждено ему писать книги: мотался в командировки по Северу, отсиживал положенное время в конторе, возился с чертежами, получал, говорят, хорошую зарплату. Словом, все в его жизни было просто здорово, вот только скучно. Таким образом дожив до тридцати пяти лет, он вдруг написал рассказ. Первый в жизни. И его напечатали. Потом напечатали повесть, а потом вышла книжка...

А киносценарист Юрий Коротков, осчастлививший нас фильмом «Авария — дочь мента», писал с раннего детства. В северном городке Печоре, зимой почти до крыш занесенном

снегом, он сочинял стихи — ночью, под одеялом, с фонариком. Потому что родители боролись с его поэтическим даром.

Как протекали детские годы ленинградских инженеров-электронщиков Александра Тюрина и Александра Щеголева, я, к сожалению, не знаю, но известно, что доблестные соавторы всей душой преданы фантастике, ей одной. Ну, а Валерия Приемыхова особо представлять, думаю, не надо: это тот самый Приемыхов — актер, сценарист, режиссер, а теперь вот еще и писатель. Ты его знаешь по фильму «Пацаны».

Владислав Романов, тоже кинорежиссер, вдруг взял и написал смешную и очень грустную повесть о первой любви и смерти.

Елена Перехвальская, филолог, лингвист, в двадцать лет написала повесть «Из жизни хиппи» — просто так, для себя; в двадцать пять перевела с английского книгу «Медвежонок по имени Паддингтон» и отнесла в журнал «Костер». Одну главу напечатали. Последние шесть лет почти каждое лето проводит в Приморье, в уссурийской тайге,— занимается составлением учебника удэгейского языка.

Константин Васильев — переводчик, автор множества рассказов и повестей, в основном нигде не опубликованных. Скоро в издательстве «Детская литература» выйдет его первая книга «Медальон фрейлины Нелидовой».

Елена Габова живет в Сыктывкаре, пишет с детства. Лет десять назад в журнале «Юность» был напечатан ее первый рассказ «Двойка по поведению», а в прошлом году в «Молодой гвардии» вышла книга повестей и рассказов.

Светлана Иванова, художник, поэт, переводчик, в этом году заканчивает Литературный институт.

Многие из авторов этой книги печатаются впервые — ты будешь их первым читателем. Потому не поленись, напиши нам, понравилась ли тебе эта книга. Не думай, что писателю все равно,— ему очень важен твой живой голос, твои мысли о том, что он написал для тебя.

Н. Соломко

Содержание

А. Тюрин, А. Щеголев
Клетка для буйных
5

В. Приемыхов
Князь Удача Андреевич
67

К. Васильев
Один вечер из жизни шестиклассников
109

Е. Перехвальская
Сострадание к Швабрину
155

Ю. Коротков
Я летаю во сне, ты летаешь во сне...
189

В. Романов
Маленькая ночная серенада
219

Е. Габова
Тайкина тайна
245

А. Ефремов
Сквозняки
267

С. Иванова
Не говори никому
317

Н. Соломко
О писателях
363

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА
Я ЛЕТАЮ ВО СНЕ
Повести
Ответственный редактор *А. Н. Печерская*
Художественный редактор *А. В. Дианов*
Технический редактор *И. С. Круглова*
Корректор *Т. А. Нарышкина*

ИБ № 11920

Сдано в набор 11.06.90. Подписано к печати 27.06.91
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. тип. № 1
Шрифт обыкнов. Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,5. Уч.-изд. л. 22,62.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 4852.
Цена 5 р.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Министерства печати и массовой информации
РСФСР 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1
Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Минпечати РСФСР
127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Я летаю во сне: Повести/ Сост. Н. Соломко;
Я 11 Худож. Э. Насибулин.— М.: Дет. лит., 1991.— 366 с.: ил.

ISBN 5-08-001578-0

Герои повестей современных молодых писателей, школьники, впервые серьезно постигающие жизнь, получают нравственные уроки, вырабатывают свои критерии и активную гражданскую позицию. Это повести о школьной жизни ребят, о настоящей дружбе, о первой любви.

Я $\frac{4803010201-335}{М101\ (03)-91}$ Без объявл. ББК 84. Р7

Larisa_F